

A192
Л 47

Л. А. ЛЕОНТЬЕВ

ЭТИЧЕЗС

**И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА**

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
ЭКОНОМИКА

Л.А. ЛЕОНТЬЕВ

ЭНГЕЛЬС

И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МЫСЛЬ ·
МОСКВА · 1965

A192

A192

~~ЭК14~~

Л47

**Главная редакция
социально-экономической литературы**

Предисловие

Предлагаемая работа является попыткой обрисовать вклад, внесенный Энгельсом в формирование и развитие экономической теории марксизма. Обзор научного наследства Энгельса в области политической экономии раскрывает чрезвычайное богатство идей, разносторонность интересов, глубину проникновения в процессы экономического развития человечества.

На протяжении десятилетий жизнь, борьба и творчество Маркса и Энгельса были теснейшим образом переплетены, и выработанная ими теория составляет единое неразрывное целое. Тем не менее можно выделить те моменты, которые особенно подчеркивал или специально исследовал Энгельс, разрабатывая общие идеи теории марксизма, созданной основоположниками марксизма в их совместной работе и борьбе.

Энгельс писал об известном «разделении труда», которое установилось между ним и Марксом. На долю Энгельса выпало представлять их общие взгляды в периодической печати и особенно в борьбе с враждебными воззрениями, между тем как Марксу приходилось значительную часть времени посвящать работе над своим основным трудом — «Капиталом». В силу этого Маркс по многим вопросам дал главным образом основополагающие идеи. Нередко эти идеи неверно преломлялись в головах людей, которые считали себя марксистами, не усвоив души марксизма, его метода революционной материалистической диалектики. На долю Энгельса выпала чрезвычайно важная задача терпеливого разъяснения подлинных взглядов Маркса, борьба против

опошления, вульгаризации и прямой фальсификации марксистской теории. При этом Энгельс отнюдь не ограничивался простым повторением мыслей Маркса, а творчески разрабатывал важнейшие положения марксистской теории, освещая марксистским методом широкий круг явлений экономической, политической и духовной жизни общества, давая марксистскую оценку самым различным событиям и процессам современности.

Произведения Энгельса наряду с трудами Маркса и Ленина являются первоисточниками марксистско-ленинской политической экономии. Эти труды составляют основу для творческого развития экономической науки, служат руководящей нитью при исследовании новых экономических явлений и процессов. Однако вклад Энгельса в создание и разработку экономического учения марксизма еще недостаточно освещен в современной марксистской литературе. В обстановке культа личности при недостаточном внимании к идейному наследию наших великих учителей особенно умалялась роль Энгельса, которому без всяких оснований приписывался ряд ошибок, в частности в области экономической теории. Отсюда ясна важность раскрытия подлинного значения трудов Энгельса, их места в идейной сокровищнице марксистской теории в целом, марксистской политической экономии в частности.

Введение

Энгельс — один из основателей коммунизма

1. Дружба, беспрецедентная в веках. 2. Путь Энгельса к коммунизму. 3. Жизнь борца и мыслителя

1

Фридрих Энгельс родился 28 ноября 1820 г., умер 5 августа 1895 г. Он прожил 75 лет. Даты его жизни почти совпадают с календарными границами трех четвертей XIX в. На протяжении этого столетия капитализм с неудержимой силой распространялся по всему земному шару. Господство буржуазии становилось все более полным и неограниченным. Но вслед за буржуазией на арену общественной борьбы выступил рабочий класс, которому принадлежало будущее. Этому классу Энгельс посвятил всю свою жизнь.

В летописи великой борьбы за освобождение труда от ига капитала имя Энгельса по праву занимает место рядом с именем Маркса. В совместной борьбе и работе Маркс и Энгельс создали то стройное и цельное мировоззрение, каким является теория научного коммунизма. Они выковали идейное оружие, которое служит рабочему классу для борьбы во имя самой благородной цели, — создания справедливого общества, свободного от пороков эксплуататорского строя.

Маркс и Энгельс выступили на арену общественной деятельности более ста лет тому назад. К этому времени капиталистические отношения насчитывали уже свыше трех веков с момента возникновения и ряд десятилетий с их утверждения в наиболее развитых странах Западной Европы. Промышленный переворот конца XVIII — начала XIX в. создал в виде крупной машинной индустрии адекватную базу для капиталисти-

ческого способа производства. Буржуазные революции в ряде стран Западной Европы передали новому господствующему классу политическую власть.

Но вместе с распространением капитализма все ярче обнаруживались его неразрешимые противоречия. Первые же десятилетия буржуазного владычества расшифровали истинное содержание лозунгов свободы, равенства и братства, под которыми буржуазия вела народные массы на штурм феодализма. Царство разума, права и справедливости, возведенное идеологами буржуазии в пору ее молодости, оказалось царством беспощадной эксплуатации человека человеком, хищнического расточения человеческих сил и жизней, зияющей социальной пропасти между классами.

Прислужники буржуазии, которая тогда еще упивалась плодами своей победы над отжившими феодальными отношениями, пытались замазать и отрицать противоречия капитализма. Они предвещали незыблемость капиталистических порядков, объявляя эти порядки соответствующими самой природе человека. Основоположники марксизма своим глубоким научным анализом вскрыли исторически преходящий характер капитализма. В их произведении капитализм предстал как одна из ступеней на историческом пути развития общества. Эта ступень точно так же неизбежно должна со временем остаться позади, как сошла со сцены предыдущая ступень — феодализм.

Маркс и Энгельс совместно совершили великие открытия, превратившие социализм из утопии в науку. Они выяснили законы развития общества. В лице рабочего класса, способного сплотить вокруг себя самые широкие трудящиеся массы, они обнаружили ту силу, которая призвана произвести глубочайший в истории переворот.

На протяжении ряда десятилетий Маркс и Энгельс были организаторами, руководителями, вождями рабочего движения. В огне боевых схваток, в годы коротких передышек, на гребне революционных подъемов и в обстановке временных отливов революции они совместно ковали всепобеждающее оружие рабочего класса — его революционную теорию.

«Нельзя думать об Энгельсе, не вспоминая в то же время Маркса, и наоборот: жизни их настолько тесно переплелись, что составляли, так сказать, одну единую жизнь»¹, — писал Поль Лафарг, ученик, последователь и друг обоих. Дочь Маркса Элеонора подчеркивала, что оба друга не были теоретиками, стоявшими в стороне от бурной жизни: «Они всегда были борцами и в борьбе неизменно стояли на передовых позициях — они были и солдатами революции и руководителями ее генерального штаба»².

Характеризуя Маркса как мужа науки, Энгельс указывал, что это в нем было далеко не главным, ибо Маркс был прежде всего революционер. Его жизненное призвание заключалось в том, чтобы бороться за уничтожение капиталистического рабства, за уничтожение эксплуатации рабочего класса, которому Маркс впервые дал сознание его собственного положения, его интересов, условий его освобождения. И та же борьба за освобождение людей труда от системы наемного рабства составляла подлинное призвание Энгельса.

На почве совместной борьбы и работы родилась дружба, выдержавшая все испытания. Легко понять, какое неизгладимое впечатление производила эта дружба на всех, кто общался с Марксом и Энгельсом. Ее сравнивали с дружбой Дамона и Финтия в греческой мифологии³. «Европейский пролетариат может сказать, — писал Ленин, — что его наука создана двумя учеными и борцами, отношения которых превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе»⁴.

Дружба Маркса и Энгельса явилась прообразом той дружбы, которая спаивает в один товарищеский коллектив людей самых различных индивидуальностей в обществе, освобожденном от оков капитализма с его непреложным законом: человек человеку — волк. Такая дружба родилась, она ширится и крепнет в могучем стане социалистических народов, объединяя гигантские

¹ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 81.

² Там же, стр. 182.

³ См. там же, стр. 189, 193.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 12.

массы людей различных наклонностей и интересов, разного цвета кожи, живущих под разными широтами и долготами.

Энгельсу, как всем действительно великим людям, была в высшей степени присуща скромность. Он крайне сдержанно говорил о своем собственном вкладе в создание и разработку нового мировоззрения. Между тем вклад этот был громадным. В несокрушимой крепости марксизма немало камней — как в фундаменте, так и в надстройках — вложено трудом Энгельса. Но отдельные камни неотделимы от здания. Лишь в гордом, прекрасном сооружении получают они свое назначение, свой смысл. Если мировоззрение рабочего класса по праву именуется марксизмом, то с тем же правом основоположниками марксизма человечество считает обоих друзей — Маркса и Энгельса.

«Энгельс всегда — и, в общем, совершенно справедливо — ставил себя позади Маркса»¹, — писал Ленин. «Человек, впервые давший социализму, а тем самым и всему рабочему движению наших дней научную основу. . .»² — так Энгельс характеризовал своего великого друга.

Энгельс питал безграничную любовь и проявлял беспредельную преданность Марксу. Когда Маркса не стало, Энгельс до конца своей жизни свято хранил память о нем. «Его любовь к живому Марксу и благоговение перед памятью умершего были беспредельны, — писал Ленин. — Этот суровый борец и строгий мыслитель имел глубоко любящую душу»³.

Враги рабочего класса всячески старались принизить роль Маркса в социалистическом движении. Маркса изображали как одного из многочисленных писателей-социалистов, отрицая его исключительную роль для рабочего движения. Энгельс решительно опровергал подобные измышления. Он раскрыл подлинное значе-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 12.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 105. Ссылки на работы Маркса и Энгельса даются по второму изданию, за исключением писем Энгельса, относящихся к периоду после 1888 г., на которые ссылки даются по первому изданию. Далее все ссылки на сочинения будут приводиться в тексте.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 12.

ние Маркса для социализма, для рабочего класса. «Ему мы обязаны всем тем, чем мы стали; и всем, чего теперь достигло современное движение, оно обязано его теоретической и практической деятельности; без него мы до сих пор блуждали бы еще в потемках», — писал Энгельс под впечатлением смерти Маркса (т. 35, стр. 383).

В своих воспоминаниях Лафарг приводит слова, сказанные ему однажды Энгельсом:

«Конечно... рано или поздно механизм капиталистического способа производства был бы понят и объяснен, были бы открыты и выяснены законы его развития. Однако на это потребовалось бы много времени и работа была бы сделана несовершенно, по кусочкам. Один лишь Маркс способен был проследить все экономические категории в их диалектическом развитии, связать моменты их развития с обуславливающими их причинами и воздвигнуть целостное теоретическое здание экономической науки, отдельные части которого взаимно друг друга подкрепляют и обуславливают»¹.

Энгельсу принадлежит огромная заслуга раскрытия всемирно-исторического значения великих открытий Маркса. Он замечательно ярко показал величайшую ценность этих открытий для рабочего класса, для его борьбы за социализм. В то время, когда Маркс и его работы были окружены плотной завесой замалчивания со стороны господствующих классов, Энгельс приложил величайшие усилия к тому, чтобы идеями Маркса вооружились передовые рабочие всех стран. Он сделал неизмеримо много для распространения марксистского учения по всем странам и континентам, для превращения идей научного коммунизма в силу, грозную для врагов трудящихся.

«История, как прошлая, так и настоящая, остается непостижимой без того ключа, который дал нам Карл Маркс», — говорил Лион Фейхтвангер в 1953 г. в связи с 70-летием со дня смерти Маркса. Фейхтвангер выразил пожелание, чтобы речь Энгельса над могилой Маркса, самая красноречивая и самая сильная из всех

¹ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 83.

когда-либо произнесенных надгробных речей, стала известна всем в такой же мере, как таблица умножения.

«...Маркс был тем человеком, — сказал Энгельс в этой речи, — которого больше всего ненавидели и на которого больше всего клеветали. Правительства — и самодержавные и республиканские — высылали его, буржуа — и консервативные и ультрадемократические — наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он сметал все это, как паутину, со своего пути, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг.

И имя его и дело переживут века!» (т. 19, стр. 352).

Маркс был, по словам Энгельса, «великий основатель современного социализма...» (т. 21, стр. 353), «человек, которому весь рабочий класс Европы и Америки обязан более, чем кому бы то ни было...» (т. 21, стр. 1). Маркс «к моменту своей кончины являлся для пролетариата Старого и Нового света тем советником, к которому постоянно обращались и который никогда не отказывал в помощи» (т. 21, стр. 232). Современный международный социализм, подчеркивал Энгельс, «прежде всего и почти исключительно благодаря усилиям Маркса, полностью развился в науку» (т. 22, стр. 331).

В своих работах, написанных после смерти Маркса, Энгельс особенно настойчиво подчеркивал решающую роль своего великого друга в создании нового, пролетарского мировоззрения. В одной из этих работ Энгельс, в связи с тем что в то время уже много говорилось о его участии в выработке теории научного коммунизма, счел нужным сделать «одно личное объяснение». Объяснение это очень характерно: в нем в высшей степени скромно обрисован вклад самого Энгельса в теорию марксизма и очень выпукло отражена его безмерная преданность памяти Маркса.

«Я не могу отрицать, — писал Энгельс, — что и до и во время моей сорокалетней совместной работы с Марксом принимал известное самостоятельное участие

как в обосновании, так и в особенности в разработке теории, о которой идет речь. Но огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области, и, еще больше, их окончательная четкая формулировка принадлежит Марксу».

В этой части объяснения особенного внимания заслуживают два момента. Во-первых, при всей своей скромности Энгельс признает свое самостоятельное участие в создании теории марксизма не только во время своей совместной работы с Марксом, но и до нее. Во-вторых, он замечает, что его участие заключалось в особенности в разработке этой теории и продолжает:

«То, что внес я, Маркс мог легко сделать и без меня, за исключением, может быть, двух-трех специальных областей. А того, что сделал Маркс, я никогда не мог бы сделать. Маркс стоял выше, видел дальше, обзирал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений, мы, в лучшем случае, — таланты. Без него наша теория далеко не была бы теперь тем, что она есть. Поэтому она по праву носит его имя» (т. 21, стр. 300—301).

Эту мысль Энгельс повторял неоднократно. В предисловии к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» он вновь указывает, что хотя «Манифест» — плод совместной работы, но «основное положение, составляющее его ядро, принадлежит Марксу» (т. 21, стр. 367).

В последние десятилетия XIX в. рабочее движение быстро росло и ширилось. Радуюсь успехам социализма, Энгельс обращался мыслью к своему покойному другу. В августе—сентябре 1889 г. в Лондоне происходила забастовка докеров, которая была одной из крупнейших классовых битв английского пролетариата конца XIX в. Высказывая свое восхищение выдержкой и решимостью рабочих, Энгельс восклицает: «О, если бы Маркс был жив и сам видел это!» (т. 21, стр. 396).

В предисловии к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии», датированном 1 мая 1890 г., Энгельс пишет об успехах рабочего движения, на заре которого основоположники марксизма провозгласили великий лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Он заключает предисловие в уверенности, что

зрелище первого в истории смотра сил рабочего класса покажет господствующим классам, что пролетарии различных стран ныне действительно объединились, и пишет: «О, если бы Маркс был теперь рядом со мной, чтобы видеть это собственными глазами!» В письме болгарским социал-демократам Энгельс, выражая радость по поводу распространения марксистских идей на юго-востоке Европы, опять восклицает: «...О, если бы Маркс сам дожил до этого!..» (т. 22, стр. 63, 424).

28 ноября 1890 г. Энгельсу исполнилось 70 лет. Он получил много самых сердечных приветствий, социалисты всех стран выражали ему свое уважение и любовь. В партийной прессе появился ряд статей, в которых отмечались великие заслуги Энгельса перед социалистическим движением. Выражая благодарность всем, кто отметил этот юбилей, Энгельс в письмах в редакции партийных органов Германии, Австрии и Венгрии вновь подчеркивал роль Маркса.

«Никто лучше меня не знает, — писал он, — что большей частью этих почестей я обязан не себе и не своим заслугам. Такова уж моя судьба, что мне приходится пожинать ту славу и тот почет, семена которых посеял человек, более великий, чем я, — Карл Маркс. Я же могу лишь торжественно обещать провести остаток своей жизни в активном служении пролетариату так, чтобы хотя бы в дальнейшем стать по возможности достойным оказанных мне почестей». В другом письме он заметил: «...Значительнейшая часть тех почестей, которые вы и многие другие воздали мне в этот день, выпала на мою долю лишь как на представителя *Маркса*, пережившего его, и я прошу разрешения возложить их как почетный венок на его могилу» (т. 22, стр. 91, 93).

В 1893 г. Энгельс совершил путешествие на Европейский континент. Он произнес речь на закрытии Цюрихского конгресса II Интернационала, выступал на социал-демократических собраниях в Берлине и Вене. Его, естественно, принимали как учителя и вождя рабочего класса. Он неизменно обращался к памяти Маркса.

На Цюрихском конгрессе Энгельс говорил, что оказанный ему блестящий прием, которым он глубоко

тронут, относит не к себе лично, а принимает лишь как сотрудник великого Маркса. Отметив, что за полвека, прошедшие с того времени, как Маркс и он вступили в социалистическое движение, социализм из маленьких сект развился в могучую силу, приводящую в трепет господствующие классы, Энгельс сказал: «Маркс умер, но будь он теперь еще жив, не было бы ни одного человека в Европе и Америке, который мог бы с такой же законной гордостью оглянуться на дело своей жизни». В Вене, выражая собранию свою глубокую сердечную благодарность за оказанный ему теплый прием, Энгельс заявил: «Могу лишь сказать, что славу моего покойного друга Маркса суждено пожинать, к сожалению, мне одному». То же самое он повторил в Берлине: «Этот прием я рассматриваю как прием, оказанный не мне лично, а мне как сотруднику и соратнику великого человека, как товарищу Карла Маркса по борьбе, и в этом смысле я принимаю оказанное мне с благодарностью» (т. 22, стр. 425, 427, 429).

Энгельс не упускает случая подчеркнуть решающую роль Маркса в создании теории научного коммунизма. Так, он пишет, что открытие материалистического понимания истории, означавшего переворот в исторической науке, «в основном было делом Маркса», и добавляет: «...Я могу приписать себе лишь очень небольшое участие...» (т. 21, стр. 220).

«...Я играл вторую скрипку, — писал Энгельс однажды, — и думаю, что делал свое дело довольно сносно. Я рад был, что у меня такая великолепная первая скрипка, как Маркс» (т. 36, стр. 188).

Но Маркс умер, и в течение 12 лет Энгельс играл уже первую скрипку в разросшемся к тому времени международном социалистическом движении. И играл столь успешно, что его идейный авторитет, его руководство признавались повсюду, где билась живая струя пролетарской освободительной борьбы.

Внимательное знакомство с жизнью и деятельностью основоположников марксизма не оставляет сомнений в значительности того вклада в теорию и практику научного коммунизма, который принадлежит Энгельсу. Выдающаяся роль Энгельса в выработке про-

летарского мировоззрения и в закладке фундамента рабочего движения была ясна современникам. «Энгельс, который всегда подчеркивал значение своего бессмертного друга, сам бесконечно много сделал для создания и распространения научного коммунизма»¹, — справедливо говорил старый соратник обоих Ф. Лесснер.

Враги марксизма, терпя поражение за поражением в борьбе против бессмертной теории научного коммунизма, не брезгают самым отравленным оружием фальсификации и клеветы. Таковы неоднократные попытки выдумать расхождения во взглядах между Марксом и Энгельсом. К этому измышлению противники марксизма прибегают уже с середины прошлого столетия. В одном из писем, написанном сразу после смерти Маркса, Энгельс заметил: «Побасенка о злом Энгельсе, соблазнившем доброго Маркса, повторялась с 1844 г. бесчисленное множество раз — вперемежку с другой побасенкой об Аримане-Марксе, совратившем с пути добродетели Ормузда-Энгельса» (т. 36, стр. 12).

С еще большим рвением враги марксизма стали придумывать разногласия между Марксом и Энгельсом, когда их уже не было в живых. В одних случаях прислужники буржуазии клеветают на Маркса, представляя его абстрактным ученым, уповающим на автоматическое действие объективных законов, между тем как, дескать, Энгельс и Ленин перенесли центр тяжести на субъективный фактор революции. В других случаях враги марксизма фальсифицируют позицию Энгельса, подстригая негибачего и неукротимого революционера под проповедника постепенности и «законности во что бы то ни стало». Так поступали реформисты в германской социал-демократии, которые в годы первой мировой войны пытались прикрыть свою измену социализму лживыми ссылками на Энгельса. Они использовали в этих целях его резкую критику внешней политики российского царизма, замалчивая те убийственные характеристики, которые Энгельс давал детищу Бисмарка — кайзеровскому рейху. Этот жульнический ма-

¹ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 151.

невр изменников социализма был разоблачен Лениным. Попытки вбить клин между воззрениями великих учителей рабочего класса терпят позорный провал, и лучшее тому доказательство — тот факт, что марксизм-ленинизм идет от победы к победе, между тем как враждебные ему теории беспощадно сметаются со сцены ходом истории.

2

Энгельс, как и Маркс, был уроженцем Рейнской области. В первые десятилетия XIX в. Германия сильно отставала — как экономически, так и политически — от Англии и Франции. Отсталость Германии была порождена особенностями ее исторического развития на протяжении нескольких веков. Открытие Америки и морского пути в Индию лишило Германию выгод ее экономического положения между Западом и Востоком. Подавление Великой крестьянской войны, опустошения Тридцатилетней войны, политическая раздробленность страны, состоявшей из множества мелких феодальных государств, — все это обрекло Германию на длительный застой. В то время как в Англии и Франции были сброшены феодальные оковы и власть перешла в руки буржуазии, выросшей вместе с развитием крупной промышленности, Германия оставалась отсталой страной, в которой сохранились феодальные отношения и господствовал отживший общественный и политический строй.

Однако Рейнская область ушла далеко вперед по сравнению с другими частями страны. С 1794 по 1815 г. она находилась под властью французов. В это время было уничтожено сословное деление общества, отменены привилегии дворянства, земельные владения церкви были раздроблены на мелкие участки. С освобождением от феодальных пут и цеховых ограничений в Рейнской области, обладавшей богатыми недрами и занимавшей выгодное географическое положение, стала развиваться крупная капиталистическая промышленность. В то время как в остальных частях Германии преобладало мел-

кое ремесло и отчасти мануфактуры, здесь возникла машинная индустрия, прежде всего текстильная и металлическая. Победное шествие паровой машины продолжалось и после присоединения области к Пруссии — отсталой экономически и реакционной политически. С развитием современной промышленности возникли классы капиталистического общества: буржуазия и пролетариат.

Если детство Маркса и Энгельса прошло в период реакции, воцарившейся в Европе после Венского конгресса, то их юность была озарена подъемом демократического и революционного движения, последовавшим за кратковременным господством реакции.

Энгельсу было 10 лет, а Марксу — 12, когда во Франции произошла июльская революция 1830 г. Она привела к установлению весьма умеренной буржуазной монархии, но тем не менее нашла широкий отклик во многих странах Европы, в том числе в Германии и в особенности на берегах Рейна.

В Англии и во Франции после победы буржуазии на сцену выступил рабочий класс. В Англии в 30-х и 40-х годах чартистское движение получило широкий размах и породило волну стачек и демонстраций. В Лионе в 1831 г. восстали ткачи, сражавшиеся под знаменем: «Жить работая или умереть сражаясь». В 1844 г. знамя восстания подняли ткачи в Силезии. Орган лондонского Сити газета «Таймс» предостерегала английскую буржуазию: «Война дворцам, мир хижинам — вот ужасный боевой клич, который может еще раз прозвучать в нашей стране».

Энгельс вырос в промышленной части Рейнской области — в Вуппертале (долине реки Вуппера) в отличие от Маркса, проведшего свои молодые годы в аграрной ее части — Мозельском округе. Родина Энгельса, Бармен, стала германским Манчестером. Другое отличие состояло в том, что в родительском доме Энгельса господствовал религиозный и консервативный дух, между тем как семья Маркса жила идеями просветительства и рационализма. В семье Энгельса, в школах, где он учился, в окружавшей его среде господствовал пиетизм — наиболее ханжеская и фанатическая разновидность протестантизма. Пиетизм представлял собой своеобразное

соединение кальвинистских и пуританских традиций, служивших идеологией буржуазии в ранний период капитализма. Пиетизм требовал слепой и строгой веры, сурового образа жизни, отказа от всяких удовольствий, бережливости. Он решительно отвергал малейшие признаки свободомыслия, считал греховным делом искусство, охранял застывшие формы жизни и мышления. Еретиками объявлялись не только католики, но и протестанты других толков. Слепая вера в предопределение считалась обязательной, а каждая буква евангелия — незыблемой и священной.

Еще в ранней молодости Энгельсу довелось выдерживать тяжелую и упорную борьбу с консерватизмом и ханжеством, чтобы прийти к свободомыслию в религиозной и политической области. Его борьба, как замечает автор детального исследования жизни и деятельности основоположников марксизма, первоначально развертывалась не как у Маркса, в рамках общества, а в кругу своей семьи¹. Ему пришлось прежде всего освободиться от влияния окружающей среды, чтобы прийти к оппозиции в религиозной и политической областях. Путь Энгельса к революционным взглядам был более сложным и длинным, чем у Маркса. Помимо острого ума и выдающихся способностей ему понадобилась огромная сила воли и характера, страстное искание правды, чтобы «прогнать проклятый, чахоточный, косный пиетизм...»², чтобы от обскурантизма и мистицизма, господствовавшего дома, в школе и в окружении, прийти до самого передового мировоззрения.

Энгельс, как и Маркс, пришел к социализму и к рабочему классу не под влиянием материальных невзгод. «Как и Маркса, — пишет выдающийся исследователь истории социализма и рабочего движения Франц Меринг, — его толкнула на революционный путь не личная нужда, а возвышенный ум»³.

¹ См. О. Корню. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность. М., 1959, т. I, стр. 125—126.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 281.

³ Ф. Меринг. Карл Маркс. История его жизни. М., 1957, стр. 116.

Жизненный путь обоих основоположников марксизма подтверждает положение Ленина о том, что учение социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией, к которой принадлежали Маркс и Энгельс¹.

Еще Плеханов высмеивал незадачливых критиков, изображавших марксизм как «грубый материализм», действующий по правилу: «В карман норови, в карман!» Противники марксизма до сих пор повторяют эту глупую басню. Перед Энгельсом, как и перед Марксом, был открыт путь к любой преуспевающей профессии в буржуазном обществе, он мог стать фабрикантом, юристом, писателем, занимающим респектабельное положение. Но Энгельс, как и Маркс, предпочел буржуазному благополучию полную борьбы и трудностей дорогу борца за рабочее дело.

Энгельс учился сначала в реальном училище в Бармене, а затем в гимназии в соседнем городе Эльберфельде, который он называл Сионом обскурантов. В школе царствовал тот же дух религиозной нетерпимости, что и в семье. В барменском училище один из преподавателей на вопрос ученика четвертого класса, кто такой был Гёте, ответил: «безбожник» (см. т. 1, стр. 465). Примерно так же обстояло дело в Эльберфельдской гимназии, слывшей лучшей в Германии, за исключением того, что там был учитель истории, сумевший привить ученикам интерес и любовь к своему предмету.

Энгельс еще в детстве отличался пытливым умом и прекрасными способностями. Он с увлечением слушал рассказы своего деда по матери о героях греческого эпоса, затем он познал мир немецкого эпоса, и его любимым героем стал Зигфрид. В школе Энгельс выделялся своим умением быстро и глубоко овладевать знаниями. Школа дала ему основательную подготовку по физике и математике, по истории и литературе. Он страстно увлекался чтением, читал много, хотя и бессистемно. Блестящие лингвистические способности по-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30.

звалили ему быстро овладеть латинским и греческим, а также французским языком. Мальчик был дружен со своими школьными товарищами, принимал участие в кружках, охотно развлекался со своими младшими братьями и сестрами, занимался музыкой и спортом.

В семье не без опаски следили за умственным развитием первенца: слишком бросались в глаза его интерес к жизни, любовь к чтению, стремление к знаниям — черты, по пиетистским представлениям, если не прямо предосудительные, то во всяком случае не похвальные. Отец сначала предполагал, что его старший сын будет изучать юриспруденцию, чтобы подготовиться к государственной службе, но затем решил сделать из него коммерсанта. С этой целью юный Энгельс был взят из последнего класса гимназии. В течение года он работал в торговой конторе отцовской фирмы.

Молодой Энгельс питал к коммерческой карьере столь же мало склонности, как и к чиновничьей. Его интересы лежали совсем в другой сфере. Он мечтал стать писателем, его свободолюбивый ум все больше тяготился консервативным и застойным образом жизни, господствовавшим в долине Вуппера.

Уже в детстве и ранней юности Энгельс наблюдал нечеловечески тяжелые условия жизни рабочих. Непомерно длинный рабочий день в тесных, грязных мастерских и фабриках, угнетающая нищета и беспросветность, лишение всех радостей жизни — таков был удел людей труда, создававших все богатства буржуазии. В одном из своих ранних произведений — в «Письмах из Вупперталя», напечатанных в журнале «Германский телеграф» в 1839 г., — Энгельс дал яркую картину жизни рабочих.

«Работа в низких помещениях, — писал он, — где люди вдыхают больше угольного чада и пыли, чем кислорода, — и в большинстве случаев, начиная уже с шестилетнего возраста, — прямо предназначена для того, чтобы лишить их всякой силы и жизнерадостности. Ткачи-одиночки сидят у себя дома с утра до ночи, согнувшись за станком, и иссушают свой спинной мозг у жаркой печки. Удел этих людей — мистицизм или пьянство» (т. 1, стр. 455—456).

Если и встречаются в этих местах здоровые люди, замечает Энгельс, то это обычно столяры или другие ремесленники, переселившиеся из разных частей страны. Хозяйничанье фабрикантов имеет своим следствием ужасную нищету, распространение сифилиса и других болезней. В одном Эльберфельде почти половина детей лишена возможности учиться: дети работают на фабриках, причем фабриканты платят им вдвое меньше, чем взрослым рабочим. «Но у богатых фабрикантов эластичная совесть, — продолжает Энгельс, — и оттого, что зачухнет одним ребенком больше или меньше, душа пиетиста еще не попадет в ад, тем более если эта душа каждое воскресенье по два раза бывает в церкви» (т. 1, стр. 456).

Много лет спустя, в 1876 г., Энгельс вспоминал, как в конце 20-х годов в Вуппертале появилась дешевая прусская водка, и пьянство стало подлинным бичом рабочего населения. «Толпами, рука об руку, — писал Энгельс, — запрудив улицу во всю ширину, шумя и горлая, «пьяные мужчины» шатались с 9 часов вечера из трактира в трактир и наконец разбредались по домам. При тогдашнем культурном уровне рабочих, при полной безвыходности их положения в этом не было ничего удивительного, особенно в благословенном Вуппертале... И если, как это было тогда, вуппертальским рабочим не оставалось ничего другого, кроме выбора между земной водкой кабаков и небесной водкой пиетистских попов, — мудрено ли, что они предпочитали первую, как бы плоха она ни была» (т. 19, стр. 42).

Энгельс видел, что из фабрикантов хуже всего со своими рабочими обращались ханжи-пиетисты: они всеми способами снижали заработную плату рабочим якобы для того, чтобы уберечь их от пьянства. Между тем на самом деле люди спивались от горя, от безрадостной жизни и беспросветной нужды. Вупперталь Энгельс называл Муккерталем — долиной святош. Он клеймил ханжество фабрикантов, видя корень зла в их своекорыстии и жадности, в их пренебрежении ко всякому разумному началу в управлении промышленными предприятиями.

После года работы в отцовской конторе молодого Энгельса летом 1838 г. посылают в Бремен для прохождения практики в более крупной фирме, принадлежавшей другу его отца. Энгельс охотно покинул Бармен. Большой по тому времени портовый город Бремен, в котором Энгельс провел почти три года, предоставил ему гораздо большую свободу для развития. Работа в конторе оставляет ему достаточно свободного времени для чтения, посещения клуба, занятий спортом. Он ездит верхом, занимается фехтованием. В Бремен приходят газеты из разных стран, и Энгельс быстро осваивается со многими европейскими языками. Одно из своих писем к школьному товарищу в Бармен он начинает на греческом языке, продолжает по-латыни, затем переходит на английский, итальянский, испанский, португальский, французский и голландский языки¹. Тут же он в стихах, написанных гекзаметром, и притом, как он сообщает, «экспромтом», излагает сравнительные достоинства различных языков, отдавая, однако, предпочтение своему родному языку. Энгельс набрасывается на книги, читает газеты и журналы, проявляя особый интерес к литературе, философии и общественным проблемам. Здесь же начинается его литературная деятельность: он пишет статьи, очерки, рецензии, помещая их в различных журналах.

В Бремен Энгельс приехал уже обуреваемый сомнениями в разумности и справедливости существующих порядков и освящающей эти порядки религии. Он стал жадно искать ответы на мучившие его вопросы.

Умственное развитие Энгельса происходило в обстановке большого оживления общественной жизни Германии. Уже в 30-х годах немецкая буржуазия настолько набралась сил, что стала стремиться к изменениям в политическом и общественном строе. Господство феодальных отношений исключало возможность открытой политической деятельности. Поэтому рост общественного движения проявляется прежде всего в двух областях: литературной и философской. Властителями

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 293—294.

дум молодежи становятся два направления: литературная группа «Молодая Германия», у колыбели которой стояли Берне и Гейне, и младогегельянцы. В этих группах зарождаются и развиваются передовые политические тенденции. Они выступают в литературной и философской оболочке.

В Бремене Энгельс на первых порах сочувственно относился к «Молодой Германии», видя в ней воплощение своих демократических чаяний. «Что было у нас до 1830 года? — спрашивает он в письме к школьному товарищу от 8—9 апреля 1839 г. — ...И вдруг — раскаты грома июльской революции, самого прекрасного со времени освободительной войны проявления народной воли». Он с увлечением читает не только Берне, Гейне, Фрейлиграта, но и Гуцкова, и других писателей «Молодой Германии». «...Я должен стать младогерманцем, — замечает он в том же письме, — или, скорее, я уж таков душой и телом. По ночам я не могу спать от всех этих идей века; когда я стою на почте и смотрю на прусский государственный герб, меня охватывает дух свободы; каждый раз, когда я заглядываю в какой-нибудь журнал, я слежу за успехами свободы...»¹

Но «Молодая Германия» была весьма аморфной организацией, в которой участвовали литераторы самых различных взглядов. Выступая под либеральными, а подчас и радикальными лозунгами, они привлекали молодежь своей проповедью безграничного субъективизма, освобождения человека от всяких пут, анархическими идеями.

Первые свои литературные произведения Энгельс опубликовал (под псевдонимом Фридрих Освальд из опасения попасть в «адскую передразню» из-за консервативных взглядов своей родни) в гамбургском журнале «Немецкий телеграф». Уже в первых своих статьях Энгельс выступает с четких демократических позиций, подвергая резкой критике феодальные порядки, привилегии дворянства, несправедливые законы и нищету народных масс, религиозное ханжество.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 279, 281.

Скоро Энгельс убеждается в слабых сторонах «Молодой Германии» — риторичности и пассивности ее представителей. Его симпатии к этому направлению остывают. Энгельс основательно изучает немецкую классическую философию, в особенности Гегеля, читает работы младогегельянцев, мучительно переживая религиозные сомнения.

Огромное впечатление на него оказывает книга младогегельянца Штрауса «Жизнь Иисуса». Научная критика религии, исследование происхождения мифов, составляющих евангелие, открывают молодому Энгельсу глаза на подлинную роль религии. Он с немалым трудом освобождается от религиозных призраков и переходит к атеизму. «Избавление от оков пиетизма положило начало великой борьбе за освобождение, которой наполнена славная жизнь Энгельса»¹.

Впоследствии в своей работе о Фейербахе Энгельс объяснил, какое значение имела в то время борьба в области философии. Учение Гегеля оставляло широкий простор для самых различных взглядов по вопросам общественной жизни, в которой практическое значение имели религия и политика. «Человек, придававший главное значение системе Гегеля, мог быть довольно консервативным в каждой из этих областей. Тот же, кто главным считал диалектический метод, мог и в религии и в политике принадлежать к самой крайней оппозиции».

Раскол в школе Гегеля стал вполне заметным уже к концу 30-х годов. Левое крыло — младогегельянцы, борясь против реакционных последователей Гегеля, освобождалось постепенно от философски-пренебрежительного отношения к жгучим проблемам современности. С усилением реакции после вступления на престол Фридриха-Вильгельма IV участникам философских споров пришлось открыто встать на ту или иную партийно-политическую позицию. «Борьба велась еще философским оружием, но уже не ради абстрактно-философских целей. Речь прямо шла уже об уничтожении унаследованной религии и существующего государства» (т. 21, стр. 279).

¹ Ф. Меринг. Карл Маркс. История его жизни, стр. 118.

Осенью 1841 г. Энгельс отправляется в Берлин, где отбывает воинскую повинность вольноопределяющимся в артиллерийской бригаде. Год, проведенный в Берлине, сыграл большую роль в жизни Энгельса. Он посещал в качестве вольнослушателя лекции в университете, познакомился со многими представителями радикальной молодежи, выступил с философскими произведениями, направленными против реакционных течений. В конце 1841 и начале 1842 г. Энгельс подвергает решительной критике реакционную философию Шеллинга, стремившегося примирить философию с религией. Это первые среди младогегельянской литературы работы, проникнутые духом воинствующего атеизма.

Энгельс решительно поднимает знамя борьбы против реакции и мракобесия, находивших опору в прусской монархии. Люди, знакомившиеся с первыми философскими работами Энгельса, не подозревали, что их автор — молодой студент. Эти работы отличаются глубиной содержания и блестящей эрудицией. Огромное влияние оказал на Энгельса в этот период Людвиг Фейербах. В его книге «Сущность христианства» Энгельс нашел материалистическую критику религии.

Весной 1842 г. Энгельс начал сотрудничать в «Рейнской газете», в которой спустя некоторое время Маркс стал редактором. Осенью того же года Энгельс проездом посещает редакцию газеты в Кёльне, где состоялось его первое знакомство с Марксом. К этому времени Энгельс уже сложился как последовательный до конца революционный демократ, борющийся за свержение монархии, за демократическую республику, за демократические права народа.

В конце 1842 г. двадцатидвухлетний Энгельс отправляется в Манчестер, центр английской текстильной промышленности, для изучения коммерческого дела на бумагопрядильной фабрике фирмы «Эрмен и Энгельс», пайщиком которой был его отец. Переезд в Англию сыграл огромную роль в формировании общественно-политических взглядов Энгельса. В Англии он стал социалистом. «Здесь Энгельс не только сидел в фабричной конторе, — он ходил по грязным кварталам, где

Фридрих Энгельс в мундире артиллериста
(Берлин, 1841 г.)

ютились рабочие, сам своими глазами видел их нищету и бедствия»¹.

Картины виденного в Вуппертале побледнели перед тем, что открылось глазам Энгельса в Манчестере. Там он видел небольшой очаг фабричной системы, вкрапленный в общий пейзаж патриархальных, традиционных отношений. Здесь перед ним было полное господство крупного производства, совершавшего победный марш по всей стране. «В Манчестере он нашел в еще большем масштабе ту же картину нищеты рабочих, которую с детства видел на родине»². «Здесь он прошел свою высшую школу — среди крупной промышленности, разлагающей буржуазное общество, чтобы заложить основы общества социалистического»³. Время, проведенное в Манчестере (21 месяц), обогатило Энгельса духовно. Картина, раскрывшаяся перед его глазами, толкала мысль к широким выводам и обобщениям, к новому пониманию революционных задач.

Промышленный переворот создал в Англии индустриальный пролетариат, и в тот ранний период капитализма условия его жизни и труда были ужасными. Изнуряющий труд в грязных, тесных фабричных помещениях в течение непомерно длинного рабочего дня оплачивался нищенски. Рабочие жили в трущобах, совершенно не пригодных для жилья. Немощенные улицы без сточных канав, в которых так много грязи, что только в очень сухую погоду можно пройти по улице, не увязнув по щиколотку. Описывая плачевное состояние рабочих жилищ, Энгельс замечает, что, как ни плоха лачуга, всегда найдется бедняк, который не может заплатить за лучшую (см. т. 2, стр. 291).

Нищета «трудящихся бедняков», как английские экономисты называли рабочий класс, была так велика, что многие умирали от голода в прямом смысле, а еще больше — от его последствий. Постоянное недоедание вызывало смертельные болезни и увеличивало число их

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 8.

² О. Корню. Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность, т. I, стр. 408.

³ Ф. Меринг. К. Маркс и Ф. Энгельс — создатели научного коммунизма. М., 1960, стр. 21.

жертв. Эпидемии производили огромные опустошения в рабочих кварталах. «Английские рабочие, — писал Энгельс, — называют это социальным убийством и обвиняют в этом непрерывно совершаемом преступлении все общество. Разве они не правы?» (т. 2, стр. 265).

Хозяин мог уволить рабочего по любому поводу и без всякого повода, и тогда рабочий лишался даже тех жалких средств к существованию, которыми он располагал, пока имел работу. Любая прихоть фабриканта, любая заминка в торговле могла столкнуть его в страшный водоворот безработицы. «Он знает, что если у него сегодня и есть возможность просуществовать, то далеко нет уверенности в том, будет ли она у него завтра» (т. 2, стр. 265).

Энгельс приехал в Англию вскоре после поражения крупной забастовки в августе 1842 г., проходившей под влиянием чартистов. Это была политическая забастовка, охватившая всю страну под знаменем борьбы за рабочую хартию. Энгельс знакомится с чартистским движением и устанавливает связь с его видными деятелями, в частности с редактором «Северной звезды» лидером левого, революционного крыла чартистов Дж. Гарни. Он встречается с английскими социалистами — последователями великого утописта Роберта Оуэна, издававшими журнал «Новый нравственный мир». Он начинает сотрудничать в обоих этих органах печати.

По обыкновению, Энгельс много читает. Не довольствуясь личными наблюдениями, он досконально изучает официальные материалы и обзоры об экономическом положении Англии, о жизни рабочего класса, об общественно-политических условиях страны. Наряду с этим Энгельс систематически изучает английскую политическую экономию и произведения французских и английских социалистов. В короткий срок он проштудировал труды Смита, Рикардо, Сэя, Мальтуса и других экономистов, а также произведения Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Кабе, Вейтлинга и других представителей утопического социализма и коммунизма.

«На раскаленной почве Англии, — читаем мы в одном из лучших советских исследований о молодых годах Энгельса, — самыми жгучими вопросами ему представ-

ляются уже не религия и атеизм, а социальная революция и коммунизм»¹. Энгельс активно участвует в борьбе английского рабочего класса, посещает митинги и собрания рабочих, устанавливает связи с немецкими рабочими-эмигрантами, жившими в Англии. Спустя сорок лет Энгельс с большой теплотой вспоминал о людях, с которыми судьба его столкнула на заре рабочего движения. Летом 1843 г. в Лондоне он познакомился с тремя представителями Союза справедливых — тайного общества немецких рабочих в Англии: сапожником Генрихом Бауэром из Франкони, часовщиком Иосифом Моллем из Кёльна и студентом Карлом Шаппером из Нассау. Это были, по выражению Энгельса, «три настоящих человека», и они произвели на него неизгладимое впечатление (см. т. 21, стр. 216).

В рабочих кружках того времени господствовали еще совершенно наивные представления о путях и методах борьбы. Эти представления не могли удовлетворять Энгельса, как они не удовлетворяли и Маркса. На опыте чартистского движения Энгельс убедился, что лишь путем массовой политической и экономической борьбы рабочие могут добиться своих прав, а не при помощи тайных обществ, носивших сектантский характер.

В результате напряженных исканий Энгельс одновременно с Марксом, но независимо от него пришел к выводам выдающегося значения, коренным образом отличающимся как от философских систем, так и от экономических учений и социалистических взглядов предшественников марксизма. Он пришел к материалистическому пониманию истории, которое служит теоретическим фундаментом научного коммунизма.

«Живя в Манчестере, — вспоминал впоследствии Энгельс, — я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факты, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют, по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу; что они образуют основу, на которой возникают современные классовые противоположности; что эти классовые

¹ М. В. Серебряков. Фридрих Энгельс в молодости. Л., 1958, стр. 196.

противоположности во всех странах, где они благодаря крупной промышленности достигли полного развития, следовательно, особенно в Англии, в свою очередь составляют основу для формирования политических партий, для партийной борьбы и тем самым для всей политической истории» (т. 21, стр. 220).

Если уже в Англии Энгельс перешел от революционного демократизма к коммунизму, то решающим событием в его жизни была встреча с Марксом в Париже в 1844 г. Энгельс отмечает, что к тому времени Маркс не только пришел к тем же взглядам, но и обобщил их в том смысле, что политику и ее историю надо объяснять экономическими отношениями в их развитии, а не наоборот. «Когда я летом 1844 г. посетил Маркса в Париже, — продолжает Энгельс, — выяснилось наше полное согласие во всех теоретических областях, и с того времени началась наша совместная работа. Когда мы весной 1845 г. снова встретились в Брюсселе, Маркс, исходя из вышеуказанных основных положений, уже завершил в главных чертах развитие своей материалистической теории истории, и мы принялись за детальную разработку этих новых воззрений в самых разнообразных направлениях» (т. 21, стр. 220).

«Энгельс умел глубоко ненавидеть, — писал один близко знавший его деятель, — как это свойственно людям, способным глубоко любить»¹. Это замечательно точная характеристика. Ненависть к буржуазному строю со всеми его язвами была у Энгельса неразрывно связана с глубокой любовью к людям, к человеческим существам, беспощадно перемалываемым чудовищной мясорубкой капитализма.

Но сказать, что Энгельс страстно ненавидел капиталистический строй рабства и насилия каждой клеточкой своей души, — значит сказать еще очень мало об отношении его к этому строю. В первой половине прошлого века было немало высоких умов и благородных сердец, которые понимали всю мерзость буржуазного владычества, с отвращением наблюдая, как капитализм губит человеческие жизни, поганит человеческие отношения, уничтожает красоту и попирает мораль.

¹ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 330.

Однако эти люди оставались бессильными обличителями буржуазного общества, так как они не знали законов развития общества, и в частности законов развития капитализма. Задача заключалась, по словам Энгельса, в том, чтобы дать «фундамент фактов» социализму, до того «вращавшемуся в кругу пустых фраз». А для выполнения этой задачи необходимо было исследование «общественных условий, созданных современной крупной промышленностью» (т. 18, стр. 281).

Маркс и Энгельс не только предъявили буржуазному строю глубоко обоснованные обвинения, но нашли в рабочем классе ту социальную силу, которая историей призвана привести в исполнение смертный приговор над капитализмом. Они, по замечательной характеристике Ленина, научили рабочий класс самопознанию и самосознанию¹. Маркс и Энгельс раскрыли перед рабочим классом путь к ликвидации капиталистической эксплуатации, вооружили людей труда точным научным знанием методов борьбы за социализм, способов социалистического переустройства общества.

Применив созданный ими метод материалистической диалектики к анализу буржуазного общества, основоположники марксизма показали, что только рабочий класс благодаря своему положению является той общественной силой, которая призвана историей стать могильщиком буржуазного строя, а вместе с тем и классового общества вообще. Придя к такому выводу, Маркс и Энгельс с огромной энергией и страстностью принялись за организацию, сплочение, собирание первых отрядов революционных пролетариев, за подготовку их к борьбе против власти капитала.

3

Выводы, к которым пришли Маркс и Энгельс, нашли свое полное подтверждение в революции 1848 г., разразившейся сначала во Франции, а затем распространившейся и на другие страны Европейского континента.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 6.

В годы, предшествовавшие революционной буре, основоположники марксизма не только разрабатывали основные идеи созданной ими теории, но и занялись сплочением и организацией пионеров рабочего движения. Вернувшись из Англии в Бармен, Энгельс проводит большую пропагандистскую работу. В апреле 1845 г. он переезжает в Брюссель, где в то время жил высланный из Парижа Маркс, и оба друга с большой энергией принимаются за организацию сил. Они создают коммунистический корреспондентский комитет, который устанавливает связь со многими группами, существовавшими в Германии и в эмиграции.

В августе 1846 г. Энгельс находится в Париже, где ведет борьбу за научный коммунизм в кружках немецких рабочих-эмигрантов. Он устанавливает связь с тайным обществом Союз справедливых. На его первом съезде в июне 1847 г. в Лондоне Энгельс, выступая также от имени Маркса, добивается коренной реорганизации Союза, который, отбросив прежние сектантские взгляды, принимает название Союза коммунистов. Сущность революционного коммунизма сформулирована в первом параграфе нового устава Союза: «Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности» (т. 4, стр. 524).

Во время подготовки второго съезда Союза Энгельс составляет проект новой программы этой организации под названием «Принципы коммунизма». На самом съезде, состоявшемся в ноябре — декабре 1847 г. в Лондоне, Маркс и Энгельс отстаивают свою революционную теорию в ожесточенных спорах с представителями утопических взглядов. Съезд поручает Марксу и Энгельсу разработать теоретическую и практическую программу Союза, изложив ее в виде манифеста. Так родился «Манифест Коммунистической партии» — первый в мировой истории программный документ пролетарской партии.

«Манифест» появился незадолго до мартовской революции 1848 г. в Германии. Во время революции авторы «Манифеста» развернули кипучую деятельность

как вожди первой в мире коммунистической партии рабочего класса — Союза коммунистов. Энгельс вместе с Марксом возглавлял боевой орган революционной печати — «Новую Рейнскую газету», выходившую с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 г. Когда газета была запрещена, Марксу пришлось покинуть Германию, а Энгельс принял активное участие в вооруженном народном восстании на юге Германии. После поражения повстанцев он был вынужден вернуться в Англию.

После революции 1848 г. для Маркса и Энгельса наступили долгие годы эмиграции. Маркс поселился в Лондоне, чтобы свершить великий жизненный подвиг — создать «Капитал». Энгельс переехал в Манчестер, где вынужден был заниматься, по собственному выражению, «собачьей коммерцией», чтобы дать возможность Марксу выполнить его гигантской важности партийную задачу.

Буржуазный строй не давал Марксу средств существования, а рабочий класс был еще далек от марксизма и не мог обеспечить творцу «Капитала» возможность спокойно работать над созданием революционной теории и обоснованием научного коммунизма. Энгельс на долгие годы добровольно заточил себя в контору, где он проводил большую часть дня. Эта работа позволила ему оказывать Марксу материальную поддержку, без которой создание «Капитала» оказалось бы невозможным. Маркс высоко ценил самопожертвование своего верного друга и соратника: «Без тебя я никогда не мог бы довести до конца это сочинение, и — уверяю тебя — мою совесть постоянно, точно кошмар, давила мысль, что ты тратишь свои исключительные способности на занятия коммерцией и даешь им ржаветь главным образом из-за меня. . .» (т. 31, стр. 251).

Около двадцати лет Энгельс провел в ненавистой ему конторе. «Я никогда не забуду, — вспоминает дочь Маркса Элеонора, — его ликующего возгласа: «В последний раз!», когда он утром натягивал свои сапоги, чтобы в последний раз отправиться в контору»¹.

На протяжении всей своей жизни Энгельс проявлял трогательную заботу о Марксе. Напряженная работа над «Капиталом», огромные трудности, которые прихо-

¹ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 185.

дилось преодолевать, отсутствие отдыха в течение долгих лет — все это подорвало здоровье Маркса, он часто болел, но не желал заняться серьезно лечением, оставив на время работу. Убеждая Маркса серьезно взяться за лечение в момент угрожающего обострения болезни, Энгельс писал ему:

«Что тогда будет с твоей книгой и твоей семьей?

Ты знаешь, что я готов сделать все возможное, и в этом экстренном случае даже больше, чем я имел бы право рискнуть сделать при других обстоятельствах. Но будь же и ты благоразумен и сделай мне и твоей семье единственное одолжение — *позволь себя лечить*. Что будет со всем движением, если с тобой что-нибудь случится? .. У меня нет и не будет покоя ни днем, ни ночью, пока не вытащу тебя из этой истории; каждый день, когда я от тебя ничего не получаю, я беспокоюсь и думаю, что тебе опять хуже» (т. 31, стр. 155—156).

Наряду со своей вынужденной работой в конторе Энгельс продолжал со всей страстью и энергией заниматься партийными делами. Активнейшее участие он принимал в борьбе Маркса против «великих людей эмиграции» — мелкобуржуазных болтунов, скатившихся в обстановке реакции в болото авантюризма и предательства. Энгельс написал ряд работ, посвященных обобщению опыта борьбы рабочего класса в революции 1848 г., в которой пролетариат впервые выступил в качестве самостоятельной силы.

Помощь, оказанная Энгельсом Марксу в работе над «Капиталом», не исчерпывалась, естественно, материальной поддержкой. В процессе этой работы Маркс часто обсуждал со своим другом наиболее сложные и запутанные вопросы, спрашивая его совета по тому или иному поводу. Энгельс читал корректуры листов «Капитала», делал замечания, которые в подавляющем большинстве случаев учитывались. После выхода первого тома «Капитала» Энгельс приложил огромные усилия к тому, чтобы прорвать заговор молчания, которым буржуазия пыталась убить главное произведение Маркса.

В 1870 г. Энгельс наконец освободился от «вавилонского пленения» и переселился в Лондон. В работе I Ин-

тернационала, душой которого был Маркс, Энгельс принимал руководящее участие со дня его образования. Бок о бок с Марксом он вел борьбу против прудонизма и в особенности против бакунизма, разлагавшего ряд секций Интернационала в последние годы его существования.

Литературное наследство Энгельса чрезвычайно разносторонне. «Маркс работал над разбором сложных явлений капиталистического хозяйства. Энгельс в весьма легко написанных, нередко полемических работах освещал самые общие научные вопросы и разные явления прошлого и настоящего — в духе материалистического понимания истории и экономической теории Маркса»¹.

Полемические произведения Энгельса отличаются чрезвычайно важной чертой: они одновременно являются непревзойденными образцами дальнейшей разработки и популяризации марксизма. Его работы отличаются редким сочетанием глубины содержания и яркости формы. Энгельс, как и Маркс, придавал огромное значение стилю. «Маркс, — писал он в заметке относительно требований, предъявляемых к переводу «Капитала» на английский язык, — принадлежит к числу тех современных авторов, которые обладают наиболее энергичным и сжатым стилем» (т. 21, стр. 238). Энгельс был замечательным мастером яркого, четкого, увлекательного стиля. Его работы написаны живым, доходчивым публицистическим языком. Ленин указывал, что Энгельс подобно Марксу принадлежал «к тем редким и редчайшим писателям, у которых в каждой фразе каждой крупной их работы есть замечательная глубина содержания...»².

Как крупные произведения Энгельса — «Анти-Дюринг», «К жилищному вопросу», «Людвиг Фейербах», «Происхождение семьи, частной собственности и государства», так и небольшие по объему работы прочно заняли почетное место в золотом фонде теории научного коммунизма. Невозможно переоценить значение произведений Энгельса для широкого распространения идей марксизма. Маркс, создавая «Капитал», стоял перед

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 11.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 50.

задачей по-новому разрешить сложнейшие проблемы, над которыми безуспешно билась мысль его предшественников. Несомненно, что усвоение содержания «Капитала» требует известной подготовки. Между тем для победы марксизма в рабочем движении было чрезвычайно важно ознакомить с его идеями более широкие круги пролетариата. В достижении этой цели работы Энгельса сыграли совершенно исключительную роль.

Но этим не исчерпывалось значение трудов, вышедших из-под пера великого соратника Маркса. Марксизм представляет собой цельное и стройное мировоззрение, не совместимое ни с какими суевериями, непримиримо враждебное идеологии буржуазии. Марксизм высвобождает пролетариат из-под идеологического влияния буржуазии, служит просвещению и организации рабочего класса. Поэтому не удивительно, что марксистское учение, по словам Ленина, «должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути»¹. На этом боевом пути, длившемся многие десятилетия, труды Энгельса играли огромную роль.

В рабочем движении подвизалось немало лжепророков, и все они яростно ополчались на марксизм. В этой обстановке было чрезвычайно важно раскрыть всемирно-историческое значение открытий Маркса. Эта задача была мастерски выполнена Энгельсом, который показал, что марксистское учение представляет собой не одну из многочисленных социалистических систем, возникших в XIX в., а качественно новую ступень в развитии социалистических идей, означающую превращение социализма из утопии в науку.

Энгельс раскрыл всю важность великих открытий Маркса для рабочего класса и рабочего движения. Лассаль в Германии, Прудон и Бланки во Франции, Бакунин в других романских странах, мелкобуржуазные вожаки тред-юнионов в Англии и их многочисленные последователи всячески стремились преградить путь марксистским идеям в рабочие массы. Энгельс систематически отражал удары врагов и, переходя в наступление на противников марксизма, убедительно показывал

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 17.

никчемность и порочность их теории и практики, вред, наносимый ими рабочему движению.

Полемика Энгельса была неразрывно связана с борьбой за гегемонию марксизма в рабочем движении целого ряда стран. Более того, она составляла одну из важнейших сторон этой борьбы. По мере роста рабочего движения вширь возникла опасность снижения теоретического уровня движения, и Энгельс неустанно подчеркивает значение революционной теории для рабочего класса и его борьбы за социализм. Указывая, что борьба рабочего класса развивается в трех взаимосвязанных направлениях — теоретическом, политическом и практически-экономическом, Энгельс вменял в обязанность вождям и деятелям рабочего движения «все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, то есть чтобы его изучали» (т. 18, стр. 499).

Наряду с полемикой, иногда в связи с ней Энгельс самостоятельно разрабатывал целый ряд областей науки и в каждой из них создал крупнейшие произведения. Он занимался историей крестьянских войн в Германии и историей Ирландии, вопросами внешней политики и военного искусства, проблемами языка и литературы. Он предпринял огромное исследование в области естественных наук, результатом которого явилась «Диалектика природы».

«Нельзя понять марксизм, — подчеркивал Ленин, — и нельзя цельно изложить его, не считаясь со всеми сочинениями Энгельса»¹.

Энгельс неустанно продолжал дело Маркса. У колыбели II Интернационала в течение первого пятилетия его деятельности он вел непримиримую борьбу с оппортунизмом, приведшим II Интернационал к позорному краху в начале мировой войны 1914—1918 гг. Зорким глазом Энгельс распознал язву реформизма, разъедавшую тело германской социал-демократии, бичевал оппор-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 93.

тунистов, пресмыкавшихся перед прусским юнкерством и буржуазными выскочками. С юношеской страстью и мудрым опытом несгибаемого революционера критиковал он ошибки руководства германской социал-демократии по отношению к реформистам: половинчатость, примиренчество, близорукое непонимание того, что оппортунизм внутри партии — самый опасный враг. «Я да ты, старина, мы — единственные молодые в нашей партии», — писал он в этот период Бебелю, который лучше многих других понимал Энгельса и старался следовать его советам.

На протяжении многих десятилетий Энгельс зорко приглядывался к процессу «обуржуазивания» верхушечной прослойки рабочих, подкупленной капитализмом за счет колониальных сверхприбылей. Тогда это явление наблюдалось в Англии, обладавшей промышленной монополией и монопольной возможностью эксплуатации колониальных народов. В последний период жизни, в годы начала деятельности II Интернационала, Энгельс предостерегал деятелей социалистического движения относительно пагубной роли «рабочей аристократии» и «так называемых рабочих представителей», под которыми в Англии подразумевались люди, «которым прощают их принадлежность к рабочему классу, потому что они сами готовы утопить это свое свойство в океане своего либерализма...» (т. 22, стр. 340).

Энгельс беспощадно срывал покровы святости со всех институтов буржуазного общества, служащих эксплуатации человека человеком. Он с исключительной выразительностью показал подлинное лицо буржуазной демократии как одной из форм всевластия капитала, неустанно разоблачал те мифы, при помощи которых буржуазия прикрывает свое хозяйничанье, основанное на классовом и национальном гнете.

Уничтожение экономической неволи трудящихся Энгельс считал ключом к полному уничтожению национального неравенства и рабства. Будучи живым воплощением пролетарского интернационализма, Энгельс ненавидел национальный гнет точно так же, как и классовую эксплуатацию; он рассматривал то и другое как две стороны одной медали. Ему принадлежат замеча-

тельные слова о двух нациях, которые существуют в каждой капиталистической нации, разделенной на эксплуатируемых и эксплуататоров. Как и Маркс, он считал, что не может быть свободен народ, угнетающий другой народ. Энгельс страстно бичевал тупую национальную ограниченность больших и малых лавочников, лживые националистические и расистские бредни, теории превосходства одной нации над другой, которые до сих пор служат прикрытием для угнетения народов.

Среди литературного наследия основоположников марксизма особое место занимают их письма. В наш век радио и телевидения, телефона и телеграфа нелегко себе представить, какую роль играла эпистолярная деятельность еще в прошлом столетии. Когда Маркс и Энгельс жили в разных городах — а это продолжалось до 1870 г., — они обменивались письмами почти ежедневно. Несколько строк, уделенных обыденным, житейским делам, и затем обстоятельный разбор важнейших научных проблем, коренных теоретических и практических вопросов рабочего движения — таково содержание большинства этих писем.

Статью о переписке Маркса и Энгельса Ленин снабдил подзаголовком: «Энгельс как один из основателей коммунизма». «Богатейшее теоретическое содержание марксизма, — писал Ленин, — развертывается в высшей степени наглядно, ибо Маркс и Энгельс неоднократно возвращаются в письмах к самым разнообразным сторонам своего учения, подчеркивая и поясняя — иногда совместно обсуждая и убеждая друг друга — самое новое (по отношению к прежним взглядам), самое важное, самое трудное»¹.

Элеонора Маркс-Эвелинг писала, что одно из ее первых детских воспоминаний — почти ежедневное прибытие писем от Энгельса. Она вспоминает, как часто Маркс разговаривал с письмами, как будто писавший их присутствовал тут же:

«Ну, нет, все-таки дело обстоит не так. . .

«Вот в этом ты прав!» — и т. д. и т. п.»²

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 263.

² «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 185.

В переписке отражается борьба вокруг главного труда Маркса. Перед читателем проходит заговор молчания, посредством которого буржуазия и ее ученые лакеи намеревались убить исследование Маркса, затем злобные выпады защитников золотого мешка, их недостойные происки и клеветнические измышления, к которым они прибегали, не имея никаких аргументов по существу, и в ответ сокрушительные удары Маркса и Энгельса, приводившие врагов в бешенство и иступление.

Письма Энгельса, глубокие по содержанию, были написаны в легкой, остроумной форме. Элеонора вспоминает, как ее отец, читая иной раз письмо своего друга, смеялся до слез¹.

Эпистолярная деятельность Энгельса стала еще обширнее после смерти Маркса. На плечи Энгельса легла огромная международная переписка. Социалистические деятели многих стран обращались к нему с самыми различными вопросами теоретического и политического характера. Он терпеливо и обстоятельно отвечал всем.

Отмечая, что после смерти Маркса к Энгельсу одинаково обращались за советами и социалисты стран с развитым рабочим движением, и представители тех стран, где социалистам приходилось обдумывать и взвешивать свои первые шаги, Ленин писал, что «все они черпали из богатой сокровищницы знаний и опыта старого Энгельса»². О письмах Энгельса этого периода Вильгельм Либкнехт впоследствии вспоминал, что они «зачастую были научными статьями, политико-экономическим руководством»³.

Энгельс был на редкость цельной и яркой натурой. Маркс любил повторять древнее изречение: «Ничто человеческое мне не чуждо». С таким же правом это мог бы сказать Энгельс. Его жизнь — это жизнь неутомимого борца за самые светлые цели, которые история когда-либо ставила перед человечеством. Человек огромной воли и выдержки, борец, обладавший неутомимой

¹ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 185.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 13.

³ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 145.

энергией и решимостью, он в то же время был обаятельным, остроумным и веселым собеседником среди друзей. Не было ни одного человека из встречавшихся с ним, кто не отзывался бы о нем с теплотой и уважением. Он умел внушить к себе уважение даже людям из враждебного лагеря, которые были вынуждены признавать его кристальную чистоту, его прямой, открытый характер, его изумительные знания и могучий ум.

Энгельс не имел никаких пышных чинов и званий. Свои первые философские работы, написанные во время военной службы в Берлине в 1841—1842 гг., Энгельс публиковал под псевдонимом, чтобы избежать осложнений в семье и ее консервативном окружении. Издатель «Немецких ежегодников» Арнольд Руге, которому очень понравилась брошюра Энгельса о Шеллинге, запросил его, почему он не пожелал опубликовать эту работу в «Ежегодниках», назвав при этом Энгельса «доктором». В ответном письме Энгельс заметил: «Кстати, я вовсе не доктор и никогда не смогу им стать; я всего только купец и королевско-прусский артиллерист»¹. Спустя сорок с лишним лет такой же казус произошел с одним английским издателем, который в письме к Энгельсу употребил обращение «доктор». Отвечая на письмо, Энгельс вежливо его поправил: «Разрешите до Вашего сведения, что я не «д-р», а бывший владелец хлопкопрядильной фирмы» (т. 36, стр. 12).

Энгельс не был ни министром, ни лидером respectable «оппозиции его величества». Он никогда не обладал парламентским мандатом. Но, как и Маркс, он имел мандат несравненно более весомый: мандат от международного рабочего класса, от пролетариев всех стран. Этот мандат они завоевали тем, что с первых шагов своей общественной деятельности решительно и навсегда связали свои жизни с судьбой рабочего класса, встали в первые ряды борцов за освобождение труда от ига капитала, выковали бессмертное оружие борьбы за интересы трудящихся — научный коммунизм.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 513.

*Историческое
значение
основных
экономических
работ Энгельса*

1

Глава I «Наброски к критике политической экономии»

1. Критика буржуазной политической экономии и буржуазного способа производства. 2. Политическая экономия труда против политической экономии капитала. 3. Исторически преходящий характер капитализма

Теория научного социализма, выкованная основоположниками марксизма, впервые выступила перед миром в их работах, относящихся к 40-м годам прошлого века, и в особенности в «Манифесте Коммунистической партии». Как указывает Энгельс, новое мировоззрение «пережило более чем двадцатилетний инкубационный период, пока с появлением «Капитала» оно не стало захватывать с возрастающей быстротой все более и более широкие круги» (т. 20, стр. 9). Результатом гигантского труда, затраченного Марксом на изучение обширнейшего конкретно-исторического и теоретического материала, явился «Капитал», с появлением которого «марксизм выступил во всеоружии теории...»¹.

I

Создание научного пролетарского мировоззрения в целом, экономического учения марксизма в частности было плодом титанической работы Маркса и Энгельса, в которой Ленин различал два главных этапа. Первый этап охватывает период до конца 40-х годов, когда Маркс, столкнувшись при редактировании «Рейнской газеты» с областью материальных интересов и усомнившись в правильности господствовавших взглядов на этот вопрос, обратился к изучению французских общественных отношений и английской политической

В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 169.

экономии. К этому же времени относится его сближение с Энгельсом, детально изучавшим английскую экономику. «Результатом этой совместной работы, этого первого исследования явились известные выводы, которые оба писателя и изложили с полной определенностью в конце 40-х годов»¹.

После революции 1848 г. в лондонской эмиграции Маркс, как он сообщает в предисловии к работе «К критике политической экономии», считал необходимым по целому ряду обстоятельств «приняться за изучение предмета с начала и критически переработать новый материал» (т. 13, стр. 8—9). Плодом этого второго исследования, указывал Ленин, явились «К критике политической экономии» и «Капитал». «Вывод, к которому пришел «Капитал», совпадает с прежним выводом 40-х годов, потому что второе исследование подтвердило результаты первого исследования»².

В ходе первого исследования Маркс и Энгельс работали совместно, и результаты этого исследования были, как отмечает Ленин, плодами их совместного труда.

Приступив к изучению буржуазной политической экономии несколько раньше Маркса, Энгельс уже в конце 1843 — начале 1844 г. написал «Наброски к критике политической экономии». Работа эта появилась в первой и единственной книге «Немецко-французских ежегодников», изданной Марксом и Руге в 1844 г. В той же книге были помещены письма и статьи Маркса, из которых особенно важное значение имела работа «К критике гегелевской философии права. Введение».

Если Маркс в этих произведениях «выступает уже как революционер, провозглашающий «беспощадную критику всего существующего» и в частности «критику оружия», апеллирующий к массам и к пролетариату»³, то Энгельс в своих «Набросках» «с точки зрения социализма рассмотрел основные явления современного экономического порядка, как необходимые последствия господства частной собственности»⁴. Работы основопо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 202.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 47—48.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 10.

ложников марксизма, появившиеся в «Ежегодниках», знаменовали важную веху в их идейном развитии. В этих работах окончательно завершается переход Маркса и Энгельса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму.

На Маркса «Наброски» Энгельса произвели большое впечатление. Он тщательно проконспектировал эту статью, которая, по-видимому, явилась для него одним из отправных пунктов для критики буржуазных экономистов. Во всяком случае в предисловии к написанным несколько позднее в том же 1844 г. «Экономическо-философским рукописям» Маркс называет «Наброски» Энгельса содержательным и оригинальным трудом в области экономической науки, а их автора — писателем, критически занимавшимся политической экономией¹.

В предисловии к работе «К критике политической экономии» Маркс писал о первой экономической работе Энгельса, помещенной в «Ежегодниках», как о гениальных набросках к критике экономических категорий (см. т. 13, стр. 8). Позднее Маркс неоднократно положительно отзывался об этой работе в своих письмах, несколько раз ссылаясь на нее в первом томе «Капитала» (см. т. 23, стр. 85, 163, 175, 648).

Однако впоследствии, когда теория марксизма уже предстала во вполне зрелом и разработанном виде, Энгельс не считал целесообразным переиздание своей юношеской работы для массового читателя. В 1871 г. он отверг предложение Либкнехта перепечатать «Наброски», аргументируя тем, что эта работа устарела, полна неточностей, которые могли бы сбить с толку читателя, и к тому же написана еще целиком в гегелевской манере, которая тоже уже совершенно не подходит. «Статья, — добавил Энгельс, — имеет значение разве только как исторический документ» (т. 33, стр. 174).

Когда жившая в Лондоне эмигрантка из России Евгения Паприц в 1884 г. выразила желание перевести «Наброски к критике политической экономии», Энгельс

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 520.

ей ответил, что он польщен этим, и добавил: «Хотя я и теперь еще немного горжусь этой своей первой работой в области общественных наук, я очень хорошо знаю, что в настоящее время она совершенно устарела и полна не только ошибок, но и ляпсусов. Боюсь, как бы она не вызвала больше недоразумений, чем могла бы принести пользы» (т. 36, стр. 148).

Ключ к разгадке такого, на первый взгляд противоречивого, отношения Маркса и Энгельса к одному и тому же произведению заключается в правильном, марксистском подходе к истории развития науки и к оценке отдельных вех на пути этого развития. «Исторические заслуги, — писал Ленин, — судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»¹.

Историческая заслуга Энгельса в том, что в своих «Набросках» он положил начало критике буржуазной политической экономии с позиций коммунизма. Поэтому несомненно прав Меринг, когда он замечает, что работа Энгельса содержала плодотворные корни научного социализма и что в области экономической науки на первых порах «Энгельс был тем, кто давал, а Маркс тем, кто воспринимал»². Прав, думается, и советский исследователь молодых лет Энгельса, который считает, что историческое значение «Набросков» определяется не мимолетными ошибками, а «смелой попыткой преодолеть противоречия буржуазной политической экономии»³.

Эта работа характеризовала определенный этап в идейном развитии Энгельса. Она положила начало революционному перевороту в политической экономии и стояла неизмеримо выше тогдашней социалистической литературы, но все же осталась наброском, хотя и гениальным. Этот набросок, естественно, превратился в исторический документ, после того как критика буржуазной экономии была выполнена Марксом.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.

² Ф. Меринг. Карл Маркс. История его жизни, стр. 123.

³ М. В. Серебряков. Фридрих Энгельс в молодости, стр. 276.

«Труден лишь первый шаг» — эту французскую поговорку любил повторять Маркс. «Наброски» Энгельса явились первым, и притом значительным, шагом на пути создания и развития экономической теории марксизма¹. На этом пути основоположникам марксизма пришлось преодолеть и в дальнейшем огромные трудности, но это не умаляет исторического значения первого шага.

В работе Энгельса содержались в зародыше многие важнейшие принципы экономического учения марксизма. Роль этой работы в процессе становления марксистской политической экономии определяется прежде всего тем, что в ней впервые экономические проблемы рассматривались с позиций материалистического понимания истории. При этом, разумеется, необходимо учесть, что высказанная Марксом и Энгельсом в 40-х годах XIX в. идея материализма в социологии, гениальная сама по себе, на первых порах оставалась, по выражению Ленина, лишь научной гипотезой, но такой гипотезой, которая впервые открывала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам. Лишь со времени появления «Капитала» материалистическое понимание истории из гипотезы превратилось в научно доказанное положение, единственно научное понимание истории².

Но уже как гипотеза идея материализма в применении к общественной науке была чрезвычайно плодотворной, и первая экономическая работа Энгельса является в этом отношении ярким доказательством. К критике буржуазной политической экономии Энгельс приступил после того, как он уже прошел школу гегелевской диалектики и пришел к выводу, что необходимо диалектику коренным образом преобразовать на материалистической основе. В «Набросках» положено начало — и при-

¹ «Можно без преувеличения сказать, — пишет А. Малыш в содержательной статье «У истоков марксистской политической экономии», — что «Наброски к критике политической экономии» представляют собой первый крупный и уверенный шаг на пути революционного переворота в экономической науке, совершенного гением Маркса и Энгельса» («Вопросы экономики» № 6, 1963, стр. 53).

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 136—142.

том многообещающее начало — преодолению буржуазной политической экономии при помощи материалистической диалектики.

Этого не в состоянии отрицать даже люди, враждебные марксизму. Так, французский критик марксизма Шарль Андлер, утверждавший, будто бы Маркс и Энгельс были не более как последователями Пекера, Бюре, Сисмонди и Прудона, вынужден был признать, что хотя первая экономическая работа Энгельса еще «пропитана гегелевским формализмом», но в ней «уже чувствуется дух новой материалистической диалектики»¹.

Дух материалистической диалектики, которым проникнута первая экономическая работа Энгельса, обусловил важнейшую ее особенность: критика буржуазной политической экономии того времени представляет собой у Энгельса вместе с тем беспощадное разоблачение всей экономической системы капитализма, всего строя капиталистических отношений производства и обмена. Свою задачу он видит в том, чтобы, критикуя политическую экономию, исследовать основные категории, раскрыть «противоречие, привнесенное системой свободы торговли», и сделать «выводы, вытекающие из обеих сторон этого противоречия» (т. 1, стр. 548)².

Здесь уже заложена идея, которую спустя четверть века Маркс выразил в одном из писем к Энгельсу, указывая, что превратить политическую экономию в положительную науку можно только в том случае, если вместо противоречащих друг другу догм рассматривать противоречащие друг другу факты и действительные противоречия, являющиеся скрытой подоплекой этих догм (см. т. 32, стр. 145).

¹ Шарль Андлер. Историческое введение и комментарий к «Коммунистическому манифесту» К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1906, стр. 56.

² Думается, что на эту особенность «Набросков», а именно на неразрывную связь критики буржуазной политической экономии с разоблачением буржуазной экономической системы, обращается подчас недостаточно внимания. Возможно, причина в том, что в русском переводе слово «Οεκοπομίε» теряет двойственность своего значения: в немецком языке это слово означает как политическую экономию, так и совокупность экономических отношений.

В «Набросках» отчетливо намечен исторический подход к буржуазной политической экономии. Эта, по выражению Энгельса, наука обогащения прошла две основные стадии в своем развитии. На первой стадии — в меркантилистской системе — она соответствовала тем наивным представлениям о богатстве, которые свойственны раннему капитализму. XVIII век — век революции — революционизировал и политическую экономию. Отбросив устарелые меркантилистские представления, она провозгласила религию свободы торговли.

Но как и все революции XVIII в., революция в политической экономии носила односторонний характер. Она не преодолела противоположностей, а лишь дала им прикрытую, лицемерную форму. «Новая политическая экономия, система свободы торговли, основанная на «Богатстве народов» Адама Смита, оказалась тем же лицемерием, непоследовательностью и безнравственностью, которые во всех областях противостоят теперь свободной человечности» (т. 1, стр. 546).

Энгельс признает, что система Смита была для своего времени прогрессом, и притом необходимым прогрессом. Он в блестящей диалектической форме раскрывает содержание этого прогресса. Ниспровержение меркантилистской системы с ее монополиями и стеснениями торговых сношений было необходимо, указывает он, чтобы могли обнаружиться истинные последствия частной собственности; необходимо было, чтобы теория частной собственности приняла более научный характер, делающий ее ответственной также и за последствия, и тем самым перевела бы дело в общечеловеческую область; чтобы заключающаяся в старой политической экономии безнравственность была доведена до высшей точки попыткой ее отрицания и привнесением лицемерия как необходимым следствием этой попытки.

Все это было неизбежно, так как лишь обоснование и осуществление свободы торговли открывают возможность выйти за пределы «политической экономии частной собственности» и «изобразить эту свободу торговли во всем ее теоретическом и практическом ничтожестве» (т. 1, стр. 546).

Находясь еще под влиянием социалистической литературы того времени, в особенности произведений ранних английских социалистов, пользуясь принятыми в этой литературе языком и формой выражения, Энгельс гневно клеймит безнравственность, бесчеловечность, бесчестность, обман как отличительные черты буржуазных отношений и отражающих эти отношения категорий буржуазной политической экономии. Но если социалисты-утописты останавливались на позициях морального осуждения существующих отношений, то Энгельс идет гораздо дальше. Он не только страстно бичует волчьи законы борьбы всех против всех, господствующие в мире частной собственности и свободы торговли, но и показывает неизбежность их ликвидации.

Буржуазный экономист, указывает Энгельс, сам не знает, какому делу он служит. «Он не знает, что он со всем своим эгоистическим резонерством образует все же лишь звено в цепи общего прогресса человечества. Он не знает, что своим разложением всех частных интересов он лишь прокладывает путь тому великому перевороту, навстречу которому движется наш век, — примирению человечества с природой и с самим собой» (т. 1, стр. 550—551).

Здесь намечена идея об исторической обусловленности революционной смены капиталистического строя новым, социалистическим строем, смены, подготовляемой самим развитием капитализма. В дальнейшем ходе своего анализа, разбирая неразрешимые противоречия системы частной собственности, особенно резко выступающие в кризисах, Энгельс приходит к выводу, что «все это должно вызвать такую социальную революцию, какая и не снится школьной мудрости экономистов» (т. 1, стр. 561).

С установлением господства буржуазных отношений на смену католической прямоте, указывает Энгельс, пришло протестантское лицемерие. Век стал более гуманным, разум проложил себе дорогу, нравственность стала притязать на свое вечное право. Рассматривая Адама Смита как идеолога этого «нового века» с его протестантским лицемерием, Энгельс называет его Лютером политической экономии.

В своих «Экономическо-философских рукописях» Маркс писал, что Энгельс в этом отношении совершенно прав, и дал подробную расшифровку этого сравнения. Лютер признал религию, веру сущностью высшего мира и на этом основании восстал против католического язычества; он отменил внешнюю религиозность, превратив религиозность во внутреннюю сущность человека; он отверг находящихся вне мирянина попов потому, что пересадил попа в сердце человека.

Точно так же система Смита отвергла находящееся вне человека и не зависящее от него богатство, поскольку частная собственность воплощается в самом человеке, который признается ее сущностью; «но именно в силу этого сам человек берется в аспекте частной собственности, как у Лютера он берется в аспекте религии»¹.

Поэтому если буржуазная политическая экономия, добавляет Маркс, начинает с видимости признания человека, его самостоятельности, самодеятельности и т. д., то в процессе дальнейшего развития она должна отбросить это лицемерие и выступить во всем своем цинизме.

2

Во главу угла своей критики капитализма и буржуазной политической экономии Энгельс ставит разоблачение системы частной собственности и раскрытие имманентных этой системе противоречий. Критика частной собственности и порождаемых ею бедствий и пороков была обильно представлена в предшествовавшей социалистической литературе. В этой литературе не было недостатка в весьма эмоциональных оценках частной собственности как источника всех зол.

Но постановка вопроса о частной собственности у Энгельса коренным образом, принципиально отличается от того, как рассматривался этот вопрос до него. В то время как предшествовавшие социалистические писатели

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 581—582.

ограничивались негодованием и осуждением частной собственности, а некоторые из них, в частности Прудон, считали возможным устранить «плохие стороны» частнособственнических отношений, сохранив их «хорошие стороны», Энгельс подвергает систему частной собственности блестящему диалектическому анализу.

«Энгельс не умел еще разрешить противоречий буржуазной экономии и даже не первый указал на них, — писал Меринг, — это сделали уже до него английские и французские социалисты. Гениальный прогресс его статьи состоял в том, что противоречия эти выводились из настоящего источника — из частной собственности. Тем самым был открыт путь, приведший политическую экономию к социализму, и если Энгельс еще не продолжил этого пути, то все же он сумел отметить его важнейшие этапные пункты».

Таковыми отправными пунктами к созданию социалистической политической экономии Меринг считал рассуждения Энгельса относительно обезчеловечивающего действия капиталистической конкуренции, теории народонаселения Мальтуса, все возрастающей горячки капиталистического производства, торговых кризисов, закона заработной платы, успехов знания, которые при господстве частной собственности становятся из средства освобождения человечества средством все усиливающегося порабощения рабочего класса. Меринг подчеркивает, что «во всех этих рассуждениях заключаются плодотворные зачатки современного научного социализма со стороны экономического его содержания, и эти зачатки были впервые заложены Энгельсом»¹.

Шаг за шагом Энгельс последовательно вскрывает противоположности и противоречия той системы общественных отношений, которая находит свое выражение в частной собственности. Этот анализ служит основой для вывода, что те же условия, которые порождают частную собственность, в ходе дальнейшего развития общества должны привести к ее падению, к ее смене другим типом общественных отношений. Этот вывод,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Литературное наследство, т. I. М., 1907, стр. 318—319.

естественно, пока еще не сформулирован в такой научно обоснованной форме, как в позднейших произведениях вполне зрелого марксизма, но он уже намечен в «Набросках».

Единственным положительным достижением либеральной политической экономии Энгельс считал разработку законов частной собственности. Законы эти действительно содержатся в ней, но, замечает он, они еще не развиты до последних выводов и не выражены ясно. Там, где речь идет об отыскании кратчайших путей к обогащению, правы защитники свободной торговли в их спорах со сторонниками отживших взглядов, но не в спорах с противниками частной собственности, которые, как доказали английские социалисты, способны правильнее решать экономические вопросы (см. т. 1, стр. 547—548).

Фактически уже в этом раннем произведении Энгельса буржуазной политической экономии как политической экономии собственности противопоставляется новая политическая экономия — политическая экономия труда.

Спустя двадцать лет Маркс в «Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих» писал о борьбе вокруг законодательного ограничения рабочего дня в Англии как о «великом споре между слепым господством закона спроса и предложения, в котором заключается политическая экономия буржуазии, и общественным производством, управляемым общественным предвидением, в чем заключается политическая экономия рабочего класса». Он указывал, что принятие закона о десятичасовом рабочем дне было «не только важным практическим успехом, но и победой принципа; впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса», и предсказывал еще более значительные победы «политической экономии труда над политической экономией собственности» (т. 16, стр. 9).

Ближайшим следствием частной собственности является торговля, которую Энгельс вслед за Фурье и другими ранними социалистами клеймил как узаконенный обман. Сущность ее бесчеловечна и проникнута

враждой. Буржуазные экономисты во главе с А. Смитом объявили торговлю гуманной. Это, по словам Энгельса, лицемерный способ злоупотребления нравственностью для безнравственных целей, составляющий гордость системы свободной торговли (см. т. 1, стр. 549—550).

Анализ основных отношений в обществе, в котором господствует частная собственность, показывает, что, пока существует частная собственность, все сводится к конкуренции. Конкуренция — главная категория буржуазных экономистов, их любимая дочь, но она имеет лицо медузы. Частная собственность разъединяет людей, она изолирует каждого в его грубой обособленности, ведет к тому, что каждый враждебно противостоит другому. В этой враждебности «завершается безнравственность нынешнего состояния человечества, и этим завершением является конкуренция».

Закон конкуренции, по словам Энгельса, состоит в том, что спрос и предложение постоянно стремятся совпасть друг с другом и именно потому никогда не совпадают. Обе стороны все вновь отрываются друг от друга и превращаются в резкую противоположность. Энгельс показывает, как выглядят в системе частной собственности, свободы торговли и конкуренции, господства закона спроса и предложения все основные категории политической экономии, как они действуют и к каким ведут последствиям.

Раскрытие внутренних противоречий системы частной собственности и свойственных ей категорий показывает, что вопреки убеждению буржуазных экономистов система эта не может рассматриваться как естественная, разумная, вечная форма общества. Наоборот, неразрешимые противоречия буржуазной экономики определяют ее исторически преходящий характер. Анализируя экономические категории, Энгельс прослеживает противоречивый путь развития каждой из них и приходит к выводу, что разрешение свойственных ей противоречий предполагает уничтожение частной собственности.

Энгельс последовательно разбирает противоречия, кроющиеся в торговле и конкуренции. При этом он исследует взаимосвязь и взаимопроникновение противопо-

ложностей, какими являются конкуренция и монополия. Всякий конкурент, указывает он, должен стремиться к монополии. «Конкуренция покоится на интересе, а интерес снова создает монополию; короче говоря, конкуренция переходит в монополию». Но есть другая сторона: монополия не может остановить поток конкуренции; более того, она снова порождает конкуренцию. Наконец, конкуренция уже предполагает главную монополию, а именно монополию частной собственности. «Какая жалкая поэтому половинчатость, — заключает Энгельс, — нападать на мелкие монополии и сохранять основную монополию!» (т. 1, стр. 559, 560).

Там, где буржуазные экономисты видели гармонию, Энгельс раскрывает непримиримую противоположность интересов. Согласно взглядам буржуазных экономистов, издержки производства товара состоят из трех элементов: земельной ренты за участок земли, необходимый для производства сырья, из капитала вместе с доходом на него и из платы за труд. При господстве частной собственности непримиримая враждебность разделяет эти элементы. Прежде всего происходит разделение производства на две противоположные стороны — природную и человеческую. Это, с одной стороны, земля, которая мертва и бесплодна без оплодотворения ее трудом человека, и, с другой стороны, человеческая деятельность, первым условием которой является именно земля. Далее, человеческая деятельность распадается на труд и капитал, и эти стороны выступают враждебно друг к другу.

Но дробление, вызываемое частной собственностью и конкуренцией, на этом не останавливается: происходит дробление каждого из этих трех элементов. Так как частная собственность изолирует каждого и в то же время каждый имеет тот же интерес, что и его сосед, то землевладелец враждебно противостоит землевладельцу, капиталист — капиталисту и рабочий — рабочему.

Нетрудно заметить, что в трактовке трех элементов производства — труда, капитала и земли, которым соответствуют три формы доходов в капиталистическом обществе, Энгельс еще остается на почве традиционных представлений предшествующих экономистов. Эти пред-

ставления впоследствии были решительно преодолены марксизмом. Но показательно, что Энгельс не останавливается на моральном осуждении противопоставления элементов производства, а идет дальше и показывает, как уничтожение частной собственности ликвидирует и связанные с ней противоречия. В этом отношении он подымается неизмеримо выше своих современников — утопических критиков капитализма.

3

С уничтожением частной собственности, пишет Энгельс, земельная рента сведется к своей истине, к тому разумному воззрению, которое лежит в ее основе. Стоимость земли, отделенная от земли в виде ренты, вернется тогда к самой земле. Эта стоимость, измеряемая производительной способностью равных площадей при равном количестве затраченного на них труда, действительно должна быть принята в расчет при определении стоимости продуктов как часть издержек производства.

Раз мы устраним частную собственность, пишет далее Энгельс, то отпадут противоестественные расщепления и разделения, возникшие из первоначального отделения капитала от труда и из завершающего это отделение раскола человечества на капиталистов и рабочих, раскола, который с каждым днем неизбежно обостряется и усиливается. Станет ясно, что капитал — ничто без труда. «Значение прибыли сведется к значению той гири, которую капитал кладет на чашу весов при определении издержек производства, и эта прибыль будет в такой же степени присуща капиталу, в какой он сам вернется к первоначальному единству капитала и труда».

Наконец, стоит нам уничтожить частную собственность, как отпадет неестественное деление самого труда, выражающееся в том, что продукт труда противостоит труду в виде заработной платы. Труд станет своим собственным вознаграждением, и с полной ясностью обнаружится истинное значение прежде отчужденной заработной платы: значение труда для определения издер-

жек производства какой-либо вещи (см. т. 1, стр. 557, 558—559).

В этих рассуждениях Энгельса под оболочкой применявшейся предшествовавшими экономистами терминологии проводится социалистическая идея об исторически преходящем характере капитализма и свойственных ему экономических категорий. С уничтожением частной собственности конкуренция, по словам Энгельса, сведется к соревнованию, которое после устранения противоположных интересов «будет ограничено присущей ему своеобразной и разумной сферой» (т. 1, стр. 562).

Энгельс подвергает критике употребляемое экономистами выражение «национальное богатство». «Пока существует частная собственность, — пишет он, — выражение это не имеет смысла. «Национальное богатство» англичан очень велико, и все же они — самый бедный народ в мире» (т. 1, стр. 548). Эта мысль получает дальнейшее развитие в связи с разбираемым Энгельсом противоречием между производительной и потребительной силой общества.

Борьба всех против всех, характерная для господства частной собственности, приводит производство в лихорадочное состояние, при котором все его естественные и разумные отношения ставятся на голову. В результате напряжения всех сил в конкурентной борьбе «в развитии производства должна наступить такая стадия, на которой окажется так много избыточной производительной силы, что огромной массе народа нечем будет жить, что люди станут умирать с голоду — и именно от избытка» (т. 1, стр. 563). В чередовании фаз промышленного производства — расцвета и кризиса, перепроизводства и застоя — особенно резко выступает это противоречие одновременного существования богатства и нищеты.

Производительная сила, находящаяся в распоряжении человечества, беспредельна, пишет Энгельс. Урожайность земли может быть бесконечно повышена путем приложения капитала, труда и науки. Капитал увеличивается с каждым днем, рабочая сила растет с ростом населения, а наука все больше и больше подчиняет людям силы природы. Эта беспредельная произво-

дительная сила, если бы она была использована сознательно и в интересах всех, сократила бы до минимума труд, выпадающий на долю человечества. Но при господстве частной собственности и конкуренции, основанной на ней, одна часть рабочих работает по 14—16 часов в сутки, в то время как другая остается без работы и умирает с голоду (см. т. 1, стр. 563—564).

Так Энгельс вплотную подходит к раскрытию всеобщего закона капиталистического накопления. Чтобы объяснить возникающее при господстве частной собственности безумное состояние, буржуазная политическая экономия придумала теорию народонаселения. Энгельс подвергает эту теорию блестящей критике. Если довести ее до последовательного конца, указывает он, то следовало бы признать, *«что земля была перенаселена уже тогда, когда существовал только один человек»* (т. 1, стр. 565). Маркс в «Капитале», в главе о всеобщем законе капиталистического накопления, рассматривая вопрос об избыточном рабочем населении и упоминая в этой связи мальтусовскую теорию перенаселения, в примечании отсылает к той критике теории Мальтуса, которая была дана Энгельсом в «Набросках» (см. т. 23, стр. 648).

В этой работе Энгельс еще не видел действительного соотношения между ценой и стоимостью и по существу отрицал стоимость, считая, что вечное колебание цен разрушает посредством конкуренции всякую внутренне присущую вещам стоимость и изменяет ежедневно и ежечасно меновые отношения всех вещей друг к другу. Научный анализ капитализма, осуществленный основоположниками марксизма, показал, что вечное колебание цен вокруг стоимости не только не отменяет закона стоимости, но является необходимым и единственно возможным в условиях господства частной собственности способом действия закона стоимости.

Не будучи в состоянии раскрыть подлинную роль конкуренции в осуществлении закона стоимости, Энгельс тем не менее делает чрезвычайно интересное замечание, что «истина конкуренции» состоит в отношении потребительной силы к производительной силе. Обращая взор к будущему обществу, к строю, достойному чело-

вещества, Энгельс пишет, что там не будет иной конкуренции, кроме этой. Общество должно будет рассчитывать, что можно произвести при помощи имеющихся в его распоряжении средств, и определить размеры производства сообразно с соотношением этой производительной силы к массе потребителей (см. т. 1, стр. 562).

На эту мысль, высказанную в «Набросках», впоследствии ссылался как Маркс, так и Энгельс. В письме к Энгельсу от 8 января 1868 г. Маркс писал: «Действительно, никакая форма общества не может помешать тому, чтобы рабочее время, имеющееся в распоряжении общества, тем или иным путем регулировало производство. Но пока это регулирование осуществляется не путем прямого сознательного контроля общества над своим рабочим временем — что возможно лишь при общественной собственности, — а благодаря движению товарных цен, до тех пор остается в силе то, что ты совершенно правильно сказал еще в «Deutsch-Französische Jahrbücher»» (т. 32, стр. 9). А Энгельс в «Анти-Дюринге» заметил, что в коммунистическом обществе все, что остается от такой экономической категории, как стоимость, заключается в необходимости взвешивания полезного эффекта и трудовой затраты при решении вопроса о производстве, и при этом сослался на работу 1844 г. (см. т. 20, стр. 321).

К числу плодотворных идей, впервые выдвинутых в «Набросках» и затем прочно вошедших в научный арсенал марксистской политической экономии, относятся мысли о специфической природе экономических законов капитализма. Рассматривая закон конкуренции, Энгельс раскрывает несостоятельность попыток буржуазной политической экономии представить этот закон как источник гармонии. Закон конкуренции ведет к тому, что никогда не бывает здорового состояния, а происходит постоянная смена возбуждения и расслабления, вечное колебание, никогда не приходящее к концу.

Этот закон с его постоянными нарушениями равновесия буржуазная политическая экономия находит превосходным, он составляет ее главную гордость. На самом же деле, замечает Энгельс, закон этот — чисто естественный закон, действующий как элементарная сила

природы. Апологию закона спроса и предложения у буржуазных экономистов Энгельс сопоставляет с практикой строя частной собственности, разбивающей наголову апологетические теории.

Буржуазный экономист, расхваливая свою теорию спроса и предложения, пытается доказать, что «никогда не может быть произведено слишком много», а практика отвечает регулярно повторяющимися торговыми кризисами. Указывая, что кризисы, «эти торговые революции», в полной мере подтверждают закон, но не тем способом, как это изображает буржуазный экономист, Энгельс продолжает: «Что должны мы думать о таком законе, который может проложить себе путь только посредством периодических революций? Это и есть естественный закон, покоящийся на том, что участники здесь действуют бессознательно».

Если бы производители знали, сколько нужно потребителям, если бы они организовали производство, колебания конкуренции и кризисы были бы невозможны. «Начните производить сознательно, как люди, — писал Энгельс, — а не как рассеянные атомы, не имеющие сознания своей родовой общности, и вы избавитесь от всех этих искусственных и несостоятельных противоположностей». Но пока производство ведется «нынешним несознательным, бессмысленным, предоставленным господству случая способом», неизбежны кризисы, и каждый последующий оказывается глубже и тяжелее предыдущего (см. т. 1, стр. 561).

Маркс в первом томе «Капитала», указывая, что закон стоимости при вполне развитом товарном производстве прокладывает себе путь лишь насильственно, в качестве регулирующего естественного закона, действующего подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом, приводит в примечании то место из «Набросков» Энгельса, где говорится о естественном законе, который может проложить себе путь только посредством периодических революций, поскольку производство ведется бессознательно (см. т. 23, стр. 85).

В своей первой экономической работе Энгельс обратил внимание на то, что, хотя капитал делится на первоначальный капитал и на прибыль — прирост капитала,

на практике эта прибыль тотчас же присоединяется к капиталу и вместе с ним пускается в оборот (см. т. 1, стр. 557). Маркс приводит это замечание, показывая, что в движении капитала деньги, в форме которых к концу движения существует как капитал, так и его прирост, образуют его новое начало (см. т. 23, стр. 162—163).

Глубина критики буржуазной политической экономии и экономических отношений капитализма, значимость и плодотворность идей, составляющих содержание первой экономической работы Энгельса, не подлежат сомнению. Но почему в таком случае ее автор впоследствии считал, что она полна не только ошибок, но и грубых промахов, что она устарела и при издании для рядового читателя, желающего ознакомиться с марксизмом, принесла бы больше вреда, чем пользы?

В этой суровой оценке отразилась прежде всего необычайная требовательность к себе и склонность к строжайшей самокритике, столь характерные для Энгельса. Но разумеется, этим не исчерпывается дело. Думается, что основная причина «устарения» этой работы с точки зрения вполне зрелого марксизма заключается в том, что в ней еще не нашел своего воплощения один из коренных принципов материалистической диалектики.

Этот принцип, по замечательному определению Ленина, состоит в том, что для диалектики характерно и существенно не голое отрицание — хотя она содержит в себе элемент отрицания, и притом как важнейший свой элемент, — а «отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики»¹. Такого подхода к анализу учений буржуазных экономистов, равно как к исследованию экономических отношений буржуазного способа производства, в «Набросках» еще не было. Свое полное воплощение этот принцип диалектики нашел в произведениях зрелого марксизма, в которых экономическая наука рабочего класса разработана «с удержанием положительного», имевшегося во всей предшествовавшей истории экономических идей.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 207.

По свидетельству Меринга, Либкнехт сказал однажды, что совершенно неправильно видеть в Марксе неприступного, а в Энгельсе более мягкого и податливого человека, впервые передавшего массам мысли Маркса. Хотя Энгельс писал гораздо доступнее Маркса, но он был гораздо суровее Маркса. Впечатление, вынесенное Либкнехтом из личного знакомства с Марксом и Энгельсом, подтверждается духовной их физиономией, поскольку она отражается в их работах. Имея в виду первые работы Энгельса, Меринг пишет, что Энгельс гораздо скорее составлял свое суждение и поэтому был более склонен к полемике, чем Маркс; попади Маркс в Англию, он не так скоро покончил бы счеты с Адамом Смитом и Рикардо, как это удалось Энгельсу в его «Набросках». Это можно утверждать с полной уверенностью, поскольку известно, как тщательно изучал Маркс Смита и Рикардо и как он использовал научные элементы их взглядов¹.

История любой науки возникает как ее самостоятельный раздел лишь на той ступени ее развития, когда критический анализ достижений прошлого становится необходимым для дальнейшего движения вперед в области данной науки. Так, несомненно, обстояло дело ко времени возникновения марксистской политической экономии.

Говоря о буржуазных экономистах, Энгельс в «Набросках» еще не отделял представителей научной политической экономии от вульгарных экономистов, беря за одни скобки А. Смита и Сэя, Рикардо и Мальтуса. Он еще не различал эзотерического подхода к изучению экономической действительности, проникающего в глубь вещей, от экзотерического, остающегося на поверхности явлений. Он еще не видел значения трудовой теории стоимости, которая, будучи последовательно развита, разработана и обоснована Марксом, легла в основу теории прибавочной стоимости и таким образом имела огромное значение для создания политической экономии рабочего класса. Но великая заслуга Энгельса состоит

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Литературное наследство, т. I, стр. 318.

в том, что он провозгласил противоположность политической экономии частной собственности и политической экономии труда, гениально наметил и предугадал ряд важнейших направлений научной, социалистической критики догматов буржуазной политической экономии и отразившихся в этих догматах производственных отношений буржуазного общества.

В заключение своей критики буржуазной политической экономии Энгельс замечает, что рассмотрение последствий машинного производства приводит к другой теме — к фабричной системе; он указывает, что имеет в виду «подробно разобрать отвратительную безнравственность этой системы и беспощадно разоблачить лицемерие экономистов, выступающее здесь в своем полном блеске» (т. 1, стр. 571). Но «Немецко-французские ежегодники» после выхода первого выпуска прекратили свое существование из-за расхождений между редакторами этого издания — Марксом и Арнольдом Руге. Свое намерение, возведенное в «Набросках», Энгельс реализовал в виде книги «Положение рабочего класса в Англии».

Глава
II «Положение рабочего класса
в Англии»

- 1. Обвинительный акт против буржуазии.**
- 2. Промышленная революция и происхождение пролетариата.**
- 3. Классовый антагонизм между буржуазией и пролетариатом.**
- 4. Рабочее движение и социализм.**
- 5. Условия жизни рабочего класса в развитом капитализме**

1

Работа Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» была написана всего лишь через год после «Набросков к критике политической экономии». Но этот год был насыщен важными событиями в жизни Энгельса и явился значительным этапом в его идейном развитии.

Встретившись в августе 1844 г. в Париже, Маркс и Энгельс выяснили полное совпадение своих теоретических и политических взглядов и решили изложить свои воззрения в форме критики идеалистической философии младопегельянцев во главе с Бруно Бауэром. Сообща был составлен план работы, и Энгельс тут же написал свою часть текста. Большую часть книги объемом свыше 20 печатных листов написал Маркс, который продолжал работать над ней до конца ноября 1844 г. Книга вышла в свет в конце февраля 1845 г.

Свою первую совместную работу Маркс и Энгельс первоначально предполагали назвать «Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании», впоследствии же, при издании книги, был добавлен заголовок «Святое семейство». В этой работе были заложены, по словам Ленина, основы революционно-материалистического социализма¹. Ленин в 1895 г., во время своей краткой заграничной поездки, тщательно законспектировал «Святое семейство»² и в написанной осенью

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 9—10.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 3—40.

того же года статье об Энгельсе подчеркнул значение этого произведения в формировании марксистского мировоззрения.

Бруно Бауэр и его последователи, стоя на идеалистических позициях и высокомерно третируя материализм, проповедовали критику, оторванную от действительной жизни, стоящую якобы выше партий и политики вообще. Отрицая всякую практическую деятельность и лишь «критически» созерцая окружающий мир и разворачивающиеся в нем события, они свысока относились к пролетариату как к «некритической» массе.

Маркс и Энгельс решительно восстали против этого направления. «Во имя действительной человеческой личности — рабочего, попираемого господствующими классами и государством, они требуют не созерцания, а борьбы за лучшее устройство общества. Силу, способную вести такую борьбу и заинтересованную в ней, они видят, конечно, в пролетариате»¹.

Критикуя идеалистические взгляды младогегельянцев, Маркс и Энгельс на первых порах находились под определенным влиянием материалистических воззрений Людвига Фейербаха. Философия Фейербаха сыграла большую роль в переходе Маркса и Энгельса от идеализма к материализму. Но материализм Фейербаха был непоследовательным. По характеристике Энгельса, тот могучий толчок, который Фейербах дал умственному движению, для него самого остался совершенно бесплодным. Не найдя дороги из царства абстракций в живой, действенный мир, Фейербах изо всех сил хватался за природу и за человека. «Но чтобы перейти от фейербаховского абстрактного человека к действительным, живым людям, необходимо было изучать этих людей в их исторических действиях. . .

Надо было заменить культ абстрактного человека, это ядро новой религии Фейербаха, наукой о действительных людях и их историческом развитии». Это дальнейшее развитие точки зрения Фейербаха, выходящее за пределы его философии, было начато в «Святом семействе» (см. т. 21, стр. 299).

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 10.

Конспектируя «Святое семейство», Ленин подробно выписывал положения, в которых нашел выражение процесс формирования социологических и экономических идей марксизма. Так, он цитирует высказывание, в котором говорится, что представление о «равном владении» есть «общественное отношение человека к человеку», и отмечает, что это место показывает, как Маркс подходит к основной идее всей своей «системы» — именно к идее общественных отношений производства. Далее Ленин отмечает те места из «Святого семейства», где речь идет о зависимости стоимости предмета от рабочего времени, требующегося для его производства, и указывает, что здесь Маркс подходит к теории трудовой стоимости¹.

Выдающееся значение имели сформулированные в «Святом семействе» взгляды на всемирно-историческую роль пролетариата. Политическая экономия, писали авторы, принимающая отношения частной собственности за человеческие и разумные, непрерывно впадает в противоречие со своей основной предпосылкой — частной собственностью. Пролетариат и богатство — это противоположности, образующие некое единое целое, поскольку они оба порождены миром частной собственности. Но каждый из этих двух элементов занимает различное положение в рамках этого антагонизма. Частный собственник представляет собой консервативную, пролетарий — разрушительную сторону. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение.

И вывод гласит: «Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 15—16.

его противоположность — частная собственность» (т. 2, стр. 39).

«Критические критики» утверждали, будто социалисты, признавая за пролетариатом эту всемирно-историческую роль, считают пролетариев «богами». В «Святом семействе» разоблачается эта ложь. Поскольку жизненные условия пролетариата в современном обществе достигли высшей степени бесчеловечности, пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий, а этого он не может осуществить, не уничтожив всех бесчеловечных условий, сконцентрированных в его собственном положении. «Он не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу *труда*. Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и *что он, сообразно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать*. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества» (т. 2, стр. 40).

В связи с раскрытием роли пролетариата в «Святом семействе» было выдвинуто положение: «Вместе с основательностью исторического действия будет... расти и объем массы, делом которой оно является» (т. 2, стр. 90). Ленин указывал, что в этих словах выражено одно из самых глубоких и самых важных положений историко-философской теории марксизма¹, что они представляют собой одно из самых глубоких и знаменитых изречений основателей современного коммунизма². Таким образом, «Святое семейство», будучи в первую очередь философским сочинением, содержало ряд важнейших идей, вошедших в арсенал исторического материализма и марксистской политической экономии.

Если «Наброски к критике политической экономии» были написаны Энгельсом в тот период, когда он и

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 539.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 443.

Маркс независимо друг от друга приходили к одним и тем же теоретическим позициям, то «Положение рабочего класса в Англии» было создано уже после зарождения такого изумительного содружества основоположников научного коммунизма, которое наложило неизгладимую печать на все их дальнейшие работы¹.

Работу над этим трудом Энгельс начал после приезда в Бармен в начале сентября 1844 г. и закончил ее в середине марта 1845 г. Предисловие помечено: Бармен, 15 марта 1845 г. В конце мая того же года книга вышла в свет.

«Положение рабочего класса в Англии» знаменовало одну из важнейших вех в становлении научного коммунизма в целом и пролетарской политической экономии в особенности. В отличие от «Набросков к критике политической экономии» эту книгу Энгельс охотно переиздал несколько десятков лет спустя без каких-либо изменений. При жизни Энгельса она переиздавалась трижды: на английском языке в 1887 г. в Нью-Йорке и в 1892 г. в Лондоне, а в 1892 г. вышло второе немецкое издание. В написанном в 1887 г. приложении к американскому изданию, которое затем было воспроизведено почти полностью в предисловиях к английскому и немецкому изданию, Энгельс отмечает, что книга была написана, когда ему было 24 года, и на ней лежит печать молодости автора с ее хорошими и плохими чертами, но ни тех, ни других ему нечего стыдиться (см. т. 21, стр. 260 и т. 22, стр. 326). Оговариваясь, что он не собирается в какой бы то ни было мере стереть с книги эту печать юности, Энгельс вместе с тем указы-

¹ На тесную связь между «Святым семейством» и «Положением рабочего класса в Англии» обратил внимание Д. И. Розенберг в своей посмертной работе о развитии экономического учения марксизма: ««Святое семейство», в основном написанное Марксом, но при активном участии Энгельса, и «Положение рабочего класса в Англии», написанное Энгельсом, но подготовленное к печати после встречи с Марксом, — обе эти работы являются и результатом самостоятельного идейного развития каждого из авторов, и продуктом их идейного общения и совместного обсуждения вопросов» (Д. И. Розенберг. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века. М., 1954, стр. 170).

Титульный лист первого издания книги
«Положение рабочего класса в Англии»

вает, что общая теоретическая точка зрения его книги в философском, экономическом и политическом отношении не вполне совпадает с его теперешней точкой зрения. «В 1844 г., — продолжает он, — еще не существовало современного международного социализма, который с тех пор, прежде всего и почти исключительно благодаря трудам Маркса, полностью развился в науку. Моя книга представляет собой только одну из фаз его эмбрионального развития» (т. 21, стр. 265; т. 22, стр. 331). Далее он напоминает, что в этой книге повсюду заметны следы происхождения современного социализма от одного из его предков — немецкой философии.

При этом Энгельс указывает, что он умышленно не вычеркнул из текста книги многие предсказания, в том числе относительно близости социальной революции в Англии, на которые он «отважился под влиянием своей юношеской горячности». Удивительно не то, продолжает он, что довольно многие из них не оправдались, а то, что столь многие сбылись. В частности, сбылось предвидение о том, что английская промышленность под сильнейшим давлением германской и в особенности американской промышленности окажется в критическом положении и потеряет свою монополию на мировом рынке (см. т. 21, стр. 266; т. 22, стр. 332).

«Положение рабочего класса в Англии» прочно вошло в идейную сокровищницу марксизма. Книга эта, по характеристике Ленина, явилась ужасным обвинением капитализма и буржуазии¹. С ее страниц, дышащих беспредельным сочувствием к страданиям рабочего класса, прозвучал призыв к борьбе за освобождение пролетариата. О бедствиях трудящихся масс, о необходимости помочь им писали многие и до Энгельса. Но Энгельс первый объяснил, что пролетариат не только страдающий класс, а что именно его экономическое порабощение неудержимо толкает его вперед и побуждает бороться за свое освобождение, что пролетариат обладает силой, способной покончить с эксплуатацией. С одной стороны, политическое движение пролетариата не-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 9.

избежно приводит рабочих к пониманию того, что единственным выходом для них является социализм. С другой стороны, социализм становится действительной силой лишь тогда, когда он составляет цель политической борьбы рабочего класса.

Характеризуя таким образом основные мысли работы Энгельса, Ленин указывал, что впоследствии они были усвоены всем мыслящим и борющимся пролетариатом, но во время появления этой работы они были совершенно новыми. «Эти мысли были изложены в книге, увлекательно написанной, полной самых достоверных и потрясающих картин бедствий английского пролетариата»¹.

В этой работе Энгельс использовал как результаты своих личных наблюдений, так и плоды тщательного изучения общественного развития Англии. В обращении к рабочему классу Великобритании, которому Энгельс посвятил свой труд, он писал: «Я достаточно долго жил среди вас, чтобы ознакомиться с вашим положением. Я исследовал его с самым серьезным вниманием, изучил различные официальные и неофициальные документы, поскольку мне удавалось раздобыть их, но все это меня не удовлетворило. Я искал большего, чем одно абстрактное знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал. Я оставил общество и званые обеды, портвейн и шампанское буржуазии и посвятил свои часы досуга почти исключительно общению с настоящими рабочими; я рад этому и горжусь этим». В предисловии к книге Энгельс писал, что в ней изложено то, что он видел, слышал и читал в течение 21 месяца жизни в Англии, когда он имел возможность непосредственно по личным наблюдениям и в личном общении изучить английский пролетариат, его стремления, его страдания и радости, одновременно дополняя свои наблюдения сведениями из достоверных источников (см. т. 2, стр. 235, 238—239).

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 9.

В Англии Энгельс не только пристально наблюдал жизнь промышленно развитого общества, но и усердно изучал тогдашнюю социалистическую, в особенности чартистскую литературу. «Можно предположить, — пишет советский историк рабочего движения в Англии, — что Энгельс почерпнул именно из этой литературы свое первое воззрение на теорию классовой борьбы, как он, вообще, научился изображать классовую борьбу в своей первой книге о «Положении рабочего класса в Англии»»¹.

Это сочетание результатов непосредственных наблюдений пронизательного ума с плодами аналитической работы пытливого исследователя как над документами, так и над ранней социалистической литературой создает неповторимую силу книги Энгельса. «На книгу Энгельса, — писал Ленин спустя полвека после ее появления, — стали всюду ссылаться, как на лучшую картину положения современного пролетариата. И действительно, ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса»².

Спустя почти два десятилетия после появления этой книги Маркс, вновь перечитывая ее, писал Энгельсу, что ее главное содержание «до мельчайших подробностей подтвердилось дальнейшим развитием после 1844 года. . .

Как свежо, страстно, с каким смелым предвидением, без ученых и научных сомнений написана эта вещь! И сама иллюзия, что завтра или послезавтра можно будет воочию увидеть исторический результат, придает всему так много теплоты и жизнерадостности. . .» (т. 30, стр. 280).

А в первом томе «Капитала» мысль Маркса неоднократно возвращается к работе Энгельса, и он ссылается на нее во многих местах, особенно при рассмотрении рабочего дня и машинного производства. Насколько глубоко понял Энгельс дух капиталистического производства, замечает он в одном месте, показывают отчеты

¹ Ф. А. Ротштейн. Очерки по истории рабочего движения в Англии. М., 1923, стр. 124.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 9.

фабричных и горнопромышленных инспекторов, появившиеся после 1845 г., а как поразительно обрисовал он детали положения рабочего класса, показывает даже поверхностное сравнение его работы с официальными отчетами комиссии по детскому труду, появившимися 18—20 лет спустя (см. т. 23, стр. 251).

«Это была первая книга, которую я приобрел и откуда я впервые почерпнул представление о рабочем движении»¹, — вспоминал впоследствии соратник Маркса и Энгельса по Союзу коммунистов рабочий Ф. Лесснер. Но и для последующих поколений борцов за дело рабочего класса книга Энгельса служила могучим толчком к пробуждению классового сознания, к переходу на позиции научного коммунизма. На протяжении многих десятилетий эта работа является одним из наиболее действенных произведений революционной социалистической пропаганды. Ее пропагандистская сила не только в потрясающем описании преступлений буржуазного строя по отношению к людям труда — созидателям всех материальных и духовных богатств общества, но и в ее глубоком научном содержании.

В этой книге Энгельс впервые в экономической литературе ставит и разрешает ряд кардинальных проблем, относящихся к положению и роли пролетариата в капиталистическом государстве. Он избрал в качестве предмета исследования Англию по той же причине, по которой Маркс спустя два десятилетия пользовался в «Капитале» главным образом фактическим материалом из экономической жизни и социальных отношений этой страны: это была не только старейшая капиталистическая страна, но она оставалась на протяжении по крайней мере первых двух третей XIX в. классической страной капитализма.

2

Энгельс исследовал условия жизни и борьбы пролетариата, начиная с вопроса о его происхождении. Современный промышленный пролетариат представляет

¹ «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», стр. 172.

собой порождение крупной капиталистической машинной индустрии. История рабочего класса в Англии начинается со второй половины XVIII в., с появления паровой машины и машин для обработки хлопка. Возникновение машинной индустрии явилось переворотом мирового значения. Это была подлинная промышленная революция, имевшая громадные последствия для Англии и для всего мира.

Критикуя народнических экономистов — последователей Сисмонди, Ленин отмечал, что Сисмонди жил как раз в то время, когда делала свои первые шаги на континенте Европы крупная машинная индустрия, когда начиналось то резкое преобразование всех общественных отношений под влиянием машины, которое принято называть в экономической литературе промышленной революцией. И далее Ленин приводит классическую характеристику промышленной революции, данную Энгельсом, сумевшим оценить всю глубину переворота, создавшего на месте патриархальных полусредневековых обществ современные европейские общества¹.

Впервые в экономической литературе Энгельс дал анализ промышленной революции, раскрыв ее причины и следствия, обрисовав порожденные ею коренные изменения в жизни общества. Со времени появления книги Энгельса не только термин «промышленная революция», но и вложенное им в этот термин содержание прочно вошли в научный арсенал политической экономии.

На основе большого фактического и цифрового материала Энгельс рисует распространение машинного производства, победу механического труда над ручным в решающих сферах английской экономики. Он начинает с главной в те времена отрасли английской промышленности — хлопчатобумажной, затем рассматривает шерстяную, льняную и шелковую промышленность. Толчок, который получила промышленность с 1760 г., не ограничился текстильными отраслями — он распространился на все отрасли промышленной деятельности. Паровая машина потребовала разработки угольных залежей, развития выплавки металла. Возникает машиностроение,

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 231.

возрастает добыча цинка, меди и свинца — словом, решительно вся промышленная жизнь страны вовлекается во всеобщий водоворот развития. Переворот охватывает сельское хозяйство, крупные фермеры вкладывают капитал в улучшение почвы, делаются первые шаги по применению химии в земледелии. В области путей сообщения быстро растет протяженность шоссейных дорог, проводятся каналы, строятся железные дороги, появляются пароходы.

Подытожив вкратце историю английской промышленности за последние десятилетия XVIII в. и первые десятилетия XIX в., Энгельс приходит к заключению, что это история, подобной которой еще не было в летописях человечества. Шестьдесят — восемьдесят лет тому назад Англия была такой же страной, как и другие, с неразвитой и несложной промышленностью и редким, по большей части сельскохозяйственным населением. В результате промышленной революции Англия превратилась в страну, совершенно отличную от всех других стран, со столицей с 2,5 миллиона жителей, с огромными фабричными городами, с промышленностью, снабжающей весь мир изделиями машинного производства. Ее деятельное, образованное, густое население, две трети которого заняты в промышленности, состоит совсем из других классов, даже, можно сказать, представляет собой совсем иную нацию, с иными нравами и потребностями, чем прежде. И общий вывод об историческом значении происшедших изменений таков: промышленная революция имела для Англии такое же значение, как политическая для Франции или философская для Германии, и расстояние между Англией 1760 г. и Англией 1844 г. по крайней мере столь же велико, как между Францией старого порядка и Францией июльской революции (см. т. 2, стр. 256).

Важнейшим продуктом промышленной революции явился английский пролетариат. В работе Энгельса впервые был дан научный анализ пролетариата как класса капиталистического общества, класса, порожденного машинным производством. Пролетариат был создан машинами, быстрое развитие промышленности требовало рабочих рук, и целые толпы рабочих стали переко-

чезывать из земледельческих округов в города. Возникли крупные фабричные и торговые центры, в которых почти три четверти населения составляет рабочий класс.

Крупная индустрия росла на базе превращения прежних простых орудий производства в машины, мануфактурных мастерских в фабрики, мелких производителей в рабочий пролетариат, а крупных торговцев в промышленников. Так происходит распадение на два лагеря — рабочих и капиталистов — того населения, которое связано с крупной машинной индустрией. Такой же процесс расслоения неизбежно совершается в ремесле и торговле, где на место прежних мастеров и подмастерьев появляются, с одной стороны, капиталисты, с другой — рабочие, лишенные всякой надежды когда-либо подняться над уровнем своего класса. Прежде, при господстве мелкого ремесленного производства, у рабочего была надежда устроиться где-нибудь в качестве мастера, а затем, может быть, даже принанять подмастерьев. Но после того как сам мастер был вытеснен фабрикантом, когда для самостоятельного занятия каким-либо промыслом стали требоваться большие капиталы, пролетариат становится постоянным классом населения: кто родился пролетарием, тот всю жизнь должен оставаться им.

Энгельс бросил в лицо английской буржуазии смелый вызов. Она проявляет полнейшее невежество во всем, что касается рабочих, в стране еще нет ни одной удовлетворительной книги об их положении, и это отнюдь не случайно: буржуазия стремится выдать свои специфические интересы за национальные интересы, она стыдится обнаружить перед глазами всего мира язвы на теле Англии.

Вызов, брошенный Энгельсом, попал в цель. После появления его книги для буржуазии уже стало невозможным замалчивать положение трудящихся масс. Появились книги, в которых представители интересов господствующих классов, насилуя действительность, пытались представить жизнь рабочего класса в радужном свете. Но наряду с такими апологетическими поделками создавались произведения честных авторов, добавляв-

ших новые штрихи к картине бедствий рабочего класса, нарисованной Энгельсом.

«Синие книги» — объемистые отчеты различных официальных комиссий, обследовавших положение в определенных отраслях английской промышленности, относительно которых Энгельс писал, что они обречены навеки лежать среди груды ненужных бумаг на полках министерских канцелярий, — были извлечены из забвения только Марксом. Под его пером эти потрясающие документы бесчеловечности буржуазии превратились на страницах «Капитала» в грозный обвинительный акт против капитализма.

В своей книге Энгельс с глубокой проницательностью предсказал, что положение, создавшееся в Англии, неизбежно возникнет и в других странах. Англия представляла классический образец промышленной революции, но именно образец, которому в дальнейшем пришлось последовать и другим странам. Ход исторического процесса блестяще подтвердил это предвидение, сделанное Энгельсом в то время, когда среди современников был распространен взгляд на английские условия как на исключительные и неповторимые.

Книга Энгельса была написана и издана на немецком языке. Цель ее заключалась в социалистическом просвещении немецких рабочих, в ознакомлении их с условиями жизни английского пролетариата и опытом его классовой борьбы. Энгельс указывал, что изображение той классической формы, которую приняли условия существования пролетариата в Англии, имеет чрезвычайно важное значение для Германии. Если условия существования пролетариата в Германии не получили еще такого классического выражения, как в Англии, то все же в основе в Германии тот же социальный строй, и рано или поздно его проявления должны достигнуть той же степени и остроты, что и в Англии. «Те же коренные причины, которые привели в Англии к нищете и угнетению пролетариата, — писал Энгельс, — существуют и в Германии, и они должны с течением времени привести к тем же результатам» (т. 2, стр. 239—240).

Эта мысль о единстве коренных черт капитализма, идея объединения, выражаясь словами Ленина, поряд-

ков разных стран в понятие общественно-экономической формации¹, прочно вошла в идейную сокровищницу марксизма. Два десятилетия спустя Маркс в предисловии к первому тому «Капитала» счел нужным рассеять иллюзии людей, которые склонны были искать утешения в пока еще слабом развитии капиталистического производства. Страна, промышленно более развитая, писал он, показывает менее развитой стране картину ее собственного будущего (см. т. 23, стр. 9). А в конце XIX в. Ленин, опровергая народнические представления о невозможности развития капитализма в России, показал, что и в России совершается промышленный переворот, который закономерно приводит к таким же социально-экономическим последствиям, какие он породил в Англии, а затем в других странах Западной Европы.

Если в «Набросках к критике политической экономии» Энгельс еще в общей форме рассматривал раскол общества на два противоположных класса — капиталистов и пролетариев — как неизбежное следствие господства частной собственности, то в «Положении рабочего класса в Англии» сделан дальнейший чрезвычайно важный шаг в научном анализе классовой структуры буржуазного общества. Здесь исследуется процесс образования и развития двух основных классов капиталистического общества на базе изменений, происшедших в сфере производства в результате промышленной революции. Именно эта революция порождает на одном полюсе промышленный пролетариат, на другом полюсе промышленную буржуазию. Анализ положения, интересов, тенденций развития этих главных классов, данный в книге Энгельса, явился выдающимся вкладом в создание подлинно научной политической экономии, изучающей производственные отношения людей, которые представляют собой в конечном счете отношения между классами.

Условия возникновения рабочего класса predetermined, что этот процесс происходит по мере того, как промышленная революция охватывает одну отрасль

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

труда за другой. Вследствие этого уровень развития различных категорий рабочих находится в соответствии с их положением в промышленности. История возникновения пролетариата диктует ту последовательность, в которой должны быть рассмотрены различные его отряды. Первые пролетарии появились в промышленности, занятой обработкой сырья, и были прямым детищем этой промышленности. Добыча сырья и топлива для промышленности приобрела значение лишь вследствие промышленного переворота, и тогда возник пролетариат, занятый на угольных копях и рудниках. Наконец, развитие промышленности повлияло и на сельское хозяйство, в результате чего возник особый отряд рабочего класса.

Положение отдельных отрядов пролетариата имеет много общего; однако промышленные рабочие лучше всех сознают свои интересы, горнорабочие уже хуже, а сельскохозяйственные рабочие еще почти совсем их не сознают. Фабричные рабочие — эти первенцы промышленной революции — с самого начала являются ядром рабочего движения, а остальные рабочие примыкали к этому движению по мере того, как их отрасль захватывалась промышленным переворотом (см. т. 2, стр. 260).

Подвергнув сначала анализу общее положение пролетариата в целом, Энгельс затем рассматривает особенности положения этих основных трех групп рабочего класса. Ничто не ускользает от пристального взора Энгельса: внедрение машин, продолжительность рабочего дня, ночной труд, развал семьи вследствие распространения непосильного труда женщин, система оплаты труда продуктами и сдачей фабрикантами коттеджей, низкий уровень образования, физическое изнурение рабочих, уродующее влияние и моральные последствия фабричного труда.

С особенным вниманием Энгельс прослеживает зарождение и развитие сопротивления рабочих, формы их протеста против нечеловеческих условий жизни, возникновение и рост классовой борьбы пролетариата за свои жизненные интересы. Здесь, как и в «Капитале», каждый шаг анализа воспроизводит гигантский историче-

ский материал, каждый вывод представляет собой обобщение множества фактов¹.

Энгельс гневно бичует бессердечие буржуазии, срывающая лицемерную маску, прикрывавшую ее бесчеловечную практику. Но он не останавливается на разоблачении неприглядных дел господствующих классов, а идет дальше, выясняя те экономические условия, которые лежат в основе эксплуатации пролетария капиталистом, делают возможной эту эксплуатацию, определяют заложенные в ней тенденции. Энгельс вскрывает экономические законы, определяющие положение пролетариата в буржуазном обществе, характер классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией, тенденции развития этих противоречий, составляющих объективную основу классовой борьбы пролетариата против буржуазии.

Развивая идеи, изложенные в «Набросках», Энгельс здесь характеризует конкуренцию как наиболее полное выражение господствующей в буржуазном обществе борьбы всех против всех. Именно конкуренция как неизбежное порождение частной собственности вызвала к жизни крупную машинную промышленность и привела тем самым к созданию пролетариата и увеличению его численности. И та же конкуренция оказывает влияние на уже сложившийся пролетариат, определяя условия его существования. Конкуренция рабочих между собой — самое сильное оружие буржуазии против рабочих. «Отсюда стремление рабочих уничтожить эту конкуренцию при помощи союзов, отсюда яростные нападки буржуазии на эти союзы и ее торжество при каждом нанесенном им ударе» (т. 2, стр. 311—312).

¹ Даже буржуазный историк развития социалистических учений XIX в., далекий от симпатий к марксизму, не мог не засвидетельствовать, что «самой выдающейся из монографий, устанавливающих это преобразование органического состава армии труда, это стирание возрастных и половых различий в аморфной массе труда, низведенного до усилий низшего качества, является книга Энгельса «О положении рабочего класса в Англии»» (Шарль Андлер. Историческое введение и комментарий к «Коммунистическому манифесту» К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 187—188).

3

В работе Энгельса уже намечены два основных признака класса наемных рабочих, которые в дальнейшем были полностью раскрыты в «Капитале». Это класс людей, во-первых, лишенных средств производства и средств существования и, во-вторых, свободных от личной зависимости.

Буржуазия захватила в свои руки монополию на все средства к жизни в самом широком смысле этого слова, и эта монополия охраняется государством. Вследствие этого пролетариат является юридически и фактически рабом буржуазии. Вся разница между старым, открытым рабством и прикрытым рабством наемного труда состоит в том, что современный рабочий кажется свободным, ибо он продается не раз навсегда, а по частям, на день, на неделю, на год, и при этом не один собственник продает его другому, а он сам вынужден продавать себя, ибо он раб не одного человека, а всего имущего класса (см. т. 2, стр. 312, 315).

Раскрытие этих главных признаков положения пролетариата в буржуазном обществе лежит в основе марксистского анализа капиталистической эксплуатации и законов ее неизбежного крушения под ударами революционного рабочего класса. Первый признак обуславливает для пролетариев необходимость продавать свою рабочую силу, второй — возможность такой продажи. Эти признаки определяют историческую миссию пролетариата как могильщика капитализма и создателя нового, социалистического общества. Отсутствие собственности делает пролетариат классом, непримиримо враждебным ко всему строю, базирующемуся на частной собственности. Отсутствие прежних пут личной зависимости, которыми были связаны трудящиеся массы в феодальном обществе, делает пролетариат способным подготовиться к выполнению великой освободительной миссии.

Идеологи буржуазии, прикрашивающие капиталистический строй, выпячивают освобождение трудящихся от личной неволи, затушевывая другую сторону дела, а именно, что пролетарии лишены всех условий труда. В работе Энгельса было разоблачено лицемерие бур-

жуазии, расхваливающей «свободу» рабочего. «Хороша свобода, — писал Энгельс, — которая не оставляет пролетарию иного выбора, как только подписать условия, предлагаемые ему буржуазией, или же умереть от голода и холода, голым и босым искать приюта у лесных зверей!» (т. 2, стр. 312).

Рабство наемного труда Энгельс сравнивает с прежним, открытым рабством. Для рабочего суть дела не меняется, ибо, хотя его кажущаяся свобода и должна давать ему «некоторую реальную свободу», зато имеется та невыгода, что никто не гарантирует ему пропитание. Для буржуазии же такое положение несравненно выгоднее, чем старое рабство: она может когда угодно отказать своим рабочим, не теряя при этом вложенного капитала. Труд наемных рабочих вообще обходится буржуазии гораздо дешевле, чем обошелся бы труд рабов (см. т. 2, стр. 315—316).

Существование раба по крайней мере обеспечено личной выгодой его владельца. У крепостного есть все же клочок земли, который его кормит. Оба они гарантированы по меньшей мере от голодной смерти, между тем как пролетарий предоставлен самому себе, причем ему не дают возможности так применить свои силы, чтобы он мог целиком на них рассчитывать (см. т. 2, стр. 349). В этих положениях уже заключается мысль о том, что капиталистическая эксплуатация отличается от предшествующих видов эксплуатации только формой, причем эта форма, как подробно показано в «Капитале», также существенна, ибо «некоторая реальная свобода» открывает перед пролетариатом такие возможности, какими не могли располагать рабы или крепостные.

Рабочий является рабом имущего класса в такой степени, что продается как товар и как товар повышается и падает в цене, пишет Энгельс. И, ссылаясь на А. Смита, он подчеркивает, что тут происходит совершенно то же, что и со всяким другим товаром: если рабочих не хватает, цена на них, т. е. их заработная плата, повышается; если рабочих слишком много, цены падают (см. т. 2, стр. 316).

В связи с этим Энгельс рассматривает условия, определяющие минимум и максимум заработной платы.

Здесь еще нет прямой связи заработной платы с теорией стоимости, с определением стоимости товара воплощенным в нем рабочим временем, как это на следующем этапе выработки экономической теории марксизма было сделано Марксом — сначала в «Нищете философии» и «Наемном труде и капитале», а в законченном виде в «Капитале». Но уже в «Положении рабочего класса в Англии» Энгельс писал, что буржуазия предлагает неимущему пролетарию средства к жизни за «эквивалент» — за его труд. Определяя минимальную границу заработной платы, он указывал, что ни один рабочий не станет работать за меньшую плату, чем та, которая необходима для его существования. Предел этот относительный: одному необходимо для существования больше, другому меньше; один больше другого привык к удобствам, у англичанина потребности больше, чем у ирландца (см. т. 2, стр. 312).

Таким образом, здесь намечена постановка вопроса об историческом и моральном моменте и о национальных различиях в заработной плате. Намечен и другой момент, впоследствии развитый Марксом в «Капитале» при рассмотрении вопроса о женском и детском труде: если все члены семьи работают, то каждый может получать соответственно меньше, и буржуазия широко использует это обстоятельство, привлекая к работе на фабриках жен и детей рабочих (см. т. 2, стр. 313).

Если минимум заработной платы зависит от конкуренции между рабочими, то ее максимум определяется, по словам Энгельса, конкуренцией между буржуа. Буржуа всегда нуждается в пролетарии: пролетарий вырабатывает для капиталиста товары, которые тот продает с выгодой для себя. Поэтому, когда спрос на товары возрастает и цены на них идут вверх, капиталисту бывает выгодно нанять побольше рабочих, даже в том случае, если все рабочие заняты и конкуренция между рабочими уступает место конкуренции между буржуа. «Ищущий рабочих капиталист прекрасно знает, что возросшие вследствие усиленного спроса цены доставят ему большую прибыль; поэтому он предпочитает немного увеличить заработную плату, чем упустить всю

прибыль. Он отдает рабочему колбасу, чтобы выиграть окорок» (т. 2, стр. 314).

Энгельс показывает, как развитие капитализма неизбежно ведет к ухудшению тех условий, при которых происходит продажа рабочими капиталистам своего «товара», как образуется «избыточное население». Рост производительности труда, разделение труда, введение машин, использование сил природы — все это оставляет без работы множество рабочих. Поэтому, «несмотря на растущий в общем и целом спрос на рабочие руки, в Англии, по признанию официальных партий (т. е. тори, вигов и радикалов), постоянно имеется избыточное, не находящее себе применение население, и конкуренция между рабочими в общем преобладает над конкуренцией из-за рабочих» (т. 2, стр. 316—317).

Это положение объясняется самим характером капиталистической промышленности — той беспорядочной системы производства и распределения жизненных средств, целью которой является не непосредственное удовлетворение потребностей, а извлечение прибыли. Когда каждый работает и обогащается на свой собственный страх и риск, когда капиталист только по постоянно колеблющимся ценам может сделать ненадежные выводы о наличных запасах и потребностях, неизбежна смена благоприятного состояния дел периодически повторяющимися кризисами.

Энгельс яркими красками описывает стремительный бег промышленности в периоды процветания, нарастание элементов кризиса, самый кризис — и новый тур, когда все начинается сначала и весь круг повторяется снова (см. т. 2, стр. 318—320). Иначе и быть не может при таком строе, который Энгельс характеризует как «общество, состоящее из атомов». Этот образ был воспроизведен Марксом в «Капитале», где говорится, что при капитализме «отношения людей в общественном процессе производства чисто атомистические» (т. 23, стр. 102—103).

Таким образом, в работе Энгельса выясняется, что поляризация классов при строе, базирующемся на частной собственности, определяет специфические особенности капиталистического расширенного воспроизводства.

Уже в «Набросках к критике политической экономии» была раскрыта основная черта капиталистического накопления: оно представляет собой внутренне противоречивый процесс накопления богатства на одном полюсе общества и накопления социальной нищеты, небезопасности существования, мук и страданий — на другом полюсе; капиталистическое накопление создает наряду с избыточным богатством избыточное население, осуждая массу наемных рабов капитала на безработицу. В «Положении рабочего класса в Англии» эти исходные идеи всеобщего закона капиталистического накопления, всесторонне разработанного и обоснованного впоследствии Марксом в «Капитале», получили дальнейшее развитие. Ленин отмечает, что в этой работе Энгельса была впервые высказана та точка зрения, что избыточное население, «будучи необходимым результатом капиталистического накопления, является в то же время *необходимой составной частью капиталистического механизма*»¹.

Энгельс вскрыл роль резервной армии в ходе капиталистического воспроизводства, на различных фазах капиталистического цикла. «Эта резервная армия, — писал он, — расширяется или суживается, смотря по состоянию рынка, дающего занятие большей или меньшей части ее членов... Вот эта резервная армия, в эпохи кризисов возрастающая неимоверно, а в периоды, которые можно принять за нечто среднее между процветанием и кризисом, насчитывающая также изрядное число людей, и составляет «избыточное население» Англии...» (т. 2, стр. 320). Заслугой Энгельса Ленин, в частности, считал отнесение к резервной армии части земледельческого населения, временно ищущего работу в промышленности, — явление, которое в «Капитале» фигурирует как скрытая форма избыточного населения².

Окончательный раскол английского общества на пролетариат и буржуазию внес коренные изменения во все условия жизни нации, в самый ее облик. В больших городах, писал Энгельс, на одного буржуа приходится

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 172.

² См. там же.

двое, трое или даже четверо рабочих. Эти рабочие не имеют решительно никакой собственности и живут только на заработную плату, которая почти всегда еле достаточна для пропитания. Каждый, даже самый лучший, рабочий всегда может остаться без работы, а следовательно, и без хлеба, что со многими и случается. В отношении жилья, одежды, питания промышленный рабочий класс живет в совершенно других условиях, чем буржуазия.

«Таким образом, положение рабочего класса в больших городах можно представить в виде ряда последовательных ступеней: в лучшем случае — временное сносное существование, хорошая заработная плата за напряженную работу, хорошая квартира и в общем неплохая пища — все это хорошо и сносно, разумеется, с точки зрения рабочего; в худшем случае — жестокая нужда вплоть до положения бездомного бродяги и до голодной смерти; средняя же норма лежит гораздо ближе к худшему случаю, чем к лучшему» (т. 2, стр. 310).

Условия существования рабочего калечат его в физическом, интеллектуальном и моральном отношении. Пролетарий поставлен в самые возмутительные, нечеловеческие условия, какие только можно себе представить. Положение рабочего, вся окружающая его обстановка побуждают его свергнуть с пьедестала богов и святыни буржуазии. Буржуазия говорит о «святости частной собственности». Но для того, кто не имеет никакой собственности, не существует и ее святости. «Деньги — вот бог на земле. Буржуа отнимает у пролетария деньги и тем самым превращает его на деле в безбожника» (т. 2, стр. 348).

Пролетарское состояние, на которое наемный рабочий обречен от рождения до конца своих дней, определяет условия и характер труда в капиталистическом производстве. Этот труд по сути дела носит принудительный характер. «Если добровольная производительная деятельность является высшим из известных нам наслаждений, то работа из-под палки — самое жестокое, самое унижительное мучение» (т. 2, стр. 351).

Пролетариат на капиталистическом предприятии работает не из любви к творческому труду, не из есте-

ственных побуждений, а ради денег, ради вещи, не имеющей ничего общего с самой работой. Он вынужден работать с утомительным однообразием столько часов подряд, что уже одного этого было бы достаточно, чтобы сделать для него труд мучением. Остужающее действие принудительного труда еще во много раз усиливается разделением труда, в результате чего деятельность рабочего ограничена мелкой, чисто механической операцией, повторяемой в неизменном виде из минуты в минуту в течение многих лет. Дело не изменяется и с применением машин и движущей силы пара. Уменьшается необходимость напрягать мускулы, но сама работа становится в высшей степени однообразной и притом требует от рабочего столь напряженного внимания, что он не может думать ни о чем другом.

В одной из своих работ 90-х годов прошлого века Ленин, обосновывая «закон возвышения потребностей» с развитием капиталистического производства, указывает на изменение в положении французского рабочего конца XVII в. и английского рабочего 40-х годов XVIII в. и тех же рабочих в конце XIX в. Ссылаясь на работу Энгельса о положении рабочего класса в Англии, Ленин пишет: «Это — состояние самой ужасной и грязной нищеты (в буквальном значении слова) и полного упадка чувства человеческого достоинства»¹.

Анализ положения пролетариата в буржуазном обществе приводит Энгельса к выводу, что «рабочие, с которыми обращаются, как с животными, либо на самом деле уподобляются животным, либо черпают сознание и чувство своего человеческого достоинства только в самой пламенной ненависти, в неугасимом внутреннем возмущении против власть имущей буржуазии. Они остаются людьми, лишь пока они исполнены гнева против господствующего класса...» (т. 2, стр. 347—348). Перед рабочим стоит альтернатива: либо покориться судьбе, примириться со своим рабским положением, либо противиться ему, всеми силами защищать свое человеческое достоинство, а это он может сделать только в борьбе против буржуазии (см. т. 2, стр. 352).

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 101.

Строй частной собственности уродует не только свои жертвы — наемных рабочих, но и их хозяев. Говоря о буржуазии, Энгельс включает сюда и аристократию, ибо пролетарий видит в обеих только имущий класс, ибо перед привилегией собственности все другие привилегии — ничто. «Мне никогда не приходилось наблюдать, — свидетельствует Энгельс, — класса более глубоко деморализованного, более безнадежно испорченного своекорыстием, более разложившегося внутренне и менее способного к какому бы то ни было прогрессу, чем английская буржуазия...» (т. 2, стр. 496).

Для имущего класса мерой всех вещей являются деньги. Буржуазия живет только ради наживы. Деньги служат критерием всех ее действий, поступков, помыслов. Ни одно движение человеческой души не остается незапятнанным в этом мире, где господствует алчность, жадность к деньгам. Все человеческие отношения переведены на язык чистогана. Деньги держат буржуазию в позорном рабстве, которое наложило даже отпечаток на язык. Деньги определяют ценность человека: этот человек стоит столько-то фунтов стерлингов. Дух торгашества пропитал все отношения, и они выражаются в торговых терминах, в экономических понятиях. Спрос и предложение — такова формула, в которую буржуа укладывает всю человеческую жизнь. Излюбленной наукой этих торгашей является политическая экономия — наука о способах наживать деньги. «Каждый из них — политико-эконом. Отношение фабриканта к рабочему — не человеческое, а чисто экономическое. Фабрикант есть «капитал», а рабочий — «труд»» (т. 2, стр. 497).

Буржуазия обожествляет свободную конкуренцию, для нее лучше всего было бы положение, при котором каждый мог бы эксплуатировать другого сколько ему вздумается, поэтому она против всякого государственного контроля. «Но так как буржуазия не может обойтись без государства, хотя бы для того, чтобы обуздывать столь необходимых ей пролетариев, то она обращает государство против них, по возможности стараясь держать его от себя подальше» (т. 2, стр. 498). Здесь уже заключена марксистская идея о классовой природе бур-

буржуазного государства как орудия подавления эксплуатируемых масс.

Энгельс срывает маску ханжества, под которой буржуазия пытается скрыть свою бесчеловечную жадность к деньгам. Он бичует цинизм буржуазной благотворительности, которая деморализует дающего еще больше, чем берущего. Под личиной гуманности буржуазия преследует свои узкокорыстные интересы. Примером может служить ее требование отмены хлебных законов. Буржуазия добивается этой отмены в расчете на снижение заработной платы и повышение конкурентоспособности английских товаров на внешних рынках, но при этом она уверяет, что заботится о нуждах рабочего класса.

При власти буржуазии все законодательство имеет прежде всего целью защиту имущих от неимущих. Таковы, например, законы против бродяг и бедных, объявляющие пролетариат вне закона (см. т. 2, стр. 501). К тому же судьи всегда оборачивают смысл закона в пользу богатых, против бедных, а каковы судьи, такова и полиция. Пролетарию приходится нести на своих плечах все бремя закона, не ощущая его преимуществ: охранительная сторона закона распространяется на него в самой ничтожной степени.

Общий вывод, к которому Энгельс приходит на основе исследования положения и условий жизни двух классов английского общества, сводится к тому, что английский рабочий класс стал с течением времени совсем другим народом, чем английская буржуазия. Буржуазия имеет больше родственного с имущими классами других наций, чем с живущим рядом с ней рабочим классом. «Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия. Это два совершенно различных народа, которые так же отличаются друг от друга, как если бы они принадлежали к различным расам...» (т. 2, стр. 356).

Со свойственной ему скрупулезностью Энгельс в примечании к немецкому изданию 1892 г. отмечает, что эта мысль о разделении англичан в результате разви-

тия крупной промышленности на две различные нации была почти одновременно с ним высказана Дизраэли — английским политическим деятелем, который тогда при­мыкал к радикальному крылу английской буржуазии, а впоследствии, как лорд Биконсфилд, был премьер-министром консервативного правительства.

Энгельс подробно останавливается на принятом английским парламентом в 1834 г. законе о бедных. Этим законом были отменены все пособия деньгами или продуктами и введено в качестве единственной формы помощи помещение в работные дома, которые были немедленно построены повсюду. Работные дома народ называл бастилиями для бедных. Они были устроены так, чтобы отпугнуть каждого, у кого оставалась хотя бы малейшая надежда прожить без этой формы общественной благотворительности.

Работный дом, по словам Энгельса, превратился в самое отвратительное местопребывание, какое только может придумать утонченная фантазия мальтузианца. Питание в нем хуже, чем питание самых бедных рабочих, а труд тяжелее. За малейший проступок — жестокое наказание. Работа самая бессмысленная: мужчин заставляют разбивать камни; женщины, дети и старики шиплют старые канаты. Это делается для того, чтобы труд обитателей работного дома не конкурировал с частной промышленностью. Кто не выполняет определенной нормы работы, не получает еды. Произвол надзирателей не знает границ. «Ведь работный дом — та же тюрьма» (т. 2, стр. 507).

Энгельс приводит ряд примеров бесчеловечного обращения с обездоленными людьми в работных домах, примеры жестокости и бессердечия, жертвами которых были мужчины, женщины и дети. Возмутительные дела в работных домах иногда принимали такой характер, что даже властям приходилось устраивать расследование. В других случаях журналисты посещали эти дома ужаса и кое-что сообщали о них в прессе. По такого рода источникам Энгельс рисует страшный удел бедняков, обреченных на жизнь в этом аду. Он указывает, что в этом мероприятии буржуазия выступила как целое: закон 1834 г. был принят палатой общин и подтвержден

палатой лордов, причем его поддержали обе партии, как либералы, так и консерваторы. «Так пролетариат был объявлен вне государства и вне общества; так открыто было провозглашено, что пролетарий — не человек и не стоит того, чтобы с ним обращались по-человечески. Но мы можем спокойно положиться на пролетариев британского королевства — они завоюют вновь свои человеческие права» (т. 2, стр. 512—513).

4

Работа Энгельса от первой до последней страницы пронизана глубокой верой в силы и разум пролетариата, в его способность преобразовать общество на разумных началах. Она знаменует важную ступень в развитии центральной идеи марксизма — об исторической роли пролетариата. Эта идея, намеченная уже в «Набросках к критике политической экономии» и более определенно выраженная Марксом в «Святом семействе», получила дальнейшее развитие в «Положении рабочего класса в Англии». Исходя из рассмотрения положения рабочего класса в буржуазном обществе, условий его жизни и труда, его отношения с буржуазией, Энгельс приходит к анализу сущности и форм классово-вой борьбы пролетариата.

Рабочие не могут добиться лучшего, более соответствующего их человеческому достоинству положения, не ведя борьбы против интересов буржуазии, как таковой, заключающихся прежде всего в эксплуатации рабочих. «Но буржуазия защищает свои интересы всеми средствами, какие только предоставляют ей ее собственность и находящаяся в ее распоряжении государственная власть. Как только рабочий обнаруживает стремление освободиться от существующего положения вещей, буржуа становится его открытым врагом» (т. 2, стр. 437).

Таковы четкие исходные положения, которые Энгельс кладет в основу своего анализа рабочего движения. Он исследует эволюцию форм борьбы пролетариата.

начиная с первых проявлений его возмущения¹. Но вскоре рабочие обнаруживают, что при помощи таких форм борьбы, как разрушение машин и фабрик, они ничего не могут добиться. Надо было найти новую форму протеста. К тому времени подоспел закон 1824 г., изданный олигархическим правительством тори и отменивший все акты, ранее запрещавшие рабочим объединяться для защиты своих интересов. «Рабочие получили *право ассоциации* — право, принадлежавшее до тех пор только аристократии и буржуазии» (т. 2, стр. 439).

Если раньше существовали лишь тайные союзы рабочих, рамки деятельности которых были крайне ограничены, то теперь союзы, получившие возможность выступать открыто, стали быстро распространяться по всей стране. Тред-юнионы защищают интересы рабочих, пытаются оградить их от наиболее грубых форм произвола предпринимателей, борются за улучшение условий труда, за повышение заработной платы. Им приходится иметь дело с ожесточенным сопротивлением капиталистов. Наиболее действенным средством борьбы рабочих союзов является забастовка. Предприниматели пускают в ход штрейкбрехеров, провоцируют столкновение с забастовщиками, а суд всегда выступает в защиту буржуазии, против рабочих союзов.

История этих союзов представляет собой длинный ряд поражений, прерываемых лишь немногими победами. «Само собой понятно, — заключает Энгельс, — что все усилия союзов не в состоянии изменить того экономического закона, согласно которому заработная плата определяется соотношением спроса и предложения на рынке труда» (т. 2, стр. 441). Ибо союзы бессильны устранить важнейшие причины, влияющие на это соотношение, что

¹ Приведем еще одно свидетельство буржуазного историка на этот счет: «Последовательные фазы концентрации пролетарских сил, их обходное движение на неприятельские позиции охарактеризованы Энгельсом в ряде глав, которые и в настоящее время остаются политическим руководством для рабочего класса, так как они проницательнейшим образом освещают стихийные движения рабочего класса в продолжение всего истекшего столетия» (Шарль Андлер. Историческое введение и комментарий к «Коммунистическому манифесту» К. Маркса и Ф. Энгельса, стр. 193).

особенно наглядно обнаруживается во время торговых кризисов, когда союзам приходится соглашаться на снижение заработной платы, а то и вовсе прекращать свое существование.

С огромной проницательностью Энгельс еще на заре организованного рабочего движения увидел значение рабочих союзов и организуемых ими стачек в том, что они представляют собой первую попытку рабочих уничтожить конкуренцию, на которой основывается производ буржуазии. Существование и деятельность рабочих союзов предполагают уже понимание того, что господство буржуазии покоится на отсутствии сплоченности пролетариата, на противопоставлении одних рабочих другим. Именно потому, что рабочие союзы выступают против конкуренции — «жизненного нерва современного социального строя», они вызывают ненависть буржуазии и преследования. Забастовки сплошь и рядом ведут к вмешательству полиции, и «социальная война» достигает высокого накала.

Энгельс описывает ряд крупнейших стачек, происходивших в Англии в 30-х и 40-х годах, и отмечает, что в тех случаях, когда дело шло об определенных социальных целях, английские рабочие не раз доказывали свое мужество. Английский рабочий класс обнаруживает наиболее достойную уважения черту своего характера именно в своей спокойной выдержке, в непоколебимой решимости, ежедневно выдерживающей сотни испытаний. «Люди, — заключает Энгельс, — которые терпят такие бедствия, чтобы сломить сопротивление одного-единственного буржуа, сумеют сломить и силу всей буржуазии» (т. 2, стр. 449). Это замечание Энгельса приведено Лениным в статье о стачках, написанной в 1899 г.

Столкновения с государственной властью, ее органами, ее законами порождают в рабочем классе стремление «поставить на место буржуазного закона закон пролетарский» (т. 2, стр. 451). Так возникло требование «народной хартии» — политического документа, требующего реорганизации английского парламента на демократических началах. Горячей симпатией проникнуты страницы книги Энгельса, повествующие о всех перипетиях борьбы чартистов.

С самого начала своего возникновения в 1835 г. чартизм охватывал главным образом рабочие массы, хотя он на первых порах еще не отделялся резко от радикальной мелкой буржуазии. Но по мере роста чартистского движения, по мере перехода чартистов к более решительным формам борьбы буржуазные радикалы рвали с этим движением и переходили на позиции либералов — сторонников «свободной торговли и неограниченной конкуренции, противников всякого законодательства, ограничивающего произвол предпринимателей. «С этого момента, — пишет Энгельс, — чартизм стал чисто рабочим движением, освободившимся от всяких буржуазных элементов» (т. 2, стр. 457).

Энгельс приводит знаменитые слова проповедника Стефенса, заявившего в 1838 г. на 200-тысячном митинге в Манчестере: чартизм — это вопрос ножа и вилки. Чартизм не только политический вопрос, в котором дело идет о завоевании избирательного права: хартия — это значит хорошее жилище, хорошая еда и питье, хорошая заработная плата и короткий рабочий день. По мере развития чартистского движения оно стало наряду с требованием всеобщего избирательного права все более энергично выставлять чисто пролетарские требования: десятичасовой билль, защита рабочего от капиталиста, хорошая заработная плата, обеспеченное положение, отмена закона о бедных. Таким образом, чартизм по существу своему есть явление социального характера, он развивается под лозунгом: политическая власть — наше средство, социальное благоденствие — наша цель (см. т. 2, стр. 453, 458).

В этой связи возникает вопрос об английском социализме, поскольку он влияет на рабочий класс, вопрос об отношениях между чартизмом как чисто рабочим движением и социализмом, представленным Оуэном и его последователями, которые ставили себя выше противоположности между буржуазией и пролетариатом. Постановка этого вопроса в работе Энгельса знаменовала важный этап по пути развития социализма от утопии к науке.

Энгельс знал чартизм и английский социализм не только как глубокий исследователь и внимательный наблюдатель — он знал их, так сказать, изнутри. Он был

знаком с выдающимися деятелями обоих движений, активно сотрудничал в органе оуэнистов «Новый нравственный мир» и в чартистской «Северной звезде». Выяснение взаимоотношений между рабочим классом и социалистическим движением Энгельс считал своей важнейшей задачей.

В предисловии к книге он писал, что положение рабочего класса составляет действительную основу и исходный пункт всех социальных движений современности, так как оно представляет собой наиболее острые и обнаженные проявления социальных бедствий капитализма. Поэтому изучить условия существования пролетариата совершенно необходимо для того, чтобы дать прочное обоснование, с одной стороны, социалистическим теориям и, с другой стороны, суждениям об их праве на существование и положить конец всяческим мечтаньям и выдумкам в защиту этих теорий или против них (см. т. 2, стр. 238).

Отчетливо видя как ограниченность чартизма, его теоретическую слабость, так и абстрактный и оторванный от жизни характер тогдашних теорий утопического социализма, Энгельс выдвинул гениальную идею соединения обоих направлений на новой, более высокой основе.

Характеризуя эти направления, он отмечал, что чартисты более отсталы, менее развиты, но зато они подлинны представители пролетариата, между тем как социалисты обладают более широким кругозором и предлагают практические средства против нужды, но они по своему происхождению выходцы из буржуазии и потому не в состоянии слиться с рабочим классом. «Слияние социализма с чартизмом, воспроизведение французского коммунизма применительно к английским условиям, — писал Энгельс, — вот что должно произойти в ближайшем будущем и частью уже началось. Лишь тогда, когда это осуществится, рабочий класс действительно станет властелином Англии; политическое и социальное развитие тем временем тоже подвинется вперед и будет благоприятствовать этой новой зарождающейся партии, этому дальнейшему развитию чартизма» (т. 2, стр. 461).

Отмечая в связи с выходом новых изданий книги спустя ряд десятилетий после ее написания, что в ней заметны следы происхождения научного социализма от одного из его предков — немецкой философии, Энгельс приводил как пример этого влияния то обстоятельство, что в книге особое значение придается тезису, что коммунизм является не только партийной доктриной рабочего класса, но теорией, стремящейся к освобождению всего общества, включая и класс капиталистов, от тесных рамок современных отношений. «В абстрактном смысле это утверждение верно, — пишет Энгельс, — но на практике оно абсолютно бесполезно и даже хуже того» (т. 21, стр. 265).

И он поясняет свою мысль следующим образом. Имушие классы не только сами не испытывают никакой потребности в освобождении, но всеми силами противодействуют освободительной борьбе рабочего класса. Поэтому социальная революция должна быть подготовлена и осуществлена одним рабочим классом. Во время французской революции конца XVIII в. буржуазия также объявляла освобождение буржуазии освобождением всего человечества. Но поскольку дворянство и духовенство не пожелали с этим согласиться, это утверждение превратилось в простую сентиментальную фразу и совершенно сгорело в огне революции. Говоря о людях, которые и сейчас проповедуют рабочим внеклассовый или надклассовый социализм, стремящийся «примирить в высшей гуманности интересы обоих борющихся классов», Энгельс предупреждает, что это либо новички, которым нужно еще многому научиться, либо злейшие враги рабочего класса, волки в овечьей шкуре.

Этот вывод подтвердился всем ходом истории и сохраняет актуальность до наших дней. Условия в мире коренным образом изменились по сравнению с тем временем, когда Энгельс писал свою работу. Притягательная сила социалистических идей выросла неизмеримо, и социализм буквально стучится в дверь народов. Но и ныне в развитых странах капитализма, уже давно созревших для социалистического переустройства, есть немало, по выражению Энгельса, волков в овечьей шкуре, прикрывающих свою службу буржуазии проповедью

примирения классов. В то же время в молодых суверенных государствах, стоящих перед огромными задачами ликвидации наследия вековой отсталости, идет борьба вокруг выбора пути развития: капиталистического или социалистического. В этих обществах есть немало, опять-таки выражаясь словами Энгельса, новичков, которым нужно еще многому научиться. Они предаются подчас иллюзиям, будто можно идти к социализму в порядке примирения народных масс с их угнетателями, без упорной борьбы против реакционных классов — феодалов и монополистической буржуазии, цепляющихся за свои привилегии и готовых в своих узкокорыстных интересах на сговор со злейшим врагом развивающихся стран — империализмом.

В современной обстановке, когда существует могущественный лагерь мира, демократии и социализма, когда империализм навсегда утратил господство над большинством человечества и соотношение сил между двумя противоположными мировыми системами непрерывно изменяется в пользу социализма, в ущерб капитализму, марксисты-ленинцы учитывают наряду с перспективой немирного метода осуществления социализма возможность мирного пути социалистической революции. Но и при мирном пути к социализму движущей силой социального переворота выступает в капиталистических странах руководимый рабочим классом широкий антимонополистический фронт, а в молодых развивающихся государствах — широкий антиимпериалистический фронт, объединяющий все силы, готовые вести борьбу против империализма и его агентуры, за национальную независимость и социальное обновление общества. Переход к социализму в развитых странах, переход на некапиталистический путь развития в молодых суверенных государствах реализуется не посредством примирения антагонистических классовых сил, а посредством решительной борьбы народных масс против господствующей монополистической буржуазии, против мирового империализма и его прислужников.

В предисловиях к позднейшим изданиям своей книги Энгельс, естественно, ставит вопрос, изменились ли условия жизни пролетариата за истекшие со времени ее появления десятилетия. Он отмечает, что описанное в книге положение вещей, поскольку оно относится к Англии, во многих отношениях осталось в прошлом. «Один из законов современной политической экономии, — пишет он, — хотя в наших общепризнанных учебниках это четко и не сформулировано, состоит в том, что, чем больше развито капиталистическое производство, тем меньше может оно прибегать к тем приемам мелкого надувательства и жульничества, которые характеризуют его ранние стадии» (т. 21, стр. 260). Это относится не только к отношениям между капиталистами, но и к отношениям между предпринимателями и рабочими.

Если мелкие предприниматели и в условиях высоко развитого капитализма стремятся выгадать каждый пенни на обмане и обсчете рабочего, то крупные капиталисты имеют полную возможность пренебрегать подобными методами и даже, более того, выступать против них, чтобы легче разорить своих малосильных конкурентов и ускорить концентрацию капитала. Крупному капиталу во многих случаях выгоднее сделать незначительные уступки рабочим, чем доводить дело до стачки. Его лозунг — мир и гармония в промышленности. Энгельс указывает, что за истекшие десятилетия промышленность Англии в огромной степени выросла и самим процессом развития производства оказались устраненными все те мелкие притеснения, которые делали столь тяжелой судьбу рабочего на более ранних этапах развития капитализма.

«Таким образом, становится все более и более очевидным тот великий основной факт, что причину бедственного положения рабочего класса следует искать не в этих мелких притеснениях, а в самой капиталистической системе» (т. 21, стр. 262). Именно эта система неизбежно ведет к расколу капиталистического общества на две части: с одной стороны, горстка магнатов капи-

тала, собственников всех средств производства и потребления и, с другой стороны, огромная масса наемных рабочих, не имеющих ничего, кроме своей рабочей силы. Весь ход развития капитализма с 40-х годов со всей отчетливостью раскрывает, что такой результат вызван не теми или иными незначительными притеснениями рабочих, а самой системой капитализма.

Период, последовавший за революцией 1848 г., был чрезвычайно благоприятным для английской экономики. Несмотря на периодические кризисы, прерывавшие подъем производства, промышленность в 1850—1870 гг. развивалась с небывалой ранее быстротой. Ставя вопрос, каково же было положение рабочих в этот период, Энгельс отвечает: «Порой наступало улучшение, даже для широких масс. Но это улучшение каждый раз опять сводилось на нет притоком огромного числа людей из резерва безработных, непрерывным вытеснением рабочих новыми машинами и приливом сельского населения, которое также все более и более вытеснялось теперь машинами» (т. 22, стр. 335; см. также т. 21, стр. 201).

В этой связи Энгельс отмечает наличие привилегированных категорий рабочего класса, в положении которых наступило длительное улучшение. Это, во-первых, фабричные рабочие, пользующиеся защитой фабричного законодательства, и, во-вторых, рабочие, объединенные в крупные тред-юнионы, образующие «аристократию в рабочем классе» (т. 22, стр. 336). Что же касается массы рабочих, то степень ее нищеты и необеспеченности существования столь же велика, как и раньше, если не больше.

Появление аристократии в рабочем классе — про-слок рабочих, которым удалось добиться сравнительно обеспеченного положения, — Энгельс объясняет промышленной монополией Англии на протяжении ряда десятилетий XIX в. Промышленную монополию он характеризует как краеугольный камень всей господствующей в Англии общественной системы. Пока существовала промышленная монополия, рабочий класс в известной мере принимал участие в ее выгодах, которые распределялись очень неравномерно: наибольшую часть забирало привилегированное меньшинство, но и широ-

ким массам кое-что перепало. Поэтому после оуэнизма в Англии больше не было социализма. Энгельс предвидел, что с крахом промышленной монополии рабочий класс Англии потеряет свое привилегированное положение.

Выводы Энгельса о разделении рабочего класса на привилегированное меньшинство, подкармливаемое буржуазией за счет выгод монопольного положения Англии на мировом рынке, и широкую массу, оставшуюся в жалком состоянии, имели огромное значение для понимания процессов, происшедших в рабочем классе не только Англии, но и других стран развитого капитализма в конце XIX и начале XX в. Опираясь на эти выводы Энгельса и аналогичные замечания Маркса о подкупленной капиталистами верхушке рабочего класса, Ленин в своей теории империализма раскрыл социальные корни оппортунизма в условиях монополистического капитализма и тем самым вооружил революционное рабочее движение идейным оружием в борьбе против предателей рабочего класса¹.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 405; т. 30, стр. 173.

- 1. Производство материальной жизни.**
- 2. Развитие производительных сил и форм общения (производственных отношений).**
- 3. Господство условий производства над людьми.**
- 4. Экономическое развитие и классовая борьба.**
- 5. Научный коммунизм**

В середине 40-х годов Маркс и Энгельс в ряде совместных работ разработали основы нового мировоззрения. Характерная особенность этих работ заключается в том, что в них, по словам Ленина, относящимся к «Манифесту Коммунистической партии», дается материалистическое объяснение буржуазных порядков — и юридических, и политических, и семейных, причем даже критика социалистических и коммунистических теорий ищет и находит их корни в определенных производственных отношениях¹.

Важнейшей вехой на пути формирования философских, исторических и экономических воззрений марксизма является «Немецкая идеология» — совместный труд Маркса и Энгельса, к созданию которого они приступили вскоре после того, как Энгельс закончил свою работу над книгой о положении рабочего класса в Англии. Маркс, высланный по требованию прусских властей из Парижа, поселился в Брюсселе. Туда же весной 1845 г. приехал Энгельс, читавший корректуры своей книги. В Брюсселе оба друга, по свидетельству Энгельса, принялись за детальную разработку новых воззрений, к которым они к тому времени пришли, в самых разнообразных направлениях (см. т. 21, стр. 220).

В июле 1845 г. Маркс и Энгельс побывали в Англии, посетили Лондон и Манчестер. Маркс во время этой поездки знакомился с произведениями английских экономистов и с общественной жизнью страны. После воз-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 140.

вращения в конце августа в Брюссель оба друга приступили к написанию «Немецкой идеологии», которая была закончена летом 1846 г.

«Немецкая идеология» представляет особый интерес для характеристики идейного развития Энгельса. Это вторая совместная работа основоположников марксизма. Но в отличие от работы «Святое семейство», которая почти целиком вышла из-под пера Маркса, хотя в ней были изложены общие взгляды обоих авторов, «Немецкая идеология» была написана совместно. Впоследствии Энгельс, вспоминая о своих годах «юношеского самомнения», писал, что он «лишь у Маркса научился тому, как нужно работать» (т. 36, стр. 297). Несомненно, что работа над «Немецкой идеологией» сыграла в этом отношении большую роль.

Маркс и Энгельс создавали научное пролетарское мировоззрение путем преодоления прежних философских систем и утопических концепций социализма. «Немецкая идеология» носит ярко выраженный полемический характер. В ней раскрывается несостоятельность идеалистической философии гегельянцев Бруно Бауэра и Макса Штирнера, непоследовательного «созерцательного» материализма Людвига Фейербаха, немецкого «истинного социализма» мелкобуржуазных литераторов, выступавших под социалистической маской. Путем критического преодоления ошибочных воззрений основоположники марксизма разрабатывали основы нового, научного понимания исторического процесса, новый подход к явлениям общественной жизни, и в этом неоценимое значение «Немецкой идеологии».

Раскрывая значение изложенных в этой книге открытий, Энгельс писал, что они произвели переворот в исторической науке, имевший непосредственное значение для тогдашнего рабочего движения. Коммунизм у французов и немцев, чартизм у англичан уже не казались каким-то случайным явлением, которого могло и не быть. Эти движения предстали как исторически неизбежное движение угнетенного класса капиталистического общества — пролетариата, как определенные формы его классовой борьбы против буржуазии. При этом классовая борьба пролетариата отличается от прежних проявлений

классовой борьбы тем, что этот угнетенный класс не может добиться своего освобождения, не освобождая в то же время все общество от разделения на классы и тем самым от классовой борьбы. «Коммунизм теперь означал уже не фантастическое измышление возможно более совершенного общественного идеала, а понимание природы, условий и вытекающих из них общих целей борьбы, которую ведет пролетариат».

Далее Энгельс свидетельствует, что авторы «Немецкой идеологии» отнюдь не намеревались сообщить о новых научных результатах исключительно «ученому» миру, изложив их в толстых книгах. «Мы оба, — пишет он, — уже глубоко вошли в политическое движение, имели некоторое число последователей среди интеллигенции, особенно в Западной Германии, и достаточно широкие связи с организованным пролетариатом. На нас лежала обязанность научно обосновать наши взгляды, но не менее важно было для нас убедить в правильности наших убеждений европейский и прежде всего германский пролетариат. Как только мы все уяснили сами себе, мы приступили к работе» (т. 21, стр. 221).

Написанный Марксом и Энгельсом обширный труд постигла своеобразная судьба: он увидел свет лишь спустя много десятилетий после смерти авторов. Летом 1846 г. рукопись была отправлена для издания в Вестфалию, где друзья и единомышленники предприняли шаги к ее опубликованию. Однако шаги эти не увенчались успехом. Уже 1 августа 1846 г. Маркс упоминает об этом в письме к издателю, с которым у него был договор относительно работы по политической экономии, а в конце декабря того же года Маркс в письме к Анненкову, сообщая, что до сих пор не может опубликовать критику германских философов и социалистов, писал: «Вы не можете себе представить, какие затруднения такое издание встречает в Германии, во-первых, со стороны полиции, во-вторых, со стороны издателей, которые сами являются заинтересованными представителями всех тех направлений, на которые я нападаю» (т. 27, стр. 398, 412).

Впоследствии, в предисловии к работе «К критике политической экономии», Маркс писал, что он и

Энгельс решили сообща разработать свои новые взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты со своей «прежней философской совестью». Рукопись уже прибыла на место издания, когда авторам сообщили, что изменившиеся обстоятельства делают ее опубликование невозможным. «Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, — писал Маркс, — что наша главная цель — уяснение дела самим себе — была достигнута» (т. 13, стр. 8).

Спустя три десятилетия в предисловии к своей книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс, приводя эти замечания Маркса, сообщает, что, прежде чем отправить в печать свою книгу, он отыскал и перечитал старую рукопись 1845—1846 гг. и при этом обнаружил в одной из тетрадей Маркса одиннадцать тезисов о Фейербахе, которые он решил напечатать в виде приложения к своей книге. «Это, — указывает Энгельс, — наскоро набросанные заметки, подлежащие дальнейшей разработке и отнюдь не предназначенные для печати. Но они неоценимы как первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения» (т. 21, стр. 371).

1

Заложив основы нового мировоззрения, Маркс и Энгельс, естественно, пришли к выводу, что важнейшее значение для создания революционной теории рабочего класса имеет исследование экономической жизни общества. Задача состояла в том, чтобы заново переработать политическую экономию при помощи созданного ими нового, материалистического подхода, и Маркс собирался приступить к выполнению этой задачи. Однако он считал, как говорится в одном из его писем 1846 г., крайне важным предпослать положительному изложению предмета полемическую работу, направленную против немецкой философии и против возникшего на ее основе немецкого социализма. «Это необходимо для того, — продолжал он, — чтобы подгото-

вить публику к моей точке зрения в области политической экономии, которая прямо противопоставляет себя существовавшей до сих пор немецкой науке» (т. 27, стр. 398—399).

Расценивая рукопись «Немецкой идеологии» с точки зрения марксизма, имевшего к тому времени уже почти полувековую историю, Энгельс заметил, что данное в разделе о Фейербахе изложение материалистического понимания истории показывает, «как еще недостаточны были наши тогдашние познания в области экономической истории» (т. 21, стр. 371). Но эта неполнота, разумеется, несколько не умаляет значения «Немецкой идеологии» как одного из ценнейших источников для изучения процесса выработки марксистской теории. Несмотря на отмеченный Энгельсом недостаток, идеи, впервые изложенные в «Немецкой идеологии», имели огромное значение для революционного переворота, произведенного марксизмом в экономической науке.

Материалистическая переработка диалектики и расширение материализма на исследование жизни общества — таковы исходные позиции той критики, которой основоположники марксизма подвергли предшествующую политическую экономию. Исторический материализм послужил методологической базой экономической теории марксизма. В «Немецкой идеологии» впервые были даны важнейшие положения исторического материализма, впоследствии подробно разработанные и обоснованные в «Капитале» и других трудах Маркса и Энгельса. И хотя в их работах 40-х годов исторический материализм еще оставался, по характеристике Ленина, научной гипотезой, но гипотеза эта оказалась чрезвычайно плодотворной, составив прочную основу для дальнейших исследований, завершивших превращение социализма из утопии в научную теорию.

В «Немецкой идеологии» идеалистическому подходу к объяснению общественной жизни был резко и отчетливо противопоставлен материализм. В этой работе были провозглашены принципиальные положения материалистического истолкования истории, которые затем легли в основу дальнейшего исследования Маркса и Энгельса,

Это относится прежде всего к положению о том, что «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» (т. 3, стр. 25). Сознание, разъясняют авторы «Немецкой идеологии», никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный смысл их жизни. Исходить следует не из того, что именно люди говорят, воображают, представляют себе; в качестве исходной точки должны быть взяты действительные люди, и из их действительного жизненного процесса надлежит выводить развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. В этих положениях заключена в сущности та же мысль, которая впоследствии была сформулирована Марксом в знаменитом предисловии к работе «К критике политической экономии».

Но что такое жизнь, определяющая сознание людей? В «Немецкой идеологии» говорится, что «люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления» (т. 3, стр. 25). Основными предпосылками исследования общественной жизни являются «действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» (т. 3, стр. 18). Сами люди начинают отличать себя от животных, как только они начинают производить необходимые им средства к жизни. Здесь выражена мысль о том, что коренным отличием человека от животных является труд, производственная деятельность. Идея эта, являющаяся основой научной теории антропогенеза, впоследствии получила развитие в работе Энгельса о роли труда в процессе очеловечения обезьяны (см. т. 20, стр. 486—499).

Если люди отличаются от животных тем, что они производят средства к жизни, то ясно, что производство материальной жизни служит основой всех других сторон существования людей. Отсюда переход к рассмотрению производства и способа производства — одного из краеугольных камней исторического материализма и экономического учения марксизма. В «Немецкой

идеологии» рассматривается способ, каким люди производят необходимые им средства к жизни. Это определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. «То, что они собой представляют, совпадает, следовательно, с их производством — совпадает как с тем, что они производят, так и с тем, как они производят» (т. 3, стр. 19).

Важнейшей предпосылкой исследования общественной жизни является понимание того, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю». Отсюда вытекает, что первый исторический акт — это производство средств для удовлетворения потребностей людей, производство самой материальной жизни. Второй факт состоит в том, что сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям. Третье отношение заключается в том, что люди, ежедневно заново производящие свою жизнь, начинают производить других людей, размножаться. Из всего этого следует, что производство жизни — как собственной посредством труда, так и чужой посредством рождения — появляется сразу в качестве естественного, а также в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов (см. т. 3, стр. 26—28).

Мысль о связи двух видов производства жизни — посредством труда и посредством рождения — не является случайной. В другом месте авторы «Немецкой идеологии» отмечают, что обусловливаемая производительными силами форма общения «имеет своей предпосылкой и основой простую семью и сложную семью, так называемый племенной быт...» (т. 3, стр. 35). Это замечание не оставляет сомнений в том, что основоположники марксизма считали для первобытного общества существенно важным не только анализ развития производительных сил, но и исследование форм семьи. Как будет показано ниже, это было сделано Энгельсом в его работе о происхождении семьи, частной собственности и государства.

2

Говоря о «производстве жизни», Маркс и Энгельс далее указывают, что определенный способ производства или промышленная ступень всегда связаны с определенным способом совместной деятельности. Самый этот способ совместной деятельности есть «производительная сила», а совокупность доступных людям производительных сил обуславливает общественное состояние. Следовательно, ««историю человечества» всегда необходимо изучать и разрабатывать в связи с историей промышленности и обмена» (т. 3, стр. 28).

Здесь выражена важнейшая для материалистического понимания истории мысль о том, что в основе исторического процесса лежит развитие производительных сил.

В «Немецкой идеологии» решительно провозглашен и последовательно проведен принцип историзма, столь важный для экономической науки. «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории, — писали Маркс и Энгельс. — Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей» (т. 3, стр. 16). Указывая, что обе эти стороны неразрывно связаны и взаимно обуславливают друг друга, они далее замечают, что им придется заняться историей людей, так как почти вся разбираемая ими идеология сводится либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от нее. Таким образом, здесь объявляется решительная война антиисторизму, составляющему неотъемлемую черту всяких идеалистических концепций развития общества.

В основе истории людей, т. е. истории человеческого общества, лежит материалистическая связь людей между собой, связь, обусловленная потребностями и способом производства, — «связь, которая принимает все новые формы, а следовательно представляет собой «историю», вовсе не нуждаясь в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того соединяла бы людей» (т. 3, стр. 29).

Материалистическая связь людей между собой, обусловленная потребностями и способом производства, — это и есть производственные отношения. Они фигурируют в «Немецкой идеологии» под термином «формы общения». Однако надо иметь в виду, что немецкое слово «Verkehr», которым переводилось английское и французское слово «commerce», употреблялось Марксом и Энгельсом в более широком смысле — как связь, соотношение, отношение. Впрочем, в этой работе встречается уже и термин «общественные отношения», и выражение «общественная структура». Так, в одном месте говорится, что индивиды, занимающиеся производственной деятельностью, «вступают в определенные общественные и политические отношения». Далее указывается, что общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса индивидов, из того, как они занимаются материальным производством, «следовательно, как они действительно проявляют себя в определенных материальных, не зависящих от их произвола границах, предпосылках и условиях» (т. 3, стр. 24). Здесь, таким образом, ясно намечено положение о том, что общественные отношения производства не зависят от воли и сознания людей, а сами определяют их волю и сознание.

Опровергая волюнтаристические представления мелкобуржуазных социалистов, Маркс и Энгельс писали: «Материальная жизнь индивидов, отнюдь не зависящая просто от их «воли», их способ производства и форма общения, которые взаимно обуславливают друг друга, есть реальный базис государства и остается таковым на всех ступенях, на которых еще необходимы разделение труда и частная собственность, совершенно независимо от воли индивидов» (т. 3, стр. 322).

Сущность материалистического понимания истории, согласно «Немецкой идеологии», заключается в том, чтобы исходя из материального производства непосредственной жизни рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения, т. е. гражданское общество на его различных ступенях, как основу всей истории. Затем задача состоит в том, чтобы

изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т. д. (см. т. 3, стр. 36—37).

По свидетельству Энгельса, Маркс уже в своих статьях 1844 г., опубликованных в «Немецко-французских ежегодниках», обобщил их материалистические взгляды на ход исторического процесса «в том смысле, что вообще не государством обуславливается и определяется гражданское общество, а гражданским обществом обуславливается и определяется государство, что, следовательно, политику и ее историю надо объяснять экономическими отношениями и их развитием, а не наоборот» (т. 21, стр. 220). Впоследствии Маркс, излагая этот результат своих исследований, нашедший свое выражение в его введении к критике гегелевской философии права, напечатанном в «Немецко-французских ежегодниках», писал, что он пришел к выводу, «что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» (т. 13, стр. 6).

Эта идея, имеющая кардинальное значение как для материалистического понимания истории, так и для марксистской политической экономии, разработана в «Немецкой идеологии» с большой полнотой. Гражданское общество есть истинный очаг и арена всей истории. Оно обнимает все материальное общение индивидов на определенной ступени развития производительных сил, всю торговую и промышленную жизнь данной ступени. Это — развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и всех идеологических надстроек (см. т. 3, стр. 35). Здесь уже дано важнейшее для материалистического понимания истории

ческого процесса и для научной политической экономии положение о базисе и надстройке.

Уровень развития производительных сил, указывали Маркс и Энгельс, обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито разделение труда. Всякая новая производительная сила влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда (см. т. 3, стр. 20). Анализируя развитие разделения труда, авторы «Немецкой идеологии» отмечают важнейшие вехи на его пути. Это прежде всего отделение промышленного и торгового труда от земледельческого, что ведет к отделению города от деревни и к возникновению противоположности их интересов. Далее происходит обособление торгового труда от промышленного. Одновременно растет разделение труда внутри каждой из этих крупных отраслей, благодаря чему развиваются различные подразделения индивидов, сотрудничающих в той или иной отрасли.

Особое значение имеет при этом отделение умственного труда от физического: «Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда» (т. 3, стр. 30), ибо с этого момента сознание может эмансипироваться от действительности и перейти к созданию «чистой» теории, теологии, философии и т. д.

Развитие разделения труда в обществе тесно связано с эволюцией форм собственности: «Различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности, т. е. каждая ступень разделения труда определяет также и отношение индивидов друг к другу соответственно их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда» (т. 3, стр. 20). В свою очередь данная ступень разделения труда «зависит от достигнутого в данный момент развития производительных сил» (т. IV, стр. 593).

Отсюда ясна несостоятельность юридической иллюзии, будто частная собственность представляет собой результат «всеобщей воли», будто отношение собственности является таким отношением, в которое по желанию можно вступать или не вступать и содержание которого всецело зависит от индивидуального произвола

договаривающихся сторон. Дело обстоит иначе: «Всякий раз, когда развитие промышленности и торговли создавало новые формы общения, например страховые и т. д. компании, право вынуждено было их санкционировать как новые виды приобретения собственности» (т. 3, стр. 64). Здесь совершенно отчетливо выражено положение, которое затем подробно разрабатывалось Марксом и Энгельсом в их позднейших трудах: та или иная форма собственности есть юридическое выражение данных производственных отношений.

Вопрос о собственности, ее происхождении и развитии, ее сущности и формах занимает в «Немецкой идеологии» видное место, и это отнюдь не случайно. Идеалистическое истолкование истории исходило из антиисторического, метафизического представления о собственности. Маркс и Энгельс противопоставили идеалистическим взглядам реальный, исторический подход, при помощи которого была выяснена подлинная роль отношений собственности, выступающих как проявление форм общения, изменяющихся в ходе исторического развития производительных сил.

В «Немецкой идеологии» рассматриваются основные формы собственности, существовавшие на протяжении истории до возникновения капитализма. Это — племенная собственность, античная община и государственная собственность, наряду с которой развивается и частная собственность, феодальная или сословная собственность. Каждая из форм собственности анализируется в тесной связи с развитием производства и разделения труда. Вместе с разделением труда дано и распределение, и притом неравное распределение, труда и его продуктов, следовательно, дана и собственность. «Впрочем, разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности» (т. 3, стр. 31).

Если представители идеалистических концепций рассматривали отношения собственности изолированно от отношений производства, абстрактно, то авторы «Немецкой идеологии» вскрыли зависимость этих отношений от производственной деятельности людей и тех

форм общения, которые возникают в процессе производства. Раскрывая зависимость форм собственности от развития разделения труда, они указывали, что «в рамках разделения труда личные отношения необходимо, неизбежно развиваются в классовые отношения и закрепляются как таковые», что «индивид как таковой, рассматриваемый сам по себе, подчинен разделению труда, которое делает его односторонним, уродует, ограничивает» (т. 3, стр. 438—439).

Если докапиталистические формы собственности характеризуются в «Немецкой идеологии» лишь в общих чертах, то иначе обстоит дело с капиталистической собственностью. Основоположники марксизма тщательно раскрывают ее происхождение и подробно разбирают ее особенности, последствия и результаты. Отделение города от деревни дает мощный толчок развитию частной собственности, а частная собственность порождает капиталистическую собственность, которая проходит определенный путь с развитием производительных сил, с возникновением и распространением мануфактурного производства, а затем машинной индустрии. Появление и рост городов, развитие ремесла и эволюция отношений между мастерами, подмастерьями и учениками, рост торговли, появление мануфактур, отраслей производства, переросших рамки цехового строя, — все это знаменует процесс развития разделения труда, подтачивающий феодальный строй и разлагающий феодальную собственность. Сословная феодальная собственность вытесняется частной, и в превалирующей степени капиталистической, собственностью. На месте сословий феодального общества возникают классы капиталистического общества.

Уже с появлением мануфактуры изменяется отношение между рабочими и владельцами предприятий. В цехах между мастерами и подмастерьями сохранялись патриархальные отношения, в мануфактуре же их сменяют денежные отношения между рабочим и капиталистом. Расширение торговли и мануфактуры ускоряет накопление движимого капитала. Торговля и мануфактура создают крупную буржуазию, и цехи неизбежно приходят в упадок. Важными вехами послужили появление

на европейских рынках американского золота и серебра, постепенное развитие промышленности, быстрый подъем торговли и вызванный этим расцвет буржуазии и распространение денег.

Решающей силой, приводящей к победе капиталистической собственности, является крупная машинная индустрия, означающая использование сил природы для промышленных целей, самое широкое разделение труда. Крупная промышленность сделала конкуренцию универсальной, создала мировой рынок, породила централизацию капитала. Она создала повсюду в общем одинаковые отношения между классами. «Крупная промышленность делает для рабочего невыносимым не только его отношение к капиталисту, но и самый труд» (т. 3, стр. 61).

Переход к капиталистическому способу производства характеризуется как великий общественный переворот, который превратил взаимоотношения буржуа между собой и их отношения к пролетариям в чисто денежные отношения, а все «освященные блага» — в предметы торговли и разрушил для пролетариев все естественно возникшие и традиционные отношения вместе со всей их идеологической надстройкой (см. т. 3, стр. 370). Историческая роль частной собственности определяется тем, что она представляет собой форму общения, необходимую на известной ступени развития производительных сил. Она «до тех пор не может быть уничтожена, до тех пор является необходимым условием для производства непосредственной материальной жизни, — пока не созданы производительные силы, для которых частная собственность становится стесняющими оковами».

Это стало бы совершенно ясно философу-идеалисту, если бы он «оставил на минуту в стороне ходячие представления юристов и политиков насчет частной собственности, равно как и полемику против них, если бы он рассмотрел эту частную собственность в ее эмпирическом существовании, в ее связи с производительными силами индивидов...» (т. 3, стр. 350—351).

Одним из важнейших результатов господства частной собственности является противоположность между

городом и деревней. Возникнув вместе с переходом к цивилизации, от племенного строя к государству и от местной ограниченности к нации, она может существовать только в рамках частной собственности. «Она выражает в наиболее резкой форме подчинение индивида разделению труда и определенной, навязанной ему деятельности, — подчинение, которое одного превращает в ограниченное городское животное, а другого — в ограниченное деревенское животное и ежедневно заново порождает противоположность между их интересами». Отсюда следует, что уничтожение противоположности между городом и деревней представляет собой «одно из первых условий общественного единства, — условие, которое, в свою очередь, зависит от множества материальных предпосылок и которое, как это видно уже с первого взгляда, не может быть осуществлено одной только волей» (т. 3, стр. 50).

3

В «Немецкой идеологии» обосновано чрезвычайно важное для экономической науки положение о стихийном характере общественного развития в условиях господства частной собственности, порождающей противоречие между частным и общим интересом. В стихийно сложившемся обществе, в котором разделение труда совершается не добровольно, а стихийно, «собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней». Далее говорится, что «это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты, является одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии» (т. 3, стр. 31, 32).

Не подлежит сомнению, что в этих положениях даны в зародышевой форме идеи, получившие полное развитие в марксовой теории товарного фетишизма, в учении

об овеществлении производственных отношений и персонализации вещей.

Господство условий производства над людьми, господство продукта над производителями достигает высшей степени развития в капиталистическом обществе. «В крупной промышленности и в конкуренции все условия существования, все обусловленности, все односторонности индивидов слились в две простейшие формы — в частную собственность и труд. Деньги делают всякую форму общения и само общение чем-то случайным для индивидов».

Отрыв производителей от средств производства, которые стали монопольной собственностью капиталистов, ведет к тому, что производительные силы выступают как нечто совершенно независимое и оторванное от индивидов, которые раздроблены и противостоят друг другу, в то время как производительные силы имеют общественный характер. На одной стороне — совокупность производительных сил, которые приняли как бы вещественный вид и являются для производителей не их силами, а силами частной собственности, т. е. капитала; на другой стороне — противостоящее этим производительным силам большинство индивидов, от которых эти силы оторвались. «Единственная связь, в которой они еще находятся с производительными силами и со своим собственным существованием, — труд, — потеряла у них всякую видимость самостоятельности и сохраняет их жизнь лишь тем, что калечит ее» (т. 3, стр. 66, 67). В капиталистическом обществе условия производства и общения людей проявляются по отношению к этим лицам в виде независимой силы, в виде случайных для них средств (см. т. 3, стр. 373).

Историческая ограниченность капиталистического способа производства особенно наглядно проявляется в том, что для буржуа только одно отношение имеет самодовлеющее значение — отношение эксплуатации. Все прочие отношения существуют для него лишь постольку, поскольку он может извлечь из них пользу. «Материальным выражением этой пользы являются деньги — представитель стоимости всех вещей, людей и общественных отношений» (т. 3, стр. 410). Здесь намечена мысль,

развитая в «Капитале»: в буржуазном обществе предметами купли-продажи становятся не только вещи-товары, но и совесть, честь, любовь и т. п.

Представители мелкобуржуазного социализма, против воззрений которых выступили Маркс и Энгельс, не понимали подлинной природы денег. Они рассматривали деньги как простое орудие общения между людьми. Деньги объявлялись простым техническим средством обмена, без которого немислима хозяйственная жизнь, а затем контрабандой в понятие денег включались такие определения, которые предполагают «все нынешнее состояние, классовое хозяйство, господство буржуазии и т. д.» (т. 3, стр. 395).

Разоблачая мелкобуржуазный «социализм» Штирнера, авторы «Немецкой идеологии» крупными штрихами намечают действительное содержание проблемы денег.

Во власти денег, в обособлении всеобщего менового средства в качестве самостоятельной силы как по отношению к обществу, так и по отношению к отдельному индивиду проявляется наиболее ярко факт становления самостоятельными отношений производства и общения вообще. Мелкобуржуазные утописты ровно ничего не знают о связи денежных отношений со всем производством и общением. Мелкий буржуа спокойно сохраняет деньги: иначе и не может быть при его представлениях о разделении труда и организации землевладения.

«Для согласного с собой эгоиста вещественная власть денег, которая ярко обнаруживается в денежных кризисах, угнетая — в виде перманентного безденежья — мелкого буржуа, «питающего страсть к покупкам», также весьма неприятный факт. Чтобы выйти из затруднения, наш эгоист переворачивает ходячее представление мелкого буржуа, создавая этим видимость, будто отношение индивидов к власти денег есть нечто зависящее только от личного произвола. Этот удачный оборот мысли дает ему затем возможность обратиться к ошеломленному и уже и без того обескураженному безденежьем мелкому буржуа с моральной проповедью» и сразу же отрезать таким образом «все неудобные вопросы о причинах денежной нужды».

Власть денег выражает в наиболее яркой форме тот факт, что производственные отношения приобрели самостоятельность как по отношению к отдельному индивиду, так и по отношению ко всему обществу: продукт общения людей становится их властелином. Разбивая идеалистические иллюзии, подойдя к проблеме материалистическим методом, Маркс и Энгельс наметили разрешение трудности, о которую неизбежно спотыкались буржуазные и мелкобуржуазные идеологи. Факт вещественной власти особенно ярко обнаруживается при кризисах.

«Денежный кризис заключается прежде всего в том, что все «состояния» вдруг обесцениваются по сравнению со средствами обмена и не «в состоянии» справиться с деньгами. Кризис существует именно тогда, когда невозможно более платить своим «состоянием», а необходимо платить деньгами. А это, в свою очередь, происходит не оттого, что наступает недостаток в деньгах, как воображает мелкий буржуа, судящий о кризисе на основании своей частной нужды, а оттого, что выступает наружу специфическое различие между деньгами как всеобщим товаром, «ходкой и курсирующей собственностью», и всеми другими специальными товарами, которые вдруг перестают быть ходкой собственностью» (т. 3, стр. 395—396).

Мелкобуржуазный идеолог пытается утешать безденежных лавочников тем, что не деньги причина денежной нужды и всего кризиса, а то, что эти лавочники не в состоянии добыть деньги. Сначала мелкобуржуазный идеолог определил деньги как существенное и притом специфическое достояние, как всеобщее меновое средство, как деньги в обыкновенном смысле; но, заметив, к каким трудностям это привело бы, он вдруг выворачивает все это наизнанку и объявляет всякое достояние деньгами, чтобы создать видимость личной власти. Возникающая при кризисе трудность заключается именно в том, что «всякое состояние» перестает быть «деньгами». Впрочем, все это сводится к практике буржуа, который принимает «всякое состояние» в виде платежного средства до тех пор, пока оно является деньгами, и лишь тогда начинает упираться, когда становится трудно пре-

вратить это «состояние» в деньги и когда он поэтому и перестает рассматривать его как «состояние». Возникающая во время кризиса трудность заключается именно в том, что мелкие буржуа уже не могут добиться обращения денег своей чеканки, обращения своих векселей, потому что от них требуют денег, которые не они чеканили и по которым ни один человек не догадается, что они прошли через их руки (см. т. 3, стр. 396).

В этой критике мелкобуржуазных иллюзий относительно денег показано, как заложенные в деньгах противоречия обнаруживаются при денежном кризисе, который фиксирует, закрепляет различие между деньгами как всеобщим товаром, с одной стороны, и всеми особыми товарами — с другой.

Основоположники марксизма раскрывают иллюзорность буржуазных представлений о свободе. В противовес идеалистам, рассматривавшим свободу как отрешение от действительности, они выдвигают реальное понимание свободы как основанной на осознанной объективной необходимости практической деятельности людей. При этом господство людей над силами природы и над их общественными отношениями предполагает достаточно высокий уровень развития производительных сил и ликвидацию общественных отношений, порабощающих человека. В истории дело обстоит так, что люди завоевывали себе свободу всякий раз постольку, поскольку это диктовалось им и допускалось не их идеалом человека, а существующими производительными силами (см. т. 3, стр. 433). Действительная свобода достигается лишь после ликвидации антагонистических производственных отношений, после уничтожения классового, эксплуататорского строя, порабощающего человека.

Преобразование индивидуального отношения в его противоположность — в чисто вещное отношение представляет собой исторический процесс и принимает на последовательных ступенях развития различные, все более резкие и универсальные формы. В буржуазном обществе господство вещных отношений над индивидами, подавление индивидуальности случайностью приняло самую резкую, самую универсальную форму, поставив тем самым перед обществом задачу: «вместо господства отно-

шений и случайности над индивидами, установить господство индивидов над случайностью и отношениями... Эта диктуемая современными отношениями задача совпадает с задачей организовать общество на коммунистических началах» (т. 3, стр. 440).

4

В «Немецкой идеологии» намечены основные моменты диалектики производительных сил и производственных отношений, впоследствии подробно раскрытой основоположниками марксизма. Исходный момент составляет взаимозависимость между ними: гражданское общество есть форма общения, которая на всех исторических ступенях обуславливается производительными силами и в свою очередь обуславливает их (см. т. 3, стр. 35). Но в этом взаимодействии производительные силы играют определяющую роль, которая проявляется в процессе развития общества, в переходе его от одной формы к другой. Переход этот вызывается ростом производительных сил, перерастающих рамки имеющихся форм общения, т. е. производственных отношений. В своем развитии производительные силы достигают такой ступени, на которой они приносят с собой при существующих отношениях одни лишь бедствия, являясь уже не производительными силами, а разрушительными. Все исторические коллизии коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения (см. т. 3, стр. 69, 74).

Определенные условия, при которых люди производят, проходят диалектический путь развития. Эти различные условия сначала являются условиями производства, а впоследствии оказываются оковами его. Они образуют на протяжении всего исторического развития связанный ряд форм общения. Эта связь заключается в том, что на место прежней, ставшей оковами формы общения становится новая, соответствующая более развитым производительным силам, а значит, и более прогрессивному виду производственной деятельности людей форма общения, которая в свою очередь превращается

и оковы и заменяется другой формой. «Так как эти условия на каждой ступени исторического развития соответствуют одновременно совершающемуся развитию производительных сил, то их история есть вместе с тем и история развивающихся и перенимаемых каждым новым поколением производительных сил, а тем самым и история развития сил самих индивидов» (т. 3, стр. 72).

Положив в основу исследования истории анализ диалектического развития производительных сил и производственных отношений, Маркс и Энгельс открыли путь к пониманию закономерного характера исторического процесса. Люди являются продуктом обстоятельств, но и обстоятельства в свою очередь изменяются людьми. Эта диалектическая взаимосвязь и образует основу развития общества. История представляет собой последовательную смену поколений, каждое из которых использует производительные силы, переданные всеми предшествующими поколениями; «в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» (т. 3, стр. 45).

Несколько позднее, в конце 1846 г., Маркс в одном из писем дал более развернутое изложение этой мысли. Он указывал, что закономерная преемственность исторического процесса порождается тем, что производительные силы являются результатом практической деятельности людей, но сама эта деятельность обусловлена производительными силами и общественными отношениями, унаследованными от прежних поколений. «Благодаря тому простому факту, — писал Маркс, — что каждое последующее поколение находит производительные силы, приобретенные предыдущим поколением, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая тем больше становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения» (т. 27, стр. 402).

Назревший в ходе исторического развития конфликт между производительными силами и формами общества, т. е. производственными отношениями, разрешается посредством классовой борьбы. Условия, при которых могут быть применены определенные производительные силы, связаны с господством определенного класса общества, социальная власть которого, вытекающая из его имущественного положения, находит свое выражение в соответствующей государственной форме. Поэтому всякая революционная борьба направляется против господствующего класса (см. т. 3, стр. 69—70).

Для революционного переворота в политической экономике огромное значение имело выдвинутое в «Немецкой идеологии» положение о том, что промышленность и торговля, производство и обмен необходимых для жизни средств обуславливают распределение, размежевание различных общественных классов и в свою очередь обуславливаются им в формах своего движения (см. т. 3, стр. 43). Таким образом, экономическая наука, исследуя промышленность и торговлю, имеет дело с классовыми отношениями. Экономические категории выступают как выражения отношений между различными общественными классами.

«Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, — говорится в «Немецкой идеологии», — постольку им приходится вести общую борьбу против какого-нибудь другого класса...» (т. 3, стр. 54). С образованием классового общества классы обособляются друг от друга, причем один господствует над всеми другими. Всякая борьба внутри государства — борьба между демократией, аристократией и монархией, борьба за избирательное право и т. д. — представляет собой не что иное, как иллюзорные формы, в которых ведется действительная борьба между различными классами. Отсюда следует, что каждый стремящийся к господству класс должен прежде всего завоевать политическую власть. Это относится и к пролетариату, господство которого означает «уничтожение всей старой общественной формы и господства вообще...». Красной нитью через всю работу проходит мысль о том, что «не критика, а революция является движущей силой истории, а также рели-

гии, философии и всякой иной теории» (т. 3, стр. 32, 37).

В основе всех происходивших ранее революций лежали «ограниченные производительные силы», в результате чего недостаточное для всего общества производство делало возможным лишь такое развитие, при котором меньшинство обладало монополией развития, между тем как большинство вследствие постоянной борьбы за удовлетворение необходимейших потребностей было лишено возможности какого-либо развития. «Таким образом, общество развивалось до сих пор всегда в рамках противоположности, которая в древности была противоположностью между свободными и рабами, в средние века — между дворянством и крепостными, в новое время — между буржуазией и пролетариатом» (т. 3, стр. 433).

В этих строках нетрудно заметить предварительную формулировку одной из центральных идей марксизма, зафиксированной в «Манифесте Коммунистической партии», — идеи о том, что вся история человечества есть история борьбы классов. С ходом развития общества классовая борьба принимает все более широкий размах, так как основа, на которой каждый новый класс устанавливает свое господство, шире той основы, на которую опирался класс, господствовавший до него (см. т. 3, стр. 48).

В «Немецкой идеологии» дан уже совершенно четкий анализ классовой природы государства вообще и буржуазного государства в частности. Государство рассматривается как та форма, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы и в которой все гражданское общество данной эпохи находит свое сосредоточение. Во всех существовавших до сих пор государствах личная свобода существовала лишь для индивидов, принадлежащих к господствующему классу, и лишь постольку, поскольку они были индивидами этого класса. «Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды», была объединением одного класса против другого, вследствие чего «для подчиненного класса она представляла собой не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы» (т. 3, стр. 75).

Это особенно ясно по отношению к буржуазному государству. Буржуазия уже не является больше сословием, а представляет собой класс. Поэтому она организуется не в местном, а в национальном масштабе и придает своим обычным интересам всеобщую форму. Благодаря господству частной собственности государство приобрело самостоятельное существование наряду с гражданским обществом и вне его; «но на деле государство есть не что иное, как форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы — как вовне, так и внутри государства — взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы» (т. 3, стр. 62).

Развитие противоречий между производительными силами и производственными отношениями определяет изменения в общественном сознании, порождая критику существующих условий и отношений. Чем больше форма общения данного общества развивает свою противоположность по отношению к ушедшим вперед производительным силам, тем больше сознание, первоначально соответствовавшее этой форме общения, перестает соответствовать ей, тем больше прежние традиционные представления, порожденные данной формой общения и формулирующие действительные интересы господствующего класса в виде всеобщих интересов, «опускаются до уровня пустых идеализирующих фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия» (т. 3, стр. 283). В другом месте указывается, что если формы идеологии — теория, теология, философия, мораль и т. д. — вступают в противоречия с существующими отношениями, то это может происходить лишь благодаря тому, что существующие общественные отношения вступили в противоречие с существующей производительной силой (см. т. 3, стр. 30).

5

Сводя счеты со своей прежней философской совестью, основоположники марксизма создали теорию научного коммунизма. Они раскрыли несостоятельность прежних представлений о коммунизме, базировавшихся

на идеалистических концепциях, и дали научное, материалистическое обоснование коммунизма. «Коммунизм для нас не состояние, которое должно быть установлено, не идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» (т. 3, стр. 34).

Действительное движение к коммунизму требует определенных условий, которые создаются всем ходом исторического развития общества. Экономическое учение марксизма наиболее глубоко раскрывает предпосылки движения к коммунизму. На протяжении всей своей деятельности Маркс и Энгельс всесторонне разрабатывали науку о коммунизме. Важнейшее значение «Немецкой идеологии» состоит в том, что в этом произведении в общих чертах намечены основные предпосылки коммунистического преобразования общества.

Противоречия между производительными силами и формами общения приводят к революционной смене одной общественно-экономической формации другой. Так совершается процесс прогрессивного развития общества, переход от низших его ступеней к высшим. Капитализм как последняя антагонистическая форма общества в ходе своего противоречивого развития создает необходимые предпосылки — объективные и субъективные — для коммунистической революции. Эту революцию совершает пролетариат — последний эксплуатируемый класс, который, добиваясь освобождения от ига капитала, освобождает все общество от эксплуатации человека человеком.

Практика является высшим критерием истины. Коммунисты — это практические материалисты. Для них все дело заключается в том, чтобы революционизировать существующий мир, чтобы практически выступить против существующего положения вещей и изменить его (см. т. 3, стр. 42). Объективная необходимость этого изменения обусловлена тем, что «в настоящее время индивиды должны уничтожить частную собственность, потому что производительные силы и формы общения развились настолько, что стали при господстве частной собственности разрушительными силами и потому что

противоположность между классами достигла своих крайних пределов» (т. 3, стр. 441).

«Существующее положение вещей» может быть уничтожено при наличии определенных практических предпосылок. Чтобы оно стало «невыносимой силой», т. е. силой, против которой совершают революцию, необходимо, чтобы большинство человечества превратилось в «лишенных собственности» людей, противостоящих в то же время существующему миру богатства и образования. Это предполагает огромный рост производительной силы, высокую ступень ее развития. В то же время это развитие производительных сил составляет абсолютно необходимую практическую предпосылку еще и потому, что без него имеет место лишь всеобщее распространение бедности, а при крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость (см. т. 3, стр. 33). Если же «нет налицо этих материальных элементов всеобщего переворота, — а именно: с одной стороны, определенных производительных сил, а с другой, формирования революционной массы, восстающей не только против отдельных сторон прежнего общества, но и против самого прежнего «производства жизни», против «совокупной деятельности», на которой оно базировалось, — если этих материальных элементов нет налицо, то, как это доказывает история коммунизма, для практического развития не имеет никакого значения то обстоятельство, что уже сотни раз высказывалась идея этого переворота» (т. 3, стр. 38).

Закладывая основы научного коммунизма, Маркс и Энгельс решительно боролись против идеалистических, волюнтаристских представлений о возможности коммунистического преобразования общества на основе одной лишь «воли» к революции. Они указывают, что до тех пор, пока производительные силы еще не развиты настолько, чтобы сделать излишней конкуренцию, и поэтому конкуренция так или иначе порождается ими снова и снова, — до тех пор подчиненные классы хотели бы невозможного, если бы у них была «воля» отменить конкуренцию и связанные с ней общественные порядки. «Впрочем, — добавляют они, — возникновение этой «во-

ли» до того момента, как отношения развились настолько, что смогли вызвать ее к жизни, также существует только в воображении идеологов» (т. 3, стр. 323). Вместе с тем в «Немецкой идеологии» отвергается мнение, будто пролетариат, осуществляя коммунистическую революцию, остается «прежним». Но пролетарии слишком хорошо знают, что лишь при изменившихся обстоятельствах они перестанут быть «прежними», и поэтому они полны решимости при первой же возможности изменить эти обстоятельства. «В революционной деятельности изменение самого себя совпадает с преобразованием обстоятельств» (т. 3, стр. 201).

Авторы «Немецкой идеологии» показали, что коммунизм есть в высшей степени практическое движение, преследующее практические цели с помощью практических средств (см. т. 3, стр. 203). Отсюда вытекало, что задача науки состоит в раскрытии этих целей и анализе этих средств. Решение этой задачи составило дело жизни Маркса и Энгельса. Значение их обширной совместной работы 1845—1846 гг. в том, что в ней задача эта была поставлена и всесторонне обоснована.

Глава
IV Совместная работа
Маркса и Энгельса
«Манифест
Коммунистической партии»

1. Обоснование всемирно-исторической роли пролетариата. 2. Основные законы движения буржуазного общества. 3. Программа социалистической революции. 4. Критика утопических систем. 5. «Манифест» и дальнейшее развитие марксизма

1

«Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, вышедший в свет в феврале 1848 г., был написан по поручению Союза коммунистов. Это был первый программный документ коммунизма. Ленин относил это произведение к числу тех, которые «являются настольной книгой всякого сознательного рабочего»¹.

«Манифест Коммунистической партии» увидел свет, когда уже сверкали зарницы революции 1848 г. В бурные месяцы революции Энгельс боролся бок о бок с Марксом. Он принимал деятельное участие в редактируемой Марксом «Новой Рейнской газете», боевом печатном органе научного коммунизма. «Новая теория была блестяще подтверждена ходом революционных событий 1848—1849 гг., как подтверждали ее впоследствии все пролетарские и демократические движения всех стран мира»².

Революция 1848 г. показала разные классы капиталистического общества в действии. Пролетарская кровь обагрила баррикады и мостовые столиц и крупных центров европейских стран. Июньские дни в Париже окончательно показали, что только пролетариат выступает

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 48.

борцом за социализм. Буржуазия, перепуганная действиями рабочего класса, во всех странах предает революцию, отказывается от своих либеральных фраз и бросается в объятия реакции. Болтовня о внеклассовой политике и внеклассовом социализме беспощадно разоблачается жизнью.

В этой исторической обстановке, еще на пороге революционных битв 1848 г., творцы научного коммунизма с гениальной прозорливостью «указали пролетариям всех стран их роль, их задачу, их призвание: подняться первыми на революционную борьбу против капитала, объединить вокруг себя в этой борьбе всех трудящихся и эксплуатируемых»¹.

Авторы «Манифеста» вооружили рабочий класс научно обоснованной программой борьбы за свержение власти буржуазии, за уничтожение капиталистического рабства, за создание нового, социалистического общества. Тем самым они превратили социализм из утопии в науку.

Новое мировоззрение выковывалось Марксом и Энгельсом в беспощадной борьбе против всех разновидностей домарковского социализма и коммунизма. Пророки и адепты этих социалистических и коммунистических сект целиком стояли на почве идеалистического понимания истории, которое исключало возможность раскрытия действительных законов общественного развития. Материалистическая основа исторического процесса и классовая борьба как его движущая сила оставались для них книгой за семью печатями. Они не в состоянии были определить историческую роль отдельных классов буржуазного общества и не понимали значения классовой борьбы.

Пролетариат они считали страшной общественной язвой и с ужасом наблюдали, как рабочий класс растет вместе с ростом крупной промышленности. Многие из них мечтали о том, чтобы остановить промышленное развитие и повернуть историю вспять. Не видя противоположности интересов буржуазии и пролетариата, они считали возможным уничтожение всех противоречий

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 169.

и зол современного общества мирным путем, без борьбы. Они охотно прикрывали всевозможными, якобы социалистическими, фразами о «народе» и «справедливости» требования, которые в сущности целиком оставались на почве сохранения капиталистического строя. Не понимая исторически преходящего характера капитализма, они либо мечтали о сохранении его хороших сторон и устранении плохих, либо противопоставляли капитализму всякие надуманные построения, существовавшие лишь в их собственных головах.

С одной стороны, домарксовский коммунизм, который основоположники марксизма характеризовали как «грубый» и «неотесанный» потребительский коммунизм, выражал стихийное, инстинктивное стремление рабочего класса к своему социальному освобождению, к коренному переустройству общества; с другой стороны, накануне революции 1848 г. в ряде европейских стран, и особенно в Германии, всеобщее распространение оппозиционных настроений выражалось в том, что коммунистами объявляли себя люди самого различного общественного положения и образа мыслей.

В одном из писем в октябре 1844 г. Энгельс сообщал Марксу: «В Бармене полицейский комиссар — коммунист». Побывав в ряде городов Рейнской области — в Кёльне, Дюссельдорфе, Эльберфельде, Энгельс выразительно резюмировал свои впечатления: «Куда ни кинь, куда ни повернись, везде натыкаешься на коммунистов». Несколько месяцев спустя, делаясь впечатлениями о коммунистических собраниях, на которых ему довелось побывать, Энгельс писал Марксу: «Весь Эльберфельд и Бармен, начиная с денежной аристократии и кончая мелкими лавочниками, был представлен, за исключением только пролетариата» (т. 27, стр. 6, 7, 21).

Впоследствии Энгельс указывал, что в немецком социализме, возникшем задолго до революции 1848 г., сначала существовало два независимых течения. Во-первых, чисто рабочее движение, развившееся под влиянием французского пролетарского коммунизма и породившее утопический коммунизм Вейтлинга. Во-вторых, теоретическое движение, возникшее в результате распада гегелевской философии и представленное прежде всего

Марксом. «Манифест Коммунистической партии» ознаменовал, по словам Энгельса, «слияние обоих течений, слияние, которое было завершено и скреплено неразрывными узами в горниле революции, когда все они, и рабочие, и бывшие философы, одинаково рисковали своей жизнью во имя общего блага» (т. 22, стр. 250).

Направление социализма к слиянию с рабочим движением Ленин считал главной заслугой основоположников марксизма. «...Они создали такую революционную теорию, — писал он, — которая объяснила необходимость этого слияния и поставила задачей социалистов организацию классовой борьбы пролетариата»¹.

«Манифест Коммунистической партии» является плодом совместной работы основоположников марксизма. При его написании был широко использован предварительный вариант программы Союза коммунистов, написанный Энгельсом, — «Принципы коммунизма». В ноябре 1847 г. Энгельс писал Марксу из Парижа в Брюссель, что он привезет с собой составленный им проект программы, и высказал при этом мнение, что следовало бы отбросить форму вопросов и ответов и назвать программу «Коммунистическим манифестом». «Ведь в нем придется в той или иной мере осветить историю вопроса, — пояснил Энгельс свое предложение, — для чего теперешняя форма совершенно не подходит» (т. 27, стр. 102).

С присущей ему скромностью и высокой требовательностью к себе Энгельс писал, что его проект «написан в простой повествовательной форме, но ужасно плохо, наспех отредактирован». Характеризуя содержание проекта, он указывал, что начинается с вопроса, что такое коммунизм, затем переходит к пролетариату, рассматривая историю его происхождения, отличие от прежних трудящихся классов, развитие противоположности пролетариата и буржуазии, кризисы, выводы; попутно освещаются различные второстепенные вопросы, и в конце излагаются основы партийной политики коммунистов.

Уже из этого крайне сжатого обзора содержания «Принципов коммунизма» ясно, что здесь подверглись

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 245.

разбору самые коренные проблемы, освещенные в «Манифесте», и прежде всего проблемы экономические. Более близкое ознакомление с «Принципами коммунизма» показывает, что подавляющее большинство выдвинутых в этом произведении положений — в особенности это касается экономических вопросов — вошло в «Манифест Коммунистической партии». Вместе с тем несомненно, что в «Манифесте» эти положения даны в развернутой, отточенной и блестящей форме и во многом развиты и дополнены новыми мыслями.

В предисловиях к немецкому и английскому изданиям «Манифеста», написанных уже после смерти Маркса, Энгельс указывал, что, хотя этот документ является произведением двух авторов, основное положение «Манифеста», составляющее его ядро, принадлежит Марксу. «Это положение, — писал Энгельс в предисловии к английскому изданию, — заключается в том, что в каждую историческую эпоху преобладающий способ экономического производства и обмена и необходимо обуславливаемое им строение общества образуют основание, на котором зиждется политическая история этой эпохи и история ее интеллектуального развития, основание, исходя из которого она только и может быть объяснена; что в соответствии с этим вся история человечества (со времени разложения первобытного родового общества с его общинным землевладением) была историей борьбы классов, борьбы между эксплуатирующими и эксплуатируемыми, господствующими и угнетенными классами; что история этой классовой борьбы в настоящее время достигла в своем развитии той ступени, когда эксплуатируемый и угнетаемый класс — пролетариат — не может уже освободить себя от ига эксплуатирующего и господствующего класса — буржуазии, — не освобождая вместе с тем раз и навсегда всего общества от всякой эксплуатации, угнетения, классового деления и классовой борьбы» (т. 21, стр. 367).

Энгельс добавляет, что к такому пониманию истории человечества Маркс и он постепенно приближались еще за несколько лет до 1845 г., когда они встретились в Брюсселе, а судить о том, насколько ему удалось в этом направлении продвинуться самостоятельно, мо-

жно по его работе «Положение рабочего класса в Англии».

Маркс и Энгельс на место мечтаний поставили науку. В «Манифесте Коммунистической партии» они обосновали новое мировоззрение, распространяющее материализм и на область общественной жизни. В этом произведении гениально обрисована диалектика как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии; здесь изложена теория классовой борьбы, доведенная до обоснования неизбежности завоевания политической власти пролетариатом.

Большая всемирно-историческая миссия пролетариата как могильщика капитализма и творца коммунизма — эта идея красной нитью пронизывает «Манифест Коммунистической партии» от его первой до последней строки. В этом произведении была впервые научно обоснована неизбежность гибели капитализма и торжества пролетариата, необходимость установления политического господства пролетариата для осуществления коммунизма, необходимость создания политической партии пролетариата — коммунистической партии — для руководства его политической борьбой.

Марксизм открыл путь к познанию законов общественного развития, которыми определяется не только политика и борьба классов, но и конечный результат этой борьбы — смена одного общественного строя другим. Из экономических законов развития капитализма Маркс и Энгельс вывели неизбежность смены буржуазного общества новым, коммунистическим обществом, показав, что превращение капитализма в коммунизм является исторической миссией пролетариата, который выступает, выражаясь словами Ленина, «интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого превращения. . .»¹.

Маркс и Энгельс закладывали основы научного коммунизма в решительной борьбе против всякого рода прекраснотушных обывателей и ограниченных филистеров, именовавших себя тогда коммунистами. Еще за полтора года до революции 1848 г. Энгельс писал

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 73.

Марксу, что на одном из собраний, где дело дошло до горячих схваток с представителями мелкобуржуазных и филистерских представлений о коммунизме, он дал самое простенькое определение коммунизма, и это определение сводилось к тому, чтобы, во-первых, отстаивать интересы пролетариев в противоположность интересам буржуа; во-вторых, осуществить это посредством уничтожения частной собственности и замены ее общностью имущества; в-третьих, не признавать другого средства осуществления этих целей, кроме насильственной демократической революции (см. т. 27, стр. 60).

В «Принципах коммунизма» первый вопрос гласил: «Что такое коммунизм?»

Ответ: «Коммунизм есть учение об условиях освобождения пролетариата» (т. 4, стр. 322).

Говоря о насильственной демократической революции, Энгельс, как и Маркс, имел в виду конкретную историческую обстановку, существовавшую в 40-х годах XIX в., накануне революции 1848 г. В «Принципах коммунизма» один из вопросов гласит: «Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?» На этот вопрос дается следующий ответ: «Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать».

Далее разъясняется позиция коммунистов по вопросу о мирном способе осуществления пролетарской революции. Коммунисты хорошо знают, писал Энгельс, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу, ибо они всегда и везде являлись необходимым следствием сложившейся исторической обстановки. Но вместе с тем коммунисты видят, что развитие пролетариата почти во всех капиталистических странах насильственно подавляется и что, таким образом, противники коммунизма изо всех сил работают на революцию. «Если все это, в конце концов, толкнет угнетенный пролетариат на революцию, — заключает Энгельс, — то мы, коммунисты, будем тогда защищать дело пролетариата действием не хуже, чем сейчас словом» (т. 4, стр. 331).

Подчеркивая, что главное в учении Маркса — это выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как

создателя социалистического общества, Ленин указывал, что «Манифест Коммунистической партии» дает «цельное, систематическое, до сих пор остающееся лучшим, изложение этого учения»¹.

«Манифест» явился образцом материалистической диалектики, которая, по классическому определению Ленина, «требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего, кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе»².

2

«Манифест» написан чрезвычайно сжатым, выразительным и сильным стилем, который полностью гармонирует с его гениальным содержанием. Все его построение отличается изумительной, всепокоряющей логической стройностью и художественной цельностью.

«Манифест» состоит из небольшого введения и четырех разделов. Во введении указывается цель, преследуемая публикацией «Манифеста». «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма» — этими словами начинается «Манифест». И далее говорится: «Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии» (т. 4, стр. 423).

Первый раздел, озаглавленный «Буржуа и пролетарии», посвящен раскрытию основных законов движения буржуазного общества, характеристике противоположности классовых интересов буржуазии и пролетариата, выяснению всемирно-исторической роли рабочего класса как могильщика капитализма.

Второй раздел — «Пролетарии и коммунисты» — посвящен изложению целей, взглядов и стремлений коммунистов, которое дается наряду с разоблачением буржуазных измышлений о коммунизме. В этом же разделе

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 1.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 223.

дана характеристика пролетарской революции и изложена ее программа действий.

Третий раздел — «Социалистическая и коммунистическая литература» — содержит критический разбор всех направлений домарковского социализма и коммунизма. Здесь разоблачаются фальсификации социализма реакционными идеологами эксплуататорских классов, а также различные секты утопического социализма.

Четвертый раздел — «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям» — дает краткий очерк тактики коммунистов, которые повсюду стараются «сплотить вокруг своего знамени все силы, способные принести пользу в борьбе против реакции, за социализм.

В «Манифесте» крупными штрихами представлен общий ход развития капитализма и раскрыты его основные законы. Критика буржуазной политической экономии, начатая Энгельсом в «Набросках к критике политической экономии», продолженная в «Положении рабочего класса в Англии», а затем в совместных работах Маркса и Энгельса — «Святом семействе» и «Немецкой идеологии», развитая Марксом в «Нищете философии» и «Наемном труде и капитале», получила дальнейшее развитие в «Манифесте Коммунистической партии». Это произведение знаменует важный этап в создании экономического учения марксизма.

В «Манифесте» прежде всего обрисован общий ход развития человеческого общества. «История всех до сих пор существовавших обществ, — писали Маркс и Энгельс, — была историей борьбы классов» (т. 4, стр. 424). В примечании к английскому изданию «Манифеста», вышедшему в 1888 г., Энгельс поясняет, что при этом речь идет о той истории, которая дошла до нас в письменных источниках, т. е. об историческом развитии общества со времен разложения первобытной общины, первобытного коммунистического общества. С тех пор движущей силой истории стала классовая борьба. Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего

общественного здания или общей гибелью борющихся классов, как это произошло с античным миром.

Буржуазное общество, вышедшее из недр феодализма, не уничтожило классовых противоречий, а только поставило новые классы на место старых. Это общество все более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два основных класса — буржуазию и пролетариат. В «Манифесте» крупными мазками нарисована картина исторического генезиса этих двух классов.

Из средневековых крепостных вышло сословие свободных горожан, а из него развились первые элементы буржуазии. Буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в способе производства и обмена.

Открытие Америки и морского пути на Восток, рост обмена, развитие товарных отношений — все это размывало прежнее феодальное общество. Рост рынков и торговли вызывал рост спроса на товары, который уже не могла удовлетворять мануфактура. Пар и машина произвели революцию в промышленности. «Место мануфактуры заняла современная крупная промышленность. место промышленного среднего сословия заняли миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа» (т. 4, стр. 425).

С появлением крупной промышленности образуется всемирный рынок, подготовленный открытием Америки и морского пути вокруг Африки. Вместе с тем происходит процесс установления политического господства буржуазии. Господство буржуазии разрушило прежние патриархальные отношения. Буржуазия не оставила никакой другой связи между людьми, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». На место прежних форм эксплуатации, прикрытых религиозными и политическими иллюзиями, она поставила эксплуатацию открытую, бесстыдную, прямую, черствую.

В «Манифесте» ярко обрисована историческая роль буржуазии и глубоко вскрыто противоречие между производительными силами и производственными отношениями буржуазного общества. «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следова-

тельно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений» (т. 4, стр. 427). В то время как все предшествующие эпохи характеризовались сохранением существующего способа производства в неизменном виде, буржуазную эпоху отличают беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение.

Выйдя из недр феодального общества, буржуазия на первых порах пользуется средствами производства и обмена, созданными в этом обществе. Но на известной ступени развития этих средств производства и обмена феодальные отношения и феодальная собственность перестают соответствовать развившимся производительным силам. Они превращаются в тормоз, в оковы для производства. Их необходимо было разбить, и они были разбиты. «Место их заняла свободная конкуренция, с соответствующим ей общественным и политическим строем, с экономическим и политическим господством класса буржуазии» (т. 4, стр. 429).

Потребность в рынках для сбыта продукции крупной промышленности гонит буржуазию по всему земному шару. Повсюду она взрывает устаревшие, патриархальные отношения, вовлекая самые отдаленные страны в водоворот мирового рынка. Дешевые цены ее товаров — такова та тяжелая артиллерия, при помощи которой буржуазия разрушает все преграды к ее внедрению. Деревню она подчиняет городу. Буржуазия «сгустила население, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих» (т. 4, стр. 428).

Менее чем за сто лет своего классового господства буржуазия создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Но буржуазное общество походит на волшебника, который не в состоянии справиться с силами, вызванными его заклинаниями. Об этом ярко свидетельствуют периодические кризисы, во время которых уничтожается не только значительная часть готовых изделий, но и созданных ранее производительных сил. Находящиеся в распоряжении буржуаз-

ного общества производительные силы стали непомерно велики для буржуазных отношений, которые поэтому задерживают их развитие.

Кризисы являются результатом возмущения современных производительных сил против буржуазных производственных отношений, против тех отношений собственности, которые составляют условие существования буржуазии и ее господства.

В «Манифесте» следующим образом описывается эпидемия перепроизводства, которая разражается во время кризисов:

«Общество оказывается вдруг отброшенным назад к состоянию внезапно наступившего варварства, как будто голод, всеобщая опустошительная война лишили его всех жизненных средств; кажется, что промышленность, торговля уничтожены, — и почему? Потому, что общество обладает слишком большой цивилизацией, имеет слишком много жизненных средств, располагает слишком большой промышленностью и торговлей» (т. 4, стр. 429—430).

Буржуазия преодолевает кризисы лишь таким путем, который подготавливает более всесторонние и сокрушительные кризисы и уменьшает средства противодействия им.

В кризисах особенно рельефно выступает исторически преходящий характер капиталистического способа производства, растущее несоответствие производственных отношений капитализма бурно развивающимся в его недрах производительным силам. Эта роль кризисов подробнее обрисована Энгельсом в «Принципах коммунизма». Из регулярно повторяющихся экономических кризисов следует, что крупная промышленность уже переросла свободную конкуренцию; что ведение промышленного производства отдельными лицами превратилось для крупной промышленности в оковы, которые должны быть разбиты; что «необходимо либо отказаться от крупной промышленности, — а это абсолютно невозможно, — либо признать, что она делает безусловно необходимым создание совершенно новой организации общества, при которой руководство промышленным производством осуществляется не отдельными конкурирую-

щими между собой фабрикантами, а всем обществом по твердому плану и соответственно потребностям всех членов общества» (т. 4, стр. 329).

Развитие производительных сил капитализмом, делая необходимым их переход во владение всего общества, вместе с тем создает необходимые материальные условия для социалистического переустройства общества. Энгельс указывает, что обусловленная крупной промышленностью возможность бесконечного расширения производства позволяет «создать такой общественный строй, в котором всех необходимых для жизни предметов будет производиться так много, что каждый член общества будет в состоянии совершенно свободно развивать и применять все свои силы и способности» (т. 4, стр. 329).

В «Манифесте Коммунистической партии» говорится, что оружие, которым буржуазия ниспровергла феодализм, т. е. рост производительных сил, теперь направляется против самой буржуазии. Но буржуазия не только выковала оружие, несущее ей смерть: она породила и класс, применяющий это оружие, — современный пролетариат.

В «Манифесте» с гениальной прозорливостью обрисованы условия жизни пролетариата в буржуазном обществе. Рабочие только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят они ее до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. С ростом применения машин труд пролетариев утратил всякий самостоятельный характер, всякую привлекательность. Рабочие становятся простым придатком машины.

Рабочие вынуждены продавать себя поштучно, они представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли. Но цена всякого товара, а следовательно, и труда (в «Манифесте», как и в других работах Маркса и Энгельса, относящихся к 40-м годам, говорится еще о труде как товаре, но фактически речь идет о купле-продаже рабочей силы) равна издержкам его производства. Поскольку издержки на рабочего сводятся почти исключительно к жизненным средствам, необходимым для его содержания и продолжения его рода, заработная плата уменьшается в той же мере, в

какой растёт непривлекательность труда. С прогрессом промышленности положение пролетариата ухудшается. Пропасть между классами углубляется, непримиримые противоречия между ними обостряются.

«Пролетариат, самый низший слой современного общества, не может подняться, не может выпрямиться без того, чтобы при этом не взлетела на воздух вся возвышающаяся над ним надстройка из слоев, образующих официальное общество» (т. 4, стр. 435).

Пролетариат не может освободиться, не уничтожив наемного рабства и вместе с тем всякой эксплуатации человека человеком.

Вместе с ростом капитализма пролетариат растет, развивается, закаляется и проникается сознанием своей силы. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием. Таким образом, буржуазия производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны.

В предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста», написанном в 1882 г., его авторы указывают, что задачей «Манифеста» было «провозгласить неизбежно предстоящую гибель современной буржуазной собственности» (т. 19, стр. 305).

Вскрывая зияющие противоречия буржуазного строя, обнажая законы его гибели, «Манифест» решительно разоблачает клеветнические измышления буржуазии, направленные против коммунистов. Вместе с тем в нем дана убийственная критика всех институтов буржуазного общества, которые эксплуататоры и их приспешники объявляют священными и достойными всяческой защиты от покушений коммунистов.

Буржуазия упрекает коммунистов в том, что они хотят уничтожить благоприобретенную собственность, добытую личным трудом и составляющую основу всякой личной свободы, деятельности и самостоятельности. «Манифест» подвергает этот аргумент уничтожающей критике. Если речь идет о собственности мелких производителей, то она уничтожается каждодневно развитием крупной капиталистической промышленности. Если же имеется в виду буржуазная частная собственность,

то она является основой не свободы личности, а порабощения огромного большинства населения.

«В буржуазном обществе капитал обладает самостоятельностью и индивидуальностью, между тем как трудящийся индивидуум лишен самостоятельности и обезличен.

И уничтожение этих отношений буржуазия называет упразднением личности и свободы! Она права. Действительно, речь идет об упразднении буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы» (т. 4, стр. 439).

В «Манифесте» показано, что под буржуазной свободой понимается свобода торговли, свобода купли-продажи, свобода эксплуатации человека человеком. Тем самым срываются маски с тех фикций личной свободы, на которых покоится лицемерная и насквозь лживая буржуазная демократия; она на деле является демократией лишь для эксплуататоров, для ничтожного буржуазного меньшинства. В «Манифесте» обнажено истинное лицо буржуазной семьи и брака, представляющих собой «официальную и неофициальную проституцию», буржуазного патриотизма, буржуазного индивидуализма, который не признает личностью никого, кроме буржуазного собственника.

Отбрасывая миф о якобы надклассовом характере буржуазного государства, авторы «Манифеста» писали: «Современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» (т. 4, стр. 426).

3

В «Манифесте Коммунистической партии» была впервые научно обоснована неизбежность революционного свержения капитализма, социалистической революции пролетариата, который должен завоевать государственную власть для уничтожения капиталистического строя и созидания нового, коммунистического общества. С первой до последней строки «Манифест» пронизан идеей превращения пролетариата в господ-

ствующий класс, т. е. диктатуры пролетариата. Как известно, самый термин «диктатура пролетариата» был выдвинут Марксом несколько лет спустя, в 1852 г., после исторического опыта революции 1848 г.

В «Манифесте Коммунистической партии» пророчески говорится о том, что только победа пролетарской революции принесет освобождение угнетенным нациям, покончит с национальным гнетом и национальной враждой:

«В той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой».

Исторические задачи пролетарской диктатуры, как показал Маркс в «Капитале», заключаются прежде всего в экспроприации экспроприаторов. После завоевания государственной власти пролетариатом для перехода от капитализма к коммунизму необходима прежде всего ликвидация частной собственности на средства производства и ее замена общественной собственностью. Эта задача сформулирована в «Манифесте» следующим образом:

«Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил» (т. 4, стр. 445, 446).

В «Манифесте» намечена программа конкретных практических мероприятий, осуществляемых пролетариатом после завоевания им политической власти. Речь идет о мерах переходного характера, реализуемых после установления пролетарской диктатуры путем революционного вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения. Отмечая, что такого рода мероприятия могут быть почти повсеместно применены в наиболее передовых странах, авторы «Манифеста» при этом делают оговорку, что в различных странах эти мероприятия будут различны.

Предварительная наметка этой программы действий пролетарской диктатуры была дана еще в «Принципах коммунизма» Энгельса, где эта программа изложена в 12 пунктах. В «Манифесте» она сведена к 10 пунктам:

1) Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

2) Высокий прогрессивный налог.

3) Отмена права наследования.

4) Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.

5) Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.

6) Централизация всего транспорта в руках государства.

7) Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.

8) Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.

9) Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней.

10) Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д. (см. т. 4, стр. 446—447).

Рассматривая эту программу действий, легко заметить, что в ней нашли выражение, с одной стороны, коренные задачи коммунистического переустройства общества и, с другой стороны, конкретные требования, обусловленные тогдашней исторической обстановкой. Нетрудно отделить общие идеи, лежащие в основе этой программы, от конкретных форм их выражения. Эти общие идеи могут быть сведены к следующим моментам:

во-первых, обобществление средств производства и распределения;

во-вторых, всеобщая обязательность труда;

в-третьих, быстрое развитие производительных сил;

в-четвертых, уничтожение противоположности между городом и деревней;

в-пятых, уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом.

Что касается конкретной формы выражения этих коренных идей научного коммунизма, то она несет на себе печать исторической обстановки, в которой был создан «Манифест». На практической формулировке этих требований нельзя не заметить влияния как достигнутого в это время уровня развития производительных сил, еще невысокого по сравнению с последующей эпохой, так и существовавших в то время форм пролетарского движения и накопленного им исторического опыта. В частности, некоторые из этих требований в их конкретной форме были навеяны опытом и практикой чартистского движения.

В то же время несомненно, что в целом программа, сформулированная в «Манифесте», как небо от земли отличалась от требований, выдвигавшихся социалистами домарксовских направлений. Ибо эта программа зиждилась на таких коренных устоях, как завоевание государственной власти пролетариатом и использование этой власти для коренного переустройства существующих производственных отношений путем ликвидации буржуазных отношений собственности и утверждения общественной собственности на средства производства. Тем самым все мероприятия, сформулированные в программе, оказались поставленными на реальную практическую почву, которой как раз не хватало всем разновидностям домарксовского социализма и прежних направлений в рабочем движении.

Конкретной формулировке этой программы авторы «Манифеста» не придавали самодовлеющего значения. В 1872 г. в предисловии к немецкому изданию «Манифеста» Маркс и Энгельс, подчеркивая, что общие основные положения этого произведения остаются в целом совершенно правильными, отмечали, что перечень мероприятий, данный в конце второго раздела, следовало бы изложить иначе. Поясняя свою мысль, они писали:

«Ввиду огромного развития крупной промышленности за последние двадцать пять лет и сопутствующего

ему развития партийной организации рабочего класса; ввиду практического опыта сначала февральской революции, а потом, в еще большей мере, Парижской Коммуны, когда впервые политическая власть в продолжение двух месяцев находилась в руках пролетариата, эта программа теперь местами устарела. В особенности Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»» (т. 18, стр. 90).

Последняя фраза взята из работы Маркса «Гражданская война во Франции».

В работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», подводя итоги революции 1848 г., Маркс делает заключение о том, что все прежние революции усовершенствовали существующую государственную машину, между тем как пролетарская революция должна ее разбить, сломать.

В работе «Государство и революция» Ленин называет этот вывод громадным шагом вперед по сравнению с «Манифестом Коммунистической партии». В «Манифесте», указывает Ленин, подведены общие итоги истории, заставляющие видеть в государстве орган классового господства и приводящие к выводу, что пролетариат не может добиться своего освобождения, не завоевав политической власти. На основании же исторического опыта революции 1848 г. Маркс ставит и решает вопрос о том, какова должна быть эта смена буржуазного государства пролетарским. Таким образом, в «Манифесте Коммунистической партии» вопрос о государстве поставлен еще абстрактно, в самых общих понятиях, между тем как в 1852 г. Маркс уже ставит вопрос конкретно и делает практически-осязательный вывод о необходимости разбить буржуазную государственную машину.

«Учение Маркса и здесь — как и всегда, — отмечает Ленин, — есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*»¹.

Этот вывод с еще большей силой делают Маркс и Энгельс после исторического опыта Парижской Ком-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 29.

муны. «Анализировать этот опыт, извлечь из него уроки тактики, пересмотреть на основании его свою теорию — вот как поставил свою задачу Маркс»¹, — писал Ленин. И далее он подчеркивал, что основоположники марксизма считали главный урок Парижской Коммуны, а именно вывод о том, что пролетариат не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей, — имеющим такую гигантскую важность, что они сочли необходимым сделать существенную поправку к «Манифесту».

4

В «Манифесте» дана убийственная критика реакционных и консервативных фальсификаций социализма и коммунизма и вскрыта несостоятельность всевозможных утопических систем.

Из разновидностей реакционного социализма авторы «Манифеста» подвергают беспощадному разоблачению феодальный, мелкобуржуазный и немецкий, или «истинный», социализм.

Прежние властители — феодалы, оттесненные на второй план господствующей буржуазией, — выражают свое недовольство сочинением пасквилей на своего нового властителя. Так возник феодальный социализм, который «Манифест» характеризует чрезвычайно выразительно: «Наполовину похоронная песнь — наполовину пасквиль, наполовину отголосок прошлого — наполовину угроза будущего, подчас поражающий буржуазию в самое сердце своим горьким, остроумным, язвительным приговором, но всегда производящий комическое впечатление полной неспособностью понять ход современной истории» (т. 4, стр. 448).

Представители этой разновидности реакционного социализма — а их было немало не только в середине прошлого века, но и в последующие десятилетия — прикидывались друзьями рабочего класса, но они преследовали узкие своекорыстные интересы отжившего класса поме-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 36.

щиков. «Аристократия размахивала нищенской сумой пролетариата как знаменем, чтобы повести за собой народ. Но всякий раз, когда он следовал за нею, он замечал на ее задугах старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным хохотом».

Рука об руку с феодальным социализмом идет поповский социализм, обладающий значительно большей живучестью. Он использует христианскую религию для сохранения и укрепления эксплуататорского строя. «Христианский социализм, — писали авторы «Манифеста», — это лишь святая вода, которою поп кропит озлобление аристократа» (т. 4, стр. 449).

Следующая разновидность реакционного социализма, разоблаченная в «Манифесте», — это мелкобуржуазный социализм. Это направление в литературе возглавлялось Сисмонди. Представители этого направления умели подметить противоречия буржуазного строя, но они смотрели не вперед, а назад, предаваясь утопическим реакционным мечтаниям о возврате к мелкому производству и отжившим патриархальным отношениям. Поэтому мелкобуржуазный социализм служил преградой на пути освободительной борьбы рабочего класса.

Последнее направление реакционного социализма, подвергнутое уничтожающей критике в «Манифесте», это немецкий, или «истинный», социализм. Приверженцы этого направления провозглашают немецкую нацию образцовой нацией, а немецкого мещанина — образцом человека. Каждой низости немецкого мещанина они придают сокровенный и возвышенный социалистический смысл. Они утверждают, будто стоят выше классовой борьбы. Произведения этого направления «Манифест» относит к разряду грязной, развращающей литературы.

Вслед за реакционным социализмом «Манифест» разоблачает консервативный, или буржуазный, социализм. «Сюда относятся, — писали Маркс и Энгельс, — экономисты, филантропы, поборники гуманности, радетели о благе трудящихся классов, организаторы благотворительности, члены обществ покровительства животным, основатели обществ трезвости, мелкотравчатые реформаторы самых разнообразных видов» (т. 4, стр. 453—

454). Отмечая, что этот буржуазный социализм разрабатывался даже в целые системы, авторы «Манифеста» называют в качестве примера Прудона с его «Философией нищеты».

Представители этого направления провозглашают буржуазный мир лучшим из миров. Они хотели бы иметь буржуазию без пролетариата. Они пытаются освободить буржуазный строй от противоречий, примирить классы, устранить классовую борьбу и доказывают, что буржуазный порядок соответствует интересам рабочего класса.

Наконец, в «Манифесте» Маркс и Энгельс сводят счёты с критически-утопическим социализмом и коммунизмом. Первые, ещё незрелые выступления пролетариата породили литературу, проповедовавшую всеобщий аскетизм и грубую уравнильность. Системы великих социалистов-утопистов — Сен-Симона, Фурье, Оуэна — возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией и несут на себе печать неразвитости классовых отношений, неразвитой формы классовой борьбы. Их авторы видят противоположность классов и действие разрушительных сил буржуазного общества, но пролетариат существует для них лишь в качестве наиболее страдающего класса: закрытой книгой остаются историческая самостоятельность пролетариата, свойственное ему политическое движение.

Положительная роль этих утопических систем социализма и коммунизма в том, что они нападают на все основы буржуазного общества и тем самым дают весьма ценный материал для просвещения рабочего класса. В то же время их положительные выводы насчет будущего общественного устройства, их предложения относительно устранения противоположности между городом и деревней, уничтожения частной наживы и наемного труда, превращения государства в простое управление производством и т. п. имеют еще совершенно утопический характер.

В «Манифесте» показано, что значение критически-утопического социализма и коммунизма изменяется с ходом исторического развития. По мере того как раз-

вивается и принимает все более определенные формы классовая борьба в буржуазном обществе, стремление утопистов возвыситься над ней лишается всякого практического смысла и теоретического оправдания. «Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты. Они крепко держатся старых воззрений своих учителей, невзирая на дальнейшее историческое развитие пролетариата» (т. 4, стр. 456—457). Они постепенно опускаются в лагерь реакционных или консервативных социалистов, проявляя еще больше педантизма и фанатической веры в свои всеспасающие рецепты.

5

Идеи «Манифеста Коммунистической партии» разрабатывались и развивались Марксом и Энгельсом на протяжении всей их жизни и деятельности. В частности, экономические идеи «Манифеста» были глубоко и всесторонне разработаны в «Капитале», где подробно раскрыты и обоснованы экономические законы движения капитализма. В «Капитале» до конца вскрыты сущность и механизм капиталистической эксплуатации, на основе трудовой теории стоимости всесторонне разработана теория прибавочной стоимости, являющаяся краеугольным камнем экономического учения Маркса.

Однако уже в «Манифесте Коммунистической партии» была дана в общих чертах научная характеристика буржуазного способа производства. Ко времени написания «Манифеста» его авторы уже прекрасно знали не только, что такое прибавочная стоимость, но и откуда она берется. Две работы Маркса, относящиеся к тому периоду, — «Нищета философии» и «Наемный труд и капитал» — содержат блестящее изложение проблем стоимости и прибавочной стоимости. В «Манифесте» экономический анализ буржуазного общества дан в самых общих чертах. Там гениально обрисовано буржуазное общество в целом и вскрыты его основные про-

тиворечия. Характерно, что в ряде мест «Капитала» Маркс приводит соответствующие выдержки из «Манифеста Коммунистической партии».

К концу XIX в. идеи «Капитала» получили широкое распространение. Буржуазным противникам марксизма становилось все труднее преграждать путь победному шествию марксистского учения. Тогда они прибегли к обходному маневру. Несмотря на несомненную преемственность, существующую между «Манифестом Коммунистической партии» и «Капиталом», несмотря на бесспорное единство идей этих двух важнейших произведений марксизма, буржуазные фальсификаторы сочинили версию о противоречиях, которые якобы имеются между этими трудами. Была выдумана и пущена в ход версия о существовании «двух Марксов». Один Маркс — это, мол, автор «Манифеста», пребывавший в плену революционных иллюзий, а другой Маркс — автор «Капитала», трезвый исследователь, у которого можно, дескать, найти лишь следы революционного романтизма.

Это измышление буржуазных противников марксизма было взято на вооружение ревизионизмом. В то время как замечательнейшая черта марксистского учения заключается в том, что оно органически соединяет строгую научность с революционностью в целом и стройном мировоззрении, ревизионисты на основании легенды о «двух Марксах» утверждали, что необходимо «спасти» научное наследие Маркса от положений, выдвинутых им в период «Манифеста», «освободить» марксистское учение от якобы ненаучной «тенденциозности».

С таким призывом выступил отец ревизионизма Эдуард Бернштейн. Имея в виду главу первого тома «Капитала», в которой сформулирована «историческая тенденция капиталистического накопления», он писал: «Для меня эта глава служит иллюстрацией дуализма, который проходит через весь монументальный труд Маркса, проявляясь в менее отчетливой форме и в других местах. Этот дуализм состоит в том, что этот труд должен быть научным исследованием и вместе с тем должен доказать тезис, установленный еще задолго до его составления, что в его основе лежит схема, в кото-

рой заранее установлен результат, к которому ведет развитие. Возвращение к «Коммунистическому манифесту» обнаруживает здесь действительный остаток утопизма в марксовой системе. Маркс воспринял в существенном решение, предложенное утопистами, но счел негодными их средства и доказательства». По словам Бернштейна, Маркс предпринял пересмотр этих доказательств, но при этом обнаружилось, что он «в конце концов остался пленником доктрины»¹.

В связи с этими рассуждениями Бернштейна Роза Люксембург с полным основанием замечает, что «дуализм» Маркса есть не что иное, как дуализм капиталистического настоящего и социалистического будущего, капитала и труда, буржуазии и пролетариата. Этот дуализм является научным отражением существующего в капиталистическом обществе дуализма — классовых противоречий капитализма. «И если Бернштейн в этом теоретическом дуализме Маркса видит «остаток утопизма», то этим он только наивно признается в том, что отрицает в буржуазном обществе исторический дуализм, капиталистические классовые противоречия, что для него и социализм превратился в «остаток утопизма»»².

Выступая против критиков марксизма, Г. В. Плеханов писал, что он приводит выдержки из «Манифеста Коммунистической партии» предпочтительно перед другими сочинениями Маркса и Энгельса потому, что «Манифест» относится к той ранней эпохе их деятельности, когда они, по утверждению критиков, были якобы особенно односторонни в понимании взаимоотношения между «факторами» общественного развития. «Мы ясно видим, — продолжал он, — что и в эту эпоху они отличались не «односторонностью», а только стремлением к монизму, отвращением к тому эклектизму, который так явственно сказывается в замечаниях гг. «критиков»»³. Версия о «двух Марксах» получила отпор и со стороны

¹ E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Berlin, 1923, S. 244—245.

² Р. Люксембург. Социальная реформа или революция. М., 1959, стр. 58.

³ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 167.

Франца Меринга, который писал: «Если когда-либо существовал цельный человек, то это был Карл Маркс»¹.

Попытки противопоставить «Манифест Коммунистической партии» и «Капитал» рассыпаются при сколь угодно серьезном анализе этих произведений. Стоит только вспомнить дышащие неукротимой революционной страстью страницы «Капитала», в котором глубокая научность так гармонически сочетается с революционностью и несокрушимой волей к борьбе. «Капитал» от первой до последней строки посвящен всестороннему обоснованию и дальнейшей разработке тех положений, которые были даны уже в «Манифесте», где с гениальной прозорливостью изложены основные законы развития капитализма, являющиеся вместе с тем законами его неизбежной гибели.

Читая страницы «Манифеста», на которых беспощадно бичуются язвы буржуазного общества, срываются маски с его институтов и разоблачается подлинное фарисейство эксплуататоров и увертки их лакеев, рядящихся в лжесоциалистические одежды, нельзя не вспомнить слова Ленина, который писал об этом произведении, что оно «до сих пор верно во всем основном, живо и злободневно, как будто бы оно писалось вчера...»².

В «Манифесте» научно обоснована необходимость создания коммунистической партии; она необходима для формирования пролетариата в класс, низвержения господства буржуазии, завоевания пролетариатом политической власти. В «Манифесте» показано, что коммунисты являются самой решительной частью рабочего класса, его авангардом, что в теоретическом отношении они обладают преимуществом перед остальной массой пролетариата в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения. Коммунисты тесно связаны с рабочим классом: у них нет никаких интересов, отдельных от интересов всего пролетариата в целом. На всех стадиях пролетарской борьбы коммунисты «всегда являются представителями интересов движения в целом».

¹ «Из литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, Ф. Лассалья и др.», 1908, т. I, стр. 5.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 268—269.

В «Манифесте» впервые были обоснованы воззрения и провозглашены цели коммунистов. «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения» — эти мужественные слова дышат сознанием исторической правоты и неодолимой силы идей коммунизма.

«Манифест» оканчивается грозным предупреждением по адресу буржуазии и ее приспешников:

«Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!» (т. 4, стр. 459).

* *
*

На пороге революционных событий 1848 г. Маркс и Энгельс обращали главное внимание на Германию, так как она была тогда чревата буржуазной революцией, назревавшей в условиях более высокой степени развития капитализма и рабочего класса по сравнению с буржуазными революциями XVII и XVIII вв. в Англии и во Франции. Поэтому Маркс и Энгельс рассчитывали, что буржуазная революция в Германии «может быть лишь непосредственным прологом пролетарской революции» (т. 4, стр. 459).

Однако германская буржуазия, подлая и трусливая, в страхе перед пролетариатом предала революцию, стала пресмыкаться перед феодальной монархической властью и лизать юнкерские сапоги. А пролетариат в Германии, как и в более развитых странах, еще не созрел для осуществления социалистической революции.

На протяжении ряда десятилетий Маркс и Энгельс разрабатывали идеи, провозглашенные в «Манифесте Коммунистической партии», всесторонне развивая их на основе всего дальнейшего опыта классового борьбы пролетариата и особенно на основе опыта Парижской Коммуны 1871 г.

Характерно, что в последние годы своей жизни Маркс и Энгельс пророчески предвидели возможность

перемещения центра революционного движения с Запада на Восток — из Германии в Россию.

«Революция, — писал Маркс в 1877 г., — начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции» (т. 34, стр. 230).

В предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста» в 1882 г. его авторы отмечали, что «Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе» (т. 19, стр. 305).

Маркс и Энгельс не дожили до новой фазы в развитии капитализма — фазы монополистического капитализма, империализма. С наступлением этой эпохи центр революционного движения переместился в Россию. Россия стала узловым пунктом всех противоречий империализма. Именно поэтому Россия стала родиной ленинизма, который является марксизмом новой эпохи.

В беспощадной борьбе против опошлителей и извратителей марксизма эпохи II Интернационала Ленин высоко поднял знамя живого, творческого, действенного, революционного марксизма. Он двинул марксистскую теорию вперед, развил ее и поднял на высшую ступень в условиях новой исторической эпохи, не останавливаясь перед тем, чтобы, исходя из существа марксизма, заменить некоторые положения и выводы его основоположников, ставшие уже устаревшими, новыми выводами и положениями, вытекающими из новых исторических условий.

В середине прошлого века авторы «Манифеста Коммунистической партии» считали, что социализм может победить лишь одновременно во всех или в большинстве цивилизованных стран.

В «Принципах коммунизма» Энгельс указывал, что крупная промышленность, создав мировой рынок, тесно связала между собой все народы земного шара, и в особенности народы капиталистических стран. Она так уравнила общественное развитие в этих странах, что всюду буржуазия и пролетариат стали двумя решающими классами общества и борьба между ними — главной борьбой нашего времени. Отсюда следовал вывод, что «коммунистическая революция будет не только на-

циональной, но произойдет одновременно во всех цивилизованных странах, т. е., по крайней мере, в Англии, Америке, Франции и Германии» (т. 4, стр. 334). Этот вывод соответствовал условиям домонополистического капитализма, который развивался еще по восходящей линии.

К началу XX в. прежний капитализм свободной конкуренции перерос в монополистический капитализм — империализм. Ленин подверг исследованию эту последнюю стадию развития капитализма и показал, что на этой стадии все противоречия буржуазного способа производства обостряются до крайней степени. Закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран приводит к тому, что прежнее более или менее плавное развитие капитализма сменяется развитием скачкообразным, происходящим в порядке катастроф и катаклизмов, в порядке империалистической борьбы за раздел и передел мира. Империализм — это капитализм монополистический, загнивающий, паразитический, умирающий. Империализм является кануном социалистической революции пролетариата, когда эта революция непосредственно стоит в порядке дня.

На основе научного марксистского анализа монополистической стадии капитализма, на основе открытого им закона неравномерности развития капиталистических стран в эпоху империализма Ленин пришел к выводу, что в новой исторической обстановке одновременная победа социалистической революции во всех или в большинстве развитых стран невозможна из-за неравномерности вызревания революции в этих странах. Ввиду этого старое положение Маркса и Энгельса, как не соответствующее изменившейся исторической обстановке, должно быть заменено новым выводом о возможности победы социалистической революции первоначально в одной, отдельно взятой, капиталистической стране и дальнейшем развитии мирового революционного процесса путем последовательного отпадения других стран от капиталистической системы и их перехода на путь социализма.

1. Энциклопедический очерк марксистской теории. 2. Развитие социализма от утопии к науке. 3. Предмет политической экономии. 4. Опровержение идеалистической теории насилия. 5. Теории стоимости и прибавочной стоимости. 6. Основное противоречие капитализма.

Работы, созданные Марксом и Энгельсом в 40-х годах, представляют выдающийся интерес как определенные вехи на пути формирования теории научного коммунизма. Рассмотрение этих работ показывает, сколь значительно было участие Энгельса в закладке краеугольных камней марксистской теории в целом, экономического учения марксизма в частности.

Иного характера задачи стояли перед Энгельсом в его работах, созданных уже после появления «Капитала» Маркса. После того как в этом главном сочинении научного коммунизма марксизм выступил во всеоружии теории, разработанной и проверенной на гигантском историческом материале, на долю Энгельса выпала двоякая задача. С одной стороны, необходимо было давать отпор многочисленным врагам научного мировоззрения рабочего класса, буржуазным и мелкобуржуазным критикам и фальсификаторам марксизма. С другой стороны, важно было при этом разработать ряд существенных элементов теории научного коммунизма, подвергнуть конкретному марксистскому анализу ряд проблем, которые были разрешены в «Капитале» лишь в общих чертах. Этим двум задачам или, точнее, этой двуединой задаче посвящен ряд блестящих работ Энгельса периода 1870—1895 гг., которые являются непревзойденными образцами развития марксизма на основе обобщения нового исторического опыта.

Период этот был чрезвычайно плодотворным в жизни Энгельса как в теоретическом, так и в практическом.

политическом отношении. Освободившись от «вавилонского пленения» в манчестерской торговой фирме и переселившись в Лондон, Энгельс со свойственной ему страстностью отдает свой могучий талант и несокрушимую волю борьбе за утверждение идей научного социализма в рабочем движении.

В этот период им написаны труды, сыгравшие выдающуюся роль в развитии марксизма: «К жилищному вопросу» (1872—1873 гг.) — работа, в которой был завершен разгром прудоновской разновидности реакционно-утопического социализма; «Анти-Дюринг» (1876—1878 гг.) — одно из основных произведений научного коммунизма, по праву занявшее место рядом с «Манифестом Коммунистической партии» и «Капиталом»; «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.) — классический труд, в котором было дано дальнейшее развитие материалистического понимания истории и марксистской политической экономии; «Людвиг Фейербах» (1888 г.) — работа неопережимого значения для понимания марксистского мировоззрения в целом.

Таковы лишь наиболее крупные законченные труды Энгельса, созданные им в течение последней четверти века его жизни. К этому следует добавить огромное множество статей в периодической печати, ряд брошюр и выступлений, посвященных наиболее острым и актуальным вопросам марксистской теории, стратегии и тактики рабочего движения. Наконец, в этот же период Энгельс посвящал свои силы ряду капитальных исследований, которые остались незавершенными вследствие того, что после смерти Маркса на долю Энгельса выпали задачи, которые он считал более важными, — подготовка последних двух томов «Капитала» и публикация других работ Маркса. К числу крупнейших незаконченных исследований Энгельса относится труд по истории Германии и в особенности «Диалектика природы», опубликованная уже после смерти Энгельса и вошедшая ценнейшим вкладом в сокровищницу марксистской теории.

Среди произведений Энгельса, написанных в течение этого периода, особое место занимает «Анти-Дюринг».

«Это удивительно содержательная и поучительная книга» — так характеризовал работу Энгельса Ленин, указывая, что «здесь разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук»¹. Ленин писал, что «Анти-Дюринг» стал «насто́льной книгой всякого сознательного рабочего»². Мering считал «Анти-Дюринг» самым значительным и важным после «Капитала» трудом по научному социализму³.

В этой работе нашли свое дальнейшее развитие важнейшие проблемы марксизма. На огромном фактическом материале Энгельс разработал основные вопросы марксистской теории, подытожив ее развитие за три десятилетия с момента возникновения марксизма в середине 40-х годов XIX в.

Полное название «Анти-Дюринга» гласит: «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». К середине 70-х годов взгляды мелкобуржуазного идеолога Дюринга, представлявшие собой эклектическую смесь вульгарного механистического материализма и позитивизма, буржуазной политической экономии и реакционно-утопических представлений о социализме, получили довольно широкое распространение в Германии. Дюринг нашел последователей и в ря-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 11.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 43. Один из представителей старой ленинской гвардии, Ф. Ленгник, в своих воспоминаниях рассказывает, как он в молодости, попав в конце 90-х годов в сибирскую ссылку, пережил временное увлечение идеалистической философией Юма и Канта. Ленин, узнав об этом от товарищей, завязал с ним переписку, в которой с жаром защищал жизнеутверждающую философию Маркса и Энгельса. Уже после нескольких писем Ленина Ленгник был поколеблен до самого основания и вскоре навсегда освободился от «идеалистического плена». ««Анти-Дюринг» стал моей настольной книгой...» — пишет Ленгник («Воспоминания о Ленине», т. 3. М., 1960, стр. 25—26).

³ См. Ф. Мering. Карл Маркс. История его жизни, стр. 534.

Herrn Eugen Dühring's
Umwälzung der Wissenschaft

Von

Friedrich Engels

Dritte, durchgesehene und vermehrte Auflage

Stuttgart

Verlag von J. F. W. Dietz

1894

Титульный лист третьего издания
книги Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»

дах германской социал-демократии, где в результате заключенного в 1875 г. на съезде в Готе компромисса с лассальянцами не было необходимой ясности в вопросах теории научного социализма. В этих условиях Маркс и Энгельс сочли необходимым дать отпор дюрингианству. Этой задаче и посвящена работа Энгельса. Ленин подчеркивал, что Маркс принял деятельное участие в создании этого произведения, ознакомившись с ним в рукописи и написав целиком главу, посвященную истории политической экономии¹.

Дюринг был в 60—70-х годах XIX в. приват-доцентом Берлинского университета, откуда ему пришлось уйти из-за его нападок на университетские порядки. В ряде объемистых книг он изложил свою «систему», охватывающую космологию, гносеологию и социологию, претендуя на открытие новой эпохи в науке. На выход первого тома «Капитала» Дюринг откликнулся рецензией в одном из журналов. Маркс в ряде писем дал уничтожающую оценку этой статье и ее автору. «Вообще, — писал он, — это весьма заносчивый, несносный молодчик, который корчит из себя революционера в политической экономии» (т. 32, стр. 448).

Отмечая, что Дюринг «первый из специалистов» заговорил о «Капитале», Маркс объясняет это тем, что он стал писать о его книге из ненависти к Рошеру и другим «светилам» немецкой университетской науки, которым основательно досталось в «Капитале». Маркс считал, что «Капитал» поставил крест над попытками Дюринга создать систему политической экономии, опираясь на американского вульгарного экономиста, противника Рикардо, Кэри и систему «естественной диалектики» в противовес гегелевской.

Энгельс, ознакомившись со статьей Дюринга о «Капитале», писал Марксу, что вся статья — сплошное смятение и страх. «Бравый вульгарный экономист явно задет за живое; он не в состоянии сказать ничего, кроме того, что о первом томе можно будет судить лишь после появления третьего, что определение стоимости рабочим временем не является бесспорным и что есть люди,

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 51, 86.

которые позволяют себе сомневаться насчет того, правильно ли определять стоимость труда издержками его производства» (т. 32, стр. 5—6). Маркс в ответном письме подчеркнул, что рецензент не заметил главных принципиально новых положений, выдвинутых в «Капитале». Однако до поры до времени Маркс и Энгельс не считали нужным вступать в спор с Дюрингом¹.

Дело приняло иной оборот после того, как Дюринг в середине 70-х годов, говоря словами Энгельса, «внезапно в довольно крикливом тоне объявил, что он уверовал в социализм, и преподнес немецкой публике не только подробно разработанную социалистическую теорию, но и законченный практический план преобразования общества» (т. 22, стр. 294). Выступив в период объединения двух социалистических партий Германии — эйзенахцев и лассальянцев, Дюринг стал создавать вокруг себя секту, которая ставила целью подорвать влияние марксизма в объединенной партии. Предпринятый Дюрингом поход, его претензии на новое обоснование социализма встретили сочувствие некоторых деятелей германской социал-демократии. Это были главным образом люди, впоследствии выступившие глашатаями ревизионизма, как Бернштейн, или ультралевого оппортунизма, как Мост. В этих условиях возникла настоятельная необходимость критического разбора взглядов Дюринга с точки зрения марксистской теории. Энгельс взял эту задачу на себя, чтобы не отрывать Маркса от работы над последними томами «Капитала».

В 1876 г. Энгельс занялся изучением сочинений Дюринга, а с января 1877 г. начал печатать в органе германской социал-демократии газете «Форвертс» статьи против него, которые в том же году вышли отдельной книгой. «Анти-Дюринг» был переведен на десятки язы-

¹ Меринг указывает, что Маркс, отметив проявленное Дюрингом непонимание главных элементов содержания «Капитала», учитывал, что Дюринг написал свою статью не столько из интереса к книге, сколько из злобы к университетским авторитетам; но в общем «Маркс не был недоволен этой критикой. Он даже назвал ее «очень приличной»». «Энгельс, — продолжает Меринг, — сразу отнесся к статье Дюринга менее благожелательно и проявил этим больше дальновидности, чем Маркс» (Ф. Меринг. Карл Маркс. История его жизни, стр. 407).

ков и выдержал множество изданий в различных странах. Те главы «Анти-Дюринга», которые были изданы отдельно в виде брошюры «Развитие социализма от утопии к науке», стали одной из самых популярных марксистских книг.

Задача, которую ставил перед собой Энгельс, создавая «Анти-Дюринг», выходила далеко за рамки опровержения антинаучных и псевдосоциалистических воззрений его непосредственного противника. В предисловии к первому изданию своей работы Энгельс, излагая обстоятельства, вынудившие его взяться за перо, а именно попытки маленькой секты дюрингианцев внести идейное замешательство в ряды социал-демократической партии, отмечает специфические особенности, обусловленные самим характером объекта его критики.

«Кислый плод», как Энгельс называет теоретическую систему Дюринга, был изрядной величины. Это были три толстых тома, «тяжелых как по весу, так и по содержанию, три армейских корпуса аргументов, мобилизованных против предшествующих философов и экономистов вообще и Маркса в особенности, — поистине попытка совершить полный «переворот в науке». . .» (т. 22, стр. 297). Псевдосоциалистическая теория Дюринга явилась результатом некоей новой философской системы, которую нужно было исследовать в ее внутренней связи. «Нужно было последовать за г-ном Дюрингом в ту обширную область, где он толкует о всех возможных вещах и еще кое о чем сверх того» (т. 20, стр. 6).

Уже этим была вызвана такая обстоятельная критика, которая, по словам Энгельса, крайне непропорциональна научному содержанию произведений Дюринга. Но Энгельс приводит еще два соображения, обусловившие эту обстоятельность. Во-первых, он счел нужным использовать возможность в положительной форме развить в различных областях знания свое понимание вопросов, имеющих общий научный или практический интерес. Во-вторых, необычайный урожай на всевозможные «системы», возникавшие в то время среди социалистической и околосоциалистической интеллигенции в Германии, делали особенно настоятельным подробный раз-

бор дюрингианства как характерного продукта подобного «высокопарного пустозвонства» (см. т. 20, стр. 6—7).

В одном из писем того времени Энгельс отмечает крупную ошибку германских социал-демократов, позволяющих студентам и прочим невежественным «ученым» в качестве научных представителей партии нести перед всем светом невероятную чушь. «Впрочем, это детская болезнь, — замечает он далее, — которую необходимо перенести, и именно для того, чтобы сократить ее, я так подробно разобрал это на примере Дюринга» (т. 34, стр. 245).

В предисловии ко второму изданию книги Энгельс вновь отмечает, что критикуемая им «система» Дюринга охватывает очень широкую теоретическую область, вследствие чего приходилось следовать за ним повсюду, противопоставляя его построениям свои собственные взгляды. «Отрицательная критика, — продолжает Энгельс, — стала благодаря этому положительной; полемика превратилась в более или менее связное изложение диалектического метода и коммунистического мировоззрения, представляемых Марксом и мной...» (т. 20, стр. 8—9). Когда встал вопрос о новом издании «Анти-Дюринга», Энгельс, выражая свое удовлетворение по поводу большого успеха его труда, объяснил это тем, что, «несмотря на неизбежно скучный характер полемики с незначительным противником, эта попытка дать энциклопедический очерк нашего понимания философских, естественнонаучных и исторических проблем оказала свое действие» (т. 36, стр. 118—119).

И в самом деле, «Анти-Дюринг» представляет собой подлинную энциклопедию марксистской теории. Этим прежде всего определяется его огромное значение для всех частей марксизма, в том числе для марксистской политической экономики.

Работа Энгельса состоит из трех крупных отделов, посвященных философии, политической экономике и социализму. В ней представлены в своем органическом единстве три составные части марксизма, раскрыто их содержание, их источники и взаимосвязь. Тем самым нанесен решительный удар попыткам противников марксизма отделить одну его сторону от другой, выхватить

одну его составную часть и изолировать ее от остальных. Такие попытки, касающиеся, в частности, экономической теории марксизма, предпринимались со времени появления «Капитала» и делаются до настоящего времени.

2

Цельное и стройное марксистское мировоззрение представляет собой теорию научного коммунизма. Данный Энгельсом исторический очерк социалистических идей раскрывает развитие социализма от утопии к науке. Энгельс выяснил историческую закономерность этого процесса превращения, обусловленного развитием капитализма и рабочего движения, и вместе с тем показал коренное качественное отличие научного социализма от утопического.

Утопический социализм был порождением того времени, когда капиталистический способ производства, а с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты. «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории... Эти новые социальные системы заранее были обречены на то, чтобы оставаться утопиями, и чем больше разрабатывались они в подробностях, тем дальше они должны были уноситься в область чистой фантазии» (т. 20, стр. 269).

С развитием капитализма производительные силы перерастают рамки буржуазных производственных отношений. Конфликт между производительными силами и производственными отношениями капитализма находит свое выражение в классовой борьбе пролетариата против буржуазии. «Современный социализм есть не что иное, как отражение в мышлении этого фактического конфликта, идеальное отражение его в головах прежде всего того класса, который страдает от него непосредственно, — рабочего класса» (т. 20, стр. 279).

Освобождая себя от гнета капитала, пролетариат избавляет все общество от язв и скверны эксплуататорского строя. Историческое призвание пролетариата —

совершить этот подвиг. Научный социализм не только выясняет историческое призвание рабочего класса, но и дает ему в руки могучее идейное оружие борьбы за социалистическое переустройство общества, за самый глубокий переворот в общественной жизни. «Исследовать исторические условия, — писал Энгельс, — а вместе с тем и самую природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела — такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения» (т. 20, стр. 295).

Выяснив, что научный социализм представляет собой теоретическое выражение рабочего движения, коренных интересов рабочего класса, совпадающих с интересами прогрессивного развития всего человечества, Энгельс раскрыл источник непреодолимой силы научного социализма.

В работе Энгельса дано прежде всего развитие основных положений философии марксизма — диалектического материализма. Используя огромный арсенал своих знаний из самых различных областей естественных и общественных наук, Энгельс показывает значение метода материалистической диалектики для познания мира, для исследования всех процессов развития природы и общества. При этом значительнейшее внимание уделяется применению диалектико-материалистического метода в экономической науке.

В «Анти-Дюринге» показано, что материалистическое понимание истории и экономическая теория марксизма представляют неразрывное целое и служат глубоким и всесторонним обоснованием научного социализма. Развитие классовой борьбы пролетариата раскрыло ложность учения буржуазной политической экономии о тождестве интересов труда и капитала, о всеобщей гармонии, якобы царящей в обществе, где господствует свободная конкуренция. Прежнее, идеалистическое понимание истории не знало никакой классовой борьбы, вызываемой противоречиями материальных интересов, и вообще никаких материальных интересов. Новые факты заставили подвергнуть всю прежнюю историю новому исследова-

нию, и тогда выяснилось, что вся прежняя история была историей борьбы классов, являющихся продуктом существующих каждую эпоху отношений производства, т. е. экономических отношений. Таким образом, экономическая структура общества каждой данной эпохи составляет реальную основу, которой объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из политических учреждений, философских и иных воззрений данной эпохи. «Тем самым идеализм был изгнан из своего последнего убежища, из понимания истории, было дано материалистическое понимание истории и был найден путь для объяснения сознания людей из их бытия вместо прежнего объяснения их бытия из их сознания» (т. 20, стр. 26).

Утопический социализм был несовместим с материалистическим пониманием истории. Он хотя и критиковал капиталистический способ производства, но не мог объяснить его и, следовательно, выяснить действительный путь его преодоления. Но задача заключалась в том, чтобы выяснить неизбежность его гибели, а также в том, чтобы обнажить внутренний, до тех пор еще не раскрытый характер этого способа производства. Эта задача была решена открытием теории прибавочной стоимости.

«Этими двумя великими открытиями — материалистическим пониманием истории и разоблачением тайны капиталистического производства посредством прибавочной стоимости — мы обязаны Марксу. Благодаря этим открытиям социализм стал наукой. . .» (т. 20, стр. 26—27).

Мысль о двух великих открытиях Маркса, превративших социализм из утопии в науку, повторялась Энгельсом неоднократно. В статье «Карл Маркс», написанной Энгельсом в период работы над «Анти-Дюрингом», он подробно анализирует значение двух главных открытий Маркса для научного обоснования социализма. Первым из этих открытий является совершенный Марксом «переворот во всем понимании всемирной истории», второе же заключалось в «окончательном выяснении отношения между капиталом и трудом, другими словами, в раскрытии того, каким образом внутри современного общества, при существующем капиталистическом способе

производства, совершается эксплуатация рабочего капиталистом». «На этих двух важных основаниях зиждется современный научный социализм»¹, — заключает Энгельс (т. 19, стр. 111, 113 и 115).

Оба этих открытия знаменовали качественно новую, принципиально отличную ступень в развитии всех наук о человеческом обществе, и в первую очередь экономической науки. В речи на похоронах Маркса Энгельс указал, что материалистическое понимание истории означало открытие закона развития человеческой истории, а теория прибавочной стоимости — открытие особого закона движения капиталистического способа производства (см. т. 19, стр. 350—351).

Совершенный Марксом переворот во всем понимании всемирной истории Энгельс сравнивал с переворотом, произведенным Дарвином в биологии. Что касается теории прибавочной стоимости, то благодаря ей, указывал Энгельс, буржуазное общество было не в меньшей степени, чем предшествующие, разоблачено как грандиозное учреждение для эксплуатации громадного большинства народа незначительным, постоянно сокращающимся меньшинством (см. т. 19, стр. 115).

3

Глубоко раскрыв тесную связь между материалистическим пониманием истории и экономической теорией марксизма, Энгельс в «Анти-Дюринге» дал дальнейшее развитие ряда коренных проблем марксистской

¹ Данное Энгельсом обоснование коренного различия между утопическим и научным социализмом вызвало озлобленные, но вместе с тем совершенно беспомощные нападки со стороны противников марксизма. Так, С. Булгаков, начавший свою деятельность «легальным марксистом» и скатившийся затем к крайнему мракобесию, писал: «Различение между социализмом научным и утопическим основывается на произвольной переоценке одних социалистических направлений и недооценке других. Это разграничение было введено Энгельсом, причем им подразумевалось, что научным социализмом является только марксизм... а все остальные виды социализма суть утопические» (С. Н. Булгаков. История экономических учений, ч. II. М., 1918, стр. 168).

политической экономии, начиная с вопроса о ее предмете и методе. Энгельс подробно обосновал марксистское понимание исторического характера экономической науки. Политическая экономия по существу своему наука историческая. Она имеет дело с историческим, т. е. непрерывно изменяющимся, материалом. Она представляет собой науку о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе на различных ступенях его развития. Это — наука об условиях и формах, при которых происходит производство, обмен и распределение в различных человеческих обществах.

Как историческая наука, политическая экономия не может быть одной и той же для всех стран и всех исторических эпох. Кто пожелал бы подвести под одни и те же законы экономику Огненной Земли и капиталистической Англии, тот не дал бы ничего, кроме самых банальных общих мест. В то же время Энгельс считал само собой разумеющимся, что «законы, имеющие силу для определенных способов производства и форм обмена, имеют также силу для всех исторических периодов, ко которым общи эти способы производства и формы обмена» (т. 20, стр. 150—151).

Последовательное проведение принципа историзма в политической экономии явилось ключом к научному пониманию капитализма, его исторического места, его тенденций развития. Капитализм существовал и до возникновения марксизма. Однако Энгельс в «Анти-Дюринге» с полным правом отмечает, что свойственный буржуазии способ производства называется капиталистическим со времени Маркса (см. т. 20, стр. 278). Это совершенно естественно, ибо Маркс положил начало научному познанию капиталистического общества.

В этом смысле можно сказать, что только основоположники марксизма открыли капитализм. Научное исследование капиталистического способа производства, его движущих противоречий, действующих в нем законов, раскрытие характера и последствий этих законов — все это было осуществлено только основоположниками марксизма. Они раскрыли закономерности капиталистического способа производства и показали, что эти зако-

номерности действуют повсюду, где возникает и развивается этот способ производства. Капитализм един, хотя в разных странах он развивается в различной конкретной обстановке, в различных исторических условиях.

Открытие капиталистического способа производства как единого способа производства с одними и теми же основными закономерностями, сохраняющими силу во всех странах, вступивших на путь капиталистического развития, имело и до сих пор имеет огромное научное и практически революционное значение. Оно дало ключ к познанию основного направления всего мирового развития в эпоху капитализма. Оно создало несокрушимую базу для роста международной пролетарской солидарности и для объединения революционных сил рабочего класса в международном масштабе.

Открытие капиталистического способа производства как единого способа производства, развивающегося во всех странах, доказывает несостоятельность всяких теорий «исключительности» той или иной отдельной страны в эпоху капитализма. Ибо законы капиталистического способа производства действуют везде и повсюду, где существует буржуазный строй общественных отношений. Это значит, что во всех странах без исключения происходят такие процессы, как углубление пропасти между пролетариатом и буржуазией, вытеснение мелкого производства крупным, рост необеспеченности существования рабочего класса и рост богатства буржуазии, классовая дифференциация в деревне и т. д. Это значит, что на определенной ступени капиталистического развития во всех странах совершается переход от прежнего, домонополистического капитализма к господству монополий, к империализму как капитализму монополистическому, загнивающему или паразитическому, умирающему.

Отсюда ясна несостоятельность и антинаучный апологетический характер всяких измышлений относительно «исключительности», например, американского капитализма. Подобные измышления, преследующие цель прикрашивания буржуазного строя, опровергаются действительностью, показывающей на каждом шагу приенимость общих выводов марксистско-ленинской тео-

рии ко всем без исключения капиталистическим странам.

Отмечая, что экономические законы капитализма являются не вечными законами природы, а законами историческими, возникающими и исчезающими, Энгельс писал: «Словом, это есть отвлеченное выражение и резюме условий производства и обмена современного буржуазного общества». Для буржуазной классической политической экономии, указывает Энгельс, «открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определенной формы экономической деятельности, а вечными законами природы: их выводили из природы человека». Но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что «этот человек был просто средним бюргером того времени, находившимся в процессе своего превращения в буржуа, а его природа заключалась в том, что он занимался производством и торговлей на почве тогдашних, исторически определенных отношений» (т. 20, стр. 155).

Энгельс указывал, что политическая экономия в широком смысле, охватывающая все главные ступени развития общества, еще должна быть создана. Исключительно Марксу, писал он, мы обязаны тем, что сделано до сих пор для выяснения основных черт докапиталистических формаций. Что же касается предшественников Маркса, то они пытались дать только политическую экономию «в более узком смысле слова», имея дело лишь с капиталистическим способом производства. Это естественно вытекало из того, что для них экономическая наука была не выражением отношений и потребностей определенной исторической эпохи, а проявлением вечного разума. Однако открытые этими экономистами законы, которые они выводили из природы человека, на самом деле были лишь законами исторически преходящей ступени в развитии общества — законами капитализма (см. т. 20, стр. 154—155). «...Все экономические учения до Маркса признают экономические законы, — поскольку они понимают их, — «естественными законами»» (т. 20, стр. 648).

О политической экономии «в более узком смысле слова» Энгельс говорил, имея в виду науку, исследую-

щую капиталистический способ производства. Как следует понимать это замечание Энгельса? Он попросту констатировал факт, что к тому времени, когда он писал свою работу, т. е. ко второй половине 70-х годов, политическая экономия главное свое внимание уделяла изучению отношений капиталистического строя. Но было бы в корне ошибочно сделать из этого указания вывод, будто Энгельс имел в виду существование каких-то двух не зависимых друг от друга и равноправных наук — политической экономии, занимающейся анализом только капиталистического строя, и политической экономии, изучающей все общественные формации.

Такой вывод был бы тем более ошибочен, что Энгельс сам подчеркивал выдающееся значение работ Маркса для выяснения основных черт докапиталистических формаций. Он указывал, что для завершения социалистической критики капитализма было недостаточно знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения. «Нужно было также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению формы, которые ей предшествовали, или те, которые существуют еще рядом с ней в менее развитых странах. Такое исследование и сравнение было в общем и целом предпринято пока только Марксом, и почти исключительно его работам мы обязаны поэтому всем тем, что установлено до сих пор в области теоретического исследования добуржуазной экономики» (т. 20, стр. 154).

Начало подлинного изучения докапиталистических формаций было положено Марксом и Энгельсом еще в ранних их трудах. В «Немецкой идеологии» и в «Манифесте Коммунистической партии» даны глубокие характеристики основных отношений этих формаций. До конца своей жизни Маркс и Энгельс внимательно следили за всеми научными достижениями в этой области. Уже в первом томе «Капитала» в ряде мест привлечены «к сравнению» докапиталистические формы хозяйства. Еще больше экскурсов в историю докапиталистических формаций содержится в последних двух томах «Капитала», в особенности в третьем. Классическое произведение Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и

государства» дает широкую картину развития человеческого общества начиная с эпохи первобытного коммунизма.

Наконец, с победой социализма в СССР, а затем с торжеством социалистической революции в большой группе других стран успешно развивается политическая экономия социализма, представляющая собой дальнейшее творческое развитие экономического учения марксизма на базе обобщения громадного опыта строительства нового мира. Этот опыт находит глубокое научное обобщение в решениях и документах КПСС и братских коммунистических партий. Таким образом, политическая экономия в широком смысле, о которой писал Энгельс, уже существует, живет и развивается, служа руководством к действию для сотен миллионов людей.

Несмотря на совершенно ясные указания Энгельса, в период II Интернационала среди значительной части теоретиков, считавших себя марксистами, было распространено так называемое ограничительное толкование политической экономии, при котором ее предметом считался лишь капиталистический способ производства. Гильфердинг в «Финансовом капитале» и ряде других работ, написанных еще до его открытого разрыва с марксизмом в 1914 г., пытался обосновать такое «ограничительное» понимание предмета политической экономии.

Руководствуясь неокантианским положением о том, что теоретическая наука, дескать, изучает лишь процессы, которые характеризуются так называемой гетерогенной целей, Гильфердинг писал:

«Люди могут сознательно относиться друг к другу в производстве, как части одного производственного целого: их положение в производстве и их взаимные отношения регулируются единообразным образом. Порядок их работы и распределение их продуктов подлежит центральному контролю. Производственные отношения выступают, как непосредственно общественные отношения. . . С объяснением генезиса этого порядка и его описанием задача является исчерпанной. Экономическое исследование является здесь лишь историко-экономиче-

ским исследованием. — Здесь нет места теоретической экономии»¹.

Но и Роза Люксембург, не разделявшая философских шатаний других теоретиков II Интернационала, отдала дань такому же пониманию политической экономии. Она утверждала, что Маркс, дав своему главному произведению подзаголовок «Критика политической экономии», поставил свой труд «вне рамок предшествовавшей политической экономии»². Но она оставила без внимания указания Маркса и Энгельса о том, что задача состоит в замене буржуазной экономической науки новой, пролетарской политической экономией.

Вывод Розы Люксембург гласит: «...Если политическая экономия представляет собой науку о специфических законах капиталистического способа производства, то ее существование связано с последним, и она теряет свою базу, коль скоро прекращается этот способ производства». И далее: «Иными словами: политическая экономия, как наука, отомрет с того момента, как анархическое хозяйство капитализма уступит место планомерному, сознательно организованному и руководимому всем трудящимся обществом хозяйственному строю. Победа современного рабочего класса и осуществление социализма означают таким образом конец политической экономии, как науки»³.

Указывая, что марксистское учение — это дитя буржуазной экономии, но дитя, рождение которого стоило жизни матери, Роза Люксембург писала: «В марксистской теории политическая экономия нашла свое завершение и свой конец. За этим должно — если не считать разработки марксистского учения в частностях — последовать лишь претворение этого учения в действие, т. е. борьба международного пролетариата за осуществление социалистического хозяйственного строя. Конец полити-

¹ Р. Гильфердинг. Постановка проблемы теоретической экономии. Статья в журнале «Neue Zeit», 1904/05. В. 1. Русский перевод в сборнике «Основные проблемы политической экономии». М., 1922, стр. 112.

² Р. Люксембург. Введение в политическую экономию. М.—Л., 1929, стр. 4.

³ Там же, стр. 66—67.

ческой экономии как науки означает таким образом всемирно-историческое событие: претворение в действительность планомерно организованного мирового хозяйства. Последняя глава политической экономии — это социальная революция мирового пролетариата»¹.

В противоположность подобному взгляду Ленин вслед за Марксом и Энгельсом всегда последовательно отстаивал понимание политической экономии как науки, изучающей общественные отношения производства и распределения в их развитии, как науки о развивающихся исторически укладах общественного производства, которая дает основные понятия о различных системах общественного хозяйства и о коренных чертах каждой системы².

Огромное значение для преодоления ограничительного толкования предмета политической экономии, которое нашло распространение и в советской экономической литературе 20-х годов, имело опубликование в 1929 г. замечаний Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». Определение политической экономии, данное в книге, гласило: «*Теоретическая* политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т. е. наука о *неорганизованном* социальном хозяйстве». По этому поводу Ленин заметил: «Две неверности: 1) определение шаг назад против Энгельса; 2) товарное производство есть тоже «организованное хозяйство»». Далее, касаясь утверждения, что политическая экономия изучает товарное хозяйство, Ленин написал: «Не только!» Относительно утверждения, что «конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии», Ленин заметил: «Неверно. Даже в чистом коммунизме хотя бы отношение $IV + m$ к $IIc?$ и накопление?»³

Эти ленинские замечания помогли советским экономистам разоблачить антимарксистский смысл ограничительного толкования предмета политической экономии, глубже понять высказывания Энгельса по этому поводу

¹ Р. Люксембург. Введение в политическую экономию, стр. 71.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 36.

³ См. Ленинский сборник XI, стр. 349.

и мобилизовать свои силы на разработку актуальных проблем политической экономии социализма. Указания Энгельса и Ленина и в наше время служат делу борьбы против попыток возродить взгляды теоретиков II Интернационала по вопросу о предмете политической экономии.

Политическая экономия, по мысли Энгельса, исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена и лишь в конце этого исследования может установить немногие имеющие применение к производству и обмену вполне общие законы. Высмеивая претензию Дюринга на установление окончательных истин в последней инстанции, Энгельс писал, что тот, кто в области общественных наук погонится за подобными неизменными истинами, «тот немногим поживится, — разве только банальностями и общими местами худшего сорта, вроде того, что люди в общем не могут жить не трудясь, что они до сих пор большей частью делились на господствующих и поработенных, что Наполеон умер 5 мая 1821 г. и т. д.» (т. 20, стр. 89, 90). В «Диалектике природы» Энгельс, подчеркивая, что вечные законы природы превращаются все более в исторические законы, писал, что абсолютно всеобщим значением обладает одно лишь движение (см. т. 20, стр. 553—554).

В наше время, как и при жизни Маркса и Энгельса, буржуазная апологетика стремится утопить все специфические черты капитализма в общих, внеисторических законах, замазывая таким способом неразрешимые противоречия и неизлечимые язвы буржуазной экономики. Указания Энгельса служат серьезным предостережением против чрезмерного увлечения общими надысторическими законами, проникающего подчас и на страницы марксистской экономической литературы.

4

В «Анти-Дюринге» развиты и обогащены не только методологические основы экономического учения марксизма. В этом труде нашли значительное раз-

витие важнейшие проблемы политической экономии как исторической науки. Энгельс обобщил огромный опыт развития марксистской теории за три десятилетия ее существования и дал отпор противникам марксизма, выступавшим в течение этого периода. Он систематизировал и привел в стройный порядок ряд важнейших положений, выдвинутых Марксом и им во многих созданных за это время работах, прежде всего в «Капитале», «Критике Готской программы» и др. Некоторые положения, данные в «Капитале» по необходимости в обобщенной, абстрактной форме, приобрели в «Анти-Дюринге» более конкретный характер благодаря историческому методу изложения.

В «Анти-Дюринге» нашел свое обоснование чрезвычайно важный для экономической теории марксизма методологический принцип примата производства. На основе анализа главных исторических ступеней развития общества Энгельс показывает, что способ распределения продуктов зависит от способа производства и обмена, господствующего в том или ином определенном обществе. В то же время распределение не является лишь пассивным следствием производства и обмена, оно со своей стороны оказывает обратное влияние на производство и обмен. «Каждый новый способ производства или новая форма обмена тормозится вначале не только старыми формами производства и обмена и соответствующими им политическими учреждениями, но и старым способом распределения. Новому способу производства и новой форме обмена приходится путем долгой борьбы завоевывать себе соответствующее распределение» (т. 20, стр. 152).

Энгельс вскрывает диалектическую взаимосвязь между различными сторонами общественного производства, взятого в целом. Вместе с тем он разоблачает типичный для вульгарной экономии прием Дюринга, который отрывал производство от распределения. «Всякое экономическое отношение, — резюмировал Энгельс метод Дюринга, — сперва рассматривается с точки зрения *производства*, причем совершенно не принимаются во внимание исторические определения. Поэтому тут нельзя сказать ничего, кроме самых общих фраз... За-

тем то же самое экономическое отношение рассматривается с точки зрения *распределения*, т. е. совершившийся до сих пор исторический процесс сводится к фразе о *насилии*, после чего выражается негодование по поводу печальных последствий насилия» (т. 20, стр. 651—652).

Признание определяющей роли производства по отношению к остальным сторонам экономической жизни отнюдь не означает отрицания того взаимодействия, которое оказывают друг на друга производство, распределение, обмен и потребление. Как раз наоборот, понимание примата производства служит ключом к выяснению действительного характера этого взаимодействия. Забывание же примата производства и выпячивание на первый план одной из остальных сторон экономической жизни — распределения, обмена, потребления — закрывает путь к правильному пониманию предмета политической экономии, к познанию экономических законов развития общества.

Этот вывод полностью подтверждается бесплодностью многочисленных теорий вульгарной политической экономии, которые ставят во главу угла то потребление, то обмен, то распределение. Таким путем буржуазные экономисты стремятся уйти от рассмотрения производственных отношений капитализма, лежащих в основе классовых антагонизмов и классовой борьбы. Все подобные антинаучные концепции — меновые, распределительные, потребительские — служат целям прикрашивания капитализма, замазывания его глубоких и неразрешимых противоречий.

Нелепости, к которым приводит игнорирование примата производства, Энгельс весьма рельефно показывает на примере Дюринга, который подобно многим более ранним и более поздним экономистам пытался объяснить капиталистические кризисы перепроизводства недопотреблением масс. Энгельс замечает, что недопотребление масс — явление отнюдь не новое, оно составляет историческое явление на протяжении тысячелетий, между тем как периодические кризисы воспроизводства стали возникать лишь в XIX в. Только вульгарная экономия, скользящая по поверхности явлений, может объяснять новую коллизию не новым явлением пере-

производства, а старым фактом недопотребления, длящимся тысячелетия.

«Недопотребление масс, — заключает Энгельс, — есть необходимое условие всех основанных на эксплуатации форм общества, а следовательно, и капиталистической формы общества; но только капиталистическая форма производства доводит дело до кризисов. Недопотребление масс является, следовательно, одной из предпосылок кризисов и играет в них давно признанную роль; но оно столь же мало говорит нам о причинах существующих ныне кризисов, как и о том, почему их не было раньше» (т. 20, стр. 297).

Дюринг пытался критиковать экономическую теорию марксизма в ее важнейших частях, противопоставляя ей давно опровергнутые лжеучения вульгарной экономики, приправленные псевдосоциалистической фразеологией. Он сводил политическую экономию в конце концов к своим излюбленным «окончательным истинам в последней инстанции», к тавтологическим, совершенно бессодержательным аксиомам (см. т. 20, стр. 155). Энгельс следует за Дюрингом по пятам, раскрывает несостоятельность его критики «Капитала», показывает убожество его попыток дать какое-то положительное решение теоретических проблем.

Стержнем концепции Дюринга служила так называемая теория насилия, представлявшая для него то несомненное удобство, что она избавляла от необходимости искать объяснение сложным экономическим явлениям. Насилие провозглашалось источником всех несовершенств, всех зол экономического строя, и необходимость его изменения обосновывалась ссылкой на требования справедливости. Энгельс подверг эту концепцию уничтожающей критике. Он последовательно, шаг за шагом показывает, что сама по себе ссылка на насилие ровно ничего не объясняет, так как остается загадкой, чем обусловлено само насилие. На конкретных примерах Энгельс разъясняет, что сила и насилие на всех этапах истории являлись следствием экономических условий, ввиду чего они не могут считаться первопричиной экономических явлений и процессов. Он наголову разбивает проповедуемое Дюрингом «этическое

обоснование» социализма, которое в различных вариантах сохранилось у представителей реформизма до наших дней.

«Если бы, — писал Энгельс, — наша уверенность относительно надвигающегося переворота в современном способе распределения продуктов труда, с его вопиющими противоположностями нищеты и роскоши, голода и обжорства, опиралась только на сознание того, что этот способ распределения несправедлив и что справедливость должна же, наконец, когда-нибудь восторжествовать, то наше положение было бы незавидно, и нам пришлось бы долго ждать» (т. 20, стр. 160).

Энгельс ставит вопрос: чем объясняется, что сознание несправедливости классовых противоположностей, которое прорывалось у передовых представителей общества уже со времени средневековья, выдвигавшийся на протяжении многих столетий призыв к уничтожению этой несправедливости не находили отклика в массах до тех пор, пока капиталистический способ производства не стал завоевывать одну страну за другой? Объясняется это тем, отвечает он, что капиталистическая крупная промышленность создала, с одной стороны, в лице пролетариата класс, который впервые в истории может выставить требование уничтожения не той или иной формы классовой эксплуатации, а уничтожение классовой эксплуатации и классов вообще; а с другой стороны, ход исторического развития все отчетливее показывает, что господствующий класс, буржуазия, монополизирующая средства производства, не способна к дальнейшему господству над производительными силами, переросшими ее власть.

Иными словами, производительные силы, порожденные капиталистическим способом производства, пришли в вопиющее противоречие с самим этим способом производства и соответствующей системой распределения, вследствие чего должен произойти переворот в способе производства и распределении, чтобы все общество было спасено от гибели. «На этом осязательном, материальном факте, который в более или менее ясной форме с непреодолимой необходимостью проникает в сознание эксплуатируемых пролетариев, — на этом факте, а не на

представлениях того или другого мудрствующего домоседа о праве и несправедливости, основана уверенность современного социализма в победе» (т. 20, стр. 161).

Опровергая «теорию насилия» Дюринга, утверждавшего, будто «формы политических учреждений» являются исторически-фундаментальными, в то время как «хозяйственные зависимости» суть только следствие, факты второго порядка, Энгельс отмечает, что эта концепция никак не может претендовать на оригинальность. Мнение, будто решающую роль в истории играли «громкие политические деяния», является столь же древним, как и сама историография. Это представление, опровергнутое уже французскими историками в начале XIX в., было главной причиной того, что сохранилось «мало сведений о том развитии народов, которое происходит в тиши, на заднем плане этих шумных выступлений и является действительной движущей силой» (т. 20, стр. 163).

Энгельс показывает, как возникновение частной собственности, появление рабского труда было обусловлено изменившимися экономическими условиями, а отнюдь не грабежом и насилием. Применение силы для расширения поля приложения рабского труда было вызвано опять-таки изменениями в способе производства, а не наоборот. Прежде чем рабство стало возможным, должна была быть достигнута определенная ступень в развитии производства и неравенства в распределении.

В первобытных общинах с общей собственностью на землю рабство либо вовсе не существовало, либо играло подчиненную роль. Рабство негров в США поддерживалось прежде всего английской хлопчатобумажной промышленностью: там, где не производился хлопок, рабство вымерло само собой, так как не окупалось. И вывод гласит: «Частная собственность образуется повсюду в результате изменившихся отношений производства и обмена, в интересах повышения производства и развития обмена, — следовательно, по экономическим причинам. Насилие не играет при этом никакой роли» (т. 20, стр. 166).

Проповедуемая Дюрингом «теория насилия» представляла ту опасность, что она вводила социалистиче-

скую мысль в сторону от научного познания действительности и настежь открывала ворота субъективизму и волюнтаризму. Именно поэтому Дюринг нашел восторженных поклонников среди неустойчивых мелкобуржуазных, интеллигентских элементов, которые примыкали к рабочему движению, не разделившись со своими иллюзиями. Но по той же причине Энгельс считал необходимым по всем коренным вопросам экономической науки противопоставить путаным и эклектическим воззрениям Дюринга последовательное изложение марксистской теории, иллюстрируя каждое из важнейших положений богатым историческим материалом.

Подытоживая разбор «теории насилия», Энгельс дает сжатый ответ на вопрос о том, какую роль играет в истории насилие по отношению к экономическому развитию. Во-первых, всякая политическая власть основывается первоначально на какой-нибудь экономической, общественной функции. Во-вторых, после того как политическая власть стала самостоятельной по отношению к обществу и из его слуги превратилась в его господина, она может действовать в двояком направлении: либо в духе и направлении закономерного экономического развития, либо наперекор этому развитию. В первом случае не возникает конфликта между политической властью и экономическим развитием и само это развитие ускоряется. Во втором же случае конфликт возникает и, как правило, политическая власть падает под давлением экономического развития (см. т. 20, стр. 188).

Идеалистическая «теория насилия» и субъективистский метод в политической экономии лежали в основе представления Дюринга о богатстве и о стоимости. Он подводил богатство под две точки зрения: производства и распределения, не понимая необходимой связи между ними. Идя по стопам Прудона, он различал в богатстве хорошую и дурную сторону. Хорошая сторона — это богатство как господство над вещами, производственное богатство. Дурная сторона — это богатство как господство над людьми, распределительное богатство. Таким образом Дюринг пришел к ухудшенному изданию старого прудоновского афоризма: собственность есть кража.

Стоимость Дюринг пытался объяснить как распре-

делительную категорию, фальсифицированную насилием. По его мнению, стоимость товара состоит из двух частей: из содержащегося в ней труда и из надбавки, вынуждаемой при помощи насилия. С этой позиции Дюринг ополчался против марксовой теории стоимости. Энгельс вскрывает путаный, противоречивый характер представлений Дюринга о стоимости, в которых эклектически соединялись теория издержек производства, теория определения стоимости заработной платой и, наконец, — применительно к социалистическому обществу — прудоновская теория «конституированной стоимости». Он показывает, что Дюринг основывает свой социализм непосредственно на теориях вульгарной политической экономии самого худшего сорта (см. т. 20, стр. 199).

5

Энгельс рассматривал категорию стоимости как наиболее общее и потому всеобъемлющее выражение экономических условий товарного производства. Товары представляют собой продукты, произведенные в обществе более или менее обособленных частных производителей. Это прежде всего частные продукты, но товарами они становятся только тогда, когда они производятся не для собственного потребления, а для потребления других, причем они вступают в общественное потребление путем обмена. Таким образом, частные производители находятся в общественной связи между собой, а их продукты, будучи частными продуктами каждого в отдельности, являются в то же время, но не намеренно и как бы против воли производителей также и общественными продуктами.

Общественный характер этих частных продуктов состоит, по словам Энгельса, в двух свойствах. Во-первых, все они удовлетворяют какую-либо человеческую потребность, имеют потребительную стоимость не только для производителя, но и для других людей. Во-вторых, будучи продуктами самых разнообразных видов частного труда, они являются в то же время продуктами человеческого труда вообще, общечеловеческого труда. Благо-

даря первому свойству товары могут вообще вступать в обмен; благодаря второму свойству товары в обмене могут быть сравниваемы между собой, могут быть признаны равными или неравными сообразно заключающемуся в каждом из них количеству общечеловеческого труда. В этой связи Энгельс разъясняет, что в двух одинаковых частных продуктах при одинаковых общественных условиях может заключаться неодинаковое количество частного труда, но всегда лишь одинаковое количество общечеловеческого труда. «Частный труд содержит в себе общечеловеческий труд лишь постольку, поскольку этот частный труд оказывается общественно необходимым» (т. 20, стр. 318—319).

Как историческая категория, стоимость носит чисто общественный характер. Попытки представить стоимость как нечто свойственное вещам от природы уводят в сторону от правильного понимания этой категории. Дюринг утверждал, что решающей причиной существования стоимости вообще и той или иной особой ее величины являются размеры нашей собственной силы, вложенной в вещи. По поводу этого утверждения Энгельс замечает, что оно совершенно неверно. Все дело в том, в какую вещь вкладывается сила, как она вкладывается. Если кто-либо изготовит вещь, не имеющую никакой потребительной стоимости для других, то вся его сила не создаст ни одного атома стоимости. Далее, если кто-либо изготавливает ручным способом вещь, которая обходится при машинном производстве в 20 раз дешевле, то $\frac{19}{20}$ вложенной им силы не создадут никакой стоимости (см. т. 20, стр. 193).

Резюмируя содержание марксовой теории стоимости, Энгельс выделил четыре основных положения. Когда говорят, что какой-либо товар имеет определенную стоимость, то этим утверждается: во-первых, что он представляет собой общественно полезный продукт; во-вторых, что он произведен частным лицом за частный счет; в-третьих, что, будучи продуктом частного труда, он является в то же время как бы без ведома производителя и независимо от его воли продуктом общественного труда, притом определенного количества этого общественного труда, устанавливаемого общественным путем,

посредством обмена; в-четвертых, что это количество выражается не в самом труде, не в таком-то числе рабочих часов, а в каком-нибудь другом товаре.

Стоимость товара может быть выражена только окольным путем, относительно — в каком-нибудь другом товаре, представляющем одинаковое количество общественного рабочего времени. В результате развития обмена из общей плебейской массы товаров выделяется один царственный товар — деньги. «Деньги в зародыше уже содержатся в понятии стоимости, они представляют собой лишь развившуюся стоимость. Но когда стоимость товаров, в отличие от самих товаров, получает самостоятельное бытие в деньгах, тогда в общество, производящее и обменивающее товары, вступает новый фактор, — фактор с новыми общественными функциями и последствиями» (т. 20, стр. 319).

В категории стоимости, указывает Энгельс, содержатся в зародыше не только деньги, а и все более развитые формы товарного производства и обмена. Он выделяет при этом три момента. Прежде всего, в категории стоимости уже заключена возможность количественного различия между общественным трудом и заключающимся в товарах частным трудом, в случае если производитель работает устарелыми методами или же если какой-либо род товаров произведен в количестве, превышающем общественную потребность. Далее, в том обстоятельстве, что стоимость товара может быть реализована только в обмене на другой товар, содержится возможность, что обмен не состоится или что в нем не будет реализована действительная стоимость. Наконец, с появлением на рынке нового специфического товара — рабочей силы — ее стоимость определяется, как и стоимость всякого другого товара, общественно необходимым для ее производства рабочим временем. «Поэтому в форме стоимости продуктов уже содержится в зародыше вся капиталистическая форма производства, противоположность между капиталистами и наемными рабочими, промышленная резервная армия, кризисы» (т. 20, стр. 322).

Энгельс рассматривал стоимость как экономическую категорию, являющуюся наиболее широко охватываю-

щим выражением того факта, что производители поработаны своим собственным продуктом. Закон стоимости заключается в том, что продукты равных количеств общественного труда обмениваются друг на друга. Это, по словам Энгельса, основной закон товарного производства, следовательно, также и высшей его формы — капиталистического производства. Энгельс высмеивает Дюринга, который возводил этот закон в основной закон своей хозяйственной коммуны, своего фантастического общества. «Он хочет сохранить современное общество, но без его отрицательных сторон. Он стоит совершенно на той же почве, что и Прудон. Подобно последнему, он хочет устранить отрицательные стороны, возникшие вследствие развития товарного производства в капиталистическое, выдвигая против них тот самый основной закон капиталистического производства, действие которого как раз и породило эти отрицательные стороны» (т. 20, стр. 324).

Вульгарно-экономическим рассуждениям Дюринга Энгельс противопоставляет последовательно разработанную Марксом теорию определения стоимости товаров общественно необходимым рабочим временем. При этом он раскрывает значение трудовой теории стоимости как основы научного объяснения капиталистического способа производства, как предпосылки теории прибавочной стоимости — центрального пункта политической экономии капитализма.

Отражая наскоки Дюринга на созданную Марксом теорию прибавочной стоимости, Энгельс не только излагает ее подлинное содержание, искажаемое критиком, но и глубоко раскрывает ее значение для понимания капиталистического способа производства. Точка зрения Дюринга сводилась по сути дела к двум положениям: 1) труд производит и 2) насилие распределяет. Подобная точка зрения не открывала никакой возможности научного объяснения механизма капиталистической эксплуатации, не говоря уже о раскрытии заключающихся в капиталистическом способе производства тенденций.

Самый факт возрастания стоимости капитала, применяемого в капиталистическом производстве, хорошо

известен, и рассуждения Дюринга о насилии не подвигали науку ни на шаг в объяснении этого факта. Вопрос, который необходимо было решить, и притом чисто экономическим путем, исключив всякий обман, всякое насилие, заключается в следующем: каким образом можно продавать дороже, чем было куплено, при условии обмена эквивалентов?

«Разрешение этого вопроса, — подчеркивает Энгельс, — составляет величайшую историческую заслугу труда Маркса. Оно проливает яркий свет на такие экономические области, где социалисты, не менее, чем буржуазные экономисты, бродили до этого в глубочайшей тьме. От решения этого вопроса берет свое начало научный социализм, и это решение является центральным пунктом научного социализма» (т. 20, стр. 210).

Решение этого вопроса состоит в том, что капиталист находит на рынке товар, из потребления которого происходит изменение авансированной капиталистом стоимости. Таким специфическим товаром является способность к труду, рабочая сила. Труд, как таковой, не может иметь стоимости, что же касается рабочей силы, то, став товаром, она имеет определенную стоимость.

Когда владелец денег — капиталист — оплачивает однократную стоимость рабочей силы, ему принадлежит потребление этого товара в течение одного дня, т. е. однократный труд рабочего. «То обстоятельство, что стоимость, которую создает потребление рабочей силы в течение дня, вдвое больше ее собственной однократной стоимости, составляет особую удачу для покупателя, но по законам товарного обмена тут нет никакого нарушения права по отношению к продавцу. . . Фокус проделан. Прибавочная стоимость произведена, деньги превращены в капитал» (т. 20, стр. 211). Показав, каким образом возникает прибавочная стоимость при господстве законов, регулирующих товарный обмен, Маркс обнажил механизм капиталистического способа производства и основанного на нем способа присвоения, открыл то «кристаллизационное ядро», вокруг которого сложился весь буржуазный строй общества.

Теория прибавочной стоимости неразрывно связана с научным пониманием капитала. Отметая антинаучные

рассуждения Дюринга относительно капитала, Энгельс подчеркивает, что капитал в его экономическом смысле появляется впервые лишь тогда, когда движимое богатство все более приобретает функцию капитала, присваивает прибавочный труд наемных рабочих, чтобы производить товары. Напомнив слова Маркса о том, что капитал не изобрел прибавочного труда, что прибавочный труд — труд, выходящий за пределы необходимого для поддержания жизни работника, — составляет общую черту всех форм общества, основанных на классовых антагонизмах, Энгельс разъясняет, что только в том случае, когда продукт прибавочного труда принимает форму прибавочной стоимости, когда собственник средств производства находит перед собой в качестве объекта эксплуатации свободного рабочего — свободного не только от прямой личной зависимости, но и от собственности, — только тогда средства производства принимают специфический характер капитала. Таково марксистское понимание капитала (см. т. 20, стр. 214).

Вся буржуазная политическая экономия застряла на представлении, будто свойство приносить прибыль или процент само по себе присуще всякой сумме стоимости, применяемой при нормальных условиях в производстве или обмене. В буржуазной классической политической экономии капитал и прибыль или капитал и процент неотделимы. Маркс первый проанализировал свойственный капиталу способ присвоения и привел понятие капитала в соответствие с теми историческими фактами, от которых оно в конечном счете было абстрагировано и которым обязано своим существованием. Тем самым, заключает Энгельс, Маркс освободил это экономическое понятие от неясных и шатких представлений, которые еще примешивались к нему и в классической буржуазной политической экономии, и у прежних социалистов (см. т. 20, стр. 216).

Капитализм есть прямое продолжение, естественное следствие, неизбежное порождение простого товарного производства. И в то же время он представляет собой такую ступень развития товарного производства, на которой многие черты мелкого производства, основанного на собственном труде, превращаются в свою про-

тивоположность. Законы собственности простого товарного производства превращаются в законы капиталистического присвоения. Право мелкого производителя на присвоение продукта своего собственного труда сменяется правом капиталиста на присвоение продукта чужого труда — труда множества наемных рабочих.

Приведя вывод Маркса о том, что отделение собственности от труда становится необходимым следствием закона, исходным пунктом которого было их тождество, Энгельс указывает, что если даже допустить, что всякая частная собственность первоначально основывалась на личном труде собственника и что во всем дальнейшем ходе вещей обменивались только эквиваленты, то мы и тогда приходим к капиталистическому способу производства. Иными словами, мы приходим «к монополизации средств производства и жизненных средств в руках одного малочисленного класса, к низведению другого класса, составляющего громадное большинство, до положения неимущих пролетариев, к периодической смене спекулятивной производственной горячки и торговых кризисов и ко всей нынешней анархии производства» (т. 20, стр. 167).

Большое место в произведении Энгельса занимает рассмотрение экономических законов, обуславливающих историческую неизбежность социальной революции пролетариата. Имея в виду известный параграф «Капитала» об исторической тенденции капиталистического накопления, Дюринг утверждал, будто Маркс не в состоянии доказать необходимость революционного перехода от господства капиталистической частной собственности к установлению общественной собственности на средства производства иначе как путем апелляции к гегелевскому «отрицанию отрицания»; сам же закон «отрицания отрицания» Дюринг высокомерно считал пустой игрой ума, мистическим измышлением идеалистической философии. Со времени Дюринга обвинение Маркса в слепом следовании гегелевской диалектике, утверждения, будто бы историческую необходимость социалистического преобразования общества Маркс обосновывает исключительно «гегелевской триадой», стали кочевать из одной «критической» работы в другую. Эту версию охотно

подхватили и использовали Бернштейн и другие ревизионисты конца XIX — начала XX в., и она дожила в антимарксистской литературе до наших дней.

Энгельс блестяще доказывает на ряде примеров из области естествознания, математики и других наук, что диалектический закон отрицания отрицания вовсе не пустая игра ума, а один из основных законов диалектики как науки о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления. Что такое отрицание отрицания, спрашивает Энгельс и отвечает: весьма общий и именно потому широко действующий закон развития природы, истории и мышления, закон, который проявляется в животном и растительном царствах, в геологии, математике, истории, философии (см. т. 20, стр. 145).

В то время как Дюринг считал диалектику каким-то инструментом простого доказывания, Энгельс разъясняет, что даже формальная логика или элементарная математика служит методом для отыскания новых результатов, и то же самое в гораздо более высоком смысле представляет собой диалектика, которая, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения.

Таким образом, уже выяснение подлинной роли диалектики вообще и закона отрицания отрицания в частности опровергает утверждение Дюринга и других критиков марксизма, будто «гегелевская триада» служит в «Капитале» доказательством исторической неизбежности социалистической революции. Разбивая это утверждение Дюринга, Энгельс показывает, что в параграфе об исторической тенденции капиталистического накопления Маркс резюмирует конечные результаты своего экономического и исторического исследования о так называемом первоначальном накоплении капитала.

До возникновения капиталистического способа производства существовало мелкое производство на базе частной собственности работника на его средства производства. Первоначальное накопление капитала означало экспроприацию этих непосредственных производителей, т. е. уничтожение частной собственности, основанной на

Портрет Ф. Энгельса конца 70-х годов

собственном труде. Этот процесс был обусловлен исторической необходимостью перехода от мелкого производства, ограниченного узкими рамками, к производству в крупном масштабе. С превращением прежних мелких производителей в наемных рабочих, а их средств производства — в капитал дальнейшее обобществление труда, превращение средств производства в капитал и экспроприация частных собственников приобретают новую форму. Теперь экспроприации подлежит уже не мелкий производитель, живущий собственным трудом, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Один капиталист побивает многих, происходит концентрация капитала. Происходит прогрессирующее обобществление труда. Наряду с этим возрастает возмущение рабочего класса.

Из экономического и исторического анализа основных тенденций развития капитализма Маркс делает вывод, что на определенной ступени своего развития капитал становится оковами того способа производства, который вырос при нем и над ним. Концентрация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Отсюда вытекает историческая неизбежность «экспроприации экспроприаторов».

Воспроизведя этот ход мыслей, изложенных в «Капитале», Энгельс подчеркивает, что Маркс здесь отнюдь не занимается хитросплетениями и арабесками, построенными по правилам гегелевского учения о логосе, как утверждает Дюринг. На самом деле Маркс доказывает исторически и резюмирует, что, подобно тому как мелкое производство в свое время собственным развитием породило условия своего уничтожения, точно так же теперь капиталистическое производство само породило те материальные условия, от которых оно должно погибнуть. «Процесс этот есть исторический процесс, — добавляет Энгельс, — и если он в то же время оказывается диалектическим, то это уже не вина Маркса, как бы это ни было неприятно г-ну Дюрингу» (т. 20, стр. 137).

Энгельс не ограничился восстановлением подлинного смысла выводов Маркса, искаженных Дюрингом. Он вновь возвращается к экономическому и историческому обоснованию неизбежности социалистической революции. В разделе, посвященном социализму, дается более подробный анализ проблемы путем обобщения огромного исторического материала.

Определяя научный социализм как отражение в сознании рабочего класса фактического конфликта между производительными силами и производственными отношениями капитализма, Энгельс ставит вопрос, в чем же состоит этот конфликт, и дает на него исчерпывающий ответ. Он развертывает широкую картину общего хода развития экономического строя общества от средних веков до XIX в.

Капитализму предшествовало мелкое производство, существовавшее еще в средние века и основанное на частной собственности работников на их средства производства. Это мелкие крестьяне, свободные или крепостные, в деревне, ремесленники в городах. Их средства труда оставались мелкими, карликовыми, ограниченными и поэтому принадлежали самим производителям. «Сконцентрировать, укрупнить эти раздробленные, мелкие средства производства, превратить их в современные могучие рычаги производства — такова как раз и была историческая роль капиталистического способа производства и его носительницы — буржуазии» (т. 20, стр. 279).

Эту свою роль капитализм выполняет на трех последовательных ступенях своего исторического развития: простой кооперации, мануфактуры и машинной индустрии. Превращая ограниченные средства производства в мощные производительные силы, буржуазия превращает их из средств производства, применяемых отдельными лицами, в общественные средства производства, применяемые лишь совместно массой людей. Так капитализм порождает обобществление труда. Производство приобретает общественный характер. Относительно капиталистически производимых товаров никто не может

сказать: это сделал я, это мой продукт. Но при товарном производстве разделение труда в обществе носит стихийный характер. Капитализм возник на базе общества отдельных товаропроизводителей. «Среди стихийно сложившегося, *беспланового* разделения труда, господствующего во всем обществе, он установил *планомерное* разделение труда, организованное на каждой отдельной фабрике; рядом с *производством отдельных производителей* появилось общественное производство» (т. 20, стр. 280).

При мелком товарном производстве вопрос о том, кому должен принадлежать продукт труда, не мог даже и возникнуть. Средства производства — как средства труда, так и предмет труда — принадлежали отдельному производителю, и ему незачем было присваивать продукт труда, он принадлежал ему по самому существу дела. Право собственности на продукты покоилось на собственном труде. Но с концентрацией средств производства капиталом, с превращением их по сути дела в общественные средства производства положение изменилось. Собственник средств производства продолжал присваивать себе продукт труда, хотя последний являлся уже не его продуктом, а исключительно продуктом чужого труда.

Средства производства и производство по существу стали общественными, но они остаются подчиненными той форме присвоения, которая имела своей предпосылкой частное производство отдельных производителей, владевших продуктами своего собственного труда. «Способ производства подчиняется этой форме присвоения, несмотря на то, что он уничтожает ее предпосылку. В этом противоречии, которое придает новому способу производства его капиталистический характер, уже содержатся в зародыше все коллизии современности» (т. 20, стр. 281—282). И чем дальше развивается капитализм, тем резче выступает несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением.

Так Энгельс, подытоживая анализ Маркса в «Капитале», формулирует основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером

производства и капиталистической формой присвоения. Этим был внесен огромный вклад в экономическую науку. Присвоение частными лицами продукта общественного труда, организованного товарным хозяйством, — в этом Ленин видел «суть капитализма»¹.

В «Анти-Дюринге» не только сформулировано основное противоречие капитализма, но и подвергнуты анализу главные формы его проявления. Это противоречие выступает прежде всего как антагонизм между пролетариатом и буржуазией. Далее, оно воспроизводится как противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства во всем обществе. «В этих обеих формах проявления противоречия, присущего капиталистическому способу производства в силу его происхождения, безвыходно движется этот способ производства, описывая «порочный круг»...» (т. 20, стр. 285).

«Порочным кругом» Фурье называл циклическое движение капиталистического производства, которое идет от кризиса к кризису. Основу периодических экономических кризисов перепроизводства составляет противоречие между общественным характером производства и капиталистической формой присвоения. В «Анти-Дюринге» дан глубокий анализ механизма капиталистического воспроизводства, прерываемого кризисами, и ярко обрисован циклический характер движения производства.

Характеризуя анархию производства, господствующую в обществе, основанном на частной собственности и общественном разделении труда, Энгельс указывает, что товарное производство, как и всякая другая форма производства, имеет свои особые, присущие ему и неотделимые от него законы, которые «прокладывают себе путь вопреки анархии, в самой этой анархии, через нее». Относительно законов товарного производства Энгельс говорит, что «они прокладывают себе путь помимо производителей и против производителей, как слепо действующие естественные законы их формы производства» (т. 20, стр. 283).

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 223.

В условиях анархии производства технический прогресс и расширение объема производства превращаются в принудительный закон для капиталистов, заставляющий их постоянно увеличивать производственные мощности предприятий, не считаясь ни с каким противодействием. Это противодействие образуется потреблением, сбытом, рынками для промышленных товаров. Способность рынков к расширению определяется совсем другими законами, и расширение рынков не может поспевать за расширением производства. «Коллизия становится неизбежной, и так как она не в состоянии разрешить конфликт до тех пор, пока не взорвет самый капиталистический способ производства, то она становится периодической. Капиталистическое производство порождает новый «порочный круг»» (т. 20, стр. 287).

Энгельс констатирует, что со времени первого общего экономического кризиса, разразившегося в 1825 г., капиталистический мир в 1877 г. уже шестой раз «сходит с рельсов». После кризиса, разражающегося с катастрофической силой, наступает застой, который длится годами. Масса производительных сил и готовой продукции уничтожается, пока товарные запасы мало-помалу не разойдутся и не возобновится постепенное движение производства и обмена. «Мало-помалу движение это ускоряется, шаг сменяется рысью, промышленная рысь переходит в галоп, уступающий свое место бешеному карьеру, настоящей скачке с препятствиями, охватывающей промышленность, торговлю, кредит и спекуляцию, чтобы в конце концов после самых отчаянных скачков снова свалиться в бездну краха. И так постоянно сызнова» (т. 20, стр. 287).

Кризисы Энгельс характеризует как наиболее наглядное свидетельство исторически преходящего характера капиталистического способа производства, как проявление неразрешимого в рамках капитализма противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Весь механизм капиталистического способа производства отказывается служить под тяжестью порожденных капитализмом производительных сил.

Кризисы особенно убедительно показывают, как капитализм становится чудовищным препятствием на пути прогрессивного развития общества. Все элементы производства и общего изобилия имеются в избытке. Но это изобилие, по меткому замечанию Фурье, становится источником нужды и лишений. «Как призрак, стоит между рабочими, с одной стороны, и средствами производства и жизненными средствами, с другой, необходимость превращения этих средств в капитал. Она одна препятствует соединению вещественных и личных рычагов производства; она одна мешает средствам производства действовать, а рабочим — трудиться и жить» (т. 20, стр. 288).

Кризисы изобличают капитализм в неспособности к дальнейшему управлению производительными силами, которые вследствие этого стремятся к освобождению от капиталистических пут, к фактическому признанию их характера общественных производительных сил. В этой связи Энгельс рассматривает такие явления, как переход от единоличной формы предприятий к акционерным обществам, далее — к трестам и, наконец, к государствлению предприятий. С изумительной прозорливостью он вскрывает движущие силы этого процесса в условиях, когда только еще наметились тенденции к переходу капитализма на новую, монополистическую ступень его развития, на которой эти формы получают полное развитие.

Энгельс видел в этих новых формах последовательные ступени «обобществления больших масс средств производства», к которому принуждает класс капиталистов необходимость признания общественной природы мощно растущих производительных сил. Вместе с тем он подчеркивал, что ни переход средств производства в руки акционерных обществ, ни превращение их в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил, хотя эти процессы все ярче вскрывают полнейшую ненужность буржуазии для производства, ее паразитический характер «излишнего населения».

Весь ход развития капитализма подтверждает справедливость слов Энгельса, который раскрыл общую тен-

денцию к усилению роли государства в буржуазной экономике. Он показал, как развитие и обострение основного противоречия капитализма ведет к тому, что в конце концов государство как официальный представитель капиталистического общества в ряде случаев оказывается вынужденным взять на себя «руководство производством».

Превращение в государственную собственность, подчеркивал Энгельс, ни в какой мере не уничтожает капиталистического характера производительных сил. Буржуазное государство он характеризовал в этой связи как капиталистическую машину, как идеального совокупного капиталиста. Чем больше производительных сил оно берет в свою собственность, чем полнее оно превращается в совокупного капиталиста, тем большее число людей оно эксплуатирует. Рабочие по-прежнему остаются наемными рабочими, пролетариями. «Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки» (т. 20, стр. 290).

Энгельс едко высмеивал «фальшивый социализм», выродившийся в добровольное лакейство, представители которого объявляли без оков и ограничений социалистическим всякое обращение средств производства в государственную собственность. Превращение железных дорог и других предприятий в государственную собственность из определенных финансовых или политических расчетов ни в коем случае не является шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным. Энгельс иронически заметил, что иначе должны быть признаны социалистическими учреждениями королевское общество морской торговли, королевская фарфоровая мануфактура, ротные швальни в армии, или даже всерьез предложенное при Фридрихе-Вильгельме III в 30-х годах каким-то умником огосударствление... домов терпимости (см. т. 20, стр. 673).

Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, хотя она и содержит в себе формальное средство и возможность его разрешения. Это разрешение, указывает Энгельс, может состоять лишь в том, что общественная природа современ-

ных производительных сил будет признана на деле, или, иными словами, в том, что способ производства и присвоения будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства. Это достигается путем обобществления средств производства пролетарской, социалистической революцией, приводящей к власти рабочий класс.

Энгельс указывал, что общественные силы подобно силам природы действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока люди не познали их и не считаются с ними, пока они упорно отказываются понять их характер и природу. Этому пониманию мешает капиталистический способ производства. Лишь после его устранения производительные силы общества превращаются «в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг».

Общественный характер средств производства и продуктов, который в условиях капитализма «оборачивается против самих производителей и периодически потрясает способ производства и обмена, прокладывая себе путь только как слепо действующий закон природы, насильственно и разрушительно», будет в социалистическом обществе сознательно использован людьми и превратится в сильнейший рычаг развития производства. Пока люди не познали и не считаются с экономическими законами развития общества, они подобно силам природы действуют слепо, насильственно, разрушительно. Но когда люди познают законы общественного развития, изучают их действие, направление и влияние, они получают возможность использовать эти законы в своих целях. «Здесь та же разница, что между разрушительной силой электричества в грозовой молнии и укрощенным электричеством в телеграфном аппарате и дуговой лампе, та же разница, что между пожаром и огнем, действующим на службе человека» (т. 20, стр. 290, 291).

Социалистическая революция является «скачком человечества из царства необходимости в царство свободы», поскольку люди в результате этой революции впервые начинают сознательно применять законы общественного развития. Подчеркивая, что лишь с момента социалистической революции человек в известном

смысле окончательно выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие, Энгельс связывал этот переход с процессом овладения законами общественного развития со стороны «ассоциированных производителей».

«Условия жизни, — писал Энгельс, — окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству» (т. 20, стр. 294—295).

Глубокое и всестороннее обоснование научного социализма составляет главное содержание «Анти-Дюринга». Благодаря этому блестящая работа Энгельса сыграла такую выдающуюся роль в развитии и распространении идей марксизма в целом, в развитии марксистской политической экономии в частности.

1. Работа Моргана и ее значение. 2. Выполнение завещания Маркса. 3. Дальнейшее развитие материалистического понимания истории. 4. Политическая экономия первобытного коммунизма. 5. Возникновение классового общества. 6. Государство и экономическая жизнь общества

1

После смерти Маркса на плечи Энгельса легла огромная теоретическая и практическая работа. Наряду со своей главной задачей — завершением «Капитала» — Энгельс разрешает ряд других задач первостепенного научного значения. В течение последних 12 лет своей жизни он создает замечательные произведения, прочно вошедшие в сокровищницу марксистской мысли.

В 1884 г. выходит в свет работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Этот труд Ленин характеризовал как «одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала»¹.

Частная собственность, эксплуатация, классы, государство — эти категории играют важнейшую роль как в материалистическом понимании истории, так и в научной политической экономии. Выяснение их происхождения бросает яркий свет на их роль в ходе истории общества, на заложенные в них тенденции, на законы их развития и гибели. Отсюда ясно выдающееся значение работы Энгельса «Происхождение семьи, частной соб-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

ственности и государства» для марксистской политической экономии как исторической науки, раскрывающей законы производства и распределения материальных жизненных благ в человеческом обществе на всех последовательно сменяющихся ступенях его развития. Эта работа обогатила экономическую науку раскрытием законов самого древнего периода в жизни общества — эпохи первобытного коммунизма.

Первобытная эпоха представляет собой ту полосу в жизни человеческого общества, исследование которой наиболее трудно. Погребенная под тяжестью многовековых наслоений, эта история детства человечества служила излюбленным объектом для разных идеалистических, мистических и просто фальсификаторских, лженаучных упражнений защитников реакции и классового гнета.

История первобытного общества всегда привлекала внимание Маркса и Энгельса. Глубокий интерес к наиболее раннему периоду в развитии человеческого общества, естественно, вытекал из самого существа открытого ими материалистического понимания истории. Основоположники марксизма неоднократно подчеркивали, что история первобытной эпохи имеет исключительное значение для понимания всего дальнейшего хода развития общества. В «*Анти-Дюринге*» Энгельс писал, что эта «седая древность» при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития, потому что она имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям» (т. 20, стр. 118).

Уже в ранних своих произведениях, в «*Немецкой идеологии*», в «*Манифесте Коммунистической партии*» Маркс и Энгельс с гениальной прозорливостью наметили контуры первобытного общества. Это было смелой научной гипотезой, шедшей вразрез с господствовавшими представлениями буржуазной исторической науки. Широкими мазками был обрисован путь, пройденный человеческим родом от утренней его зари до

буржуазного общества. Раскрыв сущность исторического развития общества как единого закономерного процесса, марксизм позволил глубоко проникнуть в сокровенные тайны далекого прошлого. Этим было положено начало действительному изучению древнейших стадий в истории человеческого общества.

Появление ряда исследований хозяйственного быта добуржуазной эпохи Маркс и Энгельс приветствовали с живейшим интересом. Они нашли полное подтверждение своих теоретических воззрений в конкретном материале, собранном добросовестными исследователями. В то же время они подчеркивали, что этот конкретный материал ставит новые проблемы, требует в ряде отношений новых плодотворных выводов, которые можно сделать, лишь двигая науку при помощи материалистического объяснения истории.

Полное название работы Энгельса гласит: «Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана». Американский этнолог Льюис Генри Морган опубликовал в 1877 г. результаты своих многолетних трудов в области первобытной истории под названием «Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации». Книга Моргана была встречена в штыки официальной буржуазной наукой. Дело в том, что его выводы разбивали наголову те идеалистические мифы, которыми пробавлялись признанные тогда авторитеты в этой области.

До появления работы Моргана в исследованиях первобытной эпохи господствовали идеалистические концепции. Правда, факты, приводимые добросовестными учеными, находились в явном противоречии с их идеалистическими схемами, но зачастую эти схемы искажали сами факты и вносили произвол в их отбор и истолкование. Маркс и Энгельс, вырабатывая материалистическое понимание истории, с гениальной прозорливостью на основе имевшихся в их распоряжении данных характеризовали частную собственность, классы, эксплуатацию и государство как исторические категории, имеющие в истории общества свое начало и конец. Работа Моргана дала недостающее звено в общей цепи матери-

листического истолкования истории. На основе громадного фактического материала Морган исследовал возникновение частной собственности, классов и государства. Добытые им материалы вместе с другими исследованиями первобытной эпохи дали возможность Энгельсу создать труд, имеющий первостепенное значение для исторического материализма и экономического учения марксизма.

На место произвольных толкований и гипотез Морган поставил строго научное объяснение исторических фактов. Он покончил с традиционным, лишенным всякого историзма изображением форм семьи как явления, постоянно самому себе равного и неизменного.

До 60-х годов XIX в. о научной истории семьи, как отмечает Энгельс, не могло быть и речи, поскольку сочинения на эту тему целиком оставались на уровне пятикнижия Моисея. Изображенная там патриархальная форма семьи не только считалась самой древней формой, но и отождествлялась с современной буржуазной семьей, так что семья якобы вообще не переживала никакого исторического развития, оставаясь более или менее неизменной на всем жизненном пути человечества (см. т. 22, стр. 215). После нескольких попыток подойти по-научному к этой области истории решающий удар традиционным представлениям буржуазных исследователей первобытной истории был нанесен работой Морган о древнем обществе.

Морган решительно отверг попытки истолковать раннюю историю человечества с помощью «расовой теории», к которой уже в те времена охотно прибегали реакционные ученые. Ему было чуждо рабское преклонение перед частной собственностью, которое так характерно для корифеев буржуазной науки, усердно отождествляющих «собственность» дикаря на палку и камень с собственностью современного предпринимателя, помещика и банкира. Собрав огромный материал, показывающий исторический путь возникновения частной собственности, Морган смело говорил о грядущем высшем социальном строе, свободном от алчной погони за личным обогащением.

Таким образом, Морган выступил против освященных догм, совершив, по выражению Энгельса, в некотором роде святотатство. К тому же он переполнил чашу тем, что не только подверг так называемую цивилизацию, т. е. буржуазное общество, критике, близкой к убийственной критике Фурье, но и говорил о грядущем преобразовании этого общества такими словами, которые мог бы сказать Маркс (см. т. 22, стр. 224—225).

Морган независимо от основоположников марксизма, не будучи знаком с их работами, по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории и пришел при изучении первобытной истории в главных пунктах к тем же результатам, что и они (см. т. 21, стр. 25). «Морган в границах своего предмета, — указывал Энгельс, — самостоятельно вновь открыл марксово материалистическое понимание истории и приходит к непосредственно коммунистическим выводам в отношении современного общества» (т. 36, стр. 97). В письме Ф.-А. Зорге, рекомендуя ему прочитать книгу Моргана, Энгельс писал: «Он мастерски раскрывает картину первобытного общества и его коммунизма. Он самостоятельно вновь открыл марксову теорию истории и заканчивает свой труд коммунистическими выводами по отношению к современности» (т. 36, стр. 109).

Морган проводил резкое различие между двумя типами обществ, или, по его выражению, двумя планами управления. Это, с одной стороны, первобытно-коммунистическое, бесклассовое общество и, с другой стороны, классовое общество, или, по его классификации, период цивилизации. Он писал, что первый тип общества основывается на личности и чисто личных отношениях и может быть назван обществом, второй же основывается на территории и частной собственности и может быть назван государством.

Ставя своей задачей исследовать, каким образом человечество, вначале подвигаясь вперед медленными, почти незаметными шагами, переходило от одной ступени развития к другой и достигло наконец современного уровня развития, Морган писал:

«Изобретения и открытия образуют непрерывный ряд по пути человеческого прогресса и отмечают его

последовательные стадии; между тем общественные и гражданские учреждения, связанные с извечными человеческими потребностями, развивались из немногих начальных зародышей мысли. Они точно так же являются шкалой прогресса. Эти учреждения, изобретения и открытия воплотили в себе и сохранили для нас основные факты, иллюстрирующие пройденный путь. Их сопоставление и сравнение указывают на единство происхождения человечества, на сходство человеческих потребностей на одной и той же стадии развития и на единообразие деятельности человеческого ума при одинаковом общественном строе»¹.

В своем исследовании Морган, отправляясь от традиционных представлений о развитии общественных учреждений на основе развития человеческого интеллекта, пришел стихийно к пониманию того, что сам этот интеллект развивается в связи с изобретениями и открытиями, т. е. совершенствованием способов добывания средств к жизни. Но до конца сбросить идеалистическую оболочку ему не удалось, и последующие главы его сочинения названы: развитие идеи управления, развитие идеи семьи, развитие идеи собственности. Перед Энгельсом стояла задача освободить плоды исследования Морганов от остатков идеалистических схем и поставить их на твердую материалистическую почву.

Морган был первый, кто попытался внести в предисторию человечества определенную систему. Тот факт, что он подошел с материалистических позиций к истории первобытного общества независимо от основоположников научного коммунизма, противники пытались использовать для борьбы против марксизма. Решительный отпор этим попыткам был дан Лениным. Ленин отметил, что богатый материал, собранный Морганом, дал ему возможность проанализировать сущность родовой организации, и он сделал тот вывод, что объяснения ее надо искать не в идеологических отношениях (например, правовых или религиозных), а в материальных. Отмечая, что этот факт дает блистательное под-

¹ Л. Г. Морган. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934, стр. 3.

тверждение материалистического метода, Ленин отводит упрек Михайловского по адресу марксизма, основанный на том, что ключ к труднейшим историческим задачам нашел человек, «совершенно посторонний» теории марксизма. По этому поводу Ленин замечает, что «можно только подивиться, до какой степени люди могут не отличать того, что говорит в их пользу, от того, что их жестоко побивает»¹.

Великую заслугу Моргана Энгельс видел в том, что он открыл и восстановил в главных чертах доисторическую основу нашей писаной истории и в родовых связях североамериканских индейцев нашел ключ к доселе неразрешимым загадкам древней истории греков, римлян и германцев (см. т. 21, стр. 26). Впервые римский и греческий род, указывал Энгельс в одном из писем, вполне разъяснен посредством родовой организации американских индейцев, и таким образом найдена прочная база для первобытной истории (см. т. 36, стр. 97).

Определяя значение исследования Моргана для науки, Энгельс писал: «Его сочинение — труд не одного дня. Около сорока лет работал он над своим материалом, пока не овладел им вполне. Но зато и книга его — одно из немногих произведений нашего времени, составляющих эпоху» (т. 21, стр. 26). Энгельс считал, что сделанные Морганом открытия имеют для первобытной истории такое же значение, как теория Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии (см. т. 22, стр. 223; т. 36, стр. 97).

В предисловии к четвертому изданию своей работы, вышедшему в 1891 г., Энгельс отметил, что со времени появления исследования Моргана материал по истории первобытного общества очень обогатился, и некоторые из высказанных Морганом предположений отпали. «Однако нигде вновь собранный материал не привел к необходимости заменить его существенные положения какими-либо другими, — продолжал Энгельс. — Система, внесенная им в первобытную историю, в основных чертах сохраняет силу до сих пор. Можно даже сказать, что

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

она все более и более завоевывает себе общее признание, причем в такой же мере, в какой стараются утаить, что именно он является основоположником этого великого прогресса» (т. 22, стр. 225).

Труд Моргана, посвятившего свою жизнь изучению быта и истории коренного населения Америки, в течение ряда лет оставался незамеченным буржуазной наукой. Принятый Морганом метод исследования, его подход к этнографическому материалу, а главное, его выводы оказались в такой резкой противоположности с общепринятым в буржуазной науке, что присяжные этнографы и историки материальной культуры сочли наиболее удобным для себя замолчать это произведение. Впрочем, как указывал Энгельс, представители английской науки о первобытном обществе, пытаясь убить заговором молчания плод многолетних трудов Моргана, усердно списывали его богатые фактические данные, толкуя их вкривь и вкось в угоду своим предвзятым схемам.

Характерное для буржуазной науки отношение к трудам о первобытном обществе, появившимся в последние десятилетия XIX в., видно из сообщения, приводимого Мерингом. Когда один из авторов немецкого «Исторического журнала» написал, что такие труды, как «Древнее общество» Моргана и «Материнское право» Бахофена, «уже стучатся в храм науки», редактор этого журнала ответил злобной репликой: «Нам очень жаль, что некоторые наши коллеги так внимательно прислушиваются к этому стуку в двери храма науки; мы же оставим господина Моргана за дверьми храма. Пусть он снабжает господ Энгельса и Бебеля порциями якобы знаний, которые им, по-видимому, нужны для подкрепления своих фантазий»¹.

Работа Моргана, которую буржуазная наука пыталась убить посредством замалчивания, была спасена от гибели Марксом. Маркс «открыл» Моргана. Энгельс впоследствии вспоминал, что после выхода «Древнего общества» Маркс говорил ему об этой книге. Энгельс добавляет, что Маркс, очевидно, был доволен книгой Моргана.

¹ См. *Фр. Меринг. Исторический материализм*. М., 1918, стр. 5.

Обложка первого издания книги
«Происхождение семьи, частной собственности
и государства»

потому что, «судя по очень подробным выпискам из этой книги, сам хотел познакомить с ней немцев» (т. 36, стр. 97). Ссылка на работу Моргана имеется в одном из черновых набросков письма Маркса В. И. Засулич от 8 марта 1881 г., где Маркс приводит замечание Моргана о том, что новый строй, к которому идет развитие общества, будет возрождением в более совершенной форме общества первобытного типа (см. т. 19, стр. 402).

2

Маркс собирался посвятить книге Моргана специальную работу и в связи с его выводами дать законченное материалистическое объяснение первобытной эпохи. Смерть помешала Марксу выполнить эту задачу. В предисловии к работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс указывал, что он рассматривает свой труд в известном смысле как выполнение завещания Маркса. «Моя работа, — писал Энгельс со свойственной ему скромностью, — может лишь в слабой степени заменить то, что уж не суждено было выполнить моему покойному другу» (т. 21, стр. 25).

В том же предисловии Энгельс сообщает, что в его распоряжении оказались сделанные Марксом подробные выдержки из книги Моргана с критическими замечаниями, которые он, насколько это возможно, воспроизвел в своей работе¹. Работа эта, несомненно, отражает общие взгляды основоположников научного коммунизма.

Труд Энгельса был создан в чрезвычайно короткий срок. Еще 16 февраля 1884 г., сообщая в одном из писем, что среди бумаг Маркса оказались выписки из исследования Моргана, Энгельс предположительно заметил, что, будь у него время, он бы обработал материал, включая замечания Маркса, в форме статей для газеты «Социал-демократ» или для журнала «Нейе цейт», издававшихся в Германии. Но тогда он еще считал, что

¹ Конспект книги Моргана, составленный Марксом в 1880—1881 гг., опубликован в Архиве Маркса и Энгельса, т. IX.

вследствие важности других работ, прежде всего по выпуску нового издания первого тома «Капитала» и подготовке к опубликованию второго тома, об этом и думать нечего.

Тем не менее Энгельс продолжал размышлять на эту тему. В письме от 24 марта того же года он сообщает, что с немалым трудом раздобыл у букиниста экземпляр книги Моргана (экземпляр Маркса, видимо, не был обнаружен), и если найдется время, то он обрабатывает материал для журнала «Нее цейт», но только в том случае, если будет выпущен отдельный оттиск в виде брошюры объемом примерно листа три. И добавляет уже в более определенном тоне: «На мне, собственно, лежит эта обязанность по отношению к Марксу, и я могу использовать его заметки».

По-видимому, тогда же он приступил к работе, а 11 апреля уже имел возможность сообщить, что его рукопись будет готова на следующей неделе. «Это на некоторое время последняя моя работа; — пишет он, — резюмировать такую богатую содержанием, но так скверно написанную книгу — дело не шуточное» (т. 36, стр. 97, 113, 116).

В конце апреля Энгельс дает более полное представление о характере своей работы. Было бы нелепо, указывает он, ограничиться простым изложением работы Моргана, а не истолковать ее критически и, используя вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с марксистской теорией общественного развития и уже полученными на ее основе выводами. «Для нашего общего мировоззрения, — пишет он, — вещь эта, мне кажется, будет иметь особенное значение».

И, отмечая, что Морган позволяет установить совершенно новые точки зрения, так как своей доисторией он дает «отсутствовавшую до сих пор фактическую основу», Энгельс подчеркивает, что «вещь должна быть серьезно обработана, тщательно взвешена и обдумана во всей своей совокупности». Поэтому она должна быть написана без оглядки на действовавший тогда в Германии бисмарковский закон против социалистов. 17 мая Энгельс пишет, что рукопись готова, и остается лишь еще раз просмотреть ее и окончательно отделать, а 23 мая он

сообщает, что уже отослал восемь глав из девяти (см. т. 36, стр. 124, 126, 127). Таким образом, вся работа была выполнена в течение примерно двух месяцев.

Создание столь фундаментального труда в короткий срок объясняется не только поразительной работоспособностью, отличавшей Энгельса и в пожилом возрасте. Значительную роль сыграло наличие записей и критических замечаний Маркса, серьезно облегчивших задачу. Особенно большое значение имели глубокие познания Энгельса в области древнейшей истории. Он с юношеских лет наслаждался эпосом и фольклором, чувствовал себя как дома в греческой мифологии, прекрасно знал германские саги, с увлечением занимался историей языка и сравнительным языкознанием. На протяжении долгих лет он изучал историю Древней Греции и Рима и особенно детально занимался историей древних германцев.

Незадолго до написания книги «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в 1881—1882 гг., Энгельс приступил к реализации своего плана исследования истории древних германцев. Из подготовленных им частей рукописи при жизни автора увидела свет лишь работа по истории возникновения и развития земельной собственности в Германии под названием «Марка». Другие части работы Энгельса были опубликованы лишь после его смерти (см. т. 19, стр. 327 и след.; стр. 442 и след.).

Работу, сделанную над книгой Моргана Марксом, Энгельс счел необходимым использовать в максимальной степени. Подавляющее большинство замечаний Маркса Энгельс непосредственно включил в текст своей работы, а остальные дал в изложении. Еще большее значение имело то обстоятельство, что Энгельс мог воспользоваться схемой построения работы, созданной Марксом.

Материалы Моргана были Марксом перегруппированы, исходя из плана, который он наметил для своей работы. Маркс начинает свой конспект с записи исходных положений Моргана — с определения главных ступеней, пройденных человеческим обществом от его зарождения и выделения из животного царства до воз-

никновения классов. Далее Маркс отходит от последовательного изложения книги Моргана. Вслед за характеристикой главных ступеней развития первобытного общества Маркс переходит к третьему разделу книги Моргана, описывающему развитие древней семьи и связанных с ней форм родства, а затем к четвертому разделу, посвященному истории возникновения собственности. В заключение Маркс разбирает второй раздел книги, в котором речь идет об истории происхождения, развития и гибели родового строя.

Эта схема была положена в основу работы Энгельса, точнее говоря, первых шести ее глав, в которых главным образом использован материал Моргана. Что же касается последних трех глав, то они базируются на результатах собственных исследований Энгельса.

Энгельс широко использовал результаты исследований Моргана и собранный им богатейший фактический материал для обоснования и дальнейшего развития материалистического понимания истории и экономического учения марксизма. Но он отнюдь не ограничился материалом, собранным Морганом, а использовал свои обширные знания о предыстории человечества, почерпнутые из других источников, практически из всей существовавшей до 80-х годов прошлого века литературы. В исторических разделах о Греции и Риме он значительно расширил круг вопросов, изложенных Морганом; разделы о кельтах и германцах целиком написаны Энгельсом, поскольку Морган располагал тут почти исключительно материалом из вторых рук.

Работа Энгельса сразу же после выхода в свет привлекла огромное внимание. Вскоре она была переведена на многие языки. В самой Германии за короткий срок разошлись три издания, и уже в 1890 г. встал вопрос о четвертом издании. Для этого издания Энгельс счел нужным значительно расширить использованный им в первом издании материал. Во время этой работы он писал Ф.-А. Зорге, что «по уши завяз» в подготовке нового издания, так как «должен был вновь просмотреть всю вышедшую за восемь лет литературу по этому вопросу и квинт-эссенцию всего этого использовать в книге, а это не шутка...» (т. XXVIII, стр. 319).

В 80-х годах вышло много исследований по различным вопросам первобытной истории, и ни одно из них не ускользнуло от внимания Энгельса. Четвертое издание работы Энгельса вышло осенью 1891 г. В нем было сделано много добавлений на основании позднейших исследований первобытного общества, а в предисловии дан краткий обзор развития взглядов на историю семьи от Бахофена, выступившего в 1861 г. с книгой «Материнское право», положившей начало изучению истории семьи, до Моргана.

3

Противники марксизма пытались представить исследование Энгельса как простое изложение работы Моргана. Это не имеет ничего общего с действительностью. На самом деле Энгельс проделал огромную самостоятельную работу по изучению первобытной истории и пришел к выводам, значительно обогатившим науку.

В предисловии к своей работе Энгельс дает дальнейшее развитие и конкретизацию материалистического понимания истории, распространив его на первобытную историю человечества. Напоминая, что материалистическое понимание истории считает определяющим моментом в развитии общества в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни, он указывает, что само это производство и воспроизводство бывает двоякого рода. Это, во-первых, производство средств существования, предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; во-вторых, производство самого человека, продолжение рода. Отсюда вытекает, что общественный строй той или иной исторической эпохи обуславливается степенью развития, с одной стороны, труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, тем сильнее проявляется доминирующее влияние уз родства на общественный строй. Но с течением времени в обществе, базирующемся на узлах родства, все больше развивается производительность труда, а на этой основе возникают частная собственность и обмен. Появляются различия в богатстве и воз-

возможность пользоваться чужой рабочей силой. Так возникают классы и противоречия между ними. Старое общество, покоящееся на родовых связях, взрывается, его место занимает новое общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности и в котором движущей силой являются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории (см. т. 21, стр. 25—26).

Мысль о том, что непосредственное производство материальной жизни бывает двух родов, разделялась и Марксом. Об этом свидетельствует приведенное нами выше высказывание основоположников марксизма в их совместном труде «Немецкая идеология», где говорится об определяющей роли производства жизни как собственной посредством труда, так и чужой посредством рождения (см. т. 3, стр. 28).

Однако высказанное Энгельсом в его работе о происхождении семьи, частной собственности и государства положение о том, что определяющее значение в истории имеют как производство, так и продолжение рода, как труд, так и эволюция семьи, причем, чем меньше развит труд, тем сильнее влияние уз родства, послужило объектом различного рода нападок.

Уже в 1894 г. Н. К. Михайловский в статье в журнале «Русское Богатство» выдвинул против этой точки зрения упрек, что продолжение рода — фактор не экономический. «Но где читали Вы у Маркса и Энгельса, — писал Ленин по поводу этого упрека, — чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое миросозерцание, они называли его просто материализмом»¹.

Напоминая, что основная идея материализма состоит в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические, причем последние представляют собой надстройку над первыми, Ленин ставил вопрос: уж не думает ли Михайловский, что отношения по продолжению рода относятся к идеологическим? Ленин не считал неправильной мысль о том, что определяющим моментом наряду с производством мате-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

риальных ценностей является производство самого человека, т. е. детопроизводство, играющее первенствующую роль в первобытную эпоху, когда труд по своей производительности был слишком еще не развит¹.

Таким образом, не подлежит сомнению, что Ленин целиком разделял позицию Энгельса по данному вопросу.

В конце XIX в. с критикой взглядов Энгельса на исторический материализм выступил Бернштейн. В его критике видное место занимали нападки на положение Энгельса об определяющих моментах истории первобытного общества. Бернштейн, отвергавший материалистическое понимание истории как якобы одностороннее, не учитывающее всего богатства «факторов» исторического развития общества, в то же время обвинял Энгельса в «непоследовательности».

Вслед за Михайловским и Бернштейном обвинение основоположников марксизма в отступлении от исторического материализма повторяли многие критики теории научного социализма. Так, Туган-Барановский, соглашаясь с утверждением фальсификаторов истории первобытного общества, будто бы «попытку Моргана нужно признать в настоящее время решительно неудавшейся», восклицал: «Поистине удивительно, каким образом вся эта конструкция, совершенно висящая в воздухе, соблазнила Маркса и Энгельса отказаться от основной идеи их историко-философской системы!» При этом присяжный критик марксизма с удовлетворением отмечал, что «Кунов, среди марксистов бесспорно лучший знаток условий жизни первобытных народов, объясняет развитие семьи условиями хозяйства»².

Действительно, Кунов обвинял Энгельса в том, что он совершенно разрушает целостность материалистического понимания истории³.

Между тем если отвлечься от тех исторических форм, в которых осуществляется «производство самого чело-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 146.

² М. Туган-Барановский. Теоретические основы марксизма. Спб., 1906, стр. 47, 49.

³ См. Г. Кунов. Марксова теория исторического процесса, общества и государства, т. II. М., 1930, стр. 124.

века, продолжение рода», т. е. если оставить в стороне исторический ход развития форм семьи, то невозможно объяснить возникновение родового строя из первобытного стада. Только анализ эволюции форм семьи дает ключ к пониманию происхождения родовой общины и ее дальнейшего развития.

В своем конспекте работы Моргана Маркс воспроизвел его схему развития семьи. Он подробнейшим образом записал результаты анализа Моргана, показавшего, как эволюция отношений между полами, переход от беспорядочных половых отношений первобытной орды к постепенному сужению групп брачующихся приводит через длинный ряд промежуточных ступеней к родовому строю.

Для буржуазных ученых, чуждых подлинного историзма, происхождение рода у древних греков оставалось неразрешимой загадкой. Неспособные вскрыть исторические корни архаических пережитков родственных отношений у древних греков, эти ученые попросту объявляли род продуктом чистого вымысла, плодом фантазии. Разоблачая это бессилие признанных знатоков античной древности, Маркс пишет:

«Так как связь поколений, особенно с возникновением моногамии, отодвигается вглубь времен и *минувшая действительность* находит свое отражение в *фантастических образах мифологии*, то благонамеренные филолисты приходили и продолжают приходить к выводу, что *фантастическая родословная* создала реальные роды!»¹

Энгельс в своем исследовании раскрыл решающую роль, которую родство играло на протяжении первобытной эпохи. Буржуазная наука отрицала господство беспорядочных половых отношений на самой ранней ступени развития человечества, желая избавить человечество от такого «позора». В ответ на эти соображения Энгельс указывал, что никакого понимания первобытных условий не может быть до тех пор, пока их рассматривают через очки дома терпимости. Он показал, как из первых групповых форм семьи возник институт рода.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 139.

Развитие семьи в первобытную эпоху состояло в непрерывном суживании того круга, который первоначально охватывал все племя и внутри которого господствовала общность брачных связей между полами (см. т. 21, стр. 41, 45, 51).

Если до Моргана считалось, что род является формой общества, присущей лишь некоторым народам, то Морган доказал, что родовая организация была универсальной формой существования первобытного общества. Род, представлявший собой совокупность родственников, происшедших от одного общего предка и связанных узами родства, прошел через определенные стадии развития. Развитие шло от рода, основанного на материнском праве, к роду, основанному на отцовском праве. Тем самым было опровергнуто господствовавшее ранее мнение, что эмбрионом общества была патриархальная семья.

Энгельс высоко оценил это открытие Моргана, указав, что открытие первоначального рода, основанного на материнском праве как стадии, предшествовавшей основанному на отцовском праве роду культурных народов, имеет для первобытной истории огромное значение. Род, основанный на материнском праве, по словам Энгельса, стал той точкой опоры, вокруг которой вращается вся первобытная история; со времени его открытия стало понятно, в каком направлении и что следует изучать и как нужно группировать найденные результаты (см. т. 22, стр. 223).

Создание твердой научной основы для первобытной истории полностью выбило почву из-под ног проповедников расизма, разоблачив всю фальшь человеконенавистнической теории о превосходстве одних рас и неполноценности других. Наука доказала, что все народы независимо от цвета кожи и других особенностей прошли одни и те же стадии развития, связанные с эволюцией материальных условий их жизни.

Всю историю первобытного общества Морган подразделяет на определенные периоды сообразно с успехами в производстве средств существования. Энгельс приводит его высказывание, что «искусность в этом производстве имеет решающее значение для степени чело-

веческого превосходства и господства над природой; из всех живых существ только человеку удалось добиться почти неограниченного господства над производством продуктов питания. Все великие эпохи человеческого прогресса более или менее прямо совпадают с эпохами расширения источников существования». Наряду с этим, замечает Энгельс, происходит развитие семьи, но оно не дает таких характерных признаков для разграничения периодов (см. т. 21, стр. 28).

4

Работа Энгельса явилась выдающимся вкладом в марксистскую политическую экономию как историческую науку. Буржуазные экономисты, считая капиталистический способ производства вечной и неизменной формой общественного производственного процесса, закрывали себе путь к пониманию исторического развития общества, и в особенности к пониманию предшествовавших капитализму общественно-экономических формаций. Для них не существовало никаких иных форм общества, кроме буржуазной. По известному замечанию Маркса в первом томе «Капитала», добуржуазные формы общественного производственного процесса третируются буржуазной политической экономией примерно в таком же духе, как дохристианские религии отцами церкви (см. т. 23, стр. 91). Эту мысль Маркс высказал еще раньше, в «Нищете философии», где он писал, что для буржуазных экономистов существуют два вида учреждений — искусственные и естественные, причем искусственными считаются учреждения добуржуазного периода, а естественными — учреждения буржуазии.

Марксистская политическая экономия впервые открыла путь к научному исследованию докапиталистических общественно-экономических формаций. Маркс в «Капитале», анализируя одну общественную формацию, а именно капитализм, зачастую обращает свой взор к докапиталистическим способам производства и дает много ценного для понимания экономических закономерностей рабовладельческой и феодальной форм общества.

Исследование Энгельса обогатило экономическое учение марксизма чрезвычайно важным разделом, а именно политической экономией первобытного общества, первобытнокоммунистического строя. Тем самым было завершено в основном и главном создание политической экономии как исторической науки, охватывающей все досоциалистические формации. Проследив разложение родового строя, Энгельс в заключение исследует общие экономические условия, которые подрывали родовую организацию общества на высшей стадии ее развития, а затем с переходом к цивилизации, т. е. с началом писаной истории, совершенно устранили ее.

Буржуазные идеологи исходят из утверждения об извечном характере частной собственности и основанных на ней форм семьи и государства. Опираясь на исследование Моргана и ряд других работ, проливающих свет на первобытную историю, т. е. на весь огромный период, прошедший до начала писаной истории, Энгельс разбивает наголову эту исходную позицию буржуазной философской и социологической, экономической и юридической науки.

Блестящим подтверждением материалистического понимания истории, которое учит, что все формы общественной жизни носят исторический, а не извечный характер, явился анализ доклассового общества, данный Энгельсом. Это было первобытнокоммунистическое общество, в котором не существовало ни частной собственности, ни классов, ни государства. Научно доказанный факт существования первобытного коммунизма полностью опровергает измышления буржуазной апологетики, утверждающей, что не может быть общества без частной собственности, классов и государства.

Враги социализма прекрасно поняли, каким опасным для них идеологическим оружием является научный анализ первобытнокоммунистического общества. Один из опровергателей Моргана, немецкий историк В. Копперс, писал: «Представители научного социализма сразу подметили, что современная этнология являлась их опорой в трех основных вопросах. Согласно этой этнологии, частная собственность также представляет собой относительно позднее явление в развитии человечества, и,

следовательно, в первобытные времена господствовал коммунизм. Далее этнология учила, что моногамная семья, построенная на отцовском праве, является верхней ступенью на лестнице общественного развития... В заключение эволюционная этнология говорила о коммунистическом предгосударственном строе в противоположность развившимся позднее государственным образованиям»¹.

В обстановке культа личности термин «первобытный коммунизм», употреблявшийся Марксом, Энгельсом, Лениным и занимавший прочное место в социалистической литературе научного социализма в течение многих десятилетий, исчез из обихода. Необходимость отказа от этого термина аргументировалась тем, что, во-первых, он якобы связан с идеализацией первобытного общественного строя и, во-вторых, он может породить неправильное представление о социализме и коммунизме как о каком-то возвращении назад, к давно прошедшим временам. Однако оба эти аргумента не могут быть признаны убедительными и достаточными для отказа от понятия, играющего огромную роль в марксистско-ленинском мировоззрении, в историческом материализме и научной политической экономике.

Что касается идеализации первобытного общественного строя, то она была совершенно чужда Марксу, Энгельсу и Ленину, когда они говорили о первобытном коммунизме. Маркс писал, что этот первобытный тип коллективного производства был результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства (см. т. 19, стр. 404). Единство работника и его средств производства при первобытном коммунизме имело место, по словам Маркса, «в детской форме», непригодной для того, чтобы развить труд как общественный труд и производительность общественного труда.

Отсюда ясно также, что нет оснований для опасений, что характеристика первобытного общества как

¹ W. Koppers. Die Anfänge des menschlichen Gemeinschaftslebens im Spiegel der neuen Völkerkunde. Gladbach, 1921, S. 10.

эпохи первобытного коммунизма может привести к какому-то стиранию граней между младенческим периодом жизни человечества и высшей формой общества — коммунизмом и его первой фазой — социализмом. Как раз наоборот, понимание всей исторической ограниченности первобытнокоммунистического строя еще больше подчеркивает безбрежность перспектив развития коммунистического общества, являющегося конечной целью рабочего класса и всех трудящихся современной эпохи.

В то же время научное определение первобытной эпохи как эпохи первобытного коммунизма решительно разоблачает клевету буржуазной науки, утверждающей, что частная собственность и эксплуатация человека человеком составляют неперемennые условия существования общества, ввиду чего без якобы благотворного влияния частной собственности общество могло бы погибнуть от лени. История первобытнокоммунистической эпохи показывает, что на протяжении длинного ряда тысячелетий люди жили, не зная частной собственности и общественного неравенства.

И тем не менее они существовали, с величайшим упорством трудились, постепенно, хотя и медленно, продвигались вперед, отвоевывав у природы шаг за шагом все новые позиции. «Мы имеем все основания не забывать, — писал Морган, — что нашими современными условиями жизни, с ее многочисленными средствами безопасности и благосостояния, мы обязаны борьбе, страданиям, героическим усилиям и упорному труду наших варварских и еще более отдаленных диких предков»¹.

Последовательное применение материалистического понимания истории к исследованию первобытного общества позволило Энгельсу дать исчерпывающее объяснение характера этого общества, его отличительных особенностей и движущих сил. Первобытный строй предстал как общественный порядок, свободный от противоречий и пороков классового общества, от нравственных

¹ Л. Г. Морган. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации, стр. 330.

уродств, порождаемых эксплуатацией, от несправедливости и бесчеловечности, гнета и насилия, неотделимых от эксплуататорского строя. Не удивительно, что Энгельс нашел яркие и сочные краски, рисуя первобытный коммунизм индейского племени ирокезов, наиболее полно исследованного Морганом:

«И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов — все идет своим установленным порядком. Всякие споры и распри разрешаются сообща теми, кого они касаются, — родом или племенем, или отдельными родами между собой... Бедных и нуждающихся не может быть — коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны, в том числе и женщины. Рабов еще не существует, нет, как правило, еще и порабощения чужих племен... А каких мужчин и женщин порождает такое общество, показывают восторженные отзывы всех белых, соприкасавшихся с неиспорченными индейцами, о чувстве собственного достоинства, прямотушии, силе характера и храбрости этих варваров» (т. 21, стр. 97—98).

Описывая таким образом человеческое общество до того, как произошло его разделение на различные классы, Энгельс подчеркивает и другую сторону дела — его историческую ограниченность. Неумолимыми законами исторического развития эта организация была обречена на гибель. Родовой строй, находившийся в расцвете, предполагал крайне неразвитое производство и, следовательно, весьма редкое население на обширных пространствах. Человек был почти полностью подчинен враждебно противостоящей ему окружающей природе. Племя оставалось границей человека. Все, что было вне племени, стояло вне закона. И Энгельс продолжает:

«Как ни импозантно выглядят в наших глазах люди этой эпохи, они неотличимы друг от друга, они не оторвались еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общности. Власть этой первобытной общности должна была быть сломлена, — и она была сломлена.

Но она была сломлена под такими влияниями, которые прямо представляются нам упадком, грехопадением по сравнению с высоким нравственным уровнем старого родового общества. Самые низменные побуждения — вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния — являются восприимчивыми для нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства — воровство, насилие, коварство, измена — подтачивают старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели» (т. 21, стр. 99).

Вполне развившийся родовой строй целиком соответствовал общественным условиям, в которых он возник. Величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность, проявляются в том, что в нем нет места для господства и подчинения. Внутри рода не существует еще различия между правами и обязанностями. Точно так же невозможно расслоение рода или объединяющего несколько родов племени на различные классы.

Характеризуя экономический базис этого строя, Энгельс отмечает, что население в высшей степени редко, разделение труда — чисто естественного происхождения: оно существует только между полами. Мужчина ходит на охоту и рыбную ловлю и изготавливает необходимые для этого орудия, женщина занята дома приготовлением пищи и одежды, она варит, тклет, шьет. «Каждый из них — хозяин в своей области: мужчина — в лесу, женщина — в доме. Каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина — оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина — домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах несколькими, часто многими семьями. То, что изготавливается и используется сообща, составляет общую собственность: дом, огород, лодка. Здесь, таким образом, и притом только здесь, на самом деле существует придуманная юристами и экономистами цивилизованного общества «собственность, добытая своим трудом», — последнее лживое правовое основание, на которое еще опирается современная капиталистическая собственность» (т. 21, стр. 159).

Энгельс анализирует дальнейшее развитие экономического базиса первобытного общества. С появлением скотоводства пастушеские племена выделились из общей массы племен. Это было *первое крупное общественное разделение труда*. Пастушеские племена производили не только больше, чем племена, оставшиеся на предыдущей ступени развития, но и производимые ими жизненные блага были иными. Впервые стал возможным регулярный обмен, между тем как на более ранних ступенях развития мог иметь место лишь случайный обмен.

Первоначально обмен производился между племенами родовыми старейшинами. Затем стада стали переходить в обособленную собственность, и вместе с тем стал преобладать обмен между отдельными лицами. Главным предметом обмена был скот. Скот сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который повсюду охотно принимался в обмен. Таким образом, скот играл роль денег; уже при самом возникновении товарообмена развивалась потребность в особом товаре — деньгах.

С возникновением земледелия расширяется почва для обмена. Затем появляются первые зачатки промышленной деятельности — ткачество, выплавка металлов из руд и их обработка. Рост масштабов производства в скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле сделал рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем было необходимо для поддержания ее. Стало желательным привлечение новых рабочих сил. Война доставляла такие рабочие силы: военнопленных стали обращать в рабство.

Так первое крупное общественное разделение труда, вызвавшее рост производительности труда и расширение поля производственной деятельности, с необходимостью повлекло за собой возникновение рабства. «Из первого крупного общественного разделения труда, — пишет Энгельс, — возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых» (т. 21, стр. 161).

С появлением стад и других новых видов богатства произошла революция в семье. Промысел всегда был делом мужчины: на его долю выпало первоначальное приручение скота, а позднее — уход за ним. Поэтому скот принадлежал мужчине, равно как и полученные в обмен на скот товары и рабы. «Та самая причина, которая прежде обеспечивала женщине ее господство в доме — ограничение ее труда домашней работой, — эта же самая причина теперь делала неизбежным господство мужчины в доме; домашняя работа женщины утратила теперь свое значение по сравнению с промысловым трудом мужчины; его труд был всем, ее работа — незначительным придатком» (т. 21, стр. 162).

Следующий шаг на пути развития производительных сил был связан с появлением железа. Железный плуг и топор сделали возможным полеводство на обширных площадях и расчистку лесных пространств под пашню. Земледелие стало давать наряду с зерном также масло и вино. Совершенствовались ткачество и обработка металлов. «Столь разнообразная деятельность не могла уже выполняться одним и тем же лицом; произошло *второе крупное разделение труда*: ремесло отделилось от земледелия» (т. 21, стр. 163).

Дальнейший рост производства и производительности труда увеличивал ценность рабочей силы. Рабство, которое раньше оставалось спорадическим явлением, теперь становится важной частью общественной системы. Рабы из простых помощников превращаются в основную рабочую силу на полях и в мастерских. С разделением производства на две крупные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена — товарное производство. Все это, однако, еще в весьма неразвитом виде: благородные металлы начинают становиться преобладающим и всеобщим товаром — деньгами, но металл еще не чеканят, а обменивают просто по весу.

Различие между богатыми и бедными находит свое дополнение в различии между свободными и рабами. Наряду с новым разделением труда выступает новое разделение общества на классы. Имущественные различия между семьями разрушают коммунистическую до-

машинную общину. Исчезает и совместная обработка земли за счет этой общины. Пахотная земля переходит в пользование отдельным семьям, сперва на время, потом навсегда. С переходом к полной частной собственности отдельная семья становится хозяйственной единицей общества.

Наряду с развитием производительных сил и изменением производственных отношений первобытного общества происходят коренные перемены в органах родового строя. С ростом плотности населения возникают союзы родственных племен, а затем происходит слияние территории отдельных племен в одну общую территорию всего народа. Появляются военачальники, которые становятся постоянными должностными лицами, между тем как раньше они избирались лишь на время похода. Войны, которые прежде велись только время от времени, становятся постоянным промыслом — грабежом. Грabitельские войны усиливают власть военачальников, закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати.

Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: «Из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа» (т. 21, стр. 164—165).

Такова нарисованная Энгельсом стройная схема возникновения классового общества путем разложения первобытнокоммунистической общины. Схема эта, естественно, отражала ту ступень изученности первобытного общества, какая была достигнута к 80—90-м годам прошлого века. С тех пор исследования этнографов, археологов и представителей других наук значительно расширили круг положительных знаний о первобытной эпохе жизни человечества. Но какие бы поправки новые научные данные ни внесли в конкретные детали энгельсовской схемы, она целиком сохраняет свою силу в

главном и основном, ибо она раскрывает общие закономерности рождения классового строя, общий ход исторического развития, приведшего к расколу общества на классы. В этом ее непреходящее значение для общественной науки в целом, для экономической теории в частности.

Если в «Анти-Дюринге» Энгельс, развивая учение Маркса о товарном фетишизме, подробно характеризовал неизбежное при господстве частной собственности и обмена господство продукта над производителем, то в работе о происхождении семьи, частной собственности и государства он исследовал исторический процесс, в ходе которого продукт стал господствовать над производителем. В первобытном обществе, указывал Энгельс, производство по существу было коллективным, и точно так же потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших общин. Такой строй обуславливал господство производителей над своим производственным процессом и продуктом производства. «Они знают, что делается с продуктом: они потребляют его, он не выходит из их рук, и пока производство ведется на этой основе, оно не может перерасти производителей, не может породить таинственные, чуждые им силы...» (т. 21, стр. 174).

Но первобытный коммунизм разлагается под воздействием разделения труда и развития обмена. Коллективный характер производства и присвоения подрывается, преобладающим правилом становится присвоение отдельными лицами и обмен между ними. Постепенно господствующей формой становится товарное производство, при котором продукты труда, превращаясь в товары, переходят из рук в руки. При обмене производитель отдает свой товар и уже не знает, что с ним станет. Затем в качестве посредника между производителями выступают деньги и появляется купец. Процесс обмена становится еще запутаннее, конечная судьба продуктов еще неопределеннее. Товары переходят уже не только из рук в руки, но и с рынка на рынок. Производители теряют власть над всем производством условий своей собственной жизни, продукты и производство попадают во власть случая.

«Но случайность, — продолжает Энгельс, — это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью». В природе также как будто господствует случай, но наука давно уже установила в каждой отдельной области внутреннюю необходимость и закономерность, пробивающуюся сквозь эту случайность. То, что имеет силу для природы, имеет также силу и для общества. Чем больше определенные общественные процессы ускользают из-под сознательного контроля людей и кажутся предоставленными чистой случайности, тем больше с естественной необходимостью пробиваются сквозь эту случайность свойственные ей внутренние законы.

«Такие законы господствуют и над случайностями товарного производства и товарообмена: отдельному производителю и участнику обмена они противостоят как чуждые, вначале даже неведомые силы, природа которых только еще подлежит тщательному изучению и познанию». Экономические законы товарного производства видоизменяются на различных ступенях его развития, однако весь период писаной истории протекает под знаком их господства. В капиталистическом обществе господство продукта над производителями достигает крайней степени. Общественное производство в целом регулируется не по обдуманному плану, а слепыми законами, которые проявляются со стихийной силой, в последнем счете — в бурях периодических экономических кризисов (см. т. 21, стр. 174—175).

6

Первобытный коммунизм погиб, так как он стал преградой на пути развития производительных сил, на пути овладения человеком силами природы. Морган связывал гибель родового строя с возникновением частной собственности и делал отсюда далеко идущие выводы: «Невозможно преувеличить влияние собственности в истории цивилизации человечества... — пишет он. — Идея частной собственности развивалась в человеческом уме сначала слабо, но в конце концов превратилась в доминирующую страсть. Правительство

и законы возникали прежде всего для ее создания, охраны и использования. Она ввела рабство как орудие создания богатства и, после опыта нескольких тысячелетий, она же вызвала уничтожение рабства, когда обнаружилось, что свободный работник оказывается лучшей машиной для производства богатства»¹.

Это рассуждение Моргана, столь характерное для его стихийного материализма, выступающего под идеалистической оболочкой, Энгельс перевел на язык материалистической диалектики и обогатил новыми выводами, в результате чего им была создана исчерпывающая научная теория происхождения государства.

На примере греческого строя героической эпохи Энгельс показывает начало подрыва древней родовой организации. Возникновение отцовского права с наследованием имущества детьми благоприятствовало накоплению богатств в семье и усиливало семью в противовес роду. Имущественные различия оказывали обратное влияние на общественный строй путем образования первых зародышей наследственной знати и царской власти. Рабство, в которое сперва обращались только военнопленные, открывало в дальнейшем возможность порабощения собственных соплеменников и даже сородичей. Место прежних войн между племенами занял систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ. Все это означало восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств.

«Недоставало еще только одного: — продолжает Энгельс, — учреждения, которое не только ограждало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью всякого человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего обще-

¹ Л. Г. Морган. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации, стр. 303—304.

ственного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств; недоставало учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним.

И такое учреждение появилось. Было изобретено *государство*» (т. 21, стр. 108).

Первобытная история показывает, что лишь с развитием производительных сил наступает разложение первобытнокоммунистического строя. Общее владение землей, ограниченность общественной группы рамками кровнородственных отношений, господство родовых уз — все это становится преградой на пути дальнейшего роста производительных сил. Эти преграды падают, и возникает частная собственность, а с нею происходит распадение общества на классы.

Уже первое классовое деление общества на рабовладельцев и рабов порождает государство, возникающее как учреждение, призванное держать в узде поработенные массы. На протяжении всей дальнейшей истории человечества происходит смена форм эксплуатации, место одних классов занимают другие. Но вплоть до социалистической революции сохраняются господство частной собственности и основанная на нем эксплуатация человека человеком. Сохраняется и роль государства как аппарата насилия господствующих классов, составляющих меньшинство общества, над эксплуатируемыми массами, составляющими громадное большинство населения.

Разработка Энгельсом вопроса о происхождении и роли государства имела огромное значение для экономической теории марксизма. Марксистская политическая экономия рассматривает роль государства в экономической жизни общества принципиально иначе, чем буржуазная наука. Буржуазные экономисты подходят к вопросу о государстве со своей обычной внеисторической точки зрения. Одни из них считают, что государство должно ограничиваться ролью «ночного сторожа», не вмешиваясь в хозяйственную жизнь общества.

Другие, наоборот, видят в государстве всемогущего левиафана, определяющего все стороны жизни общества, в том числе и экономическую жизнь. Разумеется, обе эти концепции носят совершенно антинаучный характер. Они призваны обслуживать интересы буржуазии на тех или иных этапах развития капитализма. Марксизму чуждо как представление о том, будто государство является основным фактором общественного развития, определяющим в конечном счете ход этого развития, так и противоположное представление о том, будто государство не играет никакой активной роли в ходе развития общества.

Марксизм раскрыл действительное место и значение государства в экономическом развитии общества. Исследование Энгельса внесло полную ясность в вопрос о происхождении государства. Анализ этого процесса в истории различных народов — североамериканских индейцев, греков, римлян, кельтов, германцев — привел Энгельса к заключению, что государство возникает лишь на определенной ступени развития общества, в определенных исторических условиях. Исследовав процесс разложения родового строя у многих народов под воздействием изменения экономических условий их жизни и эволюции форм семьи, Энгельс приходит к выводу:

«Итак, государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все

более и более отчуждающая себя от него, есть государство» (т. 21, стр. 169—170).

Ленин в работе «Государство и революция», приводя это высказывание Энгельса, замечает, что здесь с полной ясностью выражена основная идея марксизма об исторической роли и значении государства. Резюмируя взгляды Энгельса, Ленин излагает эту основную идею следующим образом:

«Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы»¹.

Марксистское понимание происхождения и исторической роли государства раскрыло полную несостоятельность идеалистических концепций государства, бесчисленных попыток буржуазной науки представить государство в виде «надклассовой» силы, призванной «примирить» классы, играя роль арбитра между ними. Марксизм развеял в прах реформистские иллюзии о якобы благотворительной роли буржуазного государства как представителя «общенациональных» интересов, как беспристрастного судьи в конфликтах между классами. Весь ход истории показывает, что в великих битвах классов государство при эксплуататорском строе всегда выступает на стороне господствующих классов, против угнетенных классов.

Вместе с тем марксистское понимание роли классового государства не оставило камня на камне от анархистского подхода к задачам классовой борьбы пролетариата. Как правило, государство является органом власти самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим. Однако встречаются и такие типы государственной власти, которые вследствие временного равновесия сил между борющимися классами приобретают известную самостоятельность по отношению к обоим классам. В каче-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 7.

стве примера Энгельс приводит, в частности, бонапартизм, который натравливал пролетариат против буржуазии и буржуазию против пролетариата.

Обобщая исторический путь развития государственных форм, Энгельс приходит к выводу, что демократическая республика представляет собой высшую форму буржуазного государства, в которой только и может быть доведена до конца последняя решительная борьба между пролетариатом и буржуазией. По мере того как пролетариат созревает для своего самоосвобождения, он организует собственную партию, избирает своих собственных представителей в парламент. Поэтому всеобщее избирательное право служит показателем зрелости пролетариата, большего оно дать не может. «В тот день, — заканчивает Энгельс рассмотрение вопроса об использовании рабочим классом демократических прав в интересах борьбы за социализм, — когда термометр всеобщего избирательного права будет показывать точку кипения у рабочих, они, как и капиталисты, будут знать, что делать» (т. 21, стр. 173).

В демократической республике, указывал Энгельс, «богатство» осуществляет свою власть косвенно, но зато тем вернее: с одной стороны, в форме прямого подкупа чиновников (классический образец — Америка), с другой стороны, в форме союза правительства и биржи. Этот союз осуществляется тем легче, чем больше возрастают государственные долги и чем больше акционерные общества сосредоточивают в своих руках не только транспорт, но и само производство и делают своим средоточием ту же биржу. При этом имелся в виду, естественно, домонополистический капитализм.

В полемике с представителями «империалистического экономизма» Ленин в 1916 г., приводя эту мысль Энгельса, ставит вопрос: что изменяется в рассматриваемом отношении при замене капитализма империализмом, т. е. домонополистического капитализма монополистическим? И отвечает: «Только то, что власть биржи усиливается!» Поясняя эту мысль, Ленин указывает, что финансовый капитал есть крупнейший, выросший до монополии, промышленный капитал, слившийся с банковым капиталом; крупные банки слива-

ются с биржей, поглощая ее. При этом он замечает в скобках, что в литературе об империализме говорится о падении роли биржи, но лишь в том смысле, что всякий гигантский банк сам есть биржа¹.

Выяснение исторического происхождения государства дало ключ к пониманию его сущности, его тенденций развития, его дальнейшей судьбы. Резюмируя свое исследование государства, Энгельс приходит к выводу, что государство существует не извечно. Долгое время общество обходилось без него, не имея понятия о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития происходит раскол общества на классы, и в силу этого государство становится необходимостью. Однако с дальнейшим развитием производства существование антагонистических классов не только перестает быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. «Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит свою государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором» (т. 21, стр. 173).

* *
*

Исторический подход к исследованию общественно-экономических формаций представил в новом свете ряд важнейших категорий политической экономии. Для буржуазных экономистов такие категории, как труд, разделение труда, собственность, классы и т. п., представляли собой нечто застывшее и неизменное. Марксизм показал, что эти категории имеют исторический характер, что на протяжении истории человечества меняются их сущность и форма, что они играют весьма различную роль на разных ступенях развития общества.

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 98.

Работа Энгельса особенно замечательна тем, что она раскрывает в первобытном обществе происхождение и исторические истоки многих экономических категорий, которые затем играют важную роль в последующих общественно-экономических формациях.

В заключение своей работы Энгельс приводит рассуждение Моргана о дальнейших судьбах человечества. Окидывая взором пройденный человеческим обществом путь, Морган пришел к выводу, что с наступлением цивилизации и ростом богатства в руках собственников это богатство стало грозной силой, противостоящей народу. Морган высказывал уверенность в том, что интересы общества должны быть выше интересов отдельных лиц, что одна лишь погоня за богатством не является конечным назначением человечества. Указывая, что время, прошедшее с наступления цивилизации, представляет лишь ничтожную долю времени, прожитого человечеством, и ничтожную долю времени, которое ему еще предстоит прожить, Морган предвидел неизбежность наступления новой эпохи, которую он характеризовал следующим образом: «Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование освятят следующую высшую ступень общества, к которой непрерывно стремятся опыт, разум и наука. Оно будет возрождением — но в высшей форме — свободы, равенства и братства древних родов» (цит. по т. 21, стр. 178).

Работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в огромной мере обогатила идейную сокровищницу марксизма, умножила арсенал идейного оружия, которым располагает рабочий класс в борьбе за социализм и коммунизм.

*Энгельс
и «Капитал»
Маркса*

2

1. Первое десятилетие в Лондоне. 2. Разоблачение прудонизма. 3. «К критике политической экономии». 4. Рецензия Энгельса. 5. Работа над «Капиталом». 6. Выход первого тома «Капитала». 7. «Военная хитрость» Энгельса

1

В истории создания «Капитала», в летописях борьбы за его распространение много волнующих страниц связано с именем Энгельса. Он характеризовал «Капитал» как «главное произведение Маркса, излагающее основы его экономических и социалистических воззрений, а также основы его критики существующего общества, капиталистического способа производства и его последствий» (т. 19, стр. 109). Роль великого друга и соратника Маркса в создании этого произведения истине трудно переоценить.

Основы нового, пролетарского мировоззрения были выработаны Марксом совместно с Энгельсом еще в 40-х годах XIX в. Уже тогда они заложили краеугольные камни подлинно научной политической экономии. Но после переселения в Лондон в 1850 г. Маркс, как он сообщает в предисловии к работе «К критике политической экономии», счел необходимым «приняться за изучение предмета с начала и критически переработать новый материал» (т. 13, стр. 8—9). Это было уже второе исследование, охватившее обширнейший круг проблем. Оно в свою очередь может быть подразделено на два периода: первый охватывает десятилетие до опубликования «К критике политической экономии», второй — последующие годы, в течение которых был создан «Капитал».

Если в 40-х годах Маркс и Энгельс работали в самом тесном содружестве и результаты их исследований были изложены главным образом в совместных трудах, то и в ходе второго исследования участие Энгельса было гораздо более значительным, чем может показаться на первый взгляд. И в годы, предшествовавшие опубликованию «К критике политической экономии», и в период подготовки первого тома «Капитала», и в последующие годы Энгельс активнейшим образом участвовал в творческой лаборатории Маркса, а после его смерти на плечи Энгельса легла задача завершения дела жизни Маркса — издания последних двух томов «Капитала».

«Итак, этот том готов, — писал Маркс Энгельсу, сообщая ему об отсылке последних листов первого тома «Капитала». — Только *тебе* обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования ради меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу по трем томам. Обнимаю тебя, полный благодарности!» (т. 31, стр. 275).

В этих словах Маркса нет ни малейшего преувеличения. Но Маркс тогда еще не мог предвидеть, какая огромная работа по завершению его экономических исследований выпадет на долю Энгельса. Эту работу Энгельс смог выполнить лишь благодаря тому, что он на протяжении десятков лет жил в творческой лаборатории Маркса, активнейшим образом участвуя в разработке его экономического учения.

Известно, что обмен мыслями с Энгельсом, который раньше своего друга занялся политической экономией, в большой мере усилил интерес Маркса к этой науке. Известна огромная роль материальной поддержки Энгельса, без которой автор «Капитала» не был бы в состоянии сосредоточить свои силы на создании своего гениального творения. «Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты»¹. Наряду с этим огромную роль

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49.

2. glazur 2. Etz.

2. 2. 1969
2. 2. 1969

Dear Fred,

[illegible]

fishing caught 2. a-fog - Mr. H. H.
 fishing caught 1st large

And little again tonight your faithful
 Old Days and affairs. But Dear you
 think of us, Day Days might you! Of
 Dear Affairs, friend, think of
 me, I am in the world of
 your. Believe you, full
 of thanks!

Indigenes 2 days. This is why.

2. 15¢ - 1 cup from Danta of the

Adm. - in color. Yours, Saml.
Doris H. George

Письмо Маркса Энгельсу от 16 августа 1867 г.

сыграло непосредственное участие Энгельса в разработке многих важнейших проблем, вставших перед Марксом при написании его бессмертного труда.

Представление об этой роли Энгельса дает прежде всего переписка основоположников марксизма. Характеризуя эту переписку, Ленин отмечал: «Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, — тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*»¹.

На первое место Ленин ставил при этом применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии с основания ее. Постановка такой грандиозной задачи, естественно, порождала множество сложных вопросов. К кому мог обращаться Маркс за помощью при выяснении этих вопросов, как не к Энгельсу?

Предшественники марксизма в экономической науке — представители буржуазной классической школы — видели свою задачу в том, чтобы вскрыть внутреннюю связь явлений капиталистического способа производства, который они считали естественной формой всякого общественного производства вообще. Их эпигоны — вульгарные экономисты — ограничивались пошлой апологетикой, занимаясь прикрашиванием капитализма любой ценой. Маркс поставил своей задачей не только раскрыть подлинную суть отношений капиталистического способа производства, замаскированных вещной оболочкой, но и показать, почему и как эти отношения выступают на поверхности явлений в извращенном виде. В «Капитале» он подверг тщательному и всестороннему исследованию как содержание, так и форму проявления экономических категорий, раскрыв до самых глубин механизм капиталистического производства в его функционировании.

Но конкретно-экономическая литература была в те времена весьма скудна. Не было тогда статистических публикаций, которые в изобилии появились впоследствии, в особенности с начала нынешнего века. Не было

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 264.

и конкретно-описательных работ по экономике капиталистических предприятий и отраслей, наводняющих современный книжный рынок. Работая над «Капиталом», Маркс тщательно изучал и широко использовал публиковавшиеся в Англии так называемые Синие книги, находя в них потрясающий материал для характеристики зверской эксплуатации труда капиталом. Но и этот источник проливал мало света на многие процессы, происходящие в недрах капиталистического предприятия, на воротах которого красуется, по выражению Маркса, надпись: «Посторонним вход воспрещается» (см. т. 23, стр. 186).

По своей работе в коммерческой фирме Энгельс имел доступ в эти ворота. Маркс неоднократно обращался к нему за помощью, когда ему нужно было выяснить ту или иную сторону функционирования капиталистического механизма. Энгельс в необходимых случаях наводил соответствующие справки и обстоятельно отвечал на вопросы Маркса.

Письма Маркса и ответы Энгельса дают чрезвычайно много для понимания процесса становления экономической теории марксизма. В письмах Маркса имеются наброски решений многих сложных проблем. В ответах Энгельса содержатся важные соображения, которые по большей части принимались Марксом в расчет при выработке окончательного текста. Однако при всем значении переписки основоположников марксизма как источника, позволяющего судить об участии Энгельса в работе Маркса над «Капиталом», необходимо учитывать, что по самой своей природе источник этот не может являться полным и исчерпывающим. Даже в тот период, когда оба друга жили в разных городах и почти ежедневно обменивались письмами, они время от времени встречались, и при личных встречах несомненно обсуждали вопросы, связанные с «Капиталом». Что же касается периода после переезда Энгельса в Лондон, то в эти годы личное общение стало, естественно, основным способом обсуждения научных проблем, а письма охватывают лишь те сравнительно короткие промежутки времени, когда один из друзей временно покидал Лондон.

Легко понять нетерпение, с которым Энгельс ожидал опубликования результатов научных исследований Маркса. Вплотную приступив к изучению экономических проблем в конце 1843 г., Маркс уже в следующем году задумал создать работу, посвященную критике буржуазных экономических теорий с точки зрения созданного им материалистического мировоззрения. Он даже заключил договор с одним немецким издателем на двухтомное сочинение под названием «Критика политики и политической экономии». О содержании этой работы дают представление «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», являющиеся частью задуманного Марксом исследования. По ряду причин работа осталась незаконченной и не увидела света. Энгельс, естественно, был в курсе замыслов своего друга и уже тогда торопил его с опубликованием работы.

«Нам теперь нужно прежде всего выпустить несколько крупных работ,—писал он Марксу в январе 1845 г.,—они послужили бы основательной точкой опоры для многих полузнаек, которые полны добрых намерений, но сами не могут во всем разобраться. Постарайся скорее кончить свою книгу по политической экономии; даже если тебя самого она во многом еще не удовлетворяет,—все равно, умы уже созрели, и надо ковать железо, пока оно горячо». Считая, что работа должна быть закончена до апреля 1845 г., Энгельс давал Марксу практический совет: «Сделай, как я: назначь себе срок, к которому ты обязательно должен закончить работу, и позаботься, чтобы книга была скорее напечатана» (т. 27, стр. 17).

Ход событий изменил первоначальные планы, жизнь поставила перед основоположниками марксизма ряд новых неотложных задач, и Маркс вернулся к своему первоначальному замыслу относительно обстоятельного критического разбора предшествовавшей политической экономии уже после революции 1848 г., оказавшись в лондонской эмиграции. К тому времени в огромной мере расширились и углубились задачи, которые поставил перед собой Маркс. Понадобились десятилетия упорного труда для ее выполнения.

Многочисленные отерочки, изменения ранее намеченных планов и предположений огорчали Энгельса. Но никто так хорошо, как Энгельс, не знал действительных причин задержки. По его свидетельству, Маркс предмет своего исследования «изучал и обдумывал с добросовестностью, не имеющей себе равной, с такой добросовестностью, которая не позволяла ему опубликовать свои выводы в систематизированном виде, прежде чем он сам не был удовлетворен их формой и содержанием, прежде чем он не убедился, что не осталось ни одной не прочитанной им книги, ни одного не взвешенного им возражения, что каждый вопрос им исчерпан до конца» (т. 16, стр. 382).

Когда после смерти Маркса Бебель спрашивал Энгельса, как могло случиться, что тот не знал в точности, в каком состоянии находилась работа над вторым и третьим томами «Капитала», Энгельс ему отвечал: «Очень просто: если бы я знал это, то не давал бы ему покоя ни днем, ни ночью, пока книга не была бы закончена и напечатана. И это Маркс понимал лучше, чем кто бы то ни было; но он знал и то, что в худшем случае, который сейчас как раз и произошел, рукопись могла быть издана мной в его духе...» (т. 36, стр. 50). Об этом Маркс говорил и своей младшей дочери Элеоноре, добавил Энгельс.

В 1850 г. Маркс в Лондоне возобновляет свои занятия политической экономией, и вскоре в переписке основоположников марксизма экономические вопросы занимают выдающееся место. Уже в начале 1851 г. происходит очень интересный обмен мнениями относительно теории ренты. Маркс приходит к выводу, что теория ренты Рикардо построена на неверных предпосылках. Речь идет о законе убывающего плодородия земли. Маркс замечает, что история опровергает этот закон: прогресс науки и промышленности, прогресс цивилизации ведет к повышению производительности земледелия. «При всем этом, — пишет Маркс, — главной задачей остается согласовать закон ренты с прогрессом производительности земледелия вообще; только таким образом можно будет объяснить исторические факты, а с другой стороны, опровергнуть теорию Мальтуса об

ухудшении не только рабочих рук, но также и земли» (т. 27, стр. 149—150).

Маркс приводит расчет, показывающий, как сумма дифференциальной ренты может возрастать при росте общего плодородия почвы, и просит Энгельса высказаться по этому поводу.

Отвечая на это письмо, Энгельс полностью соглашается с соображениями Маркса. Он пишет, что утверждение Рикардо о неуклонно убывающем по мере роста населения плодородии почвы всегда представлялось ему неубедительным. Рикардо, замечает он, совершенно не принимает в расчет прогресса земледелия и бездоказательно оперирует утверждением, что капитал, последовательно вкладываемый в определенный участок земли, все меньше способствует увеличению дохода. Энгельс напоминает, что еще в своей работе «Наброски к критике политической экономии» он противопоставил теории убывающего плодородия успехи научного земледелия. «Ты внес в это дело полную ясность, — заключает он, — и это еще одна лишняя побудительная причина, чтобы ты поторопился с окончанием и опубликованием труда по политической экономии» (т. 27, стр. 159).

Получив ответ Энгельса, Маркс вновь обращается к нему за советом — уже по другому вопросу экономической теории. На этот раз речь идет о критике так называемого принципа денежного обращения. Исходя из количественной теории денег Рикардо, сторонники этой теории искали причину кризисов в области денежного обращения. Соответственно этой теории был составлен банковский акт Роберта Пиля 1844 г., по которому эмиссия банкнот должна была полностью обеспечиваться золотым запасом Английского банка сверх суммы в 14 млн. ф. ст. Уже кризис 1847 г. заставил, однако, прибегнуть к приостановке действия этого закона, так как установленная им система оказалась недостаточно эластичной.

В письме к Энгельсу от 3 февраля 1851 г. Маркс подробно излагает свои возражения против «принципа денежного обращения» и лежащей в ее основе количественной теории денег. Он приходит к выводу, что и

при чисто металлическом обращении количество металлических денег, его увеличение или сокращение не связано с отливом или притоком благородных металлов, с благоприятным или неблагоприятным торговым балансом и вексельным курсом. Отсюда вытекает, что ход развития кризисов, хотя кредитная система и является одним из их условий, связан с денежным обращением лишь в той мере, в какой ошибочные действия государственной власти могут привести к обострению кризиса, как это произошло в Англии в 1847 г. Маркс разбирает ряд случаев, выясняя взаимозависимость между состоянием денежного обращения, приливом или отливом благородных металлов и торговым балансом.

Энгельс ответил, что, по его мнению, вопрос поставлен совершенно правильно и сильно поможет свести запутанную теорию обращения к простым и ясным основным положениям. Вместе с тем он внес некоторые поправки к конкретным иллюстрациям Маркса (см. т. 27, стр. 163—167, 186—187).

Весной 1851 г. Маркс сообщает, что он рассчитывает недель через пять покончить с работой в библиотеке над экономической литературой, с тем чтобы продолжать разработку политической экономии дома. «В сущности эта наука со времени А. Смита и Д. Рикардо не продвинулась вперед, — замечает он, — хотя в области отдельных исследований, часто чрезвычайно тонких, сделано немало».

Оказалось, что ни через пять недель, ни через пять лет Маркс еще не покончил с подготовкой своего главного исследования. Однако сообщение о близком окончании работы по политической экономии очень обрадовало Энгельса. «Эта история, — пишет он, — действительно чересчур затянулась, а ведь пока у тебя останется непрочитанной хотя бы одна книга, которую ты считаешь важной, ты не возьмешься за перо» (т. 27, стр. 207, 212). В этом же письме Энгельс запрашивает Маркса, как обстоит дело с издателем для предполагаемых двух томов по 60 листов.

В одном из следующих писем Энгельс сообщает Марксу «последнюю новость» — о выходе в свет третьего тома «Социальных писем к фон Кирхману» Род-

бертуса, в котором дается, по словам одной газеты, «полное опровержение учения Рикардо о земельной ренте и изложение новой теории ренты». В шуточной форме Энгельс обращается к Марксу: «Ты полагаешь, что ты открыл правильную теорию земельной ренты? Ты полагаешь, что ты первый опроверг теорию Рикардо? О ты, несчастный! Ты обойден, уничтожен, разбит, раздавлен» (т. 27, стр. 234).

Как видим, Энгельс не проявлял ни малейшей склонности принимать всерьез мысль о «приоритете» Родбертуса перед Марксом. Тогда еще Энгельс не мог предвидеть, что спустя несколько десятилетий враги марксизма организуют кампанию в защиту претензий Родбертуса на такого рода приоритет перед Марксом, якобы заимствовавшим у него главные выводы критики экономической теории Рикардо. Разумеется, кампания эта менее всего была связана с поисками научной истины. Наоборот, она была продиктована бессильной злобой буржуазных апологетов в связи с триумфальным шествием марксистских идей, и Энгельс блестяще разоблачил этот недостойный поход противников марксизма, для которых все средства хороши в борьбе против ненавистного им учения.

В одном из писем Маркс ставит вопрос: как исчисляют фабриканты и торговцы ту часть прибыли, которую они проживают, — берут ли они эти деньги также у банкира? Энгельс ответил, что в деловом мире купец как человек, извлекающий прибыль как фирма и тот же купец как потребитель — это два совершенно различных лица: купец как фирма — это счет прибылей и убытков, а купец как потребитель — это счет расходов по домашнему хозяйству. «Счет капитала заносит счету расходов по хозяйству в дебет каждый сантим, который переключивается из торговой сферы в карман частного лица, и так как счет расходов по хозяйству имеет только «дебет» и не имеет «кредита», являясь, таким образом, одним из самых худших должников фирмы, то в конце года вся сумма дебета на счете расходов по домашнему хозяйству составит чистый убыток и спишется с прибыли» (т. 27, стр. 208, 209).

Создавая политическую экономию рабочего класса, основоположники марксизма придавали особое значение разоблачению экономических теорий Прудона. Маркс в одном из писем подчеркивал, что в работе «К критике политической экономии» разбивается наголову модный во Франции «прудоновский социализм, который хочет сохранить частное производство, но организовать обмен частных продуктов, хочет товара, но не хочет денег. Коммунизму необходимо избавиться прежде всего от этого «лжебрата»» (т. 29, стр. 469). В другом письме он подчеркивал, что в его работе «прудонизм уничтожен в корне...» (т. 29, стр. 375).

Маркс свел теоретические счета с Прудоном еще в написанной в 1846 г. «Нищете философии». Живя в это время в Париже, Энгельс сталкивался с идеями Прудона и его сторонников, участвовавших в социалистических и коммунистических организациях. В ряде писем Марксу, жившему в Брюсселе, а также Брюссельскому коммунистическому корреспондентскому комитету Энгельс дал развернутую критику прудонистских теорий.

В одном из писем он рассказывает, что «Прудон придумал великолепный способ делать деньги из ничего и приблизить для всех рабочих наступление царства божьего на земле». Этот «величественный план спасения мира», продолжает Энгельс, заключается в идее хорошо известных в Англии и неоднократно обанкротившихся «рабочих базаров» — создания большого склада, «где все продукты, доставленные членами ассоциаций, оцениваются точно по издержкам на сырье плюс издержки на труд и оплачиваются другими продуктами членов ассоциации, оцениваемыми таким же способом... Прудон навсегда скомпрометирует себя и французских социалистов и коммунистов перед буржуазными экономистами, — добавляет Энгельс, — если публично выступит с этим планом». В ряде следующих писем Энгельс сообщает о дальнейших обсуждениях «великолепного плана» Прудона, в ходе которых выяснилось, что «эта

новая нелепость является на деле совершенно беспредельной нелепостью» (т. 27, стр. 40—41, 48).

Прудоновская разновидность реакционно-утопического социализма подверглась уничтожающей критике в «Манифесте Коммунистической партии». Однако мелкобуржуазно-анархические конструкции Прудона, отвлекавшие пролетариат от классовой борьбы, и в особенности от борьбы политической, оказались довольно живучими в обстановке еще неразвитого рабочего движения на первых ступенях его самостоятельного существования. Особенной популярностью они продолжали пользоваться на родине Прудона — во Франции. И значительно позднее, уже в эпоху I Интернационала, Марксу и Энгельсу снова приходилось вести непрерывную борьбу с прудонизмом, заражавшим превосходный отряд международного пролетариата — французских рабочих. Отсюда понятно, почему Маркс в течение всего периода работы над своим основным экономическим трудом и в особенности в период подготовки «К критике политической экономии» уделял столько внимания борьбе против теории Прудона и его последователей.

В 1851 г. вышла книга Прудона с широкоизвестным названием «Общая идея революции в XIX веке», и вокруг нее завязывается оживленная переписка между Марксом и Энгельсом. В письме от 31 июля Маркс запрашивает Энгельса, читал ли он эту книгу, а в следующем письме от 8 августа Маркс уже излагает на нескольких страницах содержание книги Прудона и просит Энгельса сообщить, что он думает «об этом рецепте».

В двух письмах Энгельс сообщает свое мнение о конструкциях Прудона. Ему представляется, что Прудон делает успехи: «Фазы, через которые проходит его бессмыслица, принимают, во всяком случае, более сносный вид...». Энгельс делает оговорку, что для суждения о теоретических построениях Прудона в целом ему нужно было бы иметь под рукой саму книгу, а пока он может высказать лишь свое мнение о рецептах Прудона с точки зрения их осуществимости. Он подробно показывает, к чему практически могли бы привести меры,

рекомендуемые Прудонем (см. т. 27, стр. 264, 273, 275—279).

Маркс посылает Энгельсу книгу Прудона и просит его подробнее сообщить свое мнение о ней. Указывая, что в целом прудонизм представляет собой в первую очередь полемику против коммунизма, сколько бы он у коммунизма ни крал, Маркс пишет, что он собирается дать для печати два-три листа о книге Прудона, и излагает ряд соображений о ней. Читая книгу Прудона, Энгельс приходит к выводу, что оценка, данная ей Марксом, совершенно правильна (см. т. 27, стр. 279, 283).

Книга Прудона еще раз подтверждает, что он, возвращаясь к Сен-Симону, считает промышленный класс, буржуазию и пролетариат, по существу идентичными и полагает, что антагонизм между ними существует лишь вследствие незавершенности революции. «Все вместе, — продолжает Энгельс, — кажется мне последней попыткой теоретически спасти буржуазию; наши положения о материальном производстве как решающей исторической первопричине, о классовой борьбе и т. д. в значительной части приняты им, хотя в большинстве случаев и в искаженном виде, и на этом построена попытка — при помощи псевдогегельянского трюка — создать видимость включения пролетариата обратно в буржуазию».

Отмечая, что в полемике Прудона против Луи Блана, Робеспьера, Руссо кое-где попадаются недурные места, Энгельс считает, что в общем нет ничего более претенциозно-плоского, чем его критика политики с анархистских позиций. «И что это за великая идея, — пишет он, — будто «власть» и «свобода» — несовместимые противоположности и будто ни одна форма правления не дает ему достаточного морального основания для того, чтобы он должен был ей подчиняться! Черт возьми, зачем же тогда нужна власть?» (т. 27, стр. 284). Прочтя вторую часть книги Прудона, Энгельс пришел к выводу, что она еще хуже первой, и о ней совершенно не стоит говорить серьезно.

В течение короткого времени Энгельс написал подробный критический разбор книги Прудона. Ознаком-

мившись с работой Энгельса, Маркс написал ему: «Если бы я еще добавил туда свою горчицу, она могла бы появиться под нашим общим именем...» Характерен ответ Энгельса: «Что касается моих комментариев к Прудону, то они слишком незначительны, чтобы с ними можно было бы что-либо сделать». Напоминая, что при подготовке работы «Святое семейство» он написал лишь два-три листа, а Маркс сделал из этого книгу в двадцать листов, Энгельс замечает: «Ведь ты опять написал бы так много, что моя доля, и без того не заслуживающая внимания, была бы совершенно сведена на нет твоей тяжелой артиллерией. А вообще-то я не имел бы ничего против», — добавляет Энгельс, оговаривая, однако, что «гораздо важнее и неотложнее» подготовка основного экономического труда Маркса (т. 27, стр. 333, 336—337).

План Маркса относительно публикации критической работы о книге Прудона не был осуществлен. В декабре 1851 г. Маркс предложил своему другу И. Вейдемейеру, который в Нью-Йорке организовал журнал «Революция» на немецком языке, поместить объявление, что в следующих номерах будет печататься работа «Новейшие открытия социализма, или «Общая идея революции в XIX веке» П. Ж. Прудона. Критика Карла Маркса» (см. т. 27, стр. 519). Однако после выхода первых двух номеров в начале 1852 г. журнал из-за отсутствия средств прекратил свое существование, и объявленная работа не была написана.

Составленный Энгельсом критический разбор книги Прудона увидел свет лишь спустя почти столетие после его написания¹. Работа Энгельса представляет собой конспект разбираемой книги, где выписки из книги и изложение ее основных положений перемежаются многочисленными замечаниями, иногда довольно обширными. В этих замечаниях раскрывается несостоятельность метафизических, идеалистических представлений Прудона, мелкобуржуазный характер его экономических и политических воззрений, их утопизм и беспочвенность. Энгельс показывает, что по мно-

¹ См. Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 5—39.

гим вопросам Прудон повторяет утверждения Штирнера, выступившего еще раньше с анархистскими бреднями.

Разбирая выдвинутый Прудоном «принцип ассоциации», Энгельс разъясняет, что то, что Прудон именует «экономическими силами», представляет собой на самом деле формы буржуазного способа производства и обращения в том виде, в каком они пригодны ему как мелкому лавочнику, и пока они имеют в его глазах либо одну лишь хорошую сторону или при наличии и плохой стороны по крайней мере достаточно ярко выраженную хорошую. Прудон даже самые общие формы производства и обращения воспринимает лишь в их буржуазном обличье; так обмен у него растворяется в торговле.

Попытке Прудона представить формы капиталистического способа производства в виде каких-то надысторических «экономических сил» Энгельс противопоставляет исторический подход к рассмотрению экономических категорий. «Без общества... — пишет он, — не бывает человеческих отношений, не бывает и обращения. Обмен, разделение труда, конкуренция, кредит суть проявления коллективной силы. Во всякое отношение вступают по меньшей мере двое, а там, где двое прилагают к чему-нибудь совместные усилия и где один ничего не может сделать, — там налицо коллективная сила. Достойно смеха, однако, когда все формы, в которых члены общества участвуют в производстве и обращении, нам сначала изображают как силы, а потом нам же, в качестве особой экономической силы, пытаются в конечном счете навязать и само существование общества, и общественное производство, и общественное обращение»¹.

Энгельс при этом замечает, что Прудон носит с примитивной, грубой коллективной силой, такой, как массовый труд при постройке пирамид, обелисков и т. д., которая уже давно вытеснена применением сил животных, машинами, разделением труда и заменена совершенно другими формами.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 14.

Критический анализ прудоновского «принципа ассоциации» приводит Энгельса к выводу, что корень ошибки Прудона заключается в рассмотрении ассоциации, как таковой, в абстрактном виде независимо от конкретных общественных условий. Никакая экономическая сила, указывает Энгельс, не поможет там, где отсутствуют соответствующие условия. Каждая экономическая сила, взятая абстрактно, представляет собой такую же догму, как и ассоциация, — все определяется общественными условиями. Но как раз для исследования этих отношений Прудон не сделал ничего.

«Он принял за норму мелкую парижскую промышленность, вместо того чтобы в развитии крупной промышленности, машинного производства, разделения труда — в том виде как они развиты в Англии — и в растущей в связи с этим централизации капитала разглядеть потребность в ассоциации, а также понять, что для удовлетворения этой потребности нужны совершенно иные формы объединения и централизации сил, чем те, которые свойственны парижским ассоциациям по выделке бильбоке и прудоновским рабочим товариществам»¹.

3

В октябре 1851 г. Маркс вновь сообщает Энгельсу, что он занят разработкой политической экономии. В связи с этим он спрашивает, что слышно о торговом кризисе. В лондонском «Экономисте», пишет Маркс, печатаются утешения, торжественные заверения и обращения, которые обычно предшествуют кризисам, причем журнал не может скрыть своего страха перед кризисом, хотя он старается своей болтовней рассеять этот страх у других.

Энгельс отвечает на вопрос о кризисе обстоятельным разбором состояния дел. Указывая, что еще нельзя сказать, как будет развиваться кризис, Энгельс подробно анализирует состояние рынков в Англии и на континенте, рассматривает движение цен, характеризует

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 17.

депрессию и банкротства в Америке, в Лондоне и Ливерпуле, спекуляции на биржах (см. т. 27, стр. 321, 324).

В связи с сообщением Маркса о перспективах издания его труда Энгельс в одном из писем советует ему принять предложение издателя — начать с истории политической экономии и при этом обязать его выпустить не один, а два тома. Тогда положительное изложение теории Маркса было бы дано в конце, что связано с известными трудностями, но зато имеются и свои преимущества: читатель будет с возрастающим интересом ждать выводов из всего сочинения. Рекомендуя Марксу незамедлительно заключить договор с издателем, Энгельс пишет: «...Непременно нужно, чтобы было снято то заклятие, которое оказалось наложенным на тебя благодаря твоему продолжительному отсутствию на немецком книжном рынке, а затем вследствие трусости издателей. Пусть только появятся один или два тома твоих научных, содержательных, основательных и вместе с тем интересных произведений, тогда положение совершенно изменится...» (т. 27, стр. 335—336).

Маркс с полным правом называл свою работу «К критике политической экономии», явившуюся первым выпуском его главного труда — «Капитала», результатом пятнадцатилетних исследований (см. т. 29, стр. 462). Действительно, между началом занятий Маркса экономическими вопросами в 1843 г. и написанием «К критике политической экономии» в 1858 г. прошло пятнадцать лет. Однако в предисловии к своей работе Маркс говорит о перерывах в своих занятиях политической экономией. Первый из двух перерывов был связан с революцией 1848—1849 гг. Но и после переселения в Лондон в 1850 г., по свидетельству Маркса, оказались неизбежными «чрезвычайно частые перерывы» в его научных занятиях, обусловленные прежде всего настоятельной необходимостью работы ради заработка. Этой работой было длительное сотрудничество в прогрессивной в то время американской газете «Нью-Йорк дейли трибюн», в которой Маркс регулярно помещал статьи о выдающихся экономических событиях в Англии и на континенте. Сотрудничество это началось в 1851 г. и продолжалось до 1862 г.

Не только необходимость откликаться на текущие события в американской газете отвлекала внимание Маркса от его основного исследования. Реакция торжествовала временную победу на всем Европейском континенте. Члены Союза коммунистов подвергались преследованиям, причем слуги реакции шли на самые подлые провокации. В эмиграции представители «вульгарной демократии», как их называли Маркс и Энгельс, заполняли свой вынужденный досуг склоками и интригами. Оставаясь в стороне от этой неприглядной возни, Маркс, однако, вынужден тратить немало времени и сил на борьбу против происков реакции, на разоблачение ее агентов, проникавших в ряды демократической эмиграции, на отпор полицейским и судебским провокациям. В то же время он живо откликается на политические события, в частности на государственный переворот Луи Бонапарта, пишет много статей, памфлетов и т. д.

Нужда угнетала Маркса и выматывала все силы. Лишения подкосили здоровье Маркса, и его все чаще мучили приступы болезни печени. Нужны были подлинный героизм и величайшее напряжение, чтобы идти к поставленной цели, преодолевая все препятствия. На протяжении всего этого периода Маркс ощущал дружескую поддержку Энгельса, его неослабную заботу. Энгельс не только помогал Марксу материально и поддерживал в нем бодрость духа — он помогал ему в составлении статей для американской газеты и других органов печати, а некоторые из статей писал сам.

Сотрудничество в периодической печати, с одной стороны, отнимало у Маркса время, которое он мог бы посвятить экономическим исследованиям. Но с другой стороны, освещение важнейших экономических событий требовало тщательного изучения конкретного материала, которое обогащало и углубляло теоретические выводы. Энгельс на протяжении 50-х годов оказывал Марксу постоянную помощь в сборе и обработке фактического материала как для текущих статей, так и для основного исследования.

Какое значение имела эта помощь Энгельса, видно из следующего примера. К числу наиболее блестящих

и глубоких работ Маркса, опубликованных в нью-йоркской газете, принадлежит статья «Британское владычество в Индии» (см. т. 9, стр. 130—136). Написанию этой статьи предшествовал обмен мнениями между Марксом и Энгельсом по коренному затронутому в ней вопросу — о характере земельных отношений на Востоке.

Прочтя книгу Франсуа Бернье «Путешествия, содержащие описание государства Великого Могола и т. д.», Маркс в письме к Энгельсу высказал мысль о том, что автор этой работы правильно видит основу своеобразия исторического развития стран Востока, в том числе Индии, в отсутствии частной собственности на землю. «Вот настоящий ключ даже к восточному небу», — писал Маркс (т. 28, стр. 215).

Энгельс ответил Марксу обстоятельным письмом, в котором, выражая согласие с положением о значении отсутствия частной собственности на землю, конкретизирует роль этого фактора в истории Востока. Он ставит вопрос, почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности? Объяснение этой черты исторического развития восточных народов он видит в особенностях климата и характера почвы, из-за которых первым условием земледелия здесь является искусственное орошение, а оно составляет дело либо общин, либо провинций, либо центрального правительства.

Правительства на Востоке, продолжает Энгельс, всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих) и общественных работ (забота о воспроизводстве). Британские власти в Индии организовали первые два ведомства, забросив третье, из-за чего индийское земледелие гибнет (см. т. 28, стр. 221). Этот ход мыслей Маркс подробно развил в своей статье.

В 1856 г. Маркс снова вплотную приступил к работе над своим главным произведением. Предвидя приближение экономического кризиса и новых решительных классовых битв, Маркс стремится закончить свой труд до того момента, когда начнется революция и будет уже не до писания теоретических работ.

С приближением экономического кризиса Энгельс, как и Маркс, связывал надежды на новый подъем революционного рабочего движения. В апреле 1856 г. Энгельс в письме к Марксу дает обзор спекулятивной горячки, разыгравшейся на Европейском континенте, анализирует ее воздействие на экономическое положение Англии. Указывая, что в Германии спекулятивная горячка расцвела, как никогда раньше, Энгельс предсказывает, что на этот раз крах будет неслыханным, ибо все элементы налицо: интенсивность, распространение, вовлечение всех имущих и господствующих социальных слоев. И он приходит к выводу, что «в этом громадном подъеме континентальной промышленности заложено самое жизнеспособное зерно английской революции» (т. 29, стр. 33). Показательно, что на это письмо обратил большое внимание Ленин. В своем конспекте переписки Маркса и Энгельса он резюмирует мысль Энгельса словами: «Растет кризис (1856) — в нем «зерно английской революции»»¹.

В ответ на это письмо Маркс выражает согласие с данной Энгельсом оценкой перспектив экономического и политического развития и, обращаясь к предстоящим событиям, замечает: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно» (т. 29, стр. 37).

Это чрезвычайно важное высказывание Маркса было предано забвению оппортунистами II Интернационала. В своем конспекте Ленин выписал это замечание, подчеркнув, что здесь речь идет о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством². В своих работах и выступлениях Ленин всесторонне раскрыл глубокое содержание этой мысли Маркса.

Осенью 1856 г. Маркс писал: «Я не думаю, чтобы большой денежный кризис разразился позже зимы 1857 года». На этот раз дело приняло, добавляет он, «такие общеевропейские размеры, как никогда раньше, и я не думаю, чтобы мы еще долго оставались здесь

¹ В. И. Ленин. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М., 1959, стр. 19.

² См. там же, стр. 20.

зрителями» (т. 29, стр. 58—59). С тех пор тема кризиса не сходит со страниц переписки. Особенно подробно она освещается в последние месяцы 1857 г. 20 октября Маркс пишет Энгельсу о том, как разразившийся в Нью-Йорке кризис отразился на положении дел в промышленности Франции, и спрашивает его, как обстоит дело с манчестерскими фабрикантами. «Американский крах великолепен и далеко еще не миновал», — отвечает ему Энгельс (т. 29, стр. 159, 165).

В переписке этого периода дается подробный анализ хода развития экономического кризиса, освещаются его особенности в главных странах, оцениваются его перспективы и последствия. Эти письма представляют собой небольшие экономические очерки, показывающие, как на основе обобщения конкретно-исторического материала разрабатывалась единственно научная, марксистская теория кризисов.

Наступление кризиса побудило Маркса ускорить подготовку своего экономического исследования. «Хотя сам я испытываю финансовую нужду, однако, с 1849 г. я не чувствовал себя так уютно, как при этом крахе», — говорится в одном из его писем. В свою очередь Энгельс, нарисовав подробную картину экономического кризиса, развернувшегося к тому времени по обеим сторонам Атлантики, писал своему другу:

«Очень хорошо, что ты собираешь материал об этом кризисе... Буду также по возможности чаще сообщать тебе обо всем, что узнаю, чтобы у нас был хороший запас фактов.

Со мной, кстати, то же, что и с тобой. С тех пор как в Нью-Йорке спекуляция потерпела крах, я больше не мог найти себе покоя на Джерси и при этом всеобщем крахе чувствую себя необычайно бодро... Кризис будет так же полезен моему организму, как морские купанья, я это уже сейчас чувствую» (т. 29, стр. 167, 171—172).

В этом письме Энгельс подробно анализировал своеобразие кризиса. Спекуляция акциями во Франции и Германии уже почти в течение года находилась в предкризисном состоянии, прежде чем произошел резкий спад спекулятивной горячки в ее главном центре — на

нью-йоркской бирже, благодаря чему повсюду наступил решающий момент. Помимо акций спекуляция охватила все сырье, колониальные товары и, следовательно, промышленные товары, вздорожавшие из-за повышения цен сырья. Падение спроса на товары привело к банкротству многих фирм. «Здесь три четверти фабрикантов-прядильщиков работает на запас и только самое большее одна четверть имеет еще кое-какие действующие контракты. Неполная рабочая неделя введена почти повсюду» (т. 29, стр. 169).

Распространение и длительность кризиса обеспечены, считал Энгельс. Вместе с тем он исходил из того, что весной возможна и даже вероятна перемена на короткий срок, когда «снова можно будет вести дела, так что торговый механизм будет продолжать действовать и не покроется ржавчиной». Было бы желательно лишь, добавляет он, чтобы эта перемена в сторону хронического кризиса наступила раньше, чем последует второй и решающий главный удар. «Необходимо хроническое давление в течение некоторого времени, чтобы подогреть массы населения. Тогда пролетариат нанесет удар лучше, с большим знанием дела и более согласованно...» (т. 29, стр. 171).

В ответ на это письмо Маркс изложил ряд своих соображений по поводу кризиса. 7 декабря 1857 г. Энгельс исправляет небольшое недоразумение относительно учета векселей, содержавшееся в письме Маркса, и сообщает ряд новых данных о развитии кризиса. В ряде следующих писем Энгельс подробно освещает развертывание экономического кризиса, ставя чрезвычайно важные в теоретическом отношении проблемы (см. т. 29, стр. 179—180, 186—191, 199—201).

Конкретно-исторический материал, относящийся к кризису 1857 г., занимает очень важное место в тех разделах «Капитала», где освещаются основные моменты теории кризисов. Живя в Манчестере и общаясь с широким кругом фабрикантов и коммерсантов этого крупного промышленного центра, Энгельс имел возможность наблюдать ход кризиса, так сказать, изнутри. Своими непосредственными наблюдениями, а также вытекающими из них обобщениями он делился с Мар-

ксом. Особая острота кризиса, по мнению Энгельса, была обусловлена его всеобщим характером: перепроизводство охватило не только промышленность, но и сельское хозяйство, и притом не только в умеренном поясе, но и в тропической зоне. Формой, за которой скрывается перепроизводство, всегда является большее или меньшее расширение кредита, и в данном случае это расширение кредита проявилось в практике дутых векселей. В результате дельцы расширяли свои операции сверх своих возможностей.

Энгельс считал кризис 1857 г. классическим для изучения возникновения перепроизводства в результате расширения кредита. «По существу здесь нет ничего нового, — писал он, — но нова та удивительно ясная форма, в которой все это теперь совершается. В 1847 г. и в 1837—1842 гг. это было далеко не так ясно» (т. 29, стр. 188).

Энгельс выразительно рисует картину кризиса, в котором Манчестер увязает все глубже. Угнетенное состояние рынка таково, что никто не может ничего продать. Цены падают с каждым днем, у кого еще сохранилось в какой-то мере чувство собственного достоинства, тот вовсе не предлагает своего товара. Мелкие предприятия лопаются, и близится очередь крупных (см. т. 29, стр. 189—190).

После того как в развитии кризиса наступило некоторое временное затишье, Энгельс признается, что во время острого кризиса он был абсолютно не способен думать о чем-либо другом, кроме всеобщего краха. Он отмечает наличие громадной массы избыточного капитала на рынке, считая это новым доказательством того, насколько выросли размеры потрясения по сравнению с 1847 г. «Меня ничуть не удивило бы, — пишет он, — если бы этот избыток свободного капитала вызвал новый приступ спекуляции акциями еще раньше, чем разовьются дальнейшие фазы кризиса» (т. 29, стр. 205. 206).

В конце 1857 г. Маркс сообщает Энгельсу, что он работает ночи напролет над подытоживанием своих экономических исследований, «чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах». Однако,

спеша выпустить работу, Маркс ни в малейшей степени не поступает своей научной добросовестностью и тщательностью. Прежде чем написать текст для опубликования, он пишет обширные монографии, как он выражается, «для уяснения вопросов самому себе». В 1857—1858 гг. он исписал такими монографиями ряд тетрадей общим объемом более полусотни печатных листов. «Выработка основных положений политической экономии» — так определяет свою работу Маркс в одном из писем к Энгельсу (т. 29, стр. 185, 192).

В рукописи 1857—1858 гг. рассматриваются многие проблемы «Капитала», притом не только первого тома, но и последующих двух томов: товар, деньги, их происхождение и функции, превращение денег в капитал, сущность прибавочной стоимости, две формы прибавочной стоимости, накопление капитала, обращение капитала, превращение прибавочной стоимости в прибыль и стоимости в цену производства, проблемы кредита, процент, падение нормы прибыли и т. д.

С начала 1858 г. Маркс приступил к «окончательной обработке» громадного материала. Как видно из писем, в частности из письма Лассалю от 22 февраля, Маркс в это время приходит к мысли об издании своего труда в виде отдельных выпусков. Первым выпуском и явилась книга «К критике политической экономии».

В январе 1858 г. Маркс сообщает Энгельсу, что он в своей экономической работе подошел к вопросу, по которому хотел бы получить от него практическое указание, так как в теоретических сочинениях об этом ничего нельзя найти. Речь шла об обороте капитала — его различии в разного рода предприятиях, его влиянии на цену и прибыль. В одном из следующих писем Маркс ставит связанный с этим вопрос о сроках обновления машинного оборудования. Энгельс в письме от 4 марта приводит соответствующие расчеты и разбирает ошибочные представления на сей счет английского экономиста Баббеджа. В ответном письме Маркс благодарит за разъяснения насчет машин и в свою очередь излагает ряд соображений о значении обновления машинного оборудования для циклического движения капиталистической промышленности (см. т. 29, стр. 238—241).

В апреле 1858 г. Маркс в обстоятельном письме излагает Энгельсу план своего сочинения, которое он тогда предполагал разделить на шесть книг. Первая из этих книг, озаглавленная «О капитале», должна была иметь четыре отдела. Первый отдел — «Капитал вообще» — и должен был составлять предмет первого выпуска, содержание которого Маркс подробно обрисовал в письме. В ответном письме Энгельс сообщил, что он основательно изучил схему Маркса, особо отметив, что в ней хорошо намечено историческое развитие денег. «Это распределение всего материала на шесть книг, — писал он, — как нельзя более удачно и мне чрезвычайно нравится...» (т. 29, стр. 260).

В мае 1858 г. Маркс посетил Энгельса в Манчестере, Они, несомненно, обсуждали вопросы, связанные с экономическими исследованиями Маркса.

В ходе дальнейшей работы Марксу пришлось еще больше сузить содержание первого выпуска. Сообщая Энгельсу в январе 1859 г. о предстоящей отсылке рукописи книги издателю, Маркс писал, что хотя заглавие ее гласит «Капитал вообще», но в ней нет еще ничего о капитале, так как она содержит лишь две главы: о товаре и о деньгах (см. т. 29, стр. 313).

Книга Маркса «К критике политической экономии» вышла из печати в январе 1859 г.

4

После выхода «К критике политической экономии» Энгельс в июне 1859 г. поместил в выходявшей в то время в Лондоне немецкой демократической газете «Народ» обстоятельную рецензию. Появление рецензии было особенно важно в связи с тем, что не только буржуазная печать встретила работу Маркса заговором молчания, но даже некоторые единомышленники не оценили ее значения. Так, в одном из писем Маркс сообщает Энгельсу, что Вильгельм Либкнехт заявил издателю газеты «Народ» Бискампу, что «никогда еще ни одна книга так не разочаровывала его», а сам Бискамп сказал Марксу, что не понимает, «к чему все это» (т. 29, стр. 376).

Такое непонимание не было случайностью. Практические деятели рабочего движения и в дальнейшем нередко недооценивали роль революционной теории в борьбе за социализм. Основоположникам марксизма приходилось терпеливо разъяснять, что без революционной теории не может быть революционного движения.

После выхода «К критике политической экономии» Энгельс считал необходимым на примере этой работы раскрыть значение революционной теории. Это было тем более необходимо, что в то время Маркс решил публиковать результаты своих исследований отдельными выпусками, причем первый выпуск его труда был посвящен анализу товара и денег. Связь между этими теоретическими разделами экономической науки и классовыми интересами пролетариата не сразу доходила до сознания читателей. Но первый выпуск главного труда Маркса заключал в себе не только главы о товаре и деньгах: в предисловии «К критике политической экономии» содержалось чеканное изложение материалистического понимания истории, и выяснить значение этой «алгебры революции» Энгельс считал особенно неотложным делом. Этой задаче посвящена первая часть рецензии.

В своей рецензии Энгельс писал, что все содержание теории пролетарской партии возникло на основе изучения политической экономии (см. т. 13, стр. 490). В этой оценке было раскрыто огромное значение экономической теории для научного обоснования социализма, ее выдающаяся роль в общей системе марксистского мировоззрения — социалистической идеологии, представляющей собой могучее оружие рабочего класса в его освободительной борьбе.

Энгельс подчеркивал, что экономическое учение марксизма базируется в сущности на материалистическом понимании истории. Указывая, что все науки являются историческими, если они не принадлежат к наукам о природе, Энгельс писал, что не для одной только политической экономии, а для всех исторических наук явилось революционизирующим открытием положение о том, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и

духовный процессы жизни вообще». Из тезиса Маркса: «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» вытекают, как указывал Энгельс, в высшей степени революционные выводы не только для теории, но и для практики, ибо при дальнейшем развитии этого материалистического тезиса и при его применении к современности сразу открывалась «перспектива великой, величайшей революции всех времен» (т. 13, стр. 491).

Хотя это положение на первый взгляд представляется простым, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что оно наносит смертельный удар по всякому идеализму, отрицая все привычные представления о ходе истории. Поэтому оно встречает ожесточенное сопротивление не только со стороны буржуазии, но и со стороны представителей социалистических систем, рассчитывающих перевернуть мир при помощи магической формулы: свобода, равенство и братство.

«Развитие материалистического понимания хотя бы на одном единственном историческом примере, — продолжал Энгельс, — представляло собой научную работу, требовавшую многолетних спокойных занятий, ибо ясно, что одними фразами тут ничего не сделаешь, что только при помощи большого, критически проверенного, в совершенстве усвоенного исторического материала можно разрешить такую задачу» (т. 13, стр. 492). Огромное преимущество немецкой пролетарской партии, по словам Энгельса, состояло в том, что она имела в качестве теоретической основы новое научное мировоззрение, разработкой которого она занялась в то время, как «вульгарная демократия» проводила время в бесконечных склоках и потасовках.

Во второй части рецензии Энгельс дал характеристику метода, примененного Марксом в критике буржуазной политической экономии. Применение исторического материализма к политической экономии привело к новому пониманию предмета этой науки. Уже анализ товара при помощи метода материалистической диалектики вскрывает, по словам Энгельса, своеобразный факт, который проходит через всю политическую экономию и порождает ужасную путаницу в головах

буржуазных экономистов. Этот факт заключается в том, что «политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда *связаны с вещами и проявляются как вещи*» (т. 13, стр. 498). В отдельных случаях некоторые экономисты смутно догадывались об этой связи, но во всем ее значении для всей политической экономии она была раскрыта Марксом.

В своей рецензии Энгельс осветил чрезвычайно важный методологический принцип марксистской политической экономии — принцип историзма. Он писал, что даже на основании выработанного Марксом метода материалистической диалектики критику политической экономии можно было проводить двояким образом — исторически или логически. В истории, как и в литературном отражении, развитие в общем и целом идет от простейших к более сложным отношениям. Поэтому историческое развитие политико-экономической литературы давало естественную руководящую нить, которой можно было придерживаться в ее критике. При этом экономические категории в общем и целом появлялись бы в той же последовательности, как и в логическом развитии. Отмечая, что эта форма на первый взгляд имеет преимущество большей ясности, так как тут прослеживается действительное развитие, Энгельс указывает, что на самом деле она была бы в лучшем случае лишь более популярной. И далее он разъясняет, в чем дело:

«История часто идет скачками и зигзагами, и если бы обязательно было следовать за ней повсюду, то пришлось бы не только поднять много материала незначительной важности, но и часто прерывать ход мыслей. К тому же нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, а это сделало бы работу бесконечной, так как отсутствует всякая подготовительная работа. Таким образом, единственно подходящим был логический метод исследования. Но этот метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайно-

стей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» (т. 13, стр. 497).

Третью часть рецензии Энгельс имел в виду посвятить анализу экономического содержания книги, т. е. созданной Марксом теории товара и денег. Но рецензия оставалась незаконченной: третья часть ее не появилась в печати.

5

После выхода «К критике политической экономии», содержащей две главы — о товаре и деньгах, Маркс продолжал работу над третьей главой — о капитале; она должна была составить содержание следующего выпуска. Впоследствии Энгельс, объясняя довольно длительный перерыв между появлением «К критике политической экономии» и выходом «Капитала», писал, что «продолжение заставило себя ждать потому, что автор тем временем открыл так много новых материалов, что счел необходимым их дополнительное изучение» (т. 16, стр. 381).

В октябре 1859 — январе 1860 г. Маркс возобновил занятия в Британском музее. Он перечитывает «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса, а также главные произведения Смита и Рикардо, тщательно изучает отчеты фабричных инспекторов за 1855—1859 гг. Однако ряд текущих политических схваток, поездки в Манчестер и на континент прерывают эту работу на полтора года.

Энгельс испытывал большое беспокойство в связи с задержками, мешавшими Марксу продолжать работу над экономическим исследованием. В конце января

1860 г. Маркс высказал мнение о вероятности новой войны и в то же время сообщил о выходе инсинуаций бонапартистского агента Фогта. В ответном письме Энгельс, опасаясь, что борьба против Фогта помешает продолжению работы Маркса над вторым выпуском его труда, убеждает Маркса не делать перерыва в этой работе. Указывая, что он разделяет мнение своего друга относительно вероятности новых бурных событий, Энгельс делает отсюда вывод, что именно поэтому «нам нужно выступать с научными произведениями». Выступать открыто в Германии невозможно, пишет он. Что же в таком случае остается? Либо набрать в рот воды, либо действовать лишь в среде эмиграции, оторванной от Германии, либо же продолжать то, чему положено начало изданием «К критике политической экономии».

Энгельс решительно высказывается за последнее. «Сейчас я это считаю самым главным...», — пишет он и подчеркивает: «Самое важное, разумеется, это — выход в ближайшее время твоего второго выпуска, и я надеюсь, что фогтовская история не помешает твоей дальнейшей работе над ним». И Энгельс обращается к Марксу с советом: «Отнесись, наконец, хоть раз несколько менее добросовестно к своей собственной работе... Главное, чтобы вещь была написана и вышла в свет... А то наступят бурные времена, и каково тебе будет, если всю работу придется прервать раньше, чем ты завершишь «капитал вообще»? Я хорошо знаю и все другие трудности, которые мешают тебе; но я хорошо также знаю, что главной причиной задержки является всегда твоя собственная скрупулезность. В конце концов все же лучше, чтобы вещь появилась, чем если бы она совсем не вышла из-за такого рода сомнений» (т. 30, стр. 11).

Опасения Энгельса оказались вполне основательными. Следующие письма Маркса не оставляли сомнений в том, что он разрабатывает подробный план борьбы с Фогтом. Впрочем, еще в начале февраля 1860 г. он считал, что если вплотную возьмется за «Капитал», то «через шесть недель он будет готов...» (т. 30, стр. 18), но этот расчет не оправдался. Ряд месяцев

ушел на подготовку и издание памфлета «Господин Фогт», который вышел лишь в конце года.

Борьбе против бонапартизма, пытавшегося прикрыться псевдолиберальной фразеологией, основоположники марксизма придавали большое значение. Карл Фогт, защищая политику Наполеона III, осыпал Маркса заведомо ложными обвинениями. В своем памфлете Маркс разоблачил Фогта и его компанию из приверженцев бонапартистского режима и на основании бесспорных данных установил, что эти люди подкуплены Наполеоном III. После крушения Второй империи это подтвердилось документально: имя Фогта фигурировало в найденном в 1870 г. в Тюильри и опубликованном сентябрьским правительством списке бонапартистских наемных агентов.

Лишь в мае 1861 г. Маркс вновь возвращается к работе над экономической рукописью, начиная с анализа процесса превращения денег в капитал. 27 мая он сообщает Энгельсу, что «основательно засел за работу», имея в виду «историю с политической экономией» (т. 30, стр. 199). Работая крайне интенсивно, сокращая до минимума время сна, Маркс в относительно короткий срок (с августа 1861 по июнь 1863 г.) заполняет своим чрезвычайно мелким почерком 23 тетради общим объемом около 200 печатных листов. Энгельс ознакомился с содержанием этой рукописи уже после смерти Маркса, когда он стал разбирать его рукописное наследство, чтобы приступить к подготовке последних двух томов «Капитала».

В предисловии ко второму тому «Капитала» Энгельс дал общий обзор рукописи 1861—1863 гг. Он пишет, что эта рукопись на страницах 1—220 (тетради I—V) и страницах 1159—1472 (тетради XIX—XXIII) трактует темы, исследованные в первом томе «Капитала», начиная с превращения денег в капитал и до конца. Эта часть рукописи представляет собой первый вариант первого тома «Капитала». На страницах 973—1158 (тетради XVI—XVIII) рассматриваются вопросы о капитале и прибыли, о норме прибыли, о торговом капитале и денежном капитале. Здесь разбираются, таким образом, темы, впоследствии составившие содер-

жание третьего тома «Капитала». Напротив, темы, вошедшие во второй том, а также многие темы, позже нашедшие рассмотрение в третьем томе, еще не получили здесь разработки. Эти темы затрагиваются в отделе, составляющем главную часть рукописи 1861—1863 гг. Эта часть, охватывающая страницы 220—972 (тетради VI—XV), озаглавлена «Теории прибавочной стоимости» (см. т. 24, стр. 4). Начатый в качестве историко-критического дополнения к третьей главе о капитале (по аналогии с соответствующими экскурсами в первой и второй главах «К критике политической экономии»), этот очерк вырос в обширное исследование, написанное в исключительно короткий срок. Наконец, последние три тетради посвящены главным образом вопросам накопления капитала, средней нормы прибыли и т. д.

Уже в процессе работы над рукописью 1861—1863 гг. Маркс пришел к заключению, что для печати вся работа должна быть значительно перестроена. Сложившийся к тому времени план построения «Капитала» требовал серьезной переработки материала, расположения его в ином порядке.

Взросший объем работы, с одной стороны, и задержка в сроке — с другой, ставят перед Марксом вопрос об издании всего сочинения не как продолжения «К критике политической экономии», а в виде самостоятельной работы. В письме к Кугельману от 28 декабря 1862 г. Маркс указывает, что его книга будет называться «Капитал», имея своим подзаголовком «К критике политической экономии» (см. т. 30, стр. 527).

В период работы над рукописью (1861—1863 гг.) Маркс много раз обращался к Энгельсу за советом по важным и сложным экономическим вопросам и всегда получал обстоятельные ответы.

В марте 1862 г. Маркс просит Энгельса перечислить все категории рабочих, занятых на манчестерской фабрике той фирмы, в которой работал Энгельс, с указанием количественных соотношений между ними. Он поясняет, что ему нужен пример, показывающий, что на фабрике не существует деления труда в том виде, в каком оно является основой мануфактуры и описано

А. Смитом (см. т. 30, стр. 183). В конце марта Маркс поехал к Энгельсу в Манчестер и, видимо, там получил необходимые данные. В первом томе «Капитала» Маркс анализирует особенности разделения труда в машинном производстве в отличие от мануфактурного разделения труда (см. т. 23, стр. 431—432).

В июне 1862 г. Маркс сообщает Энгельсу, что он усиленно продвигается вперед и предполагает значительно расширить объем своей работы. «Заодно я наконец-то разделался также с поганой земельной рентой... — пишет он. — У меня уже давно были сомнения относительно полной правильности теории Рикардо, а теперь я, наконец, вскрыл обман. С тех пор как мы не виделись, сделал также еще несколько интересных и неожиданно новых открытий, которые войдут уже в этот том» (т. 30, стр. 204).

Через некоторое время Маркс возвращается к этому вопросу подробнее. В письме Энгельсу от 2 августа 1862 г. он намечает отправные пункты критики рикардовской теории ренты. Исходя из открытого им деления капитала на постоянный и переменный, Маркс разбирает влияние различий в органическом строении капитала на высоту нормы прибыли при одинаковой степени эксплуатации. Он дает таблицу уравнивания нормы прибыли и критикует Рикардо за то, что тот перенял у Смита смешение стоимости и цен производства. Далее Маркс раскрывает источник абсолютной ренты в том, что земельный собственник присваивает себе разницу между стоимостью и ценой издержек.

Остается еще дифференциальная рента, замечает он далее, «теорию которой я развиваю таким образом, что рикардовская предпосылка о непрерывном ухудшении земледелия становится в высшей степени смешной и произвольной» (т. 30, стр. 219). Дифференциальная рента в собственном смысле не представляет собой теоретически никаких затруднений, указывает Маркс. Она не что иное, как добавочная прибыль, которая существует в любой отрасли, но только особенно прочно закрепляется в земледелии, ибо покоится там на такой сравнительно прочной базе, как различная степень естественного плодородия отдельных участков земли.

Энгельс из-за болезни не мог сразу ответить, и Маркс в следующем письме сделал ряд важных дополнений и пояснений относительно абсолютной ренты.

Спустя несколько дней Маркс писал Энгельсу: «Не можешь ли ты приехать сюда на несколько дней? Своей критикой я ниспроверг так много старого, что мне хотелось бы предварительно посоветоваться с тобой относительно некоторых пунктов. Писать же обо всем этом скучно и мне, и тебе». Несмотря на это замечание, Маркс тут же подробно изложил один из пунктов, по которым он считал нужным посоветоваться с Энгельсом.

Речь шла о значении амортизационных отчислений в качестве аккумуляционного фонда. Предположим, писал Маркс, что при основании предприятия стоимость его машин равна 12 тыс. ф. ст., изнашиваются же эти машины в течение 12 лет. Чтобы цена машин окупилась в течение этого времени, амортизационные отчисления, включаемые в цену товара, должны составлять 1 тыс. ф. ст. ежегодно. Что же происходит с фондом, который таким образом накапливается у фабриканта? Не является ли он на деле фондом, накапливаемым для расширения воспроизводства независимо от превращения части прибыли в капитал? И в связи с этим Маркс ставил чрезвычайно интересный вопрос: «Не объясняет ли отчасти наличие этого фонда *сильное различие* в норме накопления капитала у наций с развитым капиталистическим производством, то есть с большим основным капиталом, и наций, которые не достигли такого уровня развития?» (т. 30, стр. 230, 231).

Энгельс, сильно загруженный в это время текущими заботами, ответил Марксу мельком, что ему такая постановка вопроса представляется неправильной (см. т. 30, стр. 233). Вскоре после этого Энгельсу пришлось совершить поездку в Германию, а в конце года Маркс посетил его в Манчестере. По-видимому, при личной встрече состоялось обсуждение вопросов, которые занимали Маркса.

Что касается роли амортизационных отчислений в процессе расширенного воспроизводства, то примерно в этот же период Маркс подробнее изложил свою точку

зрения в рукописи «Теории прибавочной стоимости». Там, где применяется много основного капитала, писал он, часть стоимости продукта, возмещающая его износ, представляет собой фонд накопления, который может быть использован для расширения производства. «Такого фонда накопления не существует на тех ступенях производства и у тех наций, где нет большого основного капитала». И он добавил: «Это важный пункт» (т. 26, ч. II, стр. 534).

В январе 1863 г. Маркс сообщает Энгельсу, что он оказался в затруднении, подходя к рассмотрению машинного производства, и спрашивает его мнение об изменении процесса прядения сельфакторами. В следующем письме он пишет, что пополняет главу о машинах, и подробно излагает свои соображения по этому поводу. Ответное письмо Энгельса сохранилось без последней части, в которой, вероятно, содержалось его мнение по затронутым Марксом вопросам (см. т. 30, стр. 258, 269).

В письме к Энгельсу от 6 июля 1863 г. Маркс дал свою «экономическую таблицу» вместо таблицы Кенэ. В этой связи Маркс изложил теоретические предпосылки, необходимые для понимания его схем капиталистического воспроизводства (см. т. 30, стр. 297—301).

В середине июня 1863 г. Маркс приступает к переработке своего труда в соответствии со сложившимся к тому времени планом его построения. В течение двух с половиной лет, до конца 1865 г., Маркс создает черне текст всех трех томов «Капитала». Он пишет новую огромную рукопись, творчески перерабатывая при этом весь ранее накопленный материал. Широко используя текст подготовительных работ (в особенности рукописи 1861—1863 гг.), Маркс в черновом тексте «Капитала» дает много нового. Он вновь обращается к источникам конкретно-исторических данных и к смежным областям науки.

Период между 1863 и 1867 гг. был для Маркса временем особенно напряженной работы. За этот короткий срок он не только составил в наброске две последние книги «Капитала» и подготовил к печати рукопись первой книги, но еще выполнил огромную работу

в созданном в 1864 г. Международном Товариществе Рабочих — I Интернационале. Маркс являлся руководителем Интернационала, автором его резолюций, заявлений, манифестов. Эта гигантская работа, по свидетельству Энгельса, особенно серьезно отразилась на здоровье Маркса, вследствие чего он в конце концов был лишен возможности лично закончить подготовку последних томов «Капитала».

В течение всего этого времени Энгельс проявлял неослабный интерес к работе Маркса над «Капиталом». Маркс сообщал ему о своих планах и предположениях, о встречающихся трудностях, которые были связаны с болезнями, материальной нуждой, необходимостью все время отвлекаться для выполнения других работ. Вместе с тем в переписке основоположников марксизма все больше места занимают наступившие крупные политические события: гражданская война 1861—1864 гг. в США, польское восстание 1863 г., война Пруссии против Дании и Австрии и в особенности основание и деятельность I Интернационала.

В конце 1865 г. Маркс заканчивает черновую рукопись всех трех томов «Капитала». 1 января 1866 г. он приступает к переписке начисто и окончательной обработке первого тома. 13 февраля он пишет Энгельсу:

«Что касается этой «проклятой» книги, то дело обстоит так: она была готова в конце декабря...

Хотя рукопись готова, но в ее теперешнем виде она имеет столь гигантские размеры, что никто, кроме меня, даже ты, не в состоянии ее издать.

Я начал ее переписывать и *стилистически обрабатывать* как раз 1 января, и дело очень быстро двигалось вперед, так как мне, конечно, приятно вылизывать дитя после столь длительных родовых мук» (т. 31, стр. 150).

6

Весной 1867 г. Маркс отвез рукопись первого тома издателю в Гамбург. Следующие месяцы были заполнены чтением корректуры. Маркс отсылал листы по частям Энгельсу, который читал их и в ряде

писем — от 16, 24 и 26 июня, 23, 26 и 27 августа и 1 сентября — сделал очень много существенных замечаний по ряду важнейших экономических вопросов.

В первом из этих писем Энгельс, излагая свое впечатление от чтения первой части листов, советовал Марксу при рассмотрении формы стоимости «несколько подробнее доказать исторически то, что здесь достигнуто диалектическим путем; так сказать, подтвердить достигнутое на примере истории...». Он посоветовал также сделать «ход мыслей этого относительно абстрактного исследования более наглядным при помощи более мелких подразделений и отдельных подзаголовков». «Остальные листы, — добавил Энгельс, — очень хороши и доставили мне большую радость» (т. 31, стр. 257, 258).

В ответ на это письмо Маркс сообщил Энгельсу, что он и последовал его совету и не последовал ему, «желая также и в этом отношении остаться диалектиком». Он написал добавление, в котором тот же вопрос был изложен в более доступной форме, и разбил текст на параграфы с отдельными подзаголовками. Кроме того, в предисловии он рекомендовал слабо подготовленным читателям пропустить первые страницы книги и прочесть добавление. «До сих пор ты был доволен, — писал Маркс, — и это для меня важнее всего того, что может сказать весь свет по этому поводу» (т. 31, стр. 259, 260).

В более полном виде совет Энгельса был реализован во втором издании первого тома «Капитала». Параграф первой главы, посвященный рассмотрению формы стоимости, был коренным образом переработан на основе органического объединения того материала, который в первом издании входил в главу и в добавление, помещенное в конце книги.

Прочитав следующие листы, Энгельс отметил особые достоинства глав о превращении денег в капитал и возникновении прибавочной стоимости. Он заранее радуется тому, что эти главы поставят в затруднительное положение буржуазных экономистов. «Конечно, — пишет он, — сама по себе вся буржуазная пакость уже вскрыта в развитии форм стоимости. Но там

революционные выводы еще не напрашиваются так настойчиво, и от таких абстрактных вещей люди могут легче отмахнуться и отделаться фразами. А здесь это уже невозможно, дело изложено так предельно ясно, что я не вижу, что они могут на сей счет сказать» (т. 31, стр. 263).

Возвращаясь спустя два дня к вопросу о возникновении прибавочной стоимости, Энгельс обращает внимание Маркса на то, что фабрикант и вместе с ним вульгарный экономист могут выдвинуть против его теории следующее возражение: если капиталист платит рабочему за двенадцатичасовой рабочий день цену только шести часов, то не может возникнуть никакой прибавочной стоимости, так как в таком случае каждый час рабочего считается равным лишь получасу работы в соответствии с тем, как он оплачивается, и соответственно входит в стоимость продукта лишь как стоимость получасовой работы. В качестве доказательства представители этой точки зрения смогут привести обычную калькуляционную формулу, в которой затраты на заработную плату фигурируют рядом с затратами на сырье и на амортизацию. Хотя эта аргументация страшно поверхностна, замечает Энгельс, хотя она и базируется на смешении стоимости с ценой и стоимости рабочей силы с заработной платой, но все же желательно принять во внимание, что такое возражение будет сделано наверняка, и поэтому следовало бы заранее его опровергнуть (см. т. 31, стр. 264).

Маркс не соглашается с этим советом. Такого рода возражение, замечает он, показывает, что филистер и буржуазный экономист забывают, что если они оплаченный труд принимают в расчет в виде заработной платы, то неоплаченный труд фигурирует в их расчетах в виде прибыли. В научном отношении это сводится к вопросу, как стоимость товара превращается в его цену производства, в которой весь труд представляется оплаченным в форме заработной платы, между тем как прибавочный труд, или прибавочная стоимость, в виде прибыли, процента и т. д. принимает форму надбавки к издержкам производства. Вопрос этот разрешается путем анализа превращения стоимости

рабочей силы в заработную плату и превращения прибавочной стоимости в прибыль, а прибыли в среднюю прибыль и т. д.

Эти вопросы, продолжает Маркс, рассматриваются в следующих частях его труда, и при этом раскрывается, что представления филистера и вульгарного экономиста основываются на том, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная форма проявления отношений, а не их внутренняя связь. «Если бы я захотел *предупредить* все такого рода возражения, то я бы испортил весь диалектический метод исследования. Наоборот, этот метод имеет то преимущество, что он *ставит* этим господам на каждом шагу *ловушки* и тем вынуждает их преждевременно обнаружить свою непроходимую глупость» (т. 31, стр. 266).

Впрочем, замечает Маркс в заключение, уже рассмотрение борьбы вокруг рабочего дня в первом томе «Капитала» наглядно показывает, насколько капиталисту практически ясны источник и субстанция его прибыли. В этой же связи он упоминает свою полемику с вульгарным экономистом Сениором, пытавшимся обосновать утверждение буржуа, что вся его прибыль происходит из последнего неоплаченного часа труда рабочего.

После ознакомления с содержанием большей части книги Энгельс поздравил Маркса с тем совершенством, с каким самые запутанные экономические проблемы становятся у него простыми и осязательно ясными благодаря тому, что они ставятся на надлежащее место и в правильную взаимосвязь, а также «с превосходным по существу изложением отношений между трудом и капиталом, данным здесь впервые во всей полноте и взаимосвязи» (т. 31, стр. 276). Вместе с тем он вновь повторил свой совет сильнее подчеркнуть главные разделы.

Речь шла о той части книги, в которой рассматривается производство относительной прибавочной стоимости и которая охватывает процесс повышения производительности труда капитализмом — от простой кооперации через мануфактуру к машинной индустрии. В первом издании весь этот обширный раздел, насы-

щенный богатейшим конкретно-историческим материалом, составлял четвертую главу. При подготовке второго издания Маркс последовал совету своего друга. С превращением прежних глав в отделы часть текста, составлявшая четвертую главу, была подразделена на четыре главы — с 10-й по 13-ю. 12-я глава была в свою очередь подразделена на пять параграфов, а 13-я — на десять параграфов.

«Глава о накоплении превосходна», — писал Энгельс спустя несколько дней. В следующем письме он конкретизировал этот свой отзыв: «Теоретическая сторона превосходна, изложение исторического процесса экспроприации также... Резюме об экспроприации экспроприаторов просто блестяще, оно произведет должный эффект» (т. 31, стр. 279, 284). Вместе с тем он сделал критическое замечание относительно вставки об Ирландии, считая, что в ней материал мало обработан.

Еще в период печатания первого тома «Капитала» Маркс, занимаясь процессом обращения — предметом следующего тома, вновь обратился к Энгельсу с вопросом о роли амортизационного фонда, который уже служил предметом их переписки в 1862 г. Суть вопроса заключается в том, что основной капитал в его натуральной форме подлежит замене лишь через определенный довольно длительный срок, между тем как его стоимость, перенесенная на готовый товар, возвращается по частям и постепенно. Таким образом, капиталист имеет в своем распоряжении определенный амортизационный фонд, который ему требуется лишь тогда, когда приходится заменить изношенные машины и оборудование. Маркс ставил вопрос, не образует ли этот амортизационный фонд в течение промежуточного времени — между поступлением амортизационных отчислений и необходимостью их использования для покупки нового оборудования — фонд накопления, который может быть употреблен капиталистом в целях расширения производства. Маркс просил ответить ему практически, без теории.

Краткий предварительный ответ на этот вопрос содержится в письме Энгельса от 26 августа 1867 г., по-

дробнее же, с приведением ряда арифметических расчетов, Энгельс ответил на следующий день (см. т. 31, стр. 278—283). В этих письмах Энгельса содержатся важные соображения по вопросу, который всегда имел большое теоретическое и практическое значение, а в современных условиях стал одним из пунктов острой борьбы интересов в лагере монополистического капитала¹.

В первом письме Энгельс подтвердил мнение Маркса о том, что капиталист имеет в своем распоряжении фонд возмещения в течение определенного периода и использует его. Вместе с тем он заметил, что экономическое значение этого дела ему не совсем ясно. Во втором письме, приведя ряд таблиц относительно амортизации основного капитала, Энгельс высказался уже более определенно. Из сделанного им гипотетического расчета явствовало, что фабрикант, благодаря тому что списываемые суммы являются для него авансом, оказывается в состоянии, не затратив ни гроша из своей прибыли на приобретение новых машин, значительно увеличить производственную мощность предприятия. Таким образом, расчеты Энгельса полностью подтвердили мысль, высказанную Марксом.

7

Помня, как буржуазная пресса и официальная наука встретили заговором молчания появление работы Маркса «К критике политической экономии», Энгельс в связи с выходом «Капитала» был озабочен тем, чтобы предупредить или сорвать повторение подобного заговора. С этой целью он задумал некую «военную хитрость».

¹ Показательно, что в наше время даже буржуазные экономисты подчас ссылаются на тот анализ процесса амортизации, который был дан основоположниками марксизма. Так, кёльнские профессора Гюнтер Шмёльдерс и Генрих Риттерсхаузен в книге «*Moderne Industrie-Finanzierung*», Verlag Girardet, Essen, 1959, отмечают, что впервые вопрос о значении амортизационных фондов был рассмотрен в переписке Маркса и Энгельса в 1867 г. (стр. 21).

В одном из писем он запросил Маркса: «Как ты думаешь, не напасть ли мне на книгу с буржуазной точки зрения, чтобы двинуть дело?» Маркс тотчас же ответил, что такой план — раскритиковать книгу с буржуазной точки зрения — представляет собой лучшее военное средство (см. т. 31, стр. 293, 294). В одном из следующих писем Маркс заметил, что «все дело в том, чтобы «создать шум»...» (т. 31, стр. 304), т. е. чтобы сорвать заговор молчания. Выполняя этот совместно составленный план, Энгельс написал целую серию рецензий, большинство которых было помещено в ряде изданий различного направления, выходивших в Германии. Вместе с тем он проявил большую заботу о том, чтобы «Капитал» проник и в другие страны, прежде всего в Англию, Францию и Соединенные Штаты.

Рецензии Энгельса на «Капитал», написанные для органов буржуазной прессы, представляют собой замечательный образец того, что в дальнейшем революционные марксисты стали называть «использованием легальных возможностей». Разумеется, лишь в весьма условном смысле можно сказать, что написаны они «с буржуазной точки зрения», в том смысле, что редакторы буржуазных изданий смогли их поместить, не подозревая, какой горячий материал содержится в этих скупых строках.

В каждой из рецензий Энгельс в сжатой форме дал мастерски составленную квинтэссенцию первого тома «Капитала», снабдив ее несколькими подчеркнуто объективными вводными и заключительными фразами, внешне дистанцирующими автора рецензии от автора книги. Вот так, например, начинается рецензия, напечатанная в одной вюртембергской газете:

«Если мы обращаем внимание на эту книгу, то вовсе не из-за специфически социалистической тенденции, открыто обнаруживаемой автором уже в предисловии.

Мы делаем это потому, что работа эта, независимо от ее тенденции, содержит научные исследования и фактический материал, заслуживающие всяческого внимания» (т. 16, стр. 234).

Другая рецензия, написанная для «Рейнской газеты», имеет такое заключение: «Как бы ни относился читатель к социалистическим взглядам автора, все же мы, надемся, вышеизложенным показали ему, что здесь он имеет дело с трудом, который стоит гораздо выше обычной современной социал-демократической литературы. Добавим еще, что, за исключением нескольких трудных диалектических вещей на первых 40 страницах, книга, несмотря на всю ее строгую научность, написана вполне понятно и даже интересно благодаря саркастическому, никого не щадящему стилю автора» (т. 16, стр. 218).

Маркс с живым интересом следил за своеобразным литературным походом своего друга в стан врага, давая ему советы и всячески помогая успеху плана. В одном случае он составил набросок рецензии, считая, что «было бы забавно надуть швабского Майера...» (т. 31, стр. 341), издателя газеты «*Beobachter*». Энгельс почти дословно использовал набросок, составленный Марксом, и рецензия была опубликована. В другом случае Энгельс испытывал трудности, не зная, как начать рецензию для английского журнала «*Fortnightly Review*». Маркс в ответном письме дал ему совет, которым Энгельс воспользовался (см. т. 32, стр. 74—79).

Одна из целей «военной хитрости» Энгельса состояла в том, чтобы, так сказать, потянуть за языки представителей официальной науки, побудить их так или иначе откликнуться на появление «Капитала». С этой целью некоторые рецензии заключали в себе недвусмысленные приглашения к корифеям буржуазной учености.

«На этот раз Маркс обращается со своими необычными положениями не к массам, а к людям науки... — говорилось в рецензии, напечатанной в «Эльберфельдской газете». — Надо надеяться, что такие люди, как Рошер, Рау, Макс Вирт и т. д., не упустят возможности выступить в защиту правильности всеми признанной до сих пор политической экономии против этого нового нападения, которым несомненно нельзя пренебречь» (т. 16, стр. 220).

«Нельзя, к сожалению, отрицать, что особенно резкий тон, которым автор говорит об официальных немецких экономистах, имеет свое оправдание. . . — писал Энгельс в другой рецензии. — Пусть суровый урок, который дает им эта книга, пробудит их от летаргического сна и напомнит им, что политическая экономия — не дойная корова, снабжающая нас молоком, а наука, требующая серьезного и ревностного служения ей» (т. 16, стр. 213).

Указывая, что в книге содержится много такого, что не могло быть отмечено в кратком обзоре, Энгельс одну из рецензий закончил такой фразой: «Но для этой цели существует ведь достаточно специальных журналов, которые, несомненно, подробно остановятся на этом безусловно весьма замечательном произведении» (т. 16, стр. 233).

Если в рецензиях, написанных для органов буржуазной печати, Энгельс ставил своей целью пробить стену молчания, которой буржуазные идеологи старались окружить труды Маркса, то совсем другая цель была у него при написании рецензии для социалистического еженедельника «Demokratisches Wochenblatt», издававшегося Вильгельмом Либкнехтом в Лейпциге. В обстоятельной статье, напечатанной в двух номерах еженедельника в марте 1868 г., Энгельс раскрывает всемирно-историческое значение главного труда Маркса. Здесь он уже не прибегает к эзоповскому языку.

«С тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, — пишет он, — не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих, как та, которая лежит перед нами. Отношение между капиталом и трудом, — та ось, вокруг которой вращается вся наша современная общественная система, — здесь впервые исследовано научно. . .»

Кратко и выразительно излагает Энгельс теорию прибавочной стоимости, историю борьбы вокруг рабочего дня, законы накопления капитала. «Таковы некоторые из основных законов современной капиталистической общественной системы, доказанные строго научно. . . — пишет он в заключение. — Но все ли этим сказано? Ни в коем случае». И он подчеркивает главный

вывод из экономических исследований Маркса, заключающийся в обосновании исторической неизбежности революционной смены капитализма высшим, социалистическим строем, обеспечивающим «равное, достойное человека развитие всех членов общества» (т. 16, стр. 240, 248).

Наиболее обстоятельной из рецензий Энгельса была статья, написанная для английского двухнедельного журнала «Fortnightly Review». В этом журнале определенным влиянием пользовался прогрессивно настроенный профессор Бизли, председательствовавший на историческом митинге в Лондоне в 1864 г., на котором было провозглашено образование Международного Товарищества Рабочих — I Интернационала. Написана была лишь часть статьи, в которой подробно излагается содержание первой части первого тома «Капитала», включая производство абсолютной прибавочной стоимости. Статья не была закончена, так как выяснилось, что издатель журнала отказался напечатать рецензию, и она увидела свет впервые в нашей стране.

По-видимому, собираясь написать эту рецензию, Энгельс в апреле 1868 г. стал составлять конспект «Капитала». В одном из писем он сообщает Марксу: «Конспектирование твоей книги при моем ограниченном времени требует больше труда, чем я думал, потому что в конце концов раз уж взялся за эту работу, надо ее сделать как следует...» (т. 32, стр. 51).

Энгельс успел законспектировать четыре главы первого тома «Капитала», соответствующие первым четырем отделам этого тома в его нынешнем виде (главы первого издания были в последующих изданиях превращены в отделы). Конспект Энгельса представляет особый интерес благодаря тому, что он показывает, какие моменты Энгельс считал важнейшими в труде Маркса. Энгельс особенно выделял все исторические переходы, подчеркивая, что развитие экономических категорий является не произвольной игрой ума, а логическим отражением реального хода исторического развития.

В сентябре 1868 г. на Брюссельском конгрессе I Интернационала немецкие делегаты внесли резолюцию,

в которой предлагалось рабочим всех стран изучать «Капитал» Маркса и содействовать переводу его на иностранные языки. Историческая обстановка существенно изменилась по сравнению с тем временем, когда появилась работа «К критике политической экономии». Рабочее движение во всех странах Западной Европы находилось на подъеме. I Интернационал стал крупным политическим фактором, и имена Маркса и Энгельса как его руководящих деятелей пользовались широкой известностью.

В этих условиях выход «Капитала» не мог, конечно, пройти незамеченным. Тем не менее огромное значение литературного похода Энгельса не подлежит ни малейшему сомнению. Ганноверский врач Людвиг Кугельман, с которым Маркс находился в дружеских отношениях, содействовал опубликованию некоторых из этих рецензий. Спустя много лет Энгельс в письме Августу Бебелю вспоминал, что Кугельман многое сделал для того, чтобы сломить заговор молчания, которым печать встретила появление в свет первого тома «Капитала» (см. т. XXIX, стр. 134). После появления ряда рецензий Энгельса заговор молчания был сломлен. В частности, на эти рецензии откликнулись некоторые немецкие буржуазные экономисты, вступившие на путь полемики с Марксом, не сулившей им ничего хорошего.

Продолжая разрабатывать проблемы последующих томов «Капитала», Маркс постоянно обращался к Энгельсу за советами и справками по самым различным вопросам. Так, 22 апреля 1868 г. он делится с Энгельсом соображениями по вопросу о том, как объяснить, что при падении стоимости денег норма прибыли повышается, а при повышении стоимости денег — наоборот. Энгельс ему отвечает, что вопрос о норме прибыли и стоимости денег представлен хорошо и ясно (см. т. 32, стр. 55).

В следующем письме, от 30 апреля 1868 г., Маркс чрезвычайно выпукло излагает структуру и основные идеи третьего тома «Капитала». В этом томе освещается вопрос о превращении прибавочной стоимости в ее различные формы и обособленные друг от друга составные части. В связи с открытием тенденции нормы при-

были к падению Маркс замечает, что это один из величайших триумфов над камнем преткновения всей прежней политической экономии (см. т. 32, стр. 63).

Особенно интересна характеристика седьмого отдела третьего тома. Этот отдел, как известно, остался незаконченным. Здесь Маркс рассматривает формы проявления экономических отношений, служащие для вульгарной экономики исходным пунктом. Маркс опровергает ошибочное утверждение А. Смита, будто цена состоит из трех видов дохода: заработной платы, прибыли, земельной ренты. Он выясняет, что эти три вида доходов составляют доходы трех классов. Следовательно, итог всего — классовая борьба, в которой находит свое разрешение это движение и которая в конечном счете приводит к ликвидации капитализма.

В первом томе «Капитала» при рассмотрении нормы прибавочной стоимости Маркс использовал цифровые данные, относящиеся к прядильной фабрике в Манчестере. Цифры эти были им получены через посредство Энгельса. Выясняя норму прибыли, Маркс имел в виду продолжить этот же конкретный пример. 7 мая 1868 г. он запросил об этом Энгельса, и вскоре получил необходимые данные (см. т. 32, стр. 70).

После выхода первого тома «Капитала» у Энгельса появилась мысль о необходимости популяризировать изложенную в нем теоретическую систему. Уже в сентябре 1868 г. он запрашивает Маркса: «Не считаешь ли ты действительно необходимым кратко, в популярной форме изложить содержание твоей книги для рабочих? Если этого не сделать, то появится какой-нибудь Мозес, сделает это и все перевернет» (т. 32, стр. 120). (Выше в письме идет речь о Мозесе Гессе, который в то время примыкал к лассальянцам.) Маркс ответил, что было бы хорошо, если бы он сам «написал о ней маленькую брошюру в популярной форме» (т. 32, стр. 123). Однако деятельность в Интернационале и ряд неотложных литературных работ не дали возможности Энгельсу осуществить эту задачу. К идее популяризации «Капитала» Энгельс вернулся лишь много лет спустя.

С переездом Энгельса в Лондон в сентябре 1870 г. наступил новый этап в сотрудничестве основоположни-

ков марксизма. Как свидетельствуют близкие им люди, Маркс и Энгельс почти ежедневно встречались и проводили по несколько часов вместе, обсуждая политические события и научные проблемы. Среди обсуждаемых проблем экономические темы, связанные с подготовкой последних томов «Капитала», несомненно занимали видное место. Однако в эпистолярном наследстве Маркса и Энгельса этот обмен мнениями, естественно, не мог найти отражения.

- 1. Новые издания первого тома «Капитала».**
- 2. Популярное изложение «Капитала».**
- 3. Подготовка и опубликование второго тома «Капитала».**
- 4. Разоблачение Родбертуса и катедер-социалистов.**
- 5. Подготовка и опубликование третьего тома «Капитала».**
- 6. Отпор критикам**

1

Сколько ни высоко должно быть оценено участие Энгельса в работе над «Капиталом» при жизни его автора, еще большее значение имела громадная работа, проведенная им после смерти Маркса. По отношению к «Капиталу» перед Энгельсом встала двойная задача: во-первых, выпуск в свет следующих изданий первого тома и, во-вторых, подготовка и опубликование последних двух томов, оставленных Марксом в черновых рукописях.

Третье издание первого тома Энгельс выпускает уже в конце 1883 г. Он включил в текст ряд мест из французского издания, отмеченных Марксом, и перенес в него стилистические исправления, сделанные Марксом в его личном экземпляре. В предисловии к этому изданию Энгельс сообщает, что Маркс сначала предполагал переработать большую часть текста, отчетливее сформулировать некоторые теоретические положения, внести новый, дополнительный фактический и статистический материал вплоть до последнего времени. Болезнь и работа над последними двумя томами «Капитала» помешала Марксу выполнить эту задачу. Энгельс при подготовке третьего издания руководствовался целиком указаниями Маркса, которые содержались в его личных экземплярах второго немецкого и французского изданий, а также его устными указаниями. В предисловии

Энгельс подчеркивает, что он не изменил ни одного слова, если не был убежден с полной несомненностью, что его изменил бы сам автор (см. т. 23, стр. 28).

Через три года — в 1886 г. — Энгельс выпускает английское издание. Перевод был сделан многолетним другом Маркса и Энгельса Самюэлем Муром и членом семьи Маркса д-ром Эвелингом с третьего немецкого издания. Младшая дочь Маркса Элеонора Маркс-Эвелинг проверила для этого издания многочисленные цитаты из английских источников, переведенные Марксом на немецкий язык.

В предисловии к английскому изданию Энгельс сообщает, что английский перевод «Капитала» намечался еще в середине 70-х годов в Америке, но его не удалось осуществить. Маркс оставил ряд указаний относительно этого перевода, и Энгельс использовал его замечания. Доказывать необходимость английского издания, замечает Энгельс, нет надобности, скорее наоборот, следовало бы объяснить, почему это издание так долго откладывалось, несмотря на то что содержание главного труда Маркса уже несколько лет служит «для периодической печати... предметом обсуждения, нападок, защиты, толкований и искажений» (т. 23, стр. 30).

Особенный интерес имеет заключительная часть предисловия, где Энгельс пишет:

«На континенте «Капитал» часто называют «библией рабочего класса». Никто из тех, кто знаком с рабочим движением, не станет отрицать, что выводы, сделанные в «Капитале», с каждым днем все больше и больше становятся основными принципами великого движения рабочего класса не только в Германии и Швейцарии, но и во Франции, Голландии, Бельгии, Америке и даже в Италии и Испании; что рабочий класс повсюду признает эти выводы наиболее точным выражением своего положения и своих чаяний». Далее Энгельс отмечает, что марксистские идеи получают распространение и в Англии, где основательное исследование экономического положения страны вскоре станет настоятельной необходимостью, поскольку ее промышленность оказывается перед растущими труд-

ностями. На пути английской промышленности становится быстро развивающаяся промышленность других стран.

В этой связи Энгельс замечает, что, по-видимому, наступило изменение в ходе промышленного цикла: «Десятилетний цикл застоя, процветания, перепроизводства и кризиса, постоянно повторяющийся с 1825 по 1867 г., кажется, действительно завершил свой путь, но лишь затем, чтобы повергнуть нас в трясину безнадежности перманентной и хронической депрессии. Столь страстно ожидаемый период процветания не хочет наступать. Как только мы начинаем замечать симптомы, как будто свидетельствующие о его приближении, симптомы эти тотчас же опять исчезают».

Хроническая депрессия обрекает на безработицу значительные слои трудящихся, и их терпение истощается. Выражая надежду, что в недалеком будущем должен наступить момент, когда безработные захотят взять свою судьбу в собственные руки, Энгельс заключает: «Несомненно, что в такой момент должен быть услышан голос человека, теория которого представляет собой результат длившегося всю его жизнь изучения экономической истории и положения Англии, голос человека, которого это изучение привело к выводу, что, по крайней мере в Европе, Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть осуществлена всецело мирными и легальными средствами. Конечно, при этом он никогда не забывал прибавить, что вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту рабства»» (т. 23, стр. 33—34).

Эти строки, написанные Энгельсом в 1886 г., представляют живейший интерес в ряде отношений.

В 1890 г. Энгельс выпускает четвертое издание первого тома «Капитала», ставя перед собой задачу «установить по возможности окончательную редакцию как самого текста, так и примечаний» (т. 23, стр. 35). С этой целью Энгельс, просмотрев еще раз пометки Маркса, вносит ряд новых добавлений из французского издания; помимо того, он делает добавочные поясни-

тельные примечания там, где этого, по его мнению, требовали изменившиеся исторические условия.

Примером такого рода дополнений может служить вставка Энгельса о трестах. Рассматривая процесс накопления капитала, Маркс замечает, что в каждой отдельной отрасли производства централизация капитала достигла бы своего крайнего предела, если бы все вложенные в нее капиталы слились в один-единственный капитал. В примечании к этой фразе Энгельс замечает: «Новейшие английские и американские «тресты» уже стремятся к этой цели, стараясь объединить, по меньшей мере, все крупные предприятия той или иной отрасли промышленности в одно крупное акционерное общество с фактической монополией» (т. 23, стр. 641).

В предисловии к четвертому изданию первого тома «Капитала» Энгельс излагает поучительную историю скандального провала попытки Луйо Брентано, тогдашнего светила буржуазной экономической науки Германии, приписать Марксу неправильное цитирование. Речь шла о фразе из бюджетной речи британского канцлера казначейства Гладстона, произнесенной в парламенте в 1863 г. Приводя цифры о быстром росте национального дохода Англии за десятилетие, Гладстон сказал, что «это ошеломляющее увеличение богатства и мощи... всецело ограничивается имущими классами...» (см. т. 23, стр. 666). Это признание Гладстона было приведено в Учредительном манифесте I Интернационала в 1864 г. и повторено в первом томе «Капитала».

Пользуясь тем, что в официальном парламентском отчете Гладстон, следуя принятой тогда практике, выбросил эту фразу, компрометирующую его как главу финансового ведомства Англии, Брентано в 1872 г. с большим шумом выступил анонимно в берлинском журнале, являющемся органом Союза германских фабрикантов, с утверждением, будто Маркс формально и по существу присочинил эту фразу. Маркс тогда же доказал, что эта фраза полностью имеется в отчете, напечатанном в солиднейшей газете «Таймс», а также в двух других английских газетах. Брентано пытался настаивать на своем обвинении, но Маркс полностью

разоблачил его неуклюжие увертки. Уже после смерти Маркса некий Седли Тейлор из Кембриджа повторил инсинуацию Брентано, выступив с письмом в газете «Таймс». Ему тотчас же ответила дочь Маркса Элеонора. Изложив суть этой полемики, Энгельс заметил: «Результатом всего этого профессорского похода, растянувшегося на два десятилетия и охватившего две великие страны, было то, что никто уже более не осмеливался затронуть литературную добросовестность Маркса» (т. 23, стр. 40).

После выхода четвертого издания первого тома «Капитала» Луио Брентано, уличенный в клевете, сбросил спасительную анонимную форму и выпустил под собственным именем брошюру «Моя полемика с Карлом Марксом». На это выступление Энгельс ответил обстоятельной работой «Брентано contra Маркс. По поводу мнимой фальсификации цитаты. История вопроса и документы», опубликованной в 1891 г. (см. т. 22, стр. 97—186)¹. Здесь подробнейшим образом изложен весь ход полемики и приведены все относящиеся к данному вопросу документы.

2

После смерти Маркса Энгельс не только обеспечил выход новых изданий первого тома «Капитала», но и проявил большую заботу о создании популярного изложения этого труда. Энгельс, как и Маркс, считал чрезвычайно важной задачей популяризацию марксистских идей. Первые опыты популяризации «Капитала», осуществленные еще при жизни Маркса, не были удачными. Значительно более удачной оказалась попытка, предпринятая французским марксистом Габриелем Девилем в 1883 г. Энгельс получил рукопись Девиля и внимательно с ней ознакомился.

В августе 1883 г. Энгельс в одном из писем упоминает рукопись Девиля, посвященную популяризации

¹ В русском переводе эта работа была впервые опубликована в 1933 г. в Архиве Маркса и Энгельса, т. II (VII).

«Капитала», среди работ, ждущих его «тщательного редактирования» (т. 36, стр. 47). Энгельсу пришлось основательно поработать над рукописью. В сентябре он сообщает Лауре Лафарг, что начал редактировать книжку Девиля, и это потребует значительной работы, в особенности в начале, где необходима большая точность, которой местами не хватает. Рассчитывая справиться с этой работой в течение недели или двух, он добавляет, что рукопись представляется ему в целом удовлетворительной, так как автор хорошо понял предмет, за исключением некоторых частных, и изложил его более живым языком, чем можно было ожидать (см. т. 36, стр. 55—56).

По-видимому, Энгельсу пришлось потратить на рукопись Девиля значительно больше труда, чем он предполагал первоначально. Если его в общем положительное мнение об этой работе не изменилось, то все же при ближайшем рассмотрении он обнаружил в ней серьезные недостатки. В начале 1884 г. он в одном из писем дает подробную оценку этой книжке. В чисто теоретической части, указывает он, работа Девиля представляет собой лучшее из появившихся до тех пор изложений. Вместе с тем он отмечает «крайнюю небрежность в терминологии», которую пришлось устранить. Описательная часть изложена слишком бегло, так что окажется местами совершенно непонятной для людей, не знающих подлинника. К числу недостатков работы Энгельс относит не вполне четкое разграничение мануфактуры и крупной промышленности как двух исторических периодов в развитии капиталистического производства. И наконец, Девилю решил дать полное изложение всего содержания первого тома «Капитала», включая и то, что Марксу пришлось ввести ради полноты научной разработки предмета, между тем как для понимания теории прибавочной стоимости и вытекающих из нее выводов этого вовсе не требуется. А ведь для популярного изложения, замечает Энгельс, только важны именно эта теория и выводы из нее.

Энгельс отмечает еще один недостаток работы, исправить который оказалось невозможным, так как для этого пришлось бы перекраивать всю рукопись. Девилю

буквально воспроизвел резюмирующие положения Маркса, дав их предпосылки в весьма неполном виде. «В результате этим положениям, — пишет Энгельс, — зачастую придан искаженный смысл, так что у меня при просмотре очень часто возникало желание оспаривать те или иные положения Маркса, которые в оригинале в связи с предшествующим изложением получают совершенно четкий и определенный смысл; между тем у Девиля они приобретают абсолютно всеобщее и поэтому неверное значение» (т. 36, стр. 72). Эту же мысль Энгельс повторяет несколько позднее в другом письме, где сообщает, что в отличие от теоретической части описательная часть работы Девиля иногда непонятна для того, кто не читал оригинала, а то обстоятельство, что выводы Маркса он дает, опуская условия, при которых эти выводы только и являются правильными, иногда создает более или менее искаженное впечатление (см. т. 36, стр. 88—89).

Когда после образования группы «Освобождение труда», поставившей своей задачей пропаганду идей марксизма в России, В. И. Засулич обратилась к Энгельсу с просьбой указать книги для перевода, он обратил ее внимание на книжку Девиля. Отметив недостатки этой работы и добавив, что по объему она слишком велика для популярного изложения, Энгельс выразил мнение, что, если ее переработать, можно было бы сделать хорошую вещь. «Краткое изложение «Капитала», — добавил он, — было бы во всяком случае полезно в стране, где саму книгу можно достать лишь с трудом» (т. 36, стр. 105).

В другом случае, когда речь шла о распространении марксистских идей в Америке, Энгельс выразил желание об издании серии брошюр, популярно излагающих содержание «Капитала», наметив при этом следующие темы: 1) теория прибавочной стоимости; 2) история различных форм извлечения прибавочной стоимости (кооперация, мануфактура, современная промышленность); 3) накопление и история первоначального накопления; 4) производство прибавочной стоимости в колониях. Он заметил, что эти брошюры были бы особенно поучительны для Америки: они дали бы экономическую

историю страны, превратившейся из страны независимых крестьян в центр крупной капиталистической промышленности, причем брошюры можно было бы пополнить специфически американскими фактами (см. т. 36, стр. 428).

В связи с опытом популярного изложения «Капитала», предпринятым Девилем, встал вопрос о подготовке подобной же популяризации для немецких читателей. Первоначально Каутский выразил желание заняться переводом книжки Девиля на немецкий язык. Получив это предложение, Энгельс ответил подробным отзывом о работе Девиля и высказал мнение, что необходимо новое популярное и краткое — по размеру вдвое меньше книжки Девиля — изложение теории прибавочной стоимости, причем нужно было бы отбросить точное следование отдельным главам «Капитала» и все, что не является необходимым для понимания теории прибавочной стоимости. «Это заведомо предполагает, — отметил Энгельс, — переработку описательной части и ее значительное сокращение». В одном из следующих писем Энгельс дал согласие отредактировать теоретическую часть перевода, выразив надежду, что недостатки описательной части будут устранены самим переводчиком (см. т. 36, стр. 73, 85).

В дальнейшем Каутский решил вместо перевода книги Девиля написать новое изложение «Капитала». Когда рукопись была готова, он обратился к Энгельсу с просьбой просмотреть ее. 11 августа 1886 г. Энгельс ответил, что сделает с рукописью все, что в его силах, но отказался назначить какой-нибудь определенный срок. «Поэтому пришли мне свою рукопись, — писал он, — а там видно будет» (т. 36, стр. 425). Однако уже 13 сентября Энгельс сообщил Лауре Лафарг, что последнюю неделю он был занят просмотром немецкого изложения «Капитала», составленного Каутским, и добавил, что оно очень нуждалось в просмотре (см. т. 36, стр. 447). Книга Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» вышла с авторским предисловием, помеченным октябрём 1886 г.

Выпуск новых изданий первого тома «Капитала» составил лишь меньшую часть работы, выполненной Энгельсом в отношении главного произведения Маркса после смерти его автора. Несравненно больше труда было затрачено Энгельсом на подготовку и публикацию второго и третьего томов «Капитала», которые, как известно, были оставлены автором в незаконченном виде. В статье об Энгельсе Ленин приводит слова австрийского социалиста Виктора Адлера, заметившего, что изданием этих томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Соглашаясь с этим мнением, Ленин добавляет: «Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса»¹.

Свое литературное наследство Маркс завещал Энгельсу и своей младшей дочери Элеоноре, которая осенью 1884 г. вышла замуж за английского социалиста Эдуарда Эвелинга. Элеонора Маркс-Эвелинг оказала Энгельсу определенную помощь в предварительном разборе рукописей Маркса. Однако основная работа по их подготовке и изданию легла, естественно, на плечи Энгельса. В его руках оказались многочисленные рукописи, состоявшие в значительной части из отрывков, из которых многие представляли собой различные варианты, подвергавшиеся последовательной переработке. Надо было прежде всего разобраться в этих рукописях, написанных крайне неразборчивым почерком Маркса, который иногда сам автор не мог расшифровать. Надо было, далее, для каждой части выбрать основной вариант и дополнить его материалом из остальных неиспользованных вариантов.

Разрозненные черновые наброски в результате громадного труда Энгельса превратились в два тома «Капитала», причем свое редакционное вмешательство Энгельс ограничивал самыми узкими рамками, не делая

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 12.

никаких изменений, которые нарушали бы идентичность текста Маркса.

После смерти Маркса Энгельс без промедления приступил к работе над последними томами «Капитала». Уже 25 марта 1883 г. он сообщает Лауре Лафарг, что среди рукописей ее покойного отца найден большой сверток — свыше 500 страниц ин-фолио, содержащий большую часть, если не весь текст второго тома «Капитала». Он добавляет, что, поскольку неизвестно, в какой мере этот том подготовлен к опубликованию, а также, будут ли обнаружены еще другие относящиеся к нему материалы, лучше воздержаться от сообщения об этом в печати (см. т. 35, стр. 389).

В этот период Энгельс еще предполагал, так же как и Маркс, выпустить две последние книги «Капитала» — «Обращение капитала» и «Процесс капиталистического производства, взятый в целом» — в одном томе.

В начале апреля 1883 г. Энгельс в одном из писем упоминает, что нашел рукопись «Обращение капитала» и из третьей книги — «Формы процесса, взятого в целом» — около 1000 страниц. Спустя несколько дней он пишет другому адресату, что Маркс оставил объемистую рукопись второго тома «Капитала», которую необходимо прочесть, прежде чем можно будет сказать, в какой мере она готова к печати и насколько нуждается в дополнениях из более поздних тетрадей. Но общая картина для Энгельса уже ясна. «Во всяком случае, — пишет он, — *главное — есть*» (т. 36, стр. 6).

Дальнейшее ознакомление с рукописными материалами по «Капиталу» раскрывает перед Энгельсом более ясную картину той работы, которую предстоит выполнить. «Прежде всего необходимо издать второй том «Капитала», а это не шутка, — пишет он 22 мая 1883 г. И. Ф. Беккеру. — Рукопись второй книги существует в 4 или 5 редакциях, из которых только первая закончена, а позднейшие только начаты. Понадобится немало труда, так как у такого человека, как Маркс, каждое слово на вес золота. Но мне этот труд приятен — ведь я снова вместе со своим старым другом» (т. 36, стр. 24).

Несколько подробнее освещено положение дел в письме Лауре Лафарг. Энгельс сообщает, что второй том

будет стоять ему большого труда. Имеется полный текст, относящийся примерно к 1868 г., но это лишь сырой набросок. Затем имеются три или четыре переработки, относящиеся к более поздним годам, но ни одна из них не закончена. Что касается третьей книги, то тут предстоит особенно большая работа над разделом о земельной ренте, в котором будет необходимо разобраться в сделанных Марксом выдержках из русской литературы (см. т. 36, стр. 27).

В одном из следующих писем, перечисляя первоочередные свои работы, Энгельс пишет, что ему придется сличить три-четыре варианта начала второго тома и подготовить его к печати, а для этого необходимо переписать начисто весь том. Начало существует по меньшей мере в четырех вариантах, ибо Маркс часто приступал к работе и каждый раз болезнь прерывала окончательную редакцию, сообщает он в конце июня 1883 г. Ф.-А. Зорге, и добавляет, что ему еще не удалось установить, в какой мере расположение материала и окончание последнего варианта, помеченного 1878 г., согласуются с первым вариантом, написанным еще до 1870 г. (см. т. 36, стр. 31, 40—41).

Спустя два месяца он пишет Бебелю, что подготовка второго тома представит «каторжный труд», и поясняет: «Наряду с совершенно разработанными частями — другие только в набросках, все в черновом виде, за исключением, примерно, двух глав. Цитаты в беспорядке, записаны все вместе, как попало, собраны только для того, чтобы позже сделать из них выборки. К тому же по черк, который могу читать только я, да и то с трудом» (т. 36, стр. 50).

Вскоре Энгельс настолько ознакомился с содержанием оставленных Марксом рукописей, что в дальнейших письмах он более подробно характеризует их содержание. Вместе с тем он уточняет даты их написания: оказалось, что большая часть рукописей более раннего происхождения, чем первоначально представлялось Энгельсу. 18 сентября 1883 г. он сообщает одному из своих адресатов, что второй том «Капитала» будет стоять ему еще немало труда, так как большая часть рукописи относится ко времени до 1863 г. и местами представляет

собой только черновик. И он добавляет, что эта книга очень разочарует вульгарных социалистов. «Она содержит почти исключительно строго научные, очень тонкие исследования процессов, которые происходят внутри самого класса капиталистов, и ничего такого, из чего можно было бы фабриковать ходкие словечки и громкие фразы» (т. 36, стр. 55).

Более подробные сведения содержатся в письме П. Л. Лаврову, написанном в конце января 1884 г. В этом письме Энгельс сообщает, что он наконец начинает разбираться во втором томе. Для наиболее важных частей второй книги — «Обращение капитала» — существует редакция 1875 г. и более позднего времени. Это касается начала и конца книги, для средней же части имеется не меньше четырех вариантов, написанных до 1870 г. Третья книга — «Процесс капиталистического производства, взятый в целом» — существует в двух вариантах, написанных до 1869 г. К более позднему времени относится только несколько заметок и целая тетрадь уравнений для вычисления разнообразных факторов, действующих при превращении нормы прибавочной стоимости в норму прибыли. Далее имеются извлечения из книг о России и Соединенных Штатах, содержащие множество материалов и заметок о земельной ренте, а также заметки, относящиеся к денежному капиталу, кредиту, бумажным деньгам как орудию кредита и т. д. «Для меня важнее всего, чтобы книга вышла как можно скорее, — заключает Энгельс, — и затем особенно важно, чтобы то, что я издаю, было настоящим произведением Маркса» (т. 36, стр. 84).

Уже в начале 1884 г. Энгельс пришёл к заключению, что придется отказаться от первоначального намерения опубликовать вторую и третью книги «Капитала» в одном томе. Ему становится ясно, что каждая из этих двух книг должна быть издана отдельно. Об этом впервые упоминается в письме Лауре Лафарг от 16 февраля. Сообщая, что среди рукописей Маркса имеется первый вариант «Капитала» и «Теорий прибавочной стоимости» размером в несколько сот страниц, Энгельс пишет, что материала достаточно, чтобы разделить второй том на два отдельных тома (см. т. 36, стр. 98).

В марте 1884 г. он сообщает, что договорился с издателем «Капитала» Мейснером о том, чтобы выпустить отдельно вторую книгу «Капитала», за которой следует третья и «Теории прибавочной стоимости» в качестве второй половины второго тома (см. т. 36, стр. 113). Вскоре, однако, и в этот план пришлось внести корректив в том смысле, что третья книга «Капитала» была выпущена отдельно, без «Теорий прибавочной стоимости».

Разобравшись в оставленных Марксом рукописях, Энгельс приступил к диктовке текста приглашенному для этой цели секретарю. Энгельс прибег к этому отчасти из-за болезни, которая на длительное время почти лишила его возможности писать. О ходе работы он упоминает в ряде писем, относящихся к летним месяцам 1884 г. (см. т. 36, стр. 141, 146, 149, 150 и след.). «Диктовка II книги «Капитала» подвигается превосходно, — сообщает он, например, 26 июня. — Мы работаем уже над вторым отделом, но там большие пробелы. . . Дальнейший путь мне ясен, и этого достаточно» (т. 36, стр. 146).

То, что Энгельс диктовал секретарю, представляло собой лишь предварительную редакцию, которая подлежала еще окончательной обработке. Во второй половине августа он упоминает о том, что со вторым томом «Капитала» «предстоит чертовски много работы. . .» (т. 36, стр. 174).

К этому времени весь текст второго тома был уже продиктован и некоторая часть окончательно отредактирована. 11 ноября Энгельс в одном из писем упоминает, что на следующий день принимается «за чрезвычайно сложную окончательную редакцию третьего отдела II книги «Капитала»» (т. 36, стр. 202). Из дальнейших писем ясно, что основную часть рукописи Энгельс отправил в издательство в январе 1885 г., а последнюю часть — в конце февраля того же года (см. т. 36, стр. 227, 232, 244, 245). Под предисловием ко второму тому стоит пометка: «Лондон, в день рождения Маркса, 5 мая 1885 г.» (т. 24, стр. 24). Первые экземпляры книги Энгельс получил от издателя, по-видимому, в июле (см. т. 36, стр. 297).

В предисловии ко второму тому Энгельс прежде всего дает подробный обзор рукописного наследства Маркса, имеющего отношение к «Капиталу».

«Подготовить к печати вторую книгу «Капитала» и притом так, чтобы она представляла собой, с одной стороны, связанное и по возможности законченное произведение, а с другой стороны, произведение исключительно автора, а не редактора, — это было нелегкой работой» (т. 24, стр. 3). Так Энгельс начинает предисловие ко второму тому «Капитала». Далее он перечисляет обстоятельства, затруднявшие его задачу.

Сюда относится прежде всего многочисленность рукописей, которые Маркс неоднократно перерабатывал. Рукописи носили отрывочный характер. Главная масса материала хотя и была большей частью отработана по существу, но осталась недостаточно отделанной стилистически. Во многих случаях рукопись представляла запись мыслей в той форме, в какой они в той или иной связи развивались в голове автора. В конце глав часто стояло лишь несколько отрывочных фраз, намечающих развитие мысли, оставшееся незаконченным. Обилие оставленного Марксом рукописного наследства показывает, как пишет Энгельс, с какой изумительной добросовестностью Маркс старался отработать до полного совершенства свои великие экономические открытия, прежде чем выпустить их в свет.

Описание экономических рукописей Маркса Энгельс начинает с краткой характеристики обширного манускрипта, относящегося к 1861—1863 гг. Эта рукопись является прямым продолжением работы «К критике политической экономии» и охватывает огромный круг проблем. Ее главную часть составляют «Теории прибавочной стоимости», которые Энгельс в соответствии с планами Маркса имел в виду опубликовать в виде четвертого тома «Капитала». Как ни драгоценна эта рукопись, писал Энгельс, однако для второго тома «Капитала» ею пришлось мало воспользоваться.

Следующая по времени рукопись Маркса относится к 1864—1865 гг. и охватывает содержание третьего тома «Капитала». Лишь после того как она была в основном

готова, Маркс приступил к обработке для печати первого тома своего главного труда.

Затем Энгельс описывает ряд рукописей, созданных уже после выхода первого тома «Капитала». Эти рукописи и легли в основу подготовленного им второго тома. В процессе дальнейшей работы, часто прерываемой болезнями, Маркс неоднократно возвращался к темам, уже ранее рассмотренным, и излагал их заново.

Обрисовав таким образом материал второго тома, Энгельс пишет, что поручение Маркса — из всего этого «что-нибудь сделать» — он принял в самых узких его рамках. Где только было возможно, он ограничил свою работу простым выбором между различными редакциями, беря в основу последнюю редакцию и сличая ее с более ранними. Встречавшиеся затруднения, особенно в первом и третьем отделах, Энгельс старался разрешать исключительно в духе автора, ограничиваясь по возможности буквальным воспроизведением рукописей, изменяя в стиле лишь то, что изменил бы сам Маркс, и вставляя кое-какие пояснительные предложения и переходы там, где это было совершенно необходимо (см. т. 24, стр. 4, 9).

4

Во второй части предисловия Энгельс разоблачает измышление врагов марксизма, будто бы теория прибавочной стоимости была Марксом заимствована у Родбертуса. Обвинение это, как отмечает Энгельс, сначала выдвигалось исподтишка и лишь отдельными авторами. После же смерти Маркса, когда пигмеи буржуазной «науки» перестали испытывать сдерживающий страх перед его беспощадным пером, эта вздорная клевета превратилась в официальную доктрину немецких катедер-социалистов, апологетов так называемого государственного социализма Бисмарка и их единомышленников. Но реакционные клеветники, надеясь на безнаказанность, жестоко просчитались. Они были пригвождены к позорному столбу Энгельсом.

Разоблачение мифа, созданного вокруг Родбертуса, было чрезвычайно важной политической задачей в связи с тем, что этот миф получил поддержку со стороны оппортунистических элементов, всех тех, кто, по выражению Энгельса, «блуждает на пограничной полосе между нашей партией и государственным социализмом, произносит сочувственные речи, но все же желает избежать неприятностей с полицией...» (т. 36, стр. 176). Дело происходило при действии бисмарковского исключительного закона против социалистов. Такие реформистские политики, как Шиппель, Кварк, Фрейвальд, усвоили манеру брать Родбертуса и Маркса за одни скобки. Спустя полтора десятилетия эти люди явились столпами ревизионизма бернштейнианского толка.

Еще в феврале 1884 г. Энгельс в одном из писем замечает, что миф о Родбертусе, ведущий свое начало от Рудольфа Мейера, получил такое распространение в Германии, Англии и даже Америке, что этому нужно положить конец. И он набрасывает план разоблачения этого мифа. «Я докажу: 1) что в 1850 г. нам не представилось случая чему-либо научиться у г-на Родбертуса; 2) что мы его вовсе не знали; 3) что его великие открытия были банальностями еще в 1848 году; 4) что его специфические социалистические панацеи подвергнуты критике уже в «Нищете», *прежде* чем Родбертус их открыл» (т. 36, стр. 95).

Энгельс внимательно следил за походом родбертианцев против Маркса и тщательно готовил контратаку. Излюбленным коньком Родбертуса было использование теории стоимости Рикардо для социалистических выводов. Но именно так поступали английские социалисты-рикардианцы примерно с 1830 г. Их теории были подвергнуты Марксом решительной критике еще в «Нищете философии», опубликованной в 1847 г. на французском языке. В связи с шумной кампанией родбертианцев Энгельс придает большое значение немецкому переводу этого произведения, в котором Маркс «заранее, и сам того не зная, подверг критике как написанные, так и все остальные, еще не написанные, произведения этого самого Родбертуса. Я думаю, — пишет Энгельс своим немецким друзьям, — что с нападением нам лучше всего

подождать, пока «Нищета» не выйдет по-немецки, а там ударим как следует (я имею в виду главную атаку...» (т. 36, стр. 118).

Готовясь к этой генеральной атаке, Энгельс прочитывает ряд произведений Родбертуса и его последователей — Рудольфа Мейера, Адольфа Вагнера и др. Его приводят в возмущение «олухи», «цепляющиеся с одной стороны за нас, а с другой за катедер-социалистов и желающие застраховаться с обеих сторон...». В связи с тем что «сейчас даже Адольфы Вагнеры и прочие бисмаркианцы возводят его в пророки карьеристского социализма, — считает Энгельс, — у нас нет абсолютно никаких оснований щадить эту изобретенную самим Родбертусом и раздутую Мейером величину...». И он дает «величине» убийственную характеристику:

«Человек этот не дал абсолютно ничего в области политической экономии; он был очень талантлив, но всегда оставался дилетантом и прежде всего был по-померански невежествен и по-прусски заносчив. Максимум его достижений — это ряд остроумных и верных положений, но он никогда не умел их применить. Да и как вообще может приключиться с порядочным человеком, чтобы его писания стали евангелием бисмарковских карьеристов-социалистов?» (т. 36, стр. 129).

Спустя некоторое время Энгельс в одном из писем сообщает о своем намерении разделить возражения Родбертусу на две части, поместив одну в предисловии ко второму тому «Капитала», а другую — в предисловии к «Нищете философии». «В «Капитале», — писал он, — я должен буду соблюдать достоинство, в предисловии же к «Нищете» смогу говорить не стесняясь» (т. 36, стр. 174).

В предисловии ко второму тому «Капитала» Энгельс прежде всего устанавливает, что обвинение в плагиате у Родбертуса не было известно Марксу. Единственное, что знал Маркс в этой связи, это одно из писем Родбертуса, в котором тот писал: «Откуда *происходит прибавочная стоимость* капиталиста, это я показал в моем третьем социальном письме *по существу совершенно так же, как Маркс, только короче и яснее*». Это письмо Маркс показал Энгельсу, заметив, что если Родбертус

не утверждает ничего более, то для него, Маркса, эти утверждения безразличны, а если Родбертус считает свое собственное изложение более кратким и ясным, то можно оставить его при этом удовольствии (см. т. 24, стр. 11).

Маркс полагал, что письмом Родбертуса все дело исчерпано. Однако Родбертус не ограничился письмом и выдвинул против Маркса обвинение в плагиате. Обвинение это было подхвачено затем учениками Родбертуса и стало повторяться ими на все лады. Энгельс опровергает это злостное измышление уже установлением того факта, что вся литературная деятельность Родбертуса оставалась неизвестной Марксу до 1859 г., когда его собственная критика политической экономии была готова не только в основных чертах, но и в важнейших подробностях. Еще во время революции 1848 г., когда Маркс впервые услышал о существовании Родбертуса, который стал тогда министром, Маркс и без помощи Родбертуса «очень хорошо знал не только откуда, но и как «происходит прибавочная стоимость капиталиста»...» (т. 24, стр. 11), о чем свидетельствуют такие его работы, как «Нищета философии» и «Наемный труд и капитал».

Затем, разбирая теоретические воззрения Родбертуса по существу, Энгельс выясняет с полнейшей неопровержимостью, что они не имеют ничего общего с теорией прибавочной стоимости Маркса. В то время как теория прибавочной стоимости Маркса знаменовала собой глубокий революционный переворот в экономической науке, Родбертус в конечном счете не пошел дальше беспомощного топтания на месте, повторения давно известных общих мест, в конце концов запутываясь в кругу неразрешимых противоречий.

В написанном также в 1884 г. предисловии к первому немецкому изданию «Нищеты философии» Энгельс устанавливает несомненную близость взглядов Родбертуса и Прудона, равно как ранних английских социалистов-рикардианцев Грея и Брея, чьи утопические взгляды были подвергнуты критике в «Нищете философии». Отмечая, что вышедшая в 1842 г. книга Родбертуса «К познанию нашего экономического строя» была для

своего времени «многообещающим началом», Энгельс показывает, что в дальнейшем, принявшись развивать теорию Рикардо в направлении к утопии, Родбертус полностью отрезал себе путь к научному прогрессу.

«С 1842 г. до своей смерти Родбертус вертится как белка в колесе, постоянно повторяет одни и те же мысли, высказанные или намеченные уже в первом его произведении, чувствует себя непризнанным, считает себя ограбленным там, где нечего было грабить, и, наконец, не без умысла отказывается понять, что он вновь открыл в сущности давно уже открытое» (т. 21, стр. 193).

5

Выход второго тома «Капитала» был встречен официальной германской наукой тем же заговором молчания, каким встречались и многие другие работы Маркса. В одном из писем Н. Даниельсону Энгельс в этой связи замечает, что во втором томе развиты теории столь высокого порядка, что рядовой читатель не даст себе труда вникнуть в их глубину и проследить их до конца. «... Это и происходит в Германии, где вся историческая наука, включая политическую экономию, пала так низко, что едва ли возможно опуститься ниже». Отмечая, что для буржуазных экономистов второй том навсегда останется книгой за семью печатями, Энгельс выражал уверенность, что зато третий том «заставит их заговорить» (т. 36, стр. 324).

Это предсказание оправдалось полностью: действительно, выход третьего тома Марксова труда развязал языки ученым — прислужникам буржуазии, они вынуждены были заговорить.

Первоначально Энгельс рассчитывал вскоре после выхода второго тома «Капитала» опубликовать и третий том. В предисловии ко второму тому он писал, что подготовка третьего тома к печати быстро подвигается вперед (см. т. 24, стр. 9). В процессе работы над вторым томом у него сложилось впечатление, что с третьим томом удастся управиться в сравнительно короткие

сроки. Так, в письме Беккеру от 20 июня 1884 г. говорится, что второй том появится «еще до конца этого года», а третий — «в будущем году» (т. 36, стр. 141). Однако этот расчет не оправдался. Третий том вышел из печати лишь в конце 1894 г., всего за полгода до смерти Энгельса. Между изданием второго и третьего томов прошло немногим менее десяти лет.

Чем объясняется такая большая задержка? В предисловии к третьему тому Энгельс останавливается на тех препятствиях, которые так замедлили издание этого тома. Это, с одной стороны, трудности, связанные с подготовкой текста, и, с другой стороны, трудности другого порядка.

Прежде всего и больше всего Энгельсу мешала слабость зрения, сильно ограничившая время, которое он мог проводить за письменным столом. Много сил у него отнимали другие неотложные работы — новые издания и переводы прежних работ Маркса и его собственных, связанные с необходимостью написания предисловий, пересмотра текста, составления дополнений и т. п. Десятилетие, прошедшее от момента появления второго тома «Капитала» до издания третьего, было отмечено небывалым ранее повышением интереса к социалистической литературе, который был лишь симптомом роста международного рабочего движения.

«А это налагало на меня новые обязанности», — пишет Энгельс, отмечая, что деятели рабочего движения всех стран прибегали к его помощи гораздо чаще, чем ему хотелось бы, исходя из интересов теоретической работы. «Но кто, подобно мне, более пятидесяти лет активно участвовал в этом движении, для того вытекающие отсюда дела являются неотложной обязанностью, требующей немедленного исполнения» (т. 25, ч. I, стр. 3—4).

Кипучая политическая деятельность, которой Энгельс не оставлял до последних дней жизни, и явилась одной из причин, надолго задержавших выпуск в свет третьего тома «Капитала». Другая, и притом, возможно, еще более серьезная, причина заключалась в том, что подготовка третьего тома оказалась делом несравненно более сложным, чем представлялось вначале. Объем работы, которую необходимо было выполнить, раскрывался пе-

Das Kapital.

Kritik der politischen Oekonomie.

Von

Karl Marx.

Dritter Band, erster Theil.

Buch III:

Der Gesamtproceß der kapitalistischen Produktion.

Kapitel I bis XXVIII.

Herausgegeben von Friedrich Engels.

Das Buch der Uebersetzung ist vorbehalten.

Росс. Перев.
Фридрих Энгельс
Ленинград 1. Изд. 1894.

Hamburg

Verlag von Otto Meissner.

1894.

Титульный лист III тома «Капитала» К. Маркса
с автографом Фридриха Энгельса
на русском языке

ред Энгельсом постепенно, по мере того как он основательнее знакомился с рукописями и переходил от одного отдела к другому, от одной главы к другой.

Уже после окончания всего труда Энгельс в предисловии к третьему тому указывал, что работа по подготовке этого тома носила существенно иной характер, чем работа по редактированию второго тома. Для третьего тома в отличие от второго имелся только один первоначальный набросок, к тому же изобиловавший пробелами. «Как правило, — писал Энгельс, — начало каждого отдела было довольно тщательно обработано, даже в большинстве случаев отшлифовано стилистически. Но чем дальше, тем более эскизной и неполной становилась обработка рукописи. . .» (т. 25, ч. I, стр. 4). Текст прерывался экскурсами по побочным вопросам, мысли записывались в том порядке, как они рождались в голове автора, работа по окончательному расположению материала откладывалась до позднейшего времени, а изложение носило печать участвовавших приступов болезни.

Основные вопросы, рассматриваемые во всех трех томах «Капитала», разрабатывались его автором на протяжении ряда лет. Результаты этих исследований воплощены в предварительной рукописи, относящейся к 1857—1858 гг., и в особенности в рукописи 1861—1863 гг., центральную часть которой составляют «Теории прибавочной стоимости». В одной из тетрадей рукописи 1861—1863 гг. Маркс записал наброски планов первого и третьего томов «Капитала». Оба варианта плана в дальнейшем подверглись, естественно, известным изменениям. В наброске плана третьего тома он еще называется третьей частью, или отделом, «Капитала» и фигурирует под заголовком «Капитал и прибыль». Содержание этой части Маркс предполагал разделить на следующие подразделы:

- 1) Превращение прибавочной стоимости в прибыль. Норма прибыли в ее отличии от нормы прибавочной стоимости.

- 2) Превращение прибыли в среднюю прибыль. Образование общей нормы прибыли. Превращение стоимостей в цены производства.

3) Теории прибыли и цен производства у А. Смита и Рикардо.

4) Земельная рента (Иллюстрация различия между стоимостью и ценой производства).

5) История так называемого рикардовского закона земельной ренты.

6) Закон падения нормы прибыли. А. Смит, Рикардо, Кэри.

7) Теории прибыли.

8) Распадение прибыли на промышленную прибыль и процент. Торговый капитал. Денежный капитал.

9) Доход и его источники. Сюда же включить и вопрос об отношении между процессом производства и процессом распределения.

10) Возвратные движения денег в совокупном процессе капиталистического производства.

11) Вульгарная политическая экономия.

12) Заключение. Капитал и наемный труд (см. т. 26, ч. I, стр. 425).

Изменения, внесенные Марксом в этот план в процессе дальнейшей работы, связаны прежде всего с тем, что уже в 1886 г. он решил подразделить весь труд на четыре книги: 1) процесс производства капитала; 2) процесс обращения капитала; 3) формы всего процесса в целом; 4) к истории теории (см. т. 31, стр. 448). В связи с этим, естественно, отпали пункты плана, посвященные истории теорий.

Далее, изменен был и порядок следования отдельных пунктов. Раздел о земельной ренте был помещен после рассмотрения торгового и денежного капитала. В результате этого закон тенденции нормы прибыли к понижению занял место вслед за общей нормой прибыли и ценами производства.

Наконец, одни пункты были в дальнейшем разделены, а другие слиты. Исследование торгового капитала и денежного капитала составило содержание двух разделов. Вопросы, касающиеся доходов и их источников, вульгарной экономии, капитала и наемного труда, были объединены в одном, последнем разделе тома.

Основная рукопись третьего тома «Капитала» была создана Марксом в течение 1865 г. С начала 1866 г.

Маркс приступил к окончательной обработке первого тома, как это видно из его писем Энгельсу и другим лицам, а также из писем Жени Маркс, относящихся к январю — февралю 1866 г. (см. т. 31, стр. 146, 418, 420, 493—495). После этого Маркс неоднократно возвращался к основной рукописи третьего тома, переписывал заново отдельные ее части, собирал новые материалы, особенно для разделов о земельной ренте и о денежном капитале.

В ходе работы над рукописью Маркса Энгельс составил схему расчленения и расположения материала, которая легла в основу дальнейшей подготовки третьего тома. В этой схеме содержание тома разделено на семь частей:

1. Норма прибыли вообще.
2. Средняя норма прибыли.
3. Тенденция нормы прибыли к понижению.
4. Превращение товарного и денежного капитала в товарно-торговый и денежно-торговый капитал.
5. Распадение прибыли на процент и предпринимательский доход. Капитал, приносящий процент. Кредит.
6. Превращение добавочной прибыли в земельную ренту.
7. Доходы: прибыль, земельная рента, заработная плата¹.

Письма Энгельса дают достаточно ясную картину того, как, с одной стороны, обстоятельства внешнего порядка задерживали ход работы над третьим томом и как, с другой стороны, в самом процессе работы возникали новые трудности, обусловленные состоянием имевшихся подготовительных материалов.

По мере того как Энгельс вчитывался в рукописи, относящиеся к третьему тому, перед ним раскрывалось все значение и объем проделанной Марксом работы. В марте 1885 г. он пишет Лауре Лафарг, что третий том оказывается все более грандиозным трудом, чем глубже

¹ Схема опубликована в содержательной статье И. Г. Казьминой «Работа Энгельса над подготовкой III тома «Капитала» Маркса» в сборнике «Из истории марксизма». М., 1961, стр. 388—389.

он вработывается в него. Совершенно непостижимо, продолжает он, как мог человек, совершивший такие громадные открытия, такую полнейшую научную революцию, оставлять их при себе и не публиковать в течение двадцати лет (см. т. 36, стр. 246).

Уже предварительное ознакомление с материалами третьего тома побудило Энгельса стремиться к скорейшей его публикации. Но в течение всего десятилетия, прошедшего между выходом второго тома «Капитала» и опубликованием третьего тома, Энгельс был чрезвычайно загружен неотложными работами.

«Пока III книга «Капитала» не продиктована до конца, — пишет Энгельс в середине 1885 г., — день у меня занят с 10 до 5, а по вечерам, не говоря уже о приеме гостей, мне приходится не только отвечать на многочисленные письма, количество которых все возрастает, но и просматривать продиктованное и редактировать французские, итальянские, датские и английские переводы наших произведений...» (т. 36, стр. 285—286).

Несколько позже Энгельс сообщает Бебелю, что он уже в общем продиктовал до конца рукопись третьего тома и рассчитывает осенью после небольшого отдыха и выполнения других спешных работ приступить к окончательной редакции. «Но теперь, — добавляет он, — я спокоен: рукопись переписана разборчивым почерком, на худой конец ее можно будет напечатать и так, если за это время моя песенка будет спета. Пока эта работа не была завершена, я не имел ни минуты покоя. Впрочем, редакция трех весьма существенных отделов, то есть двух третей всей книги, — тоже адский труд» (т. 36, стр. 298).

В ноябре 1885 г. Энгельс в одном из писем сообщает, что в процессе работы над третьим томом он закончил первоначальную работу по переписке оригинала начисто в разборчивом виде. «Три четверти рукописи почти готовы для печати; но остальная четверть или, возможно, треть тома потребует много труда: первый отдел (отношение нормы прибавочной стоимости к норме прибыли), затем следующие отделы — о кредите и, частью, о земельной ренте; кроме того, отдельные места почти во всех остальных отделах» (т. 36, стр. 324—325).

В 1885—1886 гг. Энгельс затратил много труда и энергии на осуществление английского перевода первого тома «Капитала». Английскому изданию он придавал очень большое значение. Энгельс просматривал перевод и тщательно правил текст. Это, естественно, заставило Энгельса на время отложить дальнейшую работу над третьим томом. Еще в августе 1886 г. он жалуется, что ему пришлось даже отложить всю корреспонденцию, кроме самой неотложной, пока английский перевод первого тома «Капитала» не был окончательно подготовлен к печати (см. т. 36, стр. 426).

В сентябре того же года он пишет, что тройная корректура английского перевода «Капитала» неделями держала его в таком напряжении, что он не мог взяться ни за что другое. «Как только перевод будет готов, я должен буду прежде всего отделаться от навязанных мне второстепенных работ — редактирования произведений других авторов, в особенности переводов, — и не позволять взваливать на себя *какие бы то ни было новые* работы, чтобы снова взяться за третий том. Он уже полностью переписан под мою диктовку, но потребует еще добрых полгода напряженной работы. Этот проклятый английский перевод стоил мне почти целого года труда. Но это было абсолютно необходимо, и я об этом не жалею» (т. 36, стр. 450, 452).

Однако и в течение следующих месяцев Энгельс оказывается вынужденным заниматься многими неотложными делами. В конце 1887 и начале 1888 г. он вновь сообщает, что после нового года ему нужно будет приняться за третий том «Капитала» и для этого щадить свои глаза (см. т. 36, стр. 609).

В конце 80-х годов отношения между европейскими державами переживают ряд кризисов и возникает опасность войны. Энгельс высказывает надежду, что военная гроза пронесется мимо. «...Ведь и без того, — пишет он Ф.-А. Зорге, — все складывается настолько хорошо и в таком соответствии с нашими желаниями, что мы отлично можем обойтись без нарушения нормального хода вещей всеобщей войной...» (т. XXVIII, стр. 8). Энгельс считает, что в связи с напряженностью обстановки в Европе ему следует поторапливаться с тре-

тым томом. «Но события требуют, — добавляет он, — чтобы я был в курсе дела, и это отнимает много времени, в особенности военные дела...» (т. XXVIII, стр. 10).

Эти строки написаны в январе 1888 г. Но проходит ряд месяцев, и все время Энгельса заполнено текущей политической деятельностью. Осенью он предпринимает поездку за океан. И лишь в октябре он вновь упоминает, что обязан немедленно приняться за третий том и закончить его (см. т. XXVIII, стр. 55). Между тем по мере продвижения вперед трудности все возрастали. В ноябре 1888 г. Энгельс сообщает Лауре Лафарг, что он был занят очень важным разделом третьего тома, который ему пришлось весь переписать заново, так как оставленные Марксом материалы — это все черновики. «Поскольку раздел этот математический, — добавляет Энгельс, — он потребовал большого внимания»¹.

В декабре того же года Энгельс сообщает Бебелю, что работает теперь над третьим томом «Капитала». А в письме Зорге он замечает, что подготовка третьего тома требует большего труда, чем он предполагал. Более подробное замечание содержится в одном из писем от января 1889 г.: «Что касается III тома, то 1-й раздел (из семи) готов к печати, а над 2-м и 3-м я как раз работаю и надеюсь скоро их закончить» (т. XXVIII, стр. 63, 70).

Однако в течение ряда месяцев Энгельс был занят огромной работой, связанной с подготовкой и созданием II Интернационала, первый конгресс которого открылся в Париже 14 июля 1889 г., в сотую годовщину падения Бастилии. На плечи Энгельса легли переговоры и интенсивная переписка с социалистическими организациями и их деятелями из многих стран. Много времени и сил отнимала борьба против интриг оппортунистических политиканов, пытавшихся тем или иным способом сорвать созыв международного социалистического конгресса. Все это не могло не отвлекать Энгельса от работы над рукописью третьего тома «Капитала». В апре-

¹ *Frederic Engels, Paul and Laura Lafargue. Correspondence*, vol. II, 1960, p. 164.

ле 1889 г. он жалуется в письме Либкнехту, что «из-за этой проклятой истории целых четыре недели не мог написать ни строчки для III тома...» (т. XXVIII, стр. 97).

«За последние три месяца, — сообщает Энгельс в письме Н. Даниельсону в июле 1889 г., — III том оставался без всякого движения из-за всякого рода неизбежных помех...» В этом же письме Энгельс дает новые подробности о состоянии рукописи.

«Раздел о банках и кредите представляет значительные трудности, — пишет он. — Руководящие принципы изложены и тут достаточно ясно, но весь контекст таков, что предполагает у читателя хорошее знакомство с важнейшими работами в этой области, например с работами Тука и Фуллартона, а так как этого обычно не бывает, то потребуется много пояснительных примечаний и т. п. . .

Последний раздел — «О земельной ренте» — требует, насколько мне помнится, только формального просмотра, так что, когда будет закончен раздел о банках и кредите, а это — одна треть всего тома, то работа над последней третью (рента и различные виды дохода) много времени не отнимет. Но, так как этот заключительный том представляет собой такое блестящее и абсолютно неопровержимое произведение, я считаю себя обязанным выпустить его в таком виде, в котором вся цепь аргументов выступала бы совершенно ясно и выпукло. А при теперешнем состоянии рукописи, представляющей собою в известной мере лишь первый набросок, написанный с частыми перерывами и оставленный в незаконченном виде, это не так-то легко» (т. XXVIII, стр. 132).

Проходит несколько месяцев, и Энгельс в октябре 1889 г. сообщает Ф.-А. Зорге, что работает над четвертым изданием первого тома «Капитала»: «А затем — со всей энергией за III том». «К III тому я не имел возможности притронуться с самого февраля, — жалуется он в следующем письме. — ...Но недели через две я все-таки снова примусь за III том и уже не допущу никаких, решительно никаких перерывов». Как видно из другого письма, он в это время предполагал подготовить окончательную редакцию третьего тома в течение весны

(см. т. XXVIII, стр. 151, 152—153, 155). В середине ноября 1889 г. он сообщает Лауре Лафарг, что четвертое издание первого тома уже находится в печати, и он возвращается к работе над третьим томом. Это нелегкая работа, добавляет он, но она должна быть сделана¹.

В апреле 1890 г. Энгельс вновь сетует: «Третий том «Капитала» тяжким бременем лежит на моей совести; некоторые разделы находятся в таком состоянии, что их нельзя опубликовать без тщательной проверки и частичной перестановки материала. . . Когда я справлюсь с пятым разделом, то оба последующих доставят меньше труда; первые четыре просмотрены окончательно и готовы к печати. Если бы я мог на год совершенно отойти от текущего международного движения, не читать газет, не писать писем, ни во что не вмешиваться, то легко закончил бы работу». А в конце 1890 г. Энгельс пишет Либкнехту: «Если бы вы не дергали меня все время и дали мне закончить III том. . .» (т. XXVIII, стр. 197, 272).

В марте 1891 г. Энгельс в письме Ф.-А. Зорге перечисляет ряд работ, которые ему предстоит выполнить, и добавляет, что после этого он энергично и без всяких задержек примется за третий том. «За III том я снова примусь, — пишет он, — как только проклятые случайные мелкие работы и бесконечная переписка со всевозможными странами оставят мне для этого время. . . Надеюсь в этом году справиться. . .» В следующих письмах он решительно заявляет, что не возьмется ни за какую другую работу, пока не закончит подготовку третьего тома. В сентябре он вновь сообщает, что, как только покончит с текущими делами, непременно примется за третий том, а все остальное отбросит в сторону (см. т. XXVIII, стр. 298, 302, 310, 318, 342).

Однако покончить с текущими делами было не так-то просто. Одни дела сменялись другими, и Энгельсу приходилось откладывать работу над третьим томом ввиду неотложности других обязанностей. В сентябре 1891 г. в одном письме содержится упоминание: «Теперь отвечаю на некоторые залежавшиеся письма и работаю над

¹ *Frederic Engels, Paul and Laura Lafargue. Correspondence*, vol. II, p. 343.

III томом». В ноябре он сообщает Бебелю, что поглощен работой над III томом, который быстро подвигается вперед. В одном из следующих писем Энгельс, упоминая, что он вновь засел за третий том, замечает, что он переходит к самой трудной части, к последним 6—8 главам — о денежном капитале, банках, кредите и т. д. Он добавляет: «И тут уж мне придется основательно поработать, не допуская никаких перерывов, придется снова просмотреть литературу, словом, быть совершенно в курсе дела, вероятно, для того, чтобы, в конце концов, оставить почти все в том виде, как оно есть, но зато в полной уверенности, что я не сделал ни прямо, ни косвенно ни одной ошибки» (т. XXVIII, стр. 348, 381, 391—392).

С начала 1892 г. Энгельс в письмах систематически подчеркивает, что он не будет приниматься за какие-либо литературные работы раньше, чем окончит подготовку третьего тома «Капитала». Однако уже в марте он вновь жалуется, что непомерно загружен разной работой и «всякими пустяками». Он пишет Ф.-А. Зорге:

«Посмотрел бы ты на груду немецких, французских, итальянских, испанских, польских, русских, датских, американских, английских, а иногда и румынских газет, которые я получаю и которые должен хоть бегло просмотреть, чтобы оставаться в курсе движения. Наряду с этим — серьезные работы, поглощающие остаток моего времени. А переписка! У меня ее накопилось на неделю вперед! А между тем надо же закончить III том. Это ужасно. Но ничего, я справлюсь» (т. XXIX, стр. 11, 25, 28).

В другом письме Энгельс сообщает, что с нового года до середины марта — обычно самое спокойное время — он не имел возможности посвятить третьему тому ни одной минуты. Эта жалоба затем повторяется в июне (см. т. XXIX, стр. 39, 64). Осенью того же года, сообщая о своем намерении закончить III том «этой зимой», он добавляет: «Но, пожалуйста, об этом никому не говорите, я знаю, как часто у меня возникали неожиданные помехи...» (т. XXIX, стр. 119). Вскоре после этого Энгельс пишет, что «все это время добросовестно трудился над III томом и, к счастью, не без успеха».

Самое трудное — учение о кредите — уже позади, остаются два последних раздела, которых он совсем еще не касался, и затем окончательная техническая редакция всего тома — работа хотя и нетрудная, но очень кропотливая. В конце ноября он вновь ссылается на то, что «необходимо поспешить с окончанием III тома» (т. XXIX, стр. 155, 163).

В течение зимы 1892/93 г. в письмах Энгельса неоднократно встречаются упоминания о том, что он занят III томом. В феврале 1893 г. Энгельс сообщает Н. Даниельсону, что уже закончил — за исключением некоторых вопросов формы — редакцию пятого раздела (банки и кредит), наиболее трудного из всех как с точки зрения самого предмета, так и по состоянию рукописи. Оставшиеся два раздела он рассчитывал закончить в положенный срок. «Теперь я дошел до земельной ренты, — сообщает он спустя некоторое время, — на которую, возможно, придется потратить еще известное время, так что я еще не могу сказать, когда я кончу» (т. XXIX, стр. 181, 195, 204, 212).

Осенью 1893 г. Энгельс совершает поездку на континент, посещает Швейцарию и Германию, принимает активное участие в Цюрихском конгрессе II Интернационала. В ноябре он жалуется, что со времени возвращения в Лондон не смог даже дотронуться до работы над третьим томом. Но уже в декабре он сообщает: «Сейчас у меня остался еще только один раздел. . .» Накануне нового года он сообщает Ф.-А. Зорге, что первая треть рукописи III тома упакована в прочную клеенку и в ближайшие дни будет отправлена в печать. «Остальные две трети нуждаются еще в окончательной, главным образом технической, редакции. Если все пойдет хорошо, книга выйдет в сентябре» (т. XXIX, стр. 262, 273, 276).

В начале января 1894 г. Энгельс сообщает деятелям социалистических партий ряда стран, что третий том наконец в печати. В марте он уже отправляет первые листы книги Н. Даниельсону для перевода на русский язык. Следующая партия листов отсылается в июне. Две главы из пятого раздела тома Энгельс отправляет Каутскому для опубликования в «Neue Zeit». В декабре

1894 г. Энгельс посылает некоторым друзьям первые оттиски третьего тома (см. т. XXIX, стр. 278, 282, 295, 310, 313, 348).

При издании третьего тома «Капитала» Энгельс видел свою задачу в том, чтобы прежде всего подготовить возможно более аутентичный текст, ограничив свое вмешательство лишь абсолютно необходимым. После выхода третьего тома из печати высказывалось мнение, что Энгельс должен был превратить имевшийся в его распоряжении материал в систематически обработанную книгу. В частности, с подобными упреками обратился к Энгельсу Вернер Зомбарт, выступавший тогда с позиций слегка подкрашенного в марксистский цвет социал-либерализма¹. Обязанный своей известностью саморекламному заигрыванию с марксизмом и беззащитному «заимствованию» из «Капитала», Вернер Зомбарт впоследствии в своем беспардонном извращении Маркса дошел до таких пределов, что заслужил следующую похвалу от своего учителя Густава Шмоллера: «То, что Зомбарт оставил от Маркса, похоже на бесформенный торс, на тело, у которого не хватает ни рук, ни ног и к тому же вырвано сердце». Свой путь хамелеона Зомбарт завершил в стане тех представителей буржуазной лженауки, которые лакейски пресмыкались перед гитлеровскими разбойниками.

Но в 90-х годах XIX в. Зомбарт еще ходил в «передовых» деятелях науки. На выход третьего тома «Капитала» он откликнулся статьей «К критике экономической системы Карла Маркса», помещенной в издававшемся катедер-социалистами «Архиве» Брауна. Получив от Зомбарта эту статью, Энгельс ответил на его упрек в слегка ироническом тоне: «В заключение я должен поблагодарить Вас еще за хорошее обо мне мнение, побуждающее Вас считать, что я смог бы сделать из III тома нечто лучшее, чем он есть в его нынешнем виде». И далее Энгельс разъяснил свое отношение к этому мнению, указывая, что он его не разделяет и думает, «что выполнил свой долг, издав Маркса в формулировках самого Маркса, хотя бы это и грозило чита-

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 301.

телю несколько большим напряжением его способностей к самостоятельному мышлению»¹.

Энгельс подробно изложил свою точку зрения по этому вопросу в написанных несколько позднее, в мае — июне 1895 г., «Дополнениях к третьему тому «Капитала»». В пользу принятого им решения ограничить свое вмешательство в Марксов текст лишь самым необходимым он приводит ряд аргументов. Во-первых, такой человек, как Маркс, имеет право на то, чтобы быть выслушанным лично и передать потомству свои научные открытия в подлинном изложении. Во-вторых, замечает Энгельс, у него не было ни малейшего желания обращаться по своему усмотрению с наследием столь выдающегося человека. В-третьих, это было бы совершенно бесполезно. И он подробнее развивает соображения, высказанные им в письме к Зомбарту:

«Вообще бессмысленно чем-либо поступиться для людей, которые не могут или не желают читать, для тех, которые уже в отношении первого тома потратили больше усилий на его неправильное толкование, чем это было необходимо для того, чтобы его правильно понять. Для тех же, кто стремится к действительному пониманию, самым важным был именно подлинник; для них моя переработка в лучшем случае имела бы ценность комментария, и к тому же комментария к чему-то неизданному и недоступному» (т. 25, ч. II, стр. 461—462).

Полное представление об объеме работы, проделанной Энгельсом в процессе подготовки третьего тома «Капитала», можно будет иметь лишь после того, как будут опубликованы и станут достоянием научной общественности оставленные Марксом материалы этого тома². В предисловии к тому Энгельс ограничивается лишь немногими сведениями, которые, на его взгляд, были необходимы для ориентации читателя.

¹ Письмо Энгельса Зомбарту от 11 марта 1895 г. «Вопросы истории КПСС» № 2, 1962, стр. 134.

² Некоторые интересные детали на основе архивных материалов сообщаются в упомянутой выше статье И. Г. Казьминой «Работа Энгельса над подготовкой III тома «Капитала» Маркса» в сборнике «Из истории марксизма».

Значительного труда потребовал уже первый отдел книги — о превращении прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли, для которого, по свидетельству Энгельса, «основной рукописью можно было воспользоваться лишь с большими ограничениями» (т. 25, ч. I, стр. 5). Глава I этого отдела составлена Энгельсом на основе двух оставленных Марксом вариантов переработки текста, глава II взята из основной рукописи, глава III была составлена Энгельсом на базе переработанных им неоконченных математических исчислений Маркса с привлечением отдельных мест главной рукописи. Из главы IV имелось только заглавие, и Энгельс сам написал весь ее текст. Начиная с V главы он воспользовался основной рукописью, но и здесь потребовалось много перестановок и дополнений.

Три следующих отдела потребовали, по словам Энгельса, стилистической редакции рукописи; однако отдельные места рукописи были обработаны в соответствии со вставленной им IV главой.

Главные трудности были связаны с пятым отделом книги — о кредите и банках. Во время работы над этой частью рукописи Маркс был застигнут тяжким приступом болезни, и он оставил даже не готовый набросок или схему, а «лишь самое начало работы, которое нередко представляет собой неупорядоченную грудку записей, заметок, материалов в форме выписок». Особые трудности, стоявшие перед Энгельсом при работе над этим отделом, неоднократно упоминаются в его переписке. По меньшей мере три раза он пытался подготовить этот отдел так же, как был подготовлен первый отдел, т. е. путем заполнения пробелов и разработки лишь намеченных Марксом положений. Но, убедившись, что в результате получилось бы нечто такое, что «не было бы книгой Маркса», Энгельс решил «по возможности ограничиться упорядочением того, что имелось, сделав лишь самые необходимые дополнения» (т. 25, ч. I, стр. 6, 9). Однако из дальнейшего описания той работы, которую пришлось проделать над отдельными главами этого раздела, становится ясно, каких трудов потребовало это «упорядочение»: оказалось необходимым

сделать многочисленные перестановки и перегруппировки материала, написать ряд существенных дополнений.

Шестой отдел — о земельной ренте — также пришлось привести в порядок, причем Энгельс воспользовался общим планом этого отдела, составленным Марксом, для расчленения материала по главам.

Наконец, для седьмого отдела — о доходах и их источниках — в рукописи имелся лишь первый набросок, причем отдельные части его текста пришлось расчленить, чтобы сделать их пригодными для печати.

6

Выпуская в свет второй том «Капитала», Энгельс в 1885 г. обратился со своеобразным вызовом к экономистам, желающим «открыть в Родбертусе тайный источник теории Маркса и его несравненного предшественника...».

Речь шла об уравнивании нормы прибыли. Тот факт, что равновеликие капиталы в одинаковое время производят в среднем равную прибыль независимо от того, много или мало живого труда они применяют, находится в явном противоречии с определением стоимости количеством затраченного труда. Это противоречие заметил еще Рикардо. Однако школа Рикардо не смогла предложить способ разрешения его. Это противоречие, писал Энгельс в предисловии ко второму тому «Капитала», Маркс разрешил еще в рукописи 1861—1863 гг.; по плану «Капитала» вопрос этот рассматривается в третьем томе, который еще должен быть издан.

Имея в виду экономистов-родбертианцев, Энгельс писал, что для них здесь представляется случай показать, что в состоянии дать политическая экономия Родбертуса. «Если они покажут, каким образом может и должна образоваться одинаковая средняя норма прибыли не только без нарушения закона стоимости, но как раз на его основе, тогда мы будем разговаривать с ними дальше» (т. 24, стр. 23).

В течение периода, прошедшего от появления второго тома «Капитала» до опубликования третьего тома, Энгельс внимательно следил за всеми откликами на это

предложение. В предисловии к третьему тому он дал полный обзор всех появившихся за это время попыток разрешения противоречия между законом стоимости и средней нормой прибыли.

Как и следовало ожидать, рьяные сторонники Родбертуса предпочли отделаться молчанием. «Те самые господа, которые тогда, исходя из субъективных или объективных, как правило, каких угодно, только не научных, соображений, провозглашали доброго Родбертуса экономической звездой первой величины, все без исключения уклонились от ответа» (т. 25, ч. I, стр. 12). Это было явным признанием несостоятельности теории Родбертуса, и вскоре она была почти предана забвению даже в лагере буржуазной науки.

В предисловии к третьему тому «Капитала» Энгельс подробно разбирает все попытки разрешения проблемы соотношения между законами стоимости и средней нормой прибыли, появившиеся в печати до выхода третьего тома. Серьезные попытки он подвергает тщательному рассмотрению, вскрывая имеющиеся в них недостатки и пробелы. Наглые вылазки невежественных апологетов капитализма Юлиуса Вольфа и в особенности Ахилла Лориа, который на старости лет стал одним из столпов фашистской «науки» в Италии Муссолини, встретили со стороны Энгельса достойный отпор.

При выходе первого тома «Капитала» буржуазия и ее идеологические оруженосцы попытались убить труд Маркса при помощи заговора молчания. Ко времени издания второго и в особенности третьего тома «Капитала» историческая обстановка в корне изменилась. Деятельность I Интернационала, Парижская Коммуна, волны растущего рабочего движения, наконец, основание в 1889 г. II Интернационала — все это делает уже невозможной борьбу против марксизма путем замалчивания. Открывается беспримерная кампания лжи, клеветы и извращений, вспыхнувшая с особенной силой после смерти Маркса. На авансцену выступают всякие вздорные обвинения, на которые Энгельс отвечает сокрушительными ударами.

Попытки критики «Капитала» по существу его содержания стали вращаться преимущественно вокруг так

называемого противоречия между первым и третьим томами, измышленного буржуазными противниками марксизма. Еще до выхода третьего тома они прокламировали большой интерес к вопросу, как Маркс разрешит трудность, заключающуюся в том, что товары при капитализме продаются по ценам, значительно отклоняющимся от их трудовых стоимостей вследствие различия органического строения капитала. Исчерпывающее разрешение этой проблемы, данное в третьем томе «Капитала», в учении о цене производства, их, конечно, «не удовлетворило». Критический хор выступил с обширной гаммой звуков, начиная с истошных криков А. Лориа о «мистификации», к которой, по его мнению, прибег Маркс, и кончая «скромным толкованием» Вернера Зомбарта, объявившего трудовую стоимость «не историческим, а логическим фактом», но готового примириться с ней в качестве «логически полезной фикции».

Полнейшая вздорность клеветнического измышления, будто бы Маркс, выпуская первый том «Капитала», не знал, как он разрешит проблему взаимоотношения трудовой теории стоимости и равной нормы прибыли, доказана документально. Проблема уравнивания нормы прибыли и превращения стоимостей товаров в цены производства с полнейшей ясностью разработана уже в рукописи 1861—1863 гг., т. е. за ряд лет до выпуска первого тома «Капитала». К этой проблеме Маркс вплотную подошел еще в рукописи 1857—1858 гг., т. е. до опубликования «К критике политической экономии».

Что касается аргументации по существу, с которой выступили враги марксизма по поводу имеющегося якобы противоречия между определением стоимости рабочим временем и уравниванием нормы прибыли, то она оказалась целиком исчерпанной в книжке Е. Бем-Баверка «Теория Маркса и ее критика», вышедшей в 1896 г. Несмотря на то что книжка эта появилась уже после смерти Энгельса, аргументация Бем-Баверка была по существу полностью опровергнута в последней экономической работе Энгельса. Однако измышление о противоречии между первым и третьим томами «Капитала» бытует в арсенале буржуазной критики экономической теории марксизма до наших дней.

После выхода в свет третьего тома «Капитала» Энгельс внимательно следил за тем приемом, который этот том встретил в печати. Волна критики, поднявшаяся в буржуазной литературе, побудила его вновь взяться за перо. Жестоко страдая от болезни, Энгельс в последние недели своей жизни написал экономическую работу, озаглавленную «Дополнения к третьему тому «Капитала»». О ней упоминается в некоторых письмах Энгельса.

В апреле 1895 г. Энгельс, отвечая К. Шмидту на его сомнения по поводу средней нормы прибыли, указывал, что решение этого вопроса в третьем томе «слабо разработано и не выделено, и это последнее обстоятельство заставляет меня вкратце развить в «Neue Zeit» этот пункт в связи со статьей Зомбарта и Вашими возражениями. Кроме того, в III томе есть еще и другой пункт, который я хотел бы дополнить и, учтя некоторые изменения в экономических отношениях после 1865 г., привести его в соответствие с современным положением».

Вскоре работа настолько продвинулась, что в письме Каутскому от 21 мая 1895 г. Энгельс сообщает: «Я собираюсь дать тебе для «Neue Zeit» работу, которая тебя порадует: дополнения и добавления к «Капиталу», т. III, № 1 «Закон стоимости и норма прибыли», ответ на сомнения Зомбарта и К. Шмидта. Затем последует № 2: весьма значительно изменившаяся роль биржи с тех пор, как Маркс писал об этом в 1865 году. В зависимости от потребности и времени последует продолжение» (т. XXIX, стр. 407, 417).

Из этих двух частей Энгельс успел написать лишь первую часть. Что же касается второй части, то сохранился лишь краткий план-конспект. Первая часть появилась в «Neue Zeit» вскоре после смерти Энгельса, а план-конспект об «изменившейся роли биржи» увидел свет лишь в 1932 г.

Статья Энгельса о законе стоимости и норме прибыли, являющаяся важным добавлением к третьему тому «Капитала», имеет вместе с тем первостепенное значение для понимания экономической теории марксизма в целом. Энгельс дает подробный разбор поставленной проблемы. Он анализирует исторически возникновение

стоимости в глубокой древности, в ту пору, когда зародился обмен, и далее переход от стоимости к ценам производства при смене простого товарного производства капитализмом. Таким образом, Энгельс подробно обосновывает положение Маркса о том, что стоимость не только теоретически, но и исторически предшествует цене производства. Очерк Энгельса является прекрасным образцом материалистического разъяснения марксовой теории стоимости и служит острым оружием в борьбе со всякими идеалистическими извращениями марксизма.

Особое значение этого очерка в том, что в нем дана содержательная характеристика природы простого товарного производства и процесса перехода от него к капитализму. Энгельс показывает закон стоимости как закон движения товарного производства. Он подчеркивает чрезвычайную длительность той эпохи, в течение которой действует закон стоимости, и прослеживает на ряде реальных исторических примеров возникновение капиталистических отношений, показывая, как эти отношения захватывают область производства.

Вторая часть посмертной экономической работы Энгельса осталась ненаписанной — сохранился лишь ее развернутый план. Здесь Энгельс касается тех изменений, которые произошли в капиталистическом хозяйстве в последние десятилетия XIX в.

Считая первоочередной задачей подготовку и издание второго и третьего томов «Капитала», Энгельс в то же время имел в виду после выполнения этой работы заняться опубликованием обширной рукописи «Теории прибавочной стоимости» в виде четвертого тома «Капитала». Об этом своем намерении он говорит уже в предисловии ко второму тому «Капитала», давая общий обзор оставленных Марксом рукописей. Затем он неоднократно возвращается к плану издания четвертого тома «Капитала». Он упоминает об этом, в частности, в одном из писем, написанных незадолго до смерти, в апреле 1895 г. (см. т. XXIX, стр. 408).

Только смерть Энгельса 5 августа 1895 г. прекратила его работу над проблемами экономической теории марксизма и, в частности, над подготовкой и опубликованием не законченных Марксом томов «Капитала».

*Разработка
Энгельсом
основных проблем
экономического
учения марксизма*

3

1. Основа революционного переворота в политической экономии. 2. Борьба против вульгаризации и опошления исторического материализма. 3. Принцип историзма в политической экономии. 4. Экономические законы

1

Марксизм произвел глубочайший революционный переворот в экономической науке. Этот переворот охватывает весь круг проблем политической экономии, начиная с понимания предмета этой науки. Энгельс неоднократно указывает, что тем методологическим рычагом, при помощи которого был совершен этот революционный переворот, явилось материалистическое понимание истории — материалистическая диалектика в применении к изучению процессов общественной жизни.

Заслугой Маркса Энгельс считал то, что он в противовес буржуазным философам, задававшим тогда тон в Германии, впервые извлек на свет забытый диалектический метод, указал на его связь с гегелевской диалектикой, а также на его отличие от последней и дал в «Капитале» применение этого метода к фактам определенной эмпирической науки — политической экономии (см. т. 20, стр. 371). Энгельс ссылается при этом на Маркса, который в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» писал, что мистификация, которую диалектика претерпела в руках идеалиста Гегеля, не помешала тому, что именно Гегель впервые дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения, причем, поскольку у Гегеля диалектика стоит на голове, необходимо поставить ее на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно (см. т. 23, стр. 22).

Великую заслугу Гегеля Энгельс видел в том, что он впервые представил весь мир природы, истории и духовной жизни людей в виде процесса, т. е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития. С этой точки зрения история общества перестала казаться диким хаосом бессмысленных насилий, а предстала как процесс развития человечества, причем задача науки свелась к тому, чтобы проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех случайностей (см. т. 19, стр. 206).

Для политической экономии, как и для всех наук о природе и обществе, огромное революционное значение имела та, по выражению Энгельса, великая основная мысль диалектики, что мир состоит не из готовых, законченных предметов, а представляет собой совокупность процессов, в которых предметы, кажущиеся неизменными, равно как и мысленные их снимки, понятия, находятся в непрерывном изменении, то возникают, то уничтожаются. Обнаруживающееся в природе и в истории диалектическое развитие Энгельс определял как причинную связь «того поступательного движения, которое сквозь все зигзаги и сквозь все временные попятные шаги прокладывает себе путь от низшего к высшему. . .» (т. 21, стр. 301, 302).

Извращение диалектики у Гегеля основано, по словам Энгельса, на том, что она выступает как «саморазвитие мысли», ввиду чего диалектика вещей лишь ее отблеск. «А на самом-то деле ведь диалектика в нашей голове — это только отражение действительного развития, которое совершается в мире природы и человеческого общества и подчиняется диалектическим формам» (т. XXVIII, стр. 372).

Маркс и Энгельс взяли из диалектики Гегеля ее «рациональное зерно», отбросив гегелевскую идеалистическую шелуху и развив диалектику дальше, в результате чего она была поставлена на незыблемую научную основу материализма. Маркс писал, что материалистическая диалектика, примененная и воплощенная в «Капитале», внушает буржуазии и ее доктринам-идеоло-

гам лишь злобу и ужас, так как она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна (см. т. 23, стр. 22).

Характеризуя материалистическую диалектику в противоположность идеализму, Энгельс указывал, что у идеалиста Гегеля диалектика есть самодвижение понятия, между тем как человеческие понятия представляют собой отображения действительных вещей, вследствие чего диалектика понятий является лишь сознательным отражением диалектического движения действительного мира (см. т. 21, стр. 301—302).

В «Немецкой идеологии» основоположники марксизма, высмеивая идеалистическую философию, уподобляли ее представителей человеку, который пришел к мысли, что люди тонут в воде только потому, что они одержимы мыслью о тяжести, и стоит лишь им выкинуть это представление из головы, как они избавятся от всякого риска утонуть (см. т. 3, стр. 12). В этом примере ярко выступает положение о несостоятельности идеалистического мировоззрения, которое опровергается практикой, действительностью. Точно так же экономическая действительность обнаруживает несостоятельность идеалистических воззрений на процесс экономического развития общества, несостоятельность всевозможных идеалистических систем в политической экономии.

Материалистическое понимание истории явилось закономерным результатом развития общественной мысли, необходимым порождением смены общественных формаций и развертывания классовой борьбы. Энгельс чрезвычайно выпукло обрисовал смену мировоззрений в зависимости от смены условий жизни общества.

Средневековью, феодализму соответствует по преимуществу теологическое, католическое мировоззрение. Но в недрах феодального общества возникает и набирает силу буржуазия. В течение некоторого времени и она оставалась в оковах всемогущей теологии: борьба шла под религиозной вывеской. Однако так не могло долго продолжаться, и если английская революция XVII в. шла под религиозным знаменем, то уже в подготовке французской революции конца XVIII в. выступило без прикрас юридическое мировоззрение, которое

должно было стать классическим мировоззрением буржуазии. Общественные отношения, которые раньше считались созданием церкви и догмы, теперь стали рассматриваться как основанные на праве и созданные государством. Товарообмен, особенно в своих развитых формах, связанных с кредитом, обуславливает сложные договорные отношения и потому требует общепризнанных правил, которые устанавливаются государством в виде правовых норм.

Отсюда возникает иллюзия, будто эти правовые нормы обязаны своим возникновением не экономическим фактам, а формальным установлениям, вводимым государством. Конкуренция как основная форма взаимосвязи самостоятельных товаропроизводителей является величайшей уравнильницей, и поэтому равенство перед законом стало боевым лозунгом буржуазии. А то обстоятельство, что борьба буржуазии против феодализма неизбежно стала политической борьбой, борьбой за государственную власть, способствовало упрочению юридического мировоззрения.

«Но буржуазия породила своего антипода, пролетариат, а с ним и новую классовую борьбу, которая началась еще раньше, чем буржуазия окончательно завоевала политическую власть» (т. 21, стр. 497). Рабочий класс вначале перенял у буржуазии юридический способ мышления и в нем искал оружие против буржуазии. Первые пролетарские движения оставались на юридической почве. Они требовали, с одной стороны, чтобы юридическое равенство было дополнено общественным равенством и, с другой стороны, чтобы, поскольку труд является источником всякого богатства, была устранена несправедливость в разделе продукта труда. Но такого рода требования оставались благочестивыми пожеланиями, о которых нельзя было сказать, почему они должны быть осуществлены теперь, а не на тысячу лет раньше или позже. Таким образом, юридическое мировоззрение оказалось непригодным оружием для пролетарской классовой борьбы.

В процессе превращения феодального способа производства в капиталистический возник рабочий класс, лишенный собственности на средства производства, и это

отсутствие собственности в результате действия механизмов капиталистического способа производства стало состоянием, неизменно передающимся по наследству всем последующим поколениям. В юридической иллюзии буржуазии рабочий класс не может найти исчерпывающее выражение своих жизненных условий. Эти условия он может осознать лишь в том случае, если будет рассматривать вещи такими, как они есть, а не сквозь юридически окрашенные очки. Такая возможность открылась благодаря материалистическому пониманию истории, которое доказывает, что все юридические, политические, философские, религиозные и тому подобные представления людей в конечном счете определяются экономическими условиями их жизни, их способом производства и обмена продуктов. Это — «мировоззрение, отвечающее условиям жизни и борьбы пролетариата; отсутствию собственности у рабочих могло соответствовать только отсутствие иллюзий в их головах» (т. 21, стр. 498).

Энгельс не только подчеркивал значение, которое имело применение материалистической диалектики к политической экономии, но и существенно разработал и обогатил это применение. Интересующимся марксистской теорией исторического развития Энгельс советовал изучать ее по первоисточникам, а не из вторых рук, указывая, что Маркс не написал ничего, в чем бы эта теория не играла роли. И далее он писал, что в его собственных работах — «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах» — дано самое подробное из всех существующих изложение исторического материализма (см. т. XXVIII, стр. 246).

Энгельс всесторонне раскрыл неразрывную связь между экономическим учением марксизма и материалистическим пониманием истории, являющимся методологической основой марксистской политической экономии. Он глубоко разработал ряд сторон исторического материализма, и это имело огромное значение для экономической теории марксизма.

Ленин подчеркивал тесную, неразрывную связь философии и экономической теории марксизма. Он писал, что «у Маркса философия и политическая экономия

связаны в цельное материалистическое мирозерцание»¹.

Неразрывная связь исторического материализма и политической экономии в цельном мировоззрении марксизма особенно наглядно выступает в исследовании взаимозависимости и взаимоотношения производительных сил и производственных отношений. Развитие противоречий между производительными силами и производственными отношениями исследуется в «Капитале» и многих других работах основоположников марксизма. В этом исследовании Энгельсу принадлежит значительный вклад.

На конкретно-историческом материале Энгельс анализирует нарастание противоречий между производительными силами и производственными отношениями на различных ступенях исторического развития общества. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» он показал, как назревший конфликт между возросшими производительными силами и узкими производственными отношениями привел к крушению первобытнокоммунистического родового строя, а вслед за тем и рабовладельческий строй постигла такая же участь, когда он исчерпал себя. Точно так же неизбежность буржуазной революции, которая смела феодализм, была обусловлена тем, что на известной ступени развития пущенные буржуазией в ход новые производительные силы стали несовместимыми с существующим строем производства (см. т. 21, стр. 309).

В другом месте он писал, что переворот, к которому стремится современный социализм, создание нового, бесклассового общества предполагает «наличие не только пролетариата, который совершит этот переворот, но также и буржуазии, в руках которой общественные производительные силы достигают такого развития, когда становится возможным окончательное уничтожение классовых различий» (т. 18, стр. 537).

Но если возможность социалистической революции обусловлена высоким уровнем развития производительных сил, то ее необходимость, ее неизбежность вызы-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 37.

вается тем, что буржуазия уже не в состоянии справиться с выросшими в рамках капитализма производительными силами. Это положение Энгельс обосновывает особенно подробно.

Материалистическое понимание истории, указывал он, приводит к убеждению, что «общественные производительные силы, выросшие настолько, что буржуазия не может с ними более справиться, лишь ждут того, чтобы объединившийся пролетариат ими овладел» и установил социалистический строй (см. т. 19, стр. 113). Энгельс особенно подчеркивал, что периодическими экономическими кризисами буржуазия уличается в неспособности к дальнейшему управлению своими собственными производительными силами (см. т. 20, стр. 675), что производительные силы капиталистического общества восстают против способа производства, который они переросли (см. т. 20, стр. 287). Он разъяснял, что «новые производительные силы могут быть сохранены и развиваемы далее только путем введения нового способа производства, соответствующего их нынешней стадии развития» (т. 20, стр. 277).

В одной из рецензий на первый том «Капитала» Энгельс, резюмируя содержание этого труда, характеризует историческую миссию капиталистического способа производства. Эта ступень исторического развития общества необходима для того, чтобы поднять производительные силы общества до такого уровня, который открывает возможность обеспечить всем членам общества развитие, достойное человека. Ни одна из прежних форм общества не могла создать необходимых для этого условий и предпосылок. «Только капиталистическое производство создает необходимые для этого богатства и производительные силы. Но одновременно оно создает в лице массы угнетенных рабочих тот общественный класс, который все более становится перед необходимостью взять эти богатства и производительные силы в свои руки, с тем чтобы использовать их не в интересах класса-монополиста, как они используются в настоящее время, а в интересах всего общества» (т. 16, стр. 248).

Материалистическое понимание истории, как подчеркивал Энгельс, имело в высшей степени важное зна-

чение для социалистического мировоззрения, так как из него вытекает, что «общественные производительные силы, выросшие настолько, что буржуазия не может с ними более справиться, лишь ждут того, чтобы объединившийся пролетариат ими овладел и установил такой строй, который предоставит каждому члену общества возможность участвовать не только в производстве, но и в распределении и управлении общественными богатствами и который путем плановой организации всего производства увеличит до таких размеров производительные силы общества и создаваемые ими продукты, что каждому будет обеспечено удовлетворение его разумных потребностей в постоянно возрастающих размерах» (т. 19, стр. 113).

Противопоставляя идеалистической реакционно-утопической концепции Прудона точку зрения научного социализма, Энгельс подчеркивал, что марксизм изображает экономические отношения, как они существуют и как они развиваются, и доказывает строго экономически, что их развитие является в то же время развитием элементов социальной революции. Поясняя эту мысль, Энгельс писал: «Развитие, с одной стороны, пролетариата, класса, условия жизни которого неизбежно толкают его к социальной революции, а с другой стороны — производительных сил, которые, перерастая рамки капиталистического общества, должны неизбежно разорвать их и которые в то же время создают возможность устранения раз навсегда классовых различий в интересах самого общественного прогресса» (т. 18, стр. 269).

Отмечая, что в жизни общества прогресс выступает в виде отрицания существующих порядков, Энгельс писал, что в истории движение путем противоположностей выступает особенно наглядно во все критические эпохи (см. т. 20, стр. 526—527). Наиболее критическими эпохами являются эпохи социальной революции, когда конфликт между производительными силами и производственными отношениями достигает апогея.

В предельно сжатой форме Энгельс определил исторический материализм как тот взгляд на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую дви-

жающую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда разделении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой (см. т. 22, стр. 306). Открытый Марксом великий закон движения истории Энгельс характеризовал как закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена.

Когда речь заходит об исследовании движущих сил истории, указывал Энгельс, надо иметь в виду не столько побуждения отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе в свою очередь целые классы. «Да и здесь важны, — продолжал он, — не кратковременные взрывы, не скоропреходящие вспышки, а продолжительные действия, приводящие к великим историческим переменам» (т. 21, стр. 308).

Применение материалистической диалектики к политической экономии привело к выводу, что корни и причины экономических явлений необходимо искать в определенном устройстве общества, а не в психологии или изолированных поступках отдельных лиц. На место абстрактного индивида, выступавшего как воплощение естественных свойств человека, как воплощение самой человеческой природы, марксизм поставил конкретное изучение всего своеобразия того строя общественных условий, который определяет собой и психику, и волю, и действия отдельного человека. Энгельс высмеивал Дюринга, по представлениям которого общественные отношения «определялись не согласно исторически данным в каждом случае условиям, а с помощью пресловутых двух мужей, из которых один либо угнетает другого,

либо не угнетает, причем последнее, к сожалению, доселе никогда не встречалось» (т. 20, стр. 155).

Материалистическая диалектика берет каждое явление жизни не в состоянии покоя, не в застывшем виде, а в его возникновении и развитии, в его движении, в его непрестанной изменяемости и непрерывном обновлении. Основоположники марксизма впервые применили это требование диалектики к политической экономии. Даже крупнейшие предшественники марксизма рассматривали явления экономической жизни как нечто застывшее. Они не видели, что определенные экономические отношения возникают на определенной ступени развития общества, затем они развиваются и на определенной же ступени развития должны погибнуть и уступить место другим отношениям.

«Наша теория, — писал Энгельс, — не догма, а разъяснение процесса развития, который включает в себя ряд последовательных фаз» (т. 36, стр. 497). Применение материалистической диалектики к политической экономии раскрыло подлинный характер процесса экономического развития общества. Процесс этот представляет собой не простое повторение пройденных ступеней, не круговорот, как утверждают реакционные социологи, а движение от низшего к высшему. Прогрессивное движение общества прокладывает себе путь через все преграды, и силы прогресса неодолимы. Характеризуя диалектику как учение о непрерывном изменении и движении, Энгельс при этом указывал, что поступательное развитие, при всей кажущейся случайности и вопреки временным отливам, в конечном счете прокладывает себе путь (см. т. 21, стр. 302).

Материалистическое понимание истории учит видеть основное направление прогресса, прокладывающее себе дорогу через любые зигзаги и отклонения. Энгельс писал, что «нет ни одного факта в истории, который в конечном итоге не служил бы тем или иным путем делу человеческого прогресса, но это бывает очень долгий и окольный путь» (т. XXIX, стр. 65).

Каждая общественно-экономическая формация представляет собой определенную ступень поступательного развития общества, и каждая такая ступень выше, чем

предыдущая. Смена общественно-экономических формаций происходит не в порядке плавного эволюционирования, как пытаются изобразить буржуазные экономисты и историки, а путем революционных переворотов, путем скачков, знаменующих коренные качественные изменения в состоянии общества.

Энгельс показал, что диалектический метод имел в высшей степени революционные последствия для всех наук о человеческом обществе, и в частности для экономической науки. При диалектическом подходе стало ясно, что все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей. «Каждая ступень необходима и, таким образом, имеет свое оправдание для того времени и для тех условий, которым она обязана своим происхождением. Но она становится непрочной и лишается своего оправдания перед лицом новых, более высоких условий, постепенно развивающихся в ее собственных недрах. Она вынуждена уступить место более высокой ступени, которая, в свою очередь, также приходит в упадок и гибнет» (т. 21, стр. 275—276). Таким образом, диалектическое понимание развития бросает яркий свет на историческую роль каждого способа производства и открывает возможность определить историческое место каждой фазы в развитии данного способа производства.

Энгельс конкретизировал взаимозависимость, связь и различие между производственными, экономическими отношениями и их юридическим выражением — формами собственности. Исследуя и анализируя возникновение и развитие правовых норм, отражающих отношения производства, он показывает, как с ходом времени эти нормы приобретают самостоятельность и представляются уже не отражением, а, наоборот, основой экономических отношений. Еще на сравнительно ранней ступени общественного развития появляется потребность охватить общим правилом непрерывно повторяющиеся акты производства, распределения и обмена продуктов, с тем чтобы отдельный человек подчинялся общим условиям производства и обмена. Вначале это правило выражается

в обычае, а затем становится законом, на страже которого стоит возникающее к тому времени государство. В дальнейшем закон разрастается в более или менее обширное законодательство.

«Чем сложнее становится это законодательство, — продолжает Энгельс, — тем более отличается способ его выражения от того способа, в котором выражаются обычные экономические условия жизни общества... Люди забывают о происхождении своего права из экономических условий своей жизни, подобно тому как они забыли о своем собственном происхождении из животного царства» (т. 18, стр. 272—273). В другом месте Энгельс писал, что, поскольку экономические факты, чтобы получить санкцию в форме закона, должны принимать форму юридического мотива, постольку возникает видимость, будто юридическая форма — это все, а экономическое содержание — ничто (см. т. 21, стр. 312).

Энгельс продолжил критику, которой Маркс подверг взгляды Прудона по вопросу о собственности. Прудон, по словам Энгельса, никогда не задумывался о действительных фактических условиях, при которых происходит какое-либо экономическое явление, и он спасался в область юридических отношений. Так, он утверждал, что однажды построенный дом служит «вечным юридическим основанием» для определенного ежегодного платежа, умалчивая при этом, каким образом дом становится юридическим основанием. «Исследовав это, — продолжает Энгельс, — он нашел бы, что все юридические основания на свете, как бы вечны они ни были, не могли бы наделить дом такой силой, чтобы за пятьдесят лет сумма издержек на его постройку была выплачена в десятикратном размере в виде квартирной платы, и что это возможно лишь в результате экономических условий (которые могут получить общественное признание под видом юридических оснований)» (т. 18, стр. 212).

Вслед за Марксом Энгельс считал, что в основе идеалистической концепции Прудона лежит непонимание экономических условий развития общества, игнорирование экономических законов. В этом отношении показателен один из отзывов Энгельса о Бакунине. Отмечая, что у Бакунина «своя собственная теория, состоящая из

некоей смеси коммунизма и прудонизма», Энгельс писал: «...желание объединить эти две теории в одну говорит о его полном незнании политической экономии» (т. 33, стр. 201).

Основоположники марксизма рассматривали формы собственности как юридическое выражение определенных производственных отношений.

«Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами, — писал Маркс. — Но, находясь в состоянии отделения друг от друга, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, отличает различные экономические эпохи общественного строя» (т. 24, стр. 43—44).

Следовательно, основным производственным отношением той или иной экономической формации общества является способ соединения работников со средствами производства. Отношения собственности представляют собой юридическую форму того реального отношения к средствам производства, которое свойственно той или иной системе производственных отношений, тому или иному экономическому строю общества.

При революционном скачке, каким является переход от одного экономического строя к другому, юридическая форма собственности, фиксировавшая отжившие производственные отношения, устраняется и заменяется другой формой собственности, закрепляющей новые производственные отношения. Указывая, что еще Солон в древнем афинском государстве своим вторжением в отношения собственности открыл ряд так называемых политических революций, Энгельс писал, что все происходившие до сих пор революции были революциями для защиты одного вида собственности против другого вида собственности, причем они не могли защищать один вид собственности, не посягая на другой (см. т. 21, стр. 115).

Самое глубокое революционное преобразование общества представляет социалистическая революция. Еще в «Манифесте Коммунистической партии» была провоз-

глашена необходимость для пролетариата, пришедшего к власти, «деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения. . .» (т. 4, стр. 446). Это положение Энгельс подробно развил и разработал в ряде трудов.

Главной производительной силой человеческого общества являются трудящиеся массы. В социалистической идеологии рабочего класса огромное место занимает труд. Социализм строится на труде, и труд служит краеугольным камнем марксистского мировоззрения, центральным пунктом материалистического понимания истории и экономической теории марксизма. В «Капитале» Маркс всесторонне анализировал роль труда в жизни человеческого общества. При этом он пришел к выводам, что труд составляет исключительное достояние человека, что, воздействуя своим трудом на природу и изменяя ее, человек в то же время изменяет свою собственную природу, что люди своим трудом выбились из животного состояния (см. т. 23, стр. 188, 189, 520).

Огромное значение для экономической теории марксизма имеет подробная разработка Энгельсом обширного круга проблем, связанных с ролью труда в возникновении и развитии человеческого общества. Проблемы эти освещаются в ряде трудов Энгельса и специально рассматриваются в блестящей, оставшейся незаконченной статье о роли труда в процессе превращения обезьяны в человека. Отправляясь от утверждения экономистов о том, что труд — источник всякого богатства, Энгельс показывает, что труд представляет собой и нечто бесконечно большее, так как в известном смысле можно сказать, что труд создал самого человека (см. т. 20, стр. 486). На основе имевшихся во второй половине прошлого века относительно скудных данных антропогенеза Энгельс с гениальной интуицией нарисовал картину той глубочайшей революции, которая была произведена трудовой деятельностью в условиях существования и в самой природе отдаленных предков человека. С тех пор науки, исследующие процесс становления человека, ушли далеко вперед и отдельные частности в изложении Энгельса устарели, но общий ход его анализа в основном и главным подтвердился полностью.

Миропонимание марксизма, подчеркивал Энгельс, — это не доктрина, а метод. «Оно не дает готовых догм, а указывает отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования»¹. Экономическое развитие общества Энгельс учил рассматривать не изолированно, а в неразрывной связи со всеми остальными сторонами общественной жизни. По его свидетельству, Маркс, столкнувшись с попытками опощления материалистического понимания истории, предпринимавшимися в конце 70-х годов под флагом «марксизма», с горькой иронией по адресу упрощенцев заметил: «Я знаю только одно, что я не марксист» (т. XXVIII, стр. 232). Энгельс в ряде работ и в особенности в письмах последних лет своей жизни неустанно разъяснял недопустимость доктринерского извращения исторического материализма, ошибочность представления о том, будто бы все стороны общественной жизни автоматически и односторонне определяются развитием экономического базиса.

Объясняя происхождение односторонних представлений об историческом материализме, Энгельс указывал, что Марксу и ему приходилось делать главный упор сначала на выведении политических, правовых и прочих идеологических форм и обусловленных ими действий из экономических фактов». Считая, что так нужно было делать, Энгельс добавил, что при этом из-за содержания они «тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п.» (т. XXIX, стр. 228). Это дало врагам марксизма повод для кривотолков, а также для искажений. Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. «Ни я, ни Маркс, — писал Энгельс, — большего никогда не утверждали» (т. XXVIII, стр. 245).

Энгельс разъяснял, что «материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им

¹ «Вопросы истории КПСС» № 2, 1962, стр. 134.

пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроют и перекраивают исторические факты» (т. XXVIII, стр. 219—220).

Об одном из назойливых критиков марксизма, подвизавшемся в 90-х годах, Энгельс писал, что он сначала стряпает материалистическую теорию исторического развития в том виде, какой она, по его мнению, должна была иметь у Маркса, а затем делает открытие, что в сочинениях Маркса дело обстоит иначе. Из этого критик не делает вывода, что он исказил Маркса, а, наоборот, делает вывод, что Маркс противоречит себе и не умеет применять свою собственную теорию. И Энгельс приводит слова Маркса, который обычно в связи с такой критикой восклицал: «О, если бы эти люди хоть читать-то умели!» (т. XXVIII, стр. 329).

В начале 90-х годов Энгельс решительно осуждал тех «молодых писателей», для которых слово «материалистический» стало ярлыком, приклеиваемым к самым различным вещам, после чего они считали, что этим задача исчерпана. Он саркастически заметил, что у материалистического понимания истории появилось множество таких друзей, для которых оно служит предлогом не изучать истории (см. т. XXVIII, стр. 232). Из среды этих вульгаризаторов спустя несколько лет вышла плеяда ревизионистов-бернштейнцев.

Еще в рецензии на работу «К критике политической экономии» Энгельс писал, что развитие материалистического понимания хотя бы на одном-единственном историческом примере представляло собой научную работу огромного масштаба, разрешимую только на основе большого, критически проверенного, в совершенстве усвоенного исторического материала (см. т. 13, стр. 492). Спустя несколько десятилетий Энгельс отмечал, что экономическая история еще находится в пеленках, и требовал от молодых марксистов, чтобы они исследовали в деталях условия существования различных общественных формаций, прежде чем пытаться вывести из них соответствующие им политические, частноправовые, эстетические, философские, религиозные и т. п. воззрения.

Эта область, писал он, бесконечно велика, и тот, кто хочет работать серьезно, может многое создать (см. т. XXVIII, стр. 233).

Коренной причиной упрощенческого доктринерства Энгельс считал непонимание материалистической диалектики. Для них Гегеля не существовало, писал он об этих людях. Они постоянно видели здесь — причину, там — следствие, как будто это два неизменно противостоящих полюса, между которыми нет никакого взаимодействия. Между тем на самом деле исторический процесс развития общества происходит в форме взаимодействия, хотя взаимодействующие силы отнюдь не равны, поскольку экономическое движение среди них является гораздо более сильным, первоначальным, решающим (см. т. XXVIII, стр. 261).

Энгельс считал нелепым представление, будто марксизм, не желая признать самостоятельное историческое развитие за различными идеологическими областями, играющими роль в истории, тем самым отрицает за ними и всякое воздействие на историю. В основе подобного мнения лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих полюсах, между которыми нет никакого взаимодействия. Критики марксизма «часто намеренно забывают о том, что, как только историческое явление вызвано к жизни другими, в конечном итоге экономическими причинами, так оно тоже воздействует на окружающую среду и даже может оказывать обратное действие на породившие его причины» (т. XXIX, стр. 229—230).

Взаимодействие между экономическим базисом и политической надстройкой — это взаимодействие двух неравных сил. Экономическое движение в общем и целом пролагает себе путь, но оно испытывает на себе также обратное действие политического движения, которое оно само для себя создало и которое обладает относительной самостоятельностью. Тот, кто полагает, будто бы марксизм отрицает всякое обратное влияние политических и т. д. отражений экономического движения на само это движение, тот просто воюет с ветряными мельницами (см. т. XXVIII, стр. 258, 261).

Карикатурное изображение марксизма в виде вульгарного «экономического материализма», сбрасывающего со счетов всякое обратное влияние надстроек на экономический базис, остается до сих пор одним из излюбленных приемов буржуазной пропаганды и обслуживающей ее нужды реакционной лженауки. Одностороннее и потому неправильное представление о соотношении между важнейшими экономическими и политическими процессами современности лежит в основе многих догматических заблуждений, мешающих творческому развитию марксистско-ленинской теории, обогащению ее новыми выводами на базе обобщения нового опыта исторического развития. Такой характер носят, например, попытки отрицать глубокую обоснованность вывода о возможности предотвращения войны в современную эпоху. Этот вывод вытекает из трезвого и всестороннего учета коренных изменений в соотношении не только экономических, но и политических и моральных сил между лагерем империализма и лагерем антиимпериализма, между лагерем войны и лагерем мира.

Указывая, что развитие таких сфер общественной жизни, как политика, право, философия, религия, литература, искусство и т. д., базируется на экономическом развитии, Энгельс разъяснял, что все эти сферы также оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. «Дело обстоит совсем не так, — писал он, — что только экономическое положение является *единственной активной причиной*, а остальное является лишь пассивным следствием. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете всегда прокладывающей себе путь» (т. XXIX, стр. 284).

И далее он указывал, что в истории нет автоматического действия экономического положения, как это для удобства кое-кто себе представляет. Люди сами делают свою историю, но в определенной среде, на базе уже существующих отношений, среди которых экономические условия — как бы сильно ни влияли на них прочие отношения, политические и идеологические, — являются в конечном счете решающими, образуя ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию.

Портрет Ф. Энгельса 1893 г.

Враги марксизма иногда пытались цепляться за высказывания Энгельса о взаимодействии экономического базиса, с одной стороны, политических и идеологических надстроек, с другой стороны, в своих атаках на материалистическое понимание истории. Начало этому походу на основы марксизма положил Бернштейн. Показательно, что буржуазный экономист Карл Диль откровенно признает, что подобного рода претензии Бернштейна зачислить Энгельса в свои единомышленники лишена какого-либо основания. Диль писал:

«Если Энгельс и вводит в некоторых местах такие ограничения, то только для того, чтобы обуздать некоторых, слишком ярых, критиков Маркса, которые, оспаривая материалистическое понимание истории, доходили до утверждения, что Маркс вообще не придавал значения идейным факторам; тогда нужно было доказать, что и идеи имеют значение, но лишь второстепенное, не отрицая, однако, в конечном счете решающего значения экономических факторов. Бернштейн же идет гораздо дальше: его взгляды настолько проникнуты идеализмом, что заставляют его совершенно отказаться от основных принципов марксизма»¹.

Под экономическими отношениями, которые являются определяющей основой истории общества, марксизм понимает, по словам Энгельса, «тот способ, каким люди определенного общества производят средства к жизни и обменивают между собой продукты (поскольку существует разделение труда)» (т. XXIX, стр. 283). В понятие экономических отношений Энгельс включал и географическую среду, в которой эти отношения развиваются. Вместе с тем он решительно отвергал так называемое географическое истолкование истории и связанные с ним представления о характере экономического развития общества. Вскрывая кардинальный порок попыток перенесения законов природы в область общественных явлений, Энгельс писал, что натуралистическое понимание истории у естествоиспытателей, считающих, что только природа действует на человека и что

¹ К. Диль. Социализм, коммунизм, анархизм. Харьков, 1923, стр. 150.

естественные условия определяют повсюду его историческое развитие, односторонне, ибо оно забывает, что человек тоже действует на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования.

«От «природы» Германии, — пояснял Энгельс свою мысль, — какой она была в эпоху переселения в нее германцев, осталось чертовски мало. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сами люди бесконечно изменились, и все это благодаря человеческой деятельности, между тем как изменения, происшедшие за это время в природе Германии без человеческого содействия, ничтожно малы» (т. 20, стр. 546).

Натуралистическое понимание истории находит свое выражение в апологетических попытках построения политической экономии под углом зрения «борьбы за существование». Именно «борьбой за существование» ряд защитников буржуазии пытался и до сих пор пытается оправдать эксплуататорский строй капитализма. Это направление именует себя «социальным дарвинизмом». Его представители цепляются за самую разительную ошибку Дарвина, который перенес в теорию эволюции архиреакционные идеи мальтузианства, призванные обелить и оправдать чудовищные язвы капиталистического строя. Возвеличение зверских форм людских отношений представляет собой самое антисоциальное направление в общественной науке.

Раскрывая порочность пресловутой теории «борьбы за существование» в общественной науке вообще и в политической экономии в частности, Энгельс обратил внимание прежде всего на то, что до Дарвина его сторонники подчеркивали как раз гармоническое сотрудничество в органической природе, но как только было признано учение Дарвина, эти же люди стали повсюду видеть лишь борьбу. «Обе эти концепции правомерны в известных узких границах, — писал Энгельс, — но обе одинаково односторонни и ограничены» (т. 20, стр. 622).

Энгельс указывал, что все учение Дарвина о борьбе за существование явилось попросту перенесением из общества в область живой природы учения Гоббса о «войне всех против всех» и учения буржуазных экономистов о конкуренции, а также мальтусовской теории

народонаселения. После того как этот фокус был проделан, сторонники «социального дарвинизма» стали потом опять переносить эти учения из истории природы обратно в историю общества, объявляя свои утверждения вечными естественными законами общества.

Но если даже оставить в стороне вопрос о правомерности теории борьбы за существование в области живой природы, следует признать невозможность перенесения законов жизни животных на человеческое общество. Животное, указывает Энгельс, в лучшем случае доходит до собирания, человек же производит — он создает такие блага, которые без него природа не произвела бы. Благодаря производству так называемая борьба за существование перестает ограничиваться только средствами существования: она захватывает и средства развития, т. е. средства производства. Уже поэтому здесь совершенно неприменимы категории из животного царства.

Наконец, при капиталистическом способе производства, заключает Энгельс, производство достигает такого высокого уровня, что общество не в состоянии уже потребить произведенные средства существования и развития, так как огромной массе производителей искусственно и насильственно закрывается доступ к этим средствам, и периодически наступающие кризисы восстанавливают равновесие путем уничтожения не только произведенных продуктов, но и значительной части производительных сил.

Отсюда следует, что «так называемая борьба за существование принимает такую форму, при которой возникает необходимость *защитить* произведенные буржуазным капиталистическим обществом продукты и производительные силы от губительного, разрушительного действия самого этого капиталистического общественного строя, отняв руководство общественным производством и распределением у господствующего класса капиталистов, ставшего неспособным к этому, и передав его массе производителей, — а это и есть социалистическая революция» (т. 20, стр. 623).

Натурализм, игнорирующий и исключаящий исторический процесс, выступает в области политической экономии в весьма разнообразных формах. Таковы, на-

пример, пресловутая «теория энергетического баланса» и всякого рода «энергетические» толкования в области теории стоимости. Ленин указывал, что нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биолого-социологический» ярлык на такие общественные явления, как кризисы, революции, классовая борьба, но «нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие»¹.

Энгельс показал порочность «энергетического» толкования экономических категорий. Отмечая неправомерность перенесения категории «работа» из политической экономии в естествознание, он продолжал: «Кое-кто, по-видимому, даже непрочь перенести термодинамическую категорию работы обратно также и в политическую экономию, — как это делают некоторые дарвинисты с борьбой за существование, — причем в итоге получилась бы только чепуха». Пусть попробуют, продолжает он свою мысль, выразить какой-нибудь квалифицированный труд в килограммо-метрах и попытаются на этом основании определить заработную плату!

Противопоставляя марксистское мировоззрение натуралистическому пониманию истории, Энгельс указывал, что «уже понимание истории как ряда классовых битв гораздо содержательнее и глубже, чем простое сведение ее к слабо отличающимся друг от друга фазам борьбы за существование» (т. 20, стр. 623, 625).

3

Марксизм впервые поставил политическую экономию на прочные научные рельсы, превратив ее в историческую науку. Энгельс всесторонне обосновал и разработал принцип историзма в политической экономии.

Предшественники марксизма в экономической науке тщетно искали естественные, неизменные и вечные законы всякого общества вообще. Основоположники марксизма противопоставили их представлениям принципиально иной подход к экономической жизни общества.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 348.

Марксизм учит видеть в экономических категориях не что иное, как теоретическое выражение общественных отношений производства. Эти отношения, как и выражающие их категории, носят исторически преходящий характер. Так, например, касаясь определения стоимости, которое один экономист дал во внеисторическом плане, Энгельс указывал, что это определение следует ограничить исторически, «подчеркнув, что оно имеет значение для той ступени экономического развития общества, при которой только могла и может идти речь о стоимости — к формам общества, где существует *товарообмен*, соответственно товарное производство. Первобытный коммунизм не знал стоимости»¹.

В одном из писем Энгельс указывал, что для марксистов экономические законы являются не вечными законами природы, а законами историческими, возникающими и исчезающими. Поэтому «кодекс» буржуазной политической экономии, поскольку он составлен объективно правильно, является лишь совокупностью законов и условий, при которых только и может существовать современное буржуазное общество. Поэтому ни один из этих законов, поскольку он выражает чисто буржуазные отношения, не старше буржуазного общества. «Те законы, которые в большей или меньшей мере имеют силу для всей предшествующей истории, выражают только такие отношения, которые являются общими для всякого общества, покоящегося на классовом господстве и на классовой эксплуатации» (т. 31, стр. 393).

Экономисты буржуазной классической школы принимали капиталистический строй как данный и даже не ставили вопроса, каким образом он возник. В этом ярче всего сказывалась их классовая ограниченность. Исследуя, при каких условиях люди производят товары, они не задумывались над тем, как возникают сами эти условия. Для представителей буржуазной классической политической экономии, а тем более для вульгарных эпигонов этой школы экономические категории представляли собой нечто вечное, неизменное, потому что они рассматривали категории капитализма как воплощение

¹ «Вопросы истории КПСС» № 2, 1962, стр. 133.

вечных идей, рассматривали идеалистически. Они, как замечает Энгельс, «самое большее исследовали количественное отношение, в котором продукт труда распределяется между рабочим и владельцем средств производства» (т. 24, стр. 20).

Историзм в политической экономии выражается в том, что экономическое исследование воспроизводит в теоретически обобщенном виде, очищенном от случайностей и несущественных моментов, исторический ход развития. Теоретические выводы марксистско-ленинской политической экономии покоятся на обобщении гигантского фактического материала действительности. В этом основа их правильности, их практической ценности, их значения для революционной борьбы рабочего класса за социализм.

Вопрос о соотношении исторического и логического развития категорий политической экономии был освещен Энгельсом в рецензии на работу «К критике политической экономии» Маркса (см. т. 13, стр. 497). К этому вопросу Энгельс возвращался и в других работах. Он подчеркивал, что Маркс дал в «Капитале» не только чисто экономическое исследование, что его исследование носит по существу исторический характер. «Оно показывает ход общественного развития от феодального способа производства средних веков до современного развитого капиталистического способа производства, исчезновение прежних классов и классовых противоположностей и образование новых классов с новыми противоположными интересами...» (т. 21, стр. 499).

Разъясняя коренную противоположность материалистической диалектики Маркса и идеалистической диалектики Гегеля, Энгельс проводил параллель между развитием от товара к капиталу у Маркса и развитием от бытия к небытию у Гегеля: с одной стороны, конкретное развитие, как оно происходит из фактов, а с другой стороны, абстрактная конструкция, в которой гениальные мысли и местами очень важные переходы, как, например, переход качества в количество и обратно, перерабатываются в кажущееся саморазвитие идей из одной в другую. «Таких примеров, — добавил Энгельс, — можно привести еще дюжину» (т. XXVIII, стр. 372).

В предисловии к третьему тому «Капитала» Энгельс объяснил, почему Маркс начинает свое исследование с товара — этой, по его выражению, экономической клетки буржуазного общества. Когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их мысленные отражения, понятия не втискивают в окостенелые определения, а развивают в их историческом и соответственно логическом процессе образования. Отсюда ясно, почему Маркс в начале своего исследования исходит из простого товарного производства, являющегося для него исторической предпосылкой, чтобы затем в дальнейшем изложении перейти от этого базиса к капиталу. Таким образом, он начинает именно с простого товара, а не с формы, логически и исторически вторичной, не с товара, уже капиталистически модифицированного (см. т. 25, ч. I, стр. 19).

Энгельс чрезвычайно рельефно определил коренное различие между абстракциями, применяемыми материалистической диалектикой, и пустыми идеалистическими спекуляциями. Он это сделал, сопоставив абстракции Маркса и Родбертуса. Маркс, указывал он, охватывает путем обобщенного логического выражения то общее содержание, которое заключено в самих вещах и отношениях. Поэтому его абстракция только отражает в логической форме то содержание, которое уже заключается в вещах.

Родбертус, наоборот, составляет себе некое более или менее несовершенное мысленное выражение и измеряет вещи этим понятием, по которому они должны равняться. Он ищет истинное, вечное содержание вещей и общественных отношений, содержание которых, однако, по существу преходяще (см. т. 36, стр. 180).

Так же поступают современные корифеи буржуазной политической экономии. Такой характер носит, к примеру, «теория монополистической конкуренции», выдвинутая американским экономистом Э. Чемберленом и вошедшая в моду у представителей официальной экономической науки в ряде стран. По тому же пути построения пустых, оторванных от жизни абстракций идут реформистские «опровергатели» марксизма. Внеисторический,

надысторический подход к явлениям экономической жизни общества обрекает буржуазных и реформистских теоретиков на полное бесплодие.

Противники марксизма, выступавшие иногда под маской его сторонников, пытались идеалистически извратить соотношение исторического развития действительности и логического развития категорий в экономическом учении марксизма. Имея дело с подобной попыткой, предпринятой после выхода третьего тома «Капитала» Зомбартом, Энгельс в письме к нему отметил, что понятие стоимости обладает или обладало большей реальностью, чем представлял себе Зомбарт. Обосновывая это утверждение, Энгельс писал:

«При возникновении обмена, когда продукты постепенно превращались в товары, они обменивались приблизительно по их стоимости. Единственным критерием для количественного сравнения стоимости двух предметов был затраченный на них труд. Тогда, следовательно, стоимость имела *непосредственное реальное существование*»¹. Указывая, что при капитализме эта непосредственная реализация стоимости в обмене прекратилась, Энгельс отметил, что нетрудно, хотя бы в общих чертах, обнаружить промежуточные звенья, ведущие от непосредственно реальной стоимости к стоимости при капитализме, которая скрыта так глубоко, что буржуазные экономисты могут преспокойно отрицать ее существование. И далее он подчеркнул важность подлинно исторического изложения этого процесса.

Выполнению этой задачи Энгельс посвятил статью «Закон стоимости и норма прибыли», написанную им незадолго до смерти в качестве дополнения к третьему тому «Капитала». В этой статье подчеркивается, что закон стоимости и для капиталистического производства имеет гораздо большее и более определенное значение, чем значение простой гипотезы, не говоря уже о фикции, хотя бы и необходимой. Критики, которые после выхода третьего тома «Капитала» объявили закон стоимости гипотезой или даже фикцией на том основании, что при капитализме действует закон общей или средней нормы

¹ «Вопросы истории КПСС» № 2, 1962, стр. 134.

прибыли, упустили из виду, что при анализе превращения стоимости в цены производства речь идет не только о чисто логическом процессе, но и об историческом процессе и объясняющем его отражении в мышлении, логическом прослеживании его внутренних связей (см. т. 25, ч. II, стр. 469).

В связи с этим Энгельс обращает внимание на решающее в этом отношении место в третьем томе «Капитала», где Маркс подчеркивает, что вся трудность проистекает оттого, что товары обмениваются не просто как товары, но как продукты капиталов, претендующих на пропорциональное их величине участие в дележе прибавочной стоимости. Приводя краткое объяснение Маркса по поводу того, что стоимость представляет собой категорию, которая не только теоретически, но и исторически предшествует цене производства, Энгельс замечает, что если бы Марксу удалось еще раз переработать третий том «Капитала», то он, несомненно, развил бы это место значительно полнее, так как оно дает лишь набросок того, что следовало бы сказать по этому поводу. И далее Энгельс подробно анализирует исторический процесс превращения стоимости в цены производства с переходом от простого товарного к капиталистическому производству (см. т. 25, ч. II, стр. 471—483).

Принцип историзма в политической экономии открыл возможность выяснения подлинного отношения между различными сторонами экономической жизни. К числу излюбленных возражений буржуазных и мелкобуржуазных критиков экономической теории марксизма принадлежит утверждение, что эта теория, исследуя производство, оставляет якобы без внимания другие сферы хозяйственной жизни общества: распределение, обмен (обращение), потребление. К этому обычно добавляется утверждение, что производство, дескать, зависит от естественных законов, между тем как распределение зависит от воли людей.

Маркс и Энгельс раскрыли полнейшую несостоятельность этого воззрения. На самом деле производство, распределение, обмен и потребление образуют части целого, различия внутри единства. Анализируя относительную самостоятельность отдельных сторон обще-

ственного процесса производства, взятого в целом, Энгельс ссылался на разделение труда в общественном масштабе. Тот факт, что благодаря этому отдельные процессы труда приобретают самостоятельность друг от друга, не изменяет того положения, что производство является в последнем счете решающим. «Но как только торговля продуктами, — продолжает Энгельс, — обособляется от производства в собственном смысле, она следует своему собственному движению, над которым в общем и целом господствует производство, но в отдельных частностях и внутри этой общей зависимости, она (торговля) все же следует своим собственным законам, которые присущи природе этого нового фактора» (т. XXVIII, стр. 256). Так же обстоит дело с денежным рынком, добавляет Энгельс.

Поставив политическую экономию на историческую почву, основоположники марксизма выработали новую терминологию и впервые создали подлинно научные термины экономической науки. Касаясь этого вопроса в предисловии к английскому изданию первого тома «Капитала», Энгельс замечает, что в науке каждая новая точка зрения неизбежно влечет за собой революцию в ее терминологии. Отсюда очевидно, что «теория, рассматривающая современное капиталистическое производство лишь как преходящую стадию экономической истории человечества, должна употреблять термины, отличные от обычной терминологии авторов, рассматривающих эту форму производства как вечную и окончательную» (т. 23, стр. 32).

Но дело не только в новой терминологии. Марксизм, как указывает Энгельс, рассматривает вещи и их взаимные отношения не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений. Поэтому и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию, и их не втискивают в окостенелые определения. Всякого рода недоразумения проистекают из представления, будто Маркс дает определения там, где он в действительности развивает, и из непонимания того, что у Маркса вообще пришлось бы поискать готовых и раз навсегда пригодных определений (см. т. 25, ч. I, стр. 16).

Определения, указывал Энгельс, всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие существа самого дела, а это уже не есть дефиниция. Он пояснял это на примере жизни. Чтобы выяснить и показать, что такое жизнь, необходимо исследовать все формы жизни и изобразить их в их взаимной связи. Вместе с тем для обыденного употребления «краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо, да оно и не может вредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что она в состоянии выразить» (т. 20, стр. 635).

Историзм в политической экономии означает неразрывную связь теории с практикой. Органическое единство теории и практики вытекает из самого существа марксистского мировоззрения как наиболее передового и революционного мировоззрения, которое когда-либо существовало.

В предисловии к третьему тому «Капитала» Энгельс, рассказывая о своих практических обязанностях, задержавших опубликование этого тома, писал, что «в наше бурное время чистые теоретики в сфере общественных интересов встречаются только на стороне реакции, и именно потому эти господа в действительности вовсе не теоретики, а простые апологеты этой реакции» (т. 25, ч. I, стр. 4).

В качестве общеполитической науки политическая экономия включает в предмет своего изучения свою собственную историю.

Еще в работе «Немецкая идеология» было отмечено, что сама идеология есть только одна из сторон единственной науки — науки истории. Консервативная идеалистическая система немецкой философии в резком противоречии с диалектическим методом представляла развитие человеческого сознания как результат самодвижения некоего абсолютного духа. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса, отвергнув эту догму немецкого идеализма, показала, что научное мышление в своем развитии является отражением реального исторического процесса, переработанным и исправленным в

соответствии с законами действительности. В этом смысле Энгельс подчеркивал, что движение науки представляет собой в конечном итоге не что иное, как одну из форм движения материи. Поэтому изучение данного круга явлений природы или общественной жизни не является достаточно полным и законченным, если оно не охватывает исторического развития научных представлений об этом круге явлений.

Марксистско-ленинская история теорий является неотъемлемой частью идейной сокровищницы марксистско-ленинского учения. Экономические труды Маркса и Энгельса содержат весьма полную и глубокую историю всей экономической науки домарксовской эпохи. Известно, с какой тщательностью и научной добросовестностью Маркс и Энгельс собирали, извлекали из-под спуда, отряхивали от пыли забвения все ценные мысли и соображения, когда-либо высказанные по вопросам экономической жизни. От их пронизательного взора не укрылись даже отдельные догадки, меткие замечания, содержащиеся в произведениях мыслителей древности, средневековых схоластов, деятелей эпохи Возрождения, не говоря уже об экономистах периода капитализма.

Но, извлекая из сокровищницы научного творчества всех эпох и народов все, что могло в той или иной степени характеризовать прогрессивное развитие научных представлений об экономической жизни общества, основоположники марксизма отнюдь не выступали в роли бесстрастных летописцев научных исканий и заблуждений. Следуя своему методу материалистической диалектики, они раскрывали исторические корни тех или иных научных представлений, обнажали истинный классовый смысл экономических учений, зачастую скрытый под способной ввести в заблуждение внешней оболочкой, четко и ясно определяли место каждой теоретической системы в общем поступательном ходе познания законов развития человеческого общества.

В работах Энгельса содержится много ценных замечаний относительно основных направлений в развитии экономической мысли до возникновения марксизма и характеристик главных представителей этих направлений, много глубоких критических оценок экономистов, высту-

павших при его жизни. Если в своей первой юношеской работе «Наброски к критике политической экономии» Энгельс еще не проводил различия между классиками буржуазной политической экономии и их вульгарными эпигонами, то дальнейшее изучение экономической литературы и общение с Марксом очень скоро привели его к правильному пониманию исторической роли представителей научной экономической мысли — предшественников марксизма.

Ознакомившись с книгой одного из критиков марксизма, который заодно выбрасывал за борт и Гегеля, Энгельс сделал характерное замечание, показывающее, как следует относиться к крупным мыслителям прошлого не только в области философии, но и в сфере других наук. Человек, писал он, который судит о каждом философе не по тому, что тот вносит в науку, не по прогрессивному, что было в его деятельности, но по тому, что было неизбежно преходящим, реакционным, «такой человек лучше бы молчал» (т. XXVIII, стр. 328).

В последний период жизни Энгельса буржуазная апологетика заполнила арену официальной университетской экономической науки во всех главных капиталистических странах. Энгельс внимательно следил за выступлениями представителей различных школ вульгарной экономии и подвергал их теории уничтожающей критике.

Еще в 50-х годах XIX в. тщательное изучение всей современной и более старой экономической литературы привело Маркса к выводу о том, что со времен Смита и Рикардо буржуазная экономическая теория не дала ничего мало-мальски ценного. Об этом выводе Маркс сообщает в одном из писем Энгельсу. Позднее, в 60-х годах, Маркс знакомится с произведениями великого русского революционного демократа Н. Г. Чернышевского. В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» Маркс характеризует Чернышевского как «великого русского ученого», который в своем труде о Милле «мастерски выяснил банкротство буржуазной политической экономии». А после смерти Маркса Энгельс в переписке с русскими друзьями, гневно бичуя ученых писак казенной немецкой науки, которая уже тогда

«пала так низко, что едва ли она может пасть когда-либо еще ниже», отмечал, что «теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, по-видимому, в самом деле нашла себе убежище в России» (т. 36, стр. 104).

В середине 80-х годов Энгельс писал, что выступавшие в Германии с большим шумом катедер-социалисты «в теоретическом отношении никогда особенно не отличались от вульгарных экономистов слегка филантропического толка, а теперь опустились до уровня заурядных апологетов бисмарковского государственного социализма» (т. 36, стр. 324). Социальную демагогию этого направления он разоблачил в своей работе, направленной против Луйо Брентано — одного из наиболее крикливых противников марксизма, состоявшего на службе промышленных магнатов и выступавшего под личиной «друга» рабочего класса.

Брентано с видом первооткрывателя утверждал, что законодательство об охране труда, а также организация профессиональных союзов содействуют улучшению положения рабочего класса. Энгельс указывает, что это положение отнюдь не является собственным открытием Брентано. «Маркс и я, — продолжает Энгельс, — в своих работах, начиная с «Положения рабочего класса в Англии» и «Нищеты философии» и кончая «Капиталом» и моими последними работами, сотни раз говорили об этом, но с очень большими оговорками». Суть дела в том, что ни борьба профсоюзов, ни фабричное законодательство не устраняют самого существенного, а именно эксплуатации труда капиталом. Брентано же, как и другие буржуазные экономисты, хочет сделать наемного раба довольным наемным рабом, и поэтому «ему приходится колоссально преувеличивать благоприятное влияние охраны труда, сопротивления профессиональных союзов, крохоборческого социального законодательства и т. д. . .» (т. 22, стр. 99—100).

Живя в Англии и пристально следя за развитием социалистического движения в этой стране, Энгельс обратил внимание на то, что «последователи Джевонса и Менгера здесь страшно расплодились в Фабианском обществе и с высоты своего величия с бесконечным

презрением поглядывают на давно уже превзойденного Маркса» (т. XXIX, стр. 120). В письмах к друзьям он указывал на необходимость дать отпор этой разновидности вульгарной экономии.

Энгельс оказывал большую помощь марксистам разных стран в их борьбе против буржуазных экономистов. Когда французский буржуазный экономист Леруа-Болье прочитал курс лекций о так называемом коллективизме и затем выпустил объемистую книгу на эту тему, Поль Лафарг написал ответную статью и послал ее Энгельсу. Энгельс очень внимательно прочитал статью и сделал ряд существенных замечаний, которые были учтены Лафаргом при ее опубликовании (см. т. 36, стр. 167—171).

4

Марксистский научный метод познания действительности требует раскрытия всеобщей связи и взаимозависимости явлений как природы, так и общественной жизни. Этот метод рассматривает объективный мир как единое целое, где все отдельные явления и предметы органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга. То, что относится к природе, относится также к общественной жизни. Если в природе связь явлений и их взаимная обусловленность представляют закономерности ее развития, то и в общественной жизни взаимообусловленность явлений не случайность, а закономерность развития общества. Во всех отраслях науки об обществе, стало быть и в экономической науке, задача, по словам Энгельса, «сводилась к открытию тех общих законов движения, которые в качестве господствующих прокладывают себе путь в истории человеческого общества» (т. 21, стр. 305).

История общества, указывал Энгельс, в одном отношении существенно отличается от истории развития природы. В природе действуют лишь слепые, бессознательные силы, во взаимодействии которых и проявляются общие законы. Наоборот, в истории действуют люди, обладающие сознанием и стремящиеся к опреде-

ленным целям. Но как ни важно это различие, оно несколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам. На поверхности явлений, несмотря на сознательно желаемые цели отдельных людей, царствует, в общем и целом, по-видимому, случай, так как в конце концов действия отдельных людей ведут совсем не к тем последствиям, которые были для них желательны. «Но где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы» (т. 21, стр. 306).

Исследуя производственные отношения людей, политическая экономия раскрывает закон движения каждой общественно-экономической формации. Раскрытие экономических законов данного способа производства в его движении и развитии — главная задача политической экономии как науки. В одной из рецензий на первый том «Капитала» Энгельс, изложив в краткой форме важнейшие выводы Маркса, резюмирует: «Таковы некоторые из основных законов современной капиталистической общественной системы, доказанные строго научно...» (т. 16, стр. 248). Именно познание основных экономических законов движения исторически определенного общества служит ключом к пониманию процессов экономического развития во всей их сложности и противоречивости, дает путеводную нить, позволяющую ориентироваться в лабиринте экономических отношений, в кажущемся хаосе экономических явлений.

Законы каждой общественно-экономической формации взаимосвязаны, они составляют определенную систему. Политическая экономия раскрывает эту взаимную связь законов и анализирует систему законов, действующих при данном способе производства. Самостоятельное действие каждого из экономических законов имеет место лишь в рамках их общей системы. «Экономические законы, регулирующие ставку процента, — писал Энгельс, — настолько независимы от законов, определяющих норму прибавочной стоимости, насколько это вообще возможно для законов одной и той же общественной формации» (т. 18, стр. 222).

Буржуазная классическая политическая экономия, по характеристике Энгельса, занималась преимущественно лишь теми общественными последствиями человеческих действий в области производства и обмена, достижение которых непосредственно имеется в виду. Это вполне соответствовало тому общественному строю, выражением которого она была. Отдельные капиталисты занимаются производством и обменом ради непосредственной прибыли. Поэтому во внимание принимаются только ближайшие, наиболее непосредственные результаты. Однако, замечает Энгельс, более отдаленные последствия тех действий, которые направлены на достижение этих результатов, оказываются совершенно иными, по большей части совершенно противоположными.

Так, гармония между спросом и предложением превращается в свою полярную противоположность, что особенно наглядно обнаруживается в кризисах. Далее, «основывающаяся на собственном труде частная собственность при своем дальнейшем развитии с необходимостью превращается в отсутствие собственности у трудящихся, между тем как все имущество все больше и больше концентрируется в руках нетрудящихся...» и т. д. (т. 20, стр. 498—499). Но как раз эти «более отдаленные последствия» действий агентов капиталистического производства оставались вне поля зрения экономистов — предшественников Маркса и Энгельса.

Марксизм учит, что при любом общественном строе экономические законы отражают необходимые и существенные связи явлений экономической жизни, существующие независимо от сознания и воли людей. Вместе с тем марксистская политическая экономия выяснила специфическую особенность экономических законов капитализма.

Законы эти выступают по отношению к агентам капиталистического производства как внешние силы, не поддающиеся познанию и овладению со стороны общества. Это неизбежно, поскольку общественное производство находится в руках отдельных капиталистов, действующих в интересах извлечения прибыли. Отсюда стихийный характер экономических законов капитализма и вообще товарного производства при господстве част-

ной собственности, высшей формой которого является капитализм.

Энгельс указывал, что люди сами делают свою историю, но, во-первых, они делают ее при определенных предпосылках и условиях, среди которых экономические являются в конечном счете решающими, а политические условия и т. д., даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую. И во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат получается от столкновения множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. «Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие» (т. XXVIII, стр. 246).

Указывая, что желание одних людей встречает препятствие со стороны других и в конечном результате получается нечто такое, чего никто не хотел, Энгельс делал отсюда вывод, что «история, как она шла до сих пор, протекает подобно естественно-историческому процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения» (т. XXVIII, стр. 246).

В «Капитале» Маркс писал, что при капитализме «внутренняя связь производства как целого навязывается агентам производства, как слепой закон, а не как закон, достигнутый их коллективным разумом и потому подвластный ему, подчиняющий процесс производства их общему контролю» (т. 25, ч. I, стр. 282). Такой характер экономических законов капитализма вытекает не из незнания этих законов капиталистами, а из самого существа буржуазного строя. «...Во всяком бесплановом и хаотическом производстве, — подчеркивал Энгельс, — законы экономики до сих пор противостоят людям как объективные законы, по отношению к которым люди бессильны, следовательно — в форме естественных законов» (т. 20, стр. 653).

В другой связи Энгельс писал, что с точки зрения марксизма весь ход истории (имея в виду значительные события) совершался бессознательно, т. е. эти события

и их последствия не зависели от воли людей. Поясняя свою мысль, Энгельс указывал, что деятели истории либо желали чего-то совершенно противоположного тому, что было достигнуто, либо это достигнутое влекло за собой совершенно другие, непредвиденные последствия. И он следующим образом разъяснял значение этого обстоятельства для экономической науки:

«Применительно к экономике: каждый капиталист гонится за *бóльшей* прибылью. Буржуазная политическая экономия установила, что эта погоня каждого капиталиста за *бóльшей* прибылью имеет своим результатом *общую одинаковую* норму прибыли, то есть приблизительно *одинаковую* прибыль, приходящуюся на долю каждого. Но ни капиталисты, ни буржуазные экономисты не отдают себе отчета в том, что действительной целью этой погони является равномерное, в процентном отношении, распределение совокупной прибавочной стоимости на весь совокупный капитал»¹. Только экономическая теория марксизма выяснила, как совершается процесс выравнивания нормы прибыли, и разрешила таким образом проблему, перед лицом которой буржуазная политическая экономия оказалась бессильной.

Трудность разрешения проблемы средней нормы прибыли связана, по словам Энгельса, с тем, что этот процесс совершается объективно, в вещах, бессознательно. «Если бы для создания средней нормы прибыли требовалось *сознательное* сотрудничество отдельных капиталистов, если бы отдельный капиталист *сознавал*, что он производит прибавочную стоимость, и в каком размере, и что он во многих случаях должен отдавать часть своей прибавочной стоимости, то связь между прибавочной стоимостью и прибылью была бы уже с самого начала довольно ясна, и на нее, безусловно, указал бы уже Адам Смит, а может быть, даже и Петти»².

Буржуазные критики пытались «опровергнуть» экономические законы, раскрытые марксизмом, при помощи ссылок на то, что в действительности эти законы не проявляются в чистом виде. На этом основании предлага-

¹ «Вопросы истории КПСС» № 2, 1962, стр. 133—134.

² Там же, стр. 133.

лось выбросить за борт закон стоимости. Разбирая этот вопрос, Энгельс заметил, что подобные упреки по адресу закона стоимости относятся ко всем понятиям, рассматриваемым с точки зрения действительности: понятие о вещи и ее действительность движутся вместе, постоянно приближаясь друг к другу, но никогда не совпадая. «Это различие между обоими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой действительности». Именно так обстоит дело со всеми экономическими законами, со всеми экономическими категориями, поскольку единство понятия и явления выступает как процесс по существу бесконечный.

Так, общая норма прибыли в каждый данный момент существует лишь приближенно. В действительности нормы прибыли на отдельных предприятиях из года в год изменяются в силу самых различных обстоятельств, вследствие чего «общая норма прибыли существует только как средняя величина, взятая для многих предприятий и за целый ряд лет». Точно так же обстоит дело с законом заработной платы, который осуществляется лишь в среднем, с бесчисленными отклонениями; или с законом земельной ренты, поскольку действительная добавочная прибыль и действительная рента совпадают лишь приблизительно, в среднем. Энгельс указывает в этой связи, что все экономические законы капитализма не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем, но не в непосредственной действительности, причем это происходит отчасти из-за того, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же вследствие их природы как понятий (см. т. XXIX, стр. 392—394).

Противники марксизма бесцеремонно нарушают самые элементарные основы науки, когда они ссылаются на то, что в отдельности каждое экономическое явление выглядит иначе, чем обобщенное выражение этих явлений в законе. В области естественных наук никто не пытается утверждать, что законы явлений представляют собой фантом, поскольку в природе имеется множество кажущихся нарушений и отступлений. А в области

экономической науки, указывал Ленин, буржуазия поднимает на щит людей, занимающихся прямым издевательством над наукой, «которая во всех областях знания показывает нам проявление основных законов в кажущемся хаосе явлений»¹. В другом месте Ленин писал, что в экономической теории «речь идет именно о направлении развития в общем и целом, отнюдь не о частных и поверхностных явлениях, которые не могут быть учтены во всем своем разнообразии никакой теорией»².

Буржуазная политическая экономия особенно охотно занимается именно «кажущимся хаосом явлений», заменяя исследование общих закономерностей, основных законов, раскрывающих направление развития данного способа производства, описанием частных и поверхностных явлений. Такой подход особенно характерен для так называемой исторической школы вульгарной экономии.

Указывая, что марксизм раскрыл подлинное значение диалектики как науки «об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления», Энгельс писал, что это «два ряда законов, которые по сути дела тождественны, а по своему выражению различны лишь постольку, поскольку человеческая голова может применять их сознательно, между тем как в природе, — а до сих пор большей частью и в человеческой истории — они прокладывают себе путь бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесконечного ряда кажущихся случайностей» (т. 21, стр. 302). В одном из писем Энгельс отмечал, что с экономическими, политическими и другими отражениями дело обстоит так же, как и с отражениями в человеческом глазу: они проходят через призму и поэтому представляются в перевернутом виде — вниз головой. «Только отсутствует тот нервный аппарат, который для нашего представления поставил бы их снова на ноги» (т. XXVIII, стр. 255).

С вопросом о природе экономических законов связан вопрос о роли государства в экономической жизни

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 46.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 205.

общества. Государство играет огромную роль уже при тех общественных порядках, которые характеризуются стихийным ходом экономического развития. Анализируя экономическую роль государства при капитализме, Энгельс исходил из того, что в условиях разделения труда общество порождает известные общие функции, без которых оно не может обойтись, и предназначенные для этого люди образуют новую отрасль распределения труда внутри общества. «Вместе с тем они приобретают особые интересы также и в противоположность тем, кто их уполномочил; они становятся самостоятельными по отношению к ним, и появляется государство» (т. XXVIII, стр. 257).

Новая самостоятельная сила в общем и целом должна следовать за движениями производства, но она со своей стороны оказывает воздействие на условия и ход производства благодаря присущей ей относительной самостоятельности. Энгельс подчеркивает, что это — взаимодействие двух неравных сил. Экономическое движение в общем и целом прокладывает себе путь, но оно испытывает на себе также и обратное действие политического фактора.

Это обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении — тогда развитие идет быстрее; она может действовать в противоположном направлении — тогда она раньше или позже терпит крах. Наконец, она может в определенных направлениях ставить преграды экономическому развитию и толкать вперед в других направлениях, — этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих (см. т. XXVIII, стр. 258). Все правительства, указывал Энгельс, являются в конечном счете только исполнителями экономической необходимости, вытекающей из положения страны; они делают свое дело по-разному — хорошо, плохо или посредственно, ускоряя или замедляя экономическое развитие, но в конечном счете им приходится следовать за этим развитием (см. т. XXIX, стр. 67).

В обществе, построенном на эксплуатации человека человеком, государство, по словам Энгельса, является

лишь выражением в концентрированной форме экономических потребностей класса, господствующего в производстве (см. т. 21, стр. 310).

В этом своем качестве государство служит аппаратом подавления трудящихся и эксплуатируемых масс, аппаратом господства эксплуататорского класса. Поэтому при любом эксплуататорском строе существует очевидное противоречие между формальной претензией государственной власти на представительство интересов общества в целом и фактической ее ролью как орудия господства меньшинства общества над его большинством. В экономической области это противоречие выражается в том, что при формальном главенстве государства фактически экономическая мощь находится в руках эксплуататорской верхушки общества. В этом смысле Энгельс писал, что «по крайней мере в новейшей истории, государство, политический строй, является подчиненным, а гражданское общество, царство экономических отношений, — решающим элементом» (т. 21, стр. 310).

Однако роль государства в экономическом развитии общества существенно меняется в условиях, когда происходит переход от общественного строя, живущего по стихийным экономическим законам, к общественному строю, базирующемуся на сознательном применении объективных экономических законов развития общества. Разъясняя сущность исторического материализма за несколько десятилетий до социалистической революции, Энгельс отмечал, что до сих пор люди делали историю, не руководствуясь общей волей, по единому общему плану даже в рамках определенного ограниченного общества. Дело меняется в результате социалистической революции. Маркс и Энгельс решительно подчеркивали огромное значение государственной власти в процессе революционного перехода от капитализма к социализму, в процессе построения социалистического общества. «К чему же мы тогда бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? — писал Энгельс. — Насилие (т. е. государственная власть) это есть тоже экономическая сила!» (т. XXVIII. стр. 261).

1. Экономический закон движения буржуазного общества. 2. Капитализм и борьба рабочего класса. 3. Против буржуазного реформизма. 4. Экономические кризисы. 5. Тенденции развития капиталистического способа производства

1

Марксизм вооружил рабочий класс не только знанием закономерностей развития общества на всех его этапах, но и глубоким пониманием специфической природы капитализма, законов его возникновения, развития и гибели.

На протяжении десятилетий Энгельс неутомимо пропагандировал, популяризировал и распространял идеи «Капитала», содействуя тому, чтобы содержание монументального труда Маркса стало доступным сознательному авангарду рабочего класса. Вместе с тем он глубоко разработал ряд кардинальных проблем теории капитализма, развил многие стороны экономического учения марксизма, раскрыл научное и практическое значение идей «Капитала».

Энгельс всесторонне обосновал значение Марксова анализа товара и раскрыл содержание разработанной Марксом трудовой теории стоимости. Он показал, что анализ товара — этой элементарной экономической клетки буржуазного общества — служит первой ступенью исследования противоречий капиталистического способа производства. Для того чтобы знать, что такое прибавочная стоимость, писал Энгельс, Маркс должен был знать, что такое стоимость (см. т. 24, стр. 20).

Вслед за Марксом Энгельс разъяснял, что определение стоимости трудом явилось тем открытием, которое положило начало научной политической экономии.

Цены товаров непрерывно изменяются под влиянием различных обстоятельств, которые часто не находятся в какой-либо связи с их производством. Отсюда возникает представление, будто цены вообще определяются чистой случайностью. Найти закон, который скрывается за этим кажущимся господством случайности над ценами товаров, было одной из первых задач политической экономии, когда она выступила как наука. Наука отправлялась от товарных цен для того, чтобы отыскать в качестве регулирующего их закона стоимость товаров, исходя из которой можно объяснить все колебания цен и к которой все цены могут быть в конечном счете сведены.

Эти поиски привели представителей буржуазной классической школы в политической экономии к открытию, что стоимость товара определяется заключающимся в нем трудом, необходимым для его производства. Но это объяснение, писал Энгельс, недостаточно. «Маркс впервые основательно исследовал свойство труда создавать стоимость и при этом нашел, что не всякий труд, который кажется необходимым или даже действительно необходим для производства товара, при всех условиях придает этому товару стоимость такой величины, которая соответствует затраченному количеству труда» (т. 22, стр. 206).

Для создания теории прибавочной стоимости, указывал Энгельс, необходимо было прежде всего подвергнуть критике теорию стоимости Рикардо. Маркс выполнил эту задачу, исследовав труд со стороны его свойства создавать стоимость и впервые установив, какой труд, почему и как образует стоимость. Маркс выяснил, что стоимость вообще есть не что иное, как кристаллизованный труд определенного рода (см. т. 24, стр. 20—21). В другом месте Энгельс указывал, что стоимость есть лишь иное выражение труда, а именно такое выражение, которым в капиталистическом обществе обозначается количество общественно необходимого труда, заключающегося в товаре (см. т. 22, стр. 211).

Таким образом, Энгельс разъяснил важнейшее положение марксистской теории товара: стоимость не является логической категорией, как полагали пред-

шественники марксизма и как продолжают утверждать буржуазные экономисты в последующий период. Стоимость — историческая категория, присущая только определенным ступеням развития общественного производства.

Специфический исторический характер товара и его стоимости Энгельс счел необходимым подчеркнуть в одной вставке, сделанной им в первой главе четвертого издания первого тома «Капитала». Маркс писал, что тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создает потребительную стоимость, но не товар; чтобы произвести товар, он должен создать не просто потребительную стоимость, а потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость. «И не только для других вообще, — гласит вставка Энгельса. — Часть хлеба, произведенного средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть — в виде десятины попам. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведен для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена». В примечании Энгельс объясняет необходимость вставленных им фраз тем, что при их отсутствии часто возникает недоразумение, будто, по Марксу, товаром является всякий продукт, потребляемый не тем, кто его произвел (см. т. 23, стр. 49).

Анализ, вскрывающий двойственный характер труда, воплощенного в товаре, Энгельс считал одним из тончайших анализов в «Капитале». Излагая результаты этого анализа, он писал, что труд, рассматриваемый как производитель потребительной стоимости, есть труд особого рода, отличающийся от того же труда, рассматриваемого как создатель стоимости. «Один есть труд определенного рода, прядение, ткачество, пахота и т. д.; другой есть всеобщее свойство производительной деятельности человека, общее прядению, ткачеству, пахоте и т. д., охватывающее их все одним общим термином «труд». Один есть конкретный труд, другой — абстракт-

ный труд. Один — труд в техническом смысле, другой — в экономическом» (т. 21, стр. 243).

Переход от анализа товара к анализу капитала, от теории стоимости к теории прибавочной стоимости в экономическом учении марксизма является логическим отражением исторического перехода от простого товарного производства к капиталистическому производству. Капитал появляется только там, где товарное производство и развитое товарное обращение достигли известного уровня развития. Капитализм есть товарное производство на высшей ступени его развития, когда товаром становится и рабочая сила человека. Превращение рабочей силы в товар отнюдь не дар природы или общественное явление, свойственное всем эпохам. Наоборот, оно, по словам Маркса, продукт исторического развития общества, «продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства» (т. 23, стр. 180). «Товарное производство, — писал Энгельс, — является одним из предварительных условий существования капитала; но пока производитель продает только свое собственное изделие, он не является капиталистом; он становится им только в тот момент, когда использует свое орудие для эксплуатации наемного труда других людей» (т. 36, стр. 167).

Научный анализ капиталистического способа производства с самых его основ до наиболее развитых форм был выполнен только Марксом и Энгельсом. Крупнейшей научной заслугой экономистов буржуазной классической школы явилось то, что они положили начало трудовой теории стоимости. Однако они оказались не в состоянии последовательно объяснить явления капиталистического способа производства на основе определения стоимости общественно необходимым трудом. Ни Смит, ни Рикардо не сумели вскрыть специфического характера капиталистического способа производства как способа производства особого рода, не смогли раскрыть законов его движения, его развития. Поэтому они беспомощно останавливались перед безысходными противоречиями, которые критика вскрывала в их теоретических системах.

Чрезвычайно ярко эти противоречия были обрисованы Энгельсом в одной из рецензий на первый том «Капитала». В этой рецензии он указывает, что буржуазная классическая политическая экономия, с одной стороны, учит, что труд есть источник всякого богатства и мера всех стоимостей и, следовательно, обмениваться друг на друга могут лишь равные стоимости. С другой стороны, буржуазные экономисты учат, что существует особый род накопленного труда, который они называют капиталом, причем капитал получает определенную прибыль или барыш. В действительности дело обстоит так, что капиталы становятся все колоссальнее, прибыли все огромнее, а масса живущих на заработную плату все многочисленнее и беднее. Возникает вопрос: откуда берется прибыль капиталиста, если рабочий получает полную стоимость труда, которую он придает своему продукту? Если обмениваются равные стоимости, то так должно быть и в данном случае. Но как могут обмениваться равные стоимости, если продукт труда рабочего делится между ним и капиталистом? «Прежняя политическая экономия беспомощно стоит перед этим противоречием, пишет или смущенно лепечет ничего не говорящие фразы» (т. 16, стр. 241).

Это противоречие было разрешено лишь основоположниками марксизма. Обнажив исторически преходящий характер капитализма, они показали, что капиталистический способ производства является отнюдь не вечным и неизменным состоянием всякого общества, а, наоборот, лишь определенной исторической ступенью в развитии общества. В их исследованиях капитализм предстал не как абсолютный, а как исторически обусловленный общественный строй, который закономерно возникает на определенном этапе общественного развития и столь же закономерно сходит со сцены в процессе дальнейшего развития общества.

Энгельс всесторонне раскрыл великое историческое значение созданной гением Маркса теории прибавочной стоимости. Он показал решающее значение этого открытия для превращения политической экономии из социальной науки буржуазии в политическую экономию рабочего класса.

Представители буржуазной классической политической экономии, указывал Энгельс, позаимствовали из повседневной практики представление капиталиста, будто он покупает труд рабочих. Это представление, вполне достаточное для ведения дел фабрикантом, было перенесено в политическую экономию и породило там паразитические заблуждения и путаницу. Когда экономисты применили к товару «труд» определение стоимости трудом, они попали в заколдованный круг неразрешимых противоречий. Если стоимость товара определяется трудом, а капиталист покупает «труд» рабочего, то невозможно объяснить, откуда происходит прибавочная стоимость, извлекаемая капиталистом. «Сколько бы мы ни изворачивались, — продолжает Энгельс, — мы не выпутаемся из этого противоречия до тех пор, пока будем говорить о купле и продаже труда и о стоимости труда. Так оно и было с экономистами. Последняя представительница классической политической экономии, школа Рикардо, потерпела крах в значительной мере из-за того, что не смогла разрешить этого противоречия. Классическая политическая экономия зашла в тупик. Человеком, нашедшим выход из этого тупика, был Карл Маркс» (т. 22, стр. 209).

К тому времени, когда Маркс создавал теорию прибавочной стоимости, капиталистическое человечество, по словам Энгельса, производило прибавочную стоимость уже в течение нескольких веков и мало-помалу пришло к тому, что стало размышлять о ее происхождении. Уже А. Смит рассматривал прибавочную стоимость как выражение прибавочного труда, избытка затраченного и овеществленного в товаре труда над оплаченным трудом, т. е. трудом, получившим свой эквивалент в заработной плате. Вместе с тем Смит понимал прибавочную стоимость как всеобщую категорию, по отношению к которой прибыль и земельная рента составляют только ее ответвления. Но Смит не отделял прибавочную стоимость, как таковую, в виде особой категории, от тех особенных форм, которые она принимает в прибыли и земельной ренте.

Рикардо сделал дальнейший шаг вперед в определении стоимости товаров заключающимся в них трудом

и вывел отсюда распределение между рабочими и капиталистами того количества стоимости, которое присоединено трудом к стоимости использованных средств производства, — распадение ее на заработную плату и прибавочную стоимость. Он показал, что стоимость товаров остается неизменной, как бы ни изменялось отношение между этими двумя частями, на которые она распадается. Он даже установил, хотя и в слишком общих чертах, некоторые основные законы, касающиеся взаимного отношения между заработной платой и прибавочной стоимостью, взятой в форме прибыли (см. т. 24, стр. 15).

Однако предшественники Маркса не могли раскрыть тайны капиталистической эксплуатации. Конечно, им было известно существование той части стоимости продукта, которая в марксистской политической экономии называется прибавочной стоимостью. Им было также более или менее ясно, что эта часть стоимости продукта представляет собой результат того труда, за который капиталист не уплачивает никакого эквивалента. Но дальше этого они не были в состоянии продвинуться. Представители буржуазной классической политической экономии в лучшем случае анализировали количественное отношение, в котором продукт распределяется между наемным рабочим и капиталистом. Социалисты-утописты, исходившие из трудовой теории стоимости Рикардо, возмущались несправедливостью этого распределения и предлагали всевозможные средства для ликвидации этой несправедливости.

С тех пор как буржуазная классическая политическая экономия выяснила, что стоимость определяется трудом, неизбежно возник вопрос: как совместить это положение с тем, что наемный рабочий получает не всю произведенную его трудом стоимость, а должен часть ее отдавать капиталисту? «Тщетно пытались и буржуазные экономисты и социалисты дать научно обоснованный ответ на этот вопрос, пока наконец не выступил Маркс со своим решением» (т. 19, стр. 114). Теория прибавочной стоимости Маркса произвела такое впечатление, указывает Энгельс, как удар грома среди ясно-го неба. Маркс выступил в прямую противоположность

всем своим предшественникам. «Там, где они видели решение, он видел только *проблему*» (т. 24, стр. 20).

Школа Рикардо потерпела крушение именно на теории прибавочной стоимости. Два пункта, о которые она разбилась, таковы.

Во-первых, живой труд при обмене на капитал имеет меньшую стоимость, чем овеществленный труд, на который он обменивается. Заработная плата, в которой выражается стоимость определенного количества живого труда, всегда меньше, чем стоимость продукта, произведенного этим трудом. В такой постановке вопрос неразрешим. Маркс поставил вопрос правильно и тем самым дал на него ответ. «Труд не имеет стоимости, — писал Энгельс. — Как деятельность, создающая стоимость, он так же не может иметь особой стоимости, как тяжесть не может иметь особого веса, теплота — особой температуры, электричество — особой силы тока» (т. 24, стр. 23).

Говорить о стоимости труда, указывал Энгельс в другом месте, значит впадать во внутреннее противоречие. При известных общественных отношениях труд производит не только продукты, но и стоимости, а эти стоимости измеряются трудом (см. т. 20, стр. 323).

Правильная постановка вопроса Марксом заключалась в том, что покупается и продается как товар не труд, а рабочая сила. Так Маркс разрешил одно из затруднений, о которое разбилась школа Рикардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с определением стоимости рабочим временем, с трудовой теорией стоимости. Когда рабочая сила становится товаром, ее стоимость измеряется трудом, воплощенным в ней как в общественном продукте. Иными словами, стоимость рабочей силы определяется трудом, необходимым для ее производства и воспроизводства. «Следовательно, — заключает Энгельс, — купля и продажа рабочей силы на основе такой ее стоимости отнюдь не противоречит экономическому закону стоимости» (т. 24, стр. 23).

Во-вторых, по закону стоимости Рикардо капиталы, применяющие равные количества труда при одних и тех же условиях, производят одинаковые массы стои-

мости и прибавочной стоимости, если же они применяют неодинаковые количества труда, то они не могут производить одинаковые массы стоимости и получать прибыль равных размеров. Однако в действительности равновеликие капиталы получают в среднем равную прибыль независимо от того, что они применяют различные количества труда. Это противоречие было разрешено Марксом, который показал, что в ходе конкуренции происходит образование общей, или средней, нормы прибыли и стоимость выступает в превращенной форме цены производства.

Открытие прибавочной стоимости имело, как показал Энгельс, огромное значение для понимания сущности эксплуатации труда капиталом. Раскрыв тайну капиталистической эксплуатации, Маркс обнажил самую глубокую экономическую основу противоречия классовых интересов буржуазии и пролетариата. Сделка обмена — купля-продажа рабочей силы, этот вводный акт капиталистической эксплуатации, — лишь по внешней обманчивой видимости является сделкой купли-продажи, совершаемой между владельцем товара и владельцем денег. На деле положение обоих контрагентов этой сделки в корне различно: рабочий под страхом голодной смерти вынужден продавать свой единственный товар — рабочую силу капиталисту, который, обладая монополией собственности на средства и условия производства, эксплуатирует наемного рабочего.

Тем самым было показано, что капитализм отличается от предыдущих типов эксплуататорского строя лишь той формой, в которой прибавочный труд высасывается из массы непосредственных производителей. Благодаря этому «буржуазное общество было разоблачено не в меньшей степени, чем предшествующие, разоблачено как грандиозное учреждение для эксплуатации громадного большинства народа незначительным, постоянно сокращающимся меньшинством» (т. 19, стр. 115).

Теория прибавочной стоимости, являющаяся краеугольным камнем экономического учения Маркса, служит несокрушимым оружием в борьбе против всякого прикрашивания капитализма, против затушевывания его коренных противоречий и антагонизмов, неизбежно

влекущих буржуазный строй к гибели. Все хитросплетения апологетов капитализма, его корыстных защитников и прислужников имеют целью замазывание основного классового антагонизма капиталистического строя — непримиримого противоречия классовых интересов буржуазии и пролетариата.

Теория прибавочной стоимости, созданная гением Маркса, нанесла сокрушительный удар иллюзиям и лицемерным фразам насчет гармонии интересов при капиталистическом строе. Капитализм был разоблачен как строй наемного рабства, заменяющий средствами экономической неволи прежние формы господства и подчинения, основанные на открытой личной зависимости производителя. Закономерности развития капитализма, раскрытые Марксом и Энгельсом, являются закономерностями роста классовых противоречий буржуазного общества, закономерностями его неизбежной гибели в результате победоносной революции пролетариата.

Энгельс глубоко раскрыл содержание экономического закона движения буржуазного общества. Дав исчерпывающее исследование труда как создателя стоимости, Маркс затем подверг анализу отношение товара и денег. При этом он показал, как и почему в силу присущего ему свойства стоимости товар и товарный обмен должны порождать противоположность товара и денег. Он исследовал превращение денег в капитал и доказал, что оно основывается на купле-продаже рабочей силы. Установив деление капитала на постоянный и переменный, Маркс смог до конца выяснить действительный ход процесса производства прибавочной стоимости; это различие между двумя частями капитала явилось ключом к разрешению проблемы средней нормы прибыли, служившей камнем преткновения для предшественников Маркса. Далее, Маркс открыл две формы прибавочной стоимости — абсолютную и относительную — и показал, какую различную, но в обоих случаях решающую роль играли они в историческом развитии капиталистического производства. «Основываясь на теории прибавочной стоимости, он развил первую рациональную теорию заработной платы, какую мы теперь только и имеем, и впервые дал основные черты истории капиталистиче-

ского накопления и изложил его исторические тенденции» (т. 24, стр. 21).

Анализируя производство относительной прибавочной стоимости, Маркс проследил исторический путь развития производительности труда капитализмом, переход от мелкого производства к мануфактуре и от мануфактуры к машинной индустрии. Только в машинной индустрии капитал находит свою адекватную базу — такую форму производства, которая соответствует его ненасытной жажде прибавочной стоимости. При переходе от мануфактуры, основанной на ручном труде, к фабрике, основанной на системе машин, формальное подчинение труда капиталу превращается в реальное.

Энгельс неустанно развивал, пропагандировал, разъяснял основную идею научного социализма, главный вывод из экономического учения марксизма: от капитализма нет и не может быть пути назад, к мелкобуржуазной идиллии частной собственности на базе собственного труда, а есть только путь вперед, к социалистическому обобществлению средств производства и коллективному труду на базе общественной собственности на землю, фабрики, заводы, средства транспорта и связи. Эту идею он мастерски защищал против проповедников мещанских утопий, умело излагал в форме, доступной для самых широких масс рабочего класса.

В 1881 г. Энгельс написал для английской тред-юнионистской газеты «Знамя труда» серию статей, в которых в доходчивой форме с учетом слабой теоретической подготовленности читателей изложил некоторые коренные вопросы марксистской экономической теории. Первая из этих статей была посвящена популярному лозунгу тред-юнионов: справедливая заработная плата за справедливый рабочий день. Ставя вопрос, что такое справедливая заработная плата и что такое справедливый рабочий день, Энгельс писал, что для ответа на этот вопрос нужно обратиться не к науке о морали или о праве и не к сентиментальным чувствам гуманности, справедливости или милосердия. «Социальная справедливость или несправедливость, — писал он, — определяются лишь одной наукой, а именно наукой, которая имеет дело с материальными фактами производ-

ства и обмена — наукой политической экономии» (т. 19, стр. 255).

Изложив в краткой форме экономические законы, определяющие уровень заработной платы и рамки рабочего дня при капитализме, Энгельс показывает иллюзорность и утопичность надежды на возможность достижения справедливости в отношениях между трудом и капиталом. Вывод Энгельса гласит, что старый, отживший лозунг должен быть заменен требованием: средства труда — во владение самих рабочих (см. т. 19, стр. 258). Энгельс считал несомненным, что всякое движение рабочего класса, которое не ставит своей конечной целью уничтожение системы наемного труда, должно пойти по ложному пути и потерпеть поражение (см. т. 36, стр. 490).

По сравнению с главной задачей революционного преобразования общества на социалистических началах — уничтожения системы наемного труда все текущие политические и экономические проблемы занимают подчиненное место. Энгельс учил рабочий класс активно воздействовать на все стороны общественной жизни, настойчиво вмешиваться в ход истории, защищая свои интересы, собирая силы для грядущих решающих боев, добиваясь создания наиболее благоприятных условий для борьбы за социализм. В то же время он учил рассматривать все текущие задачи и цели в надлежащей исторической перспективе, в свете конечной цели социалистической борьбы рабочего класса.

Характерна в этом отношении его постановка вопроса о свободе торговли и протекционизме — вопроса, вокруг которого в рядах социалистического движения в конце XIX в. шла оживленная полемика. Вопрос этот, указывал Энгельс в конце 80-х годов, возвращается целиком в пределах системы капиталистического производства и потому не представляет непосредственного интереса для социалистов, поскольку они стремятся к устранению этой системы. «Косвенно, однако, — продолжал Энгельс, — он интересует и нас, поскольку мы должны желать, чтобы современная система производства развивалась и распространялась возможно быстрее и свободней, потому что вместе с ней развиваются и те

экономические явления, которые представляют собой неизбежные следствия и должны разрушить всю систему...» (т. 21, стр. 387—388).

Как и Маркс, Энгельс считал чрезвычайно важным вооружить рабочий класс глубоким пониманием исторической обусловленности капитализма, его места на пути развития человеческого общества, неизбежности его революционной смены высшим, социалистическим строем. Он разъяснял, что в теоретических исследованиях Маркса первое место занимает раскрытие исторических причин существования в определенные эпохи известных порядков, способов присвоения, общественных классов. Изучение этих проблем интересует всякого, кто видит в истории отличающийся внутренней связью, хотя часто и противоречивый, процесс развития, а не только беспорядочное нагромождение глупостей и зверств. Марксизм раскрыл историческую неизбежность существования определенных эксплуататорских классов — рабовладельцев, феодалов, капиталистов в ограниченные известными историческими рамками периоды, в течение которых они служили делу развития человечества.

«Маркс, таким образом, — резюмирует Энгельс свой ход мыслей, — признает для определенного периода историческую обусловленность эксплуатации, присвоения другими продукта труда рабочего, но одновременно он доказывает не только то, что эта историческая обусловленность теперь перестала существовать, но и то, что дальнейшее сохранение эксплуатации в какой бы то ни было форме, вместо того, чтобы способствовать общественному развитию, с каждым днем все больше тормозит его и приводит ко все более острым коллизиям» (т. 21, стр. 507).

2

Самым решительным образом Энгельс, как и Маркс, боролся против вульгаризации основных идей научного социализма, и в частности против извращения экономических законов, определяющих положение рабочего класса в капиталистической системе производ-

ства. Марксистский анализ экономической структуры буржуазного общества не оставляет сомнений в том, что, пока существует капитализм, рабочий класс остается эксплуатируемым классом, производящим прибавочную стоимость для класса, монополизировавшего средства производства, — для буржуазии. С развитием капитализма, с ростом богатства буржуазии растет относительное, а иногда и абсолютное обнищание пролетариата. Но марксизм никогда не утверждал, будто существует фатальный закон, по которому рабочий класс живет все хуже с каждым годом, месяцем и даже днем. Наоборот, Маркс, сформулировав всеобщий закон капиталистического накопления, согласно которому накопление богатства на одном полюсе общества есть в то же время накопление нищеты на другом его полюсе, тут же отметил, что этот закон подобно всем другим экономическим законам в своем осуществлении модифицируется многочисленными обстоятельствами (см. т. 23, стр. 659).

К числу этих обстоятельств относится прежде всего классовая борьба пролетариата за свои насущные жизненные интересы, сопротивление, оказываемое рабочим классом классу капиталистов. Отмечая, что общая тенденция капиталистического производства ведет не к повышению среднего уровня заработной платы, а к понижению его, т. е. в большей или меньшей степени низводит стоимость рабочей силы до ее минимального предела, Маркс ставил вопрос: значит ли это, что рабочий класс должен отказаться от борьбы с грабительскими посягательствами капитала и прекратить свои попытки использовать представляющиеся возможности для временного улучшения своего положения? На этот вопрос он отвечал: «Если бы рабочие так поступили, они выродились бы в сплошную массу опустившихся бедняков, которым уже нет спасения». Необходимость борьбы с капиталистами за повышение заработной платы коренится в самом положении рабочих при капитализме. «Если бы рабочие малодушно уступали в своих повседневных столкновениях с капиталом, они несомненно утратили бы способность начать какое-либо более широкое движение» (т. 16, стр. 154).

Энгельс подчеркивал пагубность отвлечения рабочего класса от борьбы за экономические требования под прикрытием псевдореволюционной болтовни о фатальной неизбежности непрерывного роста его нищеты. Подвергнув в 1875 г. критике проект Готской программы германской социал-демократии, он указывал, что один из крупнейших недостатков проекта состоит в том, что составители позволили навязать себе лассалевский «железный закон заработной платы». Решительно отвергая этот «закон», «основанный на совершенно устаревшем экономическом воззрении, будто рабочий получает в среднем лишь *минимум* заработной платы», Энгельс писал: «Маркс в «Капитале» подробно доказал, что законы, регулирующие заработную плату, весьма сложны, что в зависимости от условий получает перевес то тот, то другой из них, что они, таким образом, отнюдь не железные, а, напротив, очень эластичные и что вообще этот вопрос нельзя решить в двух-трех словах, как воображал Лассаль».

В этой же связи Энгельс протестовал против того, что в проекте Готской программы ни слова не говорилось об организации рабочего класса, как класса, при помощи профессиональных союзов. Это весьма существенный пункт, указывал Энгельс, потому что профсоюзы являются подлинной классовой организацией пролетариата, в которой он ведет свою повседневную борьбу с капиталом, которая является для него школой и которую уже никак не сможет задушить даже злейшая реакция (см. т. 19, стр. 3—4).

Энгельс терпеливо разъяснял английским рабочим, что в условиях капитализма «самая справедливая заработная плата неизбежно соответствует самому несправедливому распределению продукта труда рабочего, так как большая часть этого продукта идет в карман капиталиста, а рабочему приходится довольствоваться лишь такой долей, которая дает ему возможность поддерживать свою трудоспособность и продолжать свой род». Это — закон политической экономии, или, другими словами, закон данной экономической организации общества, и закон этот сильнее всех писанных и неписанных английских законов, вместе взятых; и, пока существует

капитализм, «закон заработной платы останется всемогущим и будет каждый день заново ковать цепи, превращающие рабочего в раба своего собственного продукта, монополизированного капиталистом» (т. 19, стр. 259).

Но отсюда не следует, продолжает Энгельс, что тред-юнионы бесполезны, что их борьба за улучшение положения рабочих бесплодна и бесцельна. Наоборот, профессиональные союзы во всякой капиталистической стране необходимы рабочему классу в его борьбе против капитала. Средний размер заработной платы зависит от обычного уровня жизни рабочих, но этот уровень может быть весьма различен. Большая заслуга тред-юнионов состоит в том, что они борются за поддержание заработной платы на определенном уровне и за сокращение рабочего дня и тем самым стремятся к поддержанию и повышению уровня жизни рабочих.

Отсюда Энгельс делает вывод, что закон заработной платы вовсе не такой закон, который действует неизменно и прямолинейно. В известных пределах он не является неумолимым. Существует определенная амплитуда колебаний, в пределах которой в каждой отрасли в данное время размеры заработной платы могут быть изменены в результате борьбы между рабочими и капиталистами. И Энгельс приходит к чрезвычайно важному заключению, что закон заработной платы не нарушается борьбой профсоюзов, а, наоборот, осуществляется благодаря их давлению. «Без средств сопротивления, — поясняет он эту мысль, — предоставляемых тред-юнионами, рабочий не получал бы даже того, что ему следует получить соответственно законам системы наемного труда. Лишь угроза, которую представляют для капиталиста тред-юнионы, может заставить его оплачивать полную рыночную стоимость рабочей силы своего работника» (т. 19, стр. 261).

Спустя ряд лет, критикуя сформулированное в проекте Эрфуртской программы германской социал-демократии утверждение, что численность и нищета пролетариев все больше возрастают, Энгельс заметил, что в такой абсолютной форме это неверно, так как орга-

низация рабочих, их постоянно растущее сопротивление будут по возможности создавать известную преграду для роста нищеты. «Но что *определенно* возрастает, — добавил он, — это *необеспеченность существования*» (т. 22, стр. 233).

Разъясняя действительные взгляды основоположников марксизма на положение рабочего класса при капитализме, Ленин подчеркивал, что они, говоря о росте нищеты, имели в виду наряду с этим и противодействующую тенденцию, и те реальные общественные силы, которые претворяют в жизнь эту тенденцию. Он указывал, что марксистское положение о росте нищеты вполне оправдывается действительностью, так как, во-первых, капитализм имеет тенденцию порождать и усиливать нищету, которая достигает громадных размеров при отсутствии противодействующей тенденции; во-вторых, растет нищета не в физическом, а в социальном смысле, т. е. в смысле несоответствия между повышающимся уровнем потребностей буржуазии и потребностей всего общества и уровнем жизни трудящихся масс; в-третьих, слова о росте нищеты сохраняют всю свою верность по отношению к «пограничным областям» капитализма, понимая выражение «пограничный» как в географическом смысле — страны, вновь вовлекаемые в орбиту капитализма, — так и в политико-экономическом смысле — отрасли народного хозяйства, в которых держатся еще отсталые способы производства¹.

3

На протяжении всей своей жизни Энгельс боролся против оппортунистических иллюзий, проповедовавшихся буржуазными и мелкобуржуазными социал-реформаторами. Отмечая в конце 80-х годов, что буржуазный и мелкобуржуазный социализм сохранил в Германии многочисленных представителей, Энгельс характеризовал две разновидности его адептов. Это, с одной стороны, катедер-социалисты и всякого рода

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 208.

филантропы, обуреваемые желанием превратить рабочих в собственников, и, с другой стороны, мелкобуржуазный социализм в рядах социал-демократической партии, который находит свое выражение в том, «что основные воззрения современного социализма и требование превращения всех средств производства в общественную собственность признаются правильными, но осуществление этого признается возможным лишь в отдаленном, практически неопределенном будущем. Этим самым задача для настоящего времени определяется лишь как простое социальное штопанье и, в зависимости от обстоятельств, допускается даже сочувствие реакционнейшим стремлениям, направленным на так называемый «подъем трудовых классов»» (т. 21, стр. 337).

Разоблачению реакционных идей буржуазного и мелкобуржуазного социал-реформаторства посвящена, в частности, работа Энгельса «К жилищному вопросу». В 1872 г. центральный орган германской социал-демократической партии «Народное государство» поместил серию статей о жилищном вопросе некоего анонимного автора, впоследствии оказавшегося доктором медицины Мюльбергером из Вюртемберга. Автор пытался пересадить на германскую почву идеи Прудона, еще ранее разоблаченные основоположниками марксизма. Появление прудонистских статей в немецком партийном органе вызвало решительный отпор со стороны Энгельса, и он выступил на страницах того же органа со статьей, в которой показал истинное лицо прудонизма. Занявшись критикой мелкобуржуазных рецептов разрешения жилищного вопроса, Энгельс, естественно, обратился также к разбору буржуазных рецептов лечения жилищной нужды; критике буржуазных способов разрешения жилищного вопроса посвящена вторая статья. Наконец, третья статья представляет собой ответ на возражения Мюльбергера. Все три статьи вместе были переизданы Энгельсом в 1886 г. с предисловием, заостренным против начинавшего поднимать голову оппортунизма в рабочем движении.

В своей работе Энгельс показал, что жилищный вопрос не является основным злом капитализма, а пред-

ставляет лишь одну из производных сторон последнего. Вместе с тем он вскрыл всю несостоятельность и ненадежность тех способов лечения этого производного зла, которые исходят из сохранения в неприкосновенном виде основ капитализма. Далее он развернул пролетарскую программу разрешения жилищного вопроса, заключающуюся в социальной революции, которая низвергает капитализм и устанавливает диктатуру пролетариата, являющуюся путем к построению социалистического общества. Социальная революция, пролетарская диктатура, уничтожение классов, уничтожение противоположности между городом и деревней — таков путь, на котором пролетариат разрешает жилищный вопрос, как и ряд других подобных «вопросов», остающихся в наследство от эксплуататорского капиталистического строя.

Разбирая взгляды буржуазного экономиста, Энгельс ставит вопрос: откуда же происходит жилищная нужда, как она возникла? Он разъясняет, что жилищная нужда представляет собой необходимый продукт буржуазной формы общества. Без жилищной нужды не может существовать капиталистическое общество, где трудящиеся массы должны жить исключительно на заработную плату, т. е. на сумму средств существования, необходимую для сохранения жизни и продолжения рода. В этом обществе усовершенствования в машинной технике систематически оставляют без работы множество рабочих, а периодические колебания промышленности обуславливают, с одной стороны, наличие многочисленной резервной армии незанятых рабочих, а с другой стороны, выбрасывают время от времени на улицу огромные массы безработных.

При капитализме рабочие скопляются в больших городах, и притом быстрее, чем создаются для них жилища. Вследствие этого самые худшие трущобы находят себе нанимателей, а домовладелец-капиталист не только имеет право, но в силу конкуренции в известной мере даже обязан беспощадно выколачивать из своего домовладения наиболее высокую наемную плату. «В подобном обществе, — заключает Энгельс, — жилищная нужда вовсе не случайность, она — необходимый инсти-

тут; она может быть устранена — вместе со всеми своими последствиями для санитарного состояния и т. п. — лишь тогда, когда весь общественный строй, который ее порождает, будет преобразован до основания» (т. 18, стр. 231).

Разоблачая реформистские способы «разрешения» жилищной проблемы, Энгельс подробно разбирает реакционно-утопический прудонистский лозунг «Собственность рабочего на свое жилище». Он показывает, как в условиях капитализма эта собственность становится из подспоря яром, обрекающим рабочего на добавочную эксплуатацию со стороны капитала. Критику «буржуазного социализма», сокровенной и в то же время несбыточной мечтой которого является строй, в котором была бы «буржуазия без пролетариата», Энгельс заканчивает следующим выводом: «И пока существует капиталистический способ производства, до тех пор глупо пытаться решать в отдельности жилищный или какой-либо другой общественный вопрос, затрагивающий судьбу рабочего. Решение состоит только в уничтожении капиталистического способа производства, в присвоении всех жизненных средств и средств труда самим рабочим классом» (т. 18, стр. 259).

Этот вывод Энгельса, направленный своим острием против всех разновидностей мирных реформаторов капитализма, блестяще подтвержден всей последующей историей борьбы рабочего класса. Притом подтвержден двояким образом: отрицательным — в капиталистических странах — крахом всяких реформаторских опытов излечения ряда «зол» капитализма, так сказать, в розницу; положительным — в странах победившего социализма — как успехами в области разрешения жилищного вопроса, так и победами в ряде других важнейших областей.

4

Подытоживая данный Марксом анализ экономических противоречий и антагонизмов буржуазного способа производства, Энгельс пришел к выводу, что

основным противоречием капитализма является противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения продуктов производства.

Это противоречие сопровождает буржуазный строй на всем протяжении его жизненного пути. Оно лежит в основе периодических экономических кризисов перепроизводства и обуславливает их неизбежность в течение всего периода существования капитализма. С развитием капитализма меняется продолжительность цикла, характер отдельных его фаз, но циклический ход воспроизводства от кризиса к кризису остается отличительной чертой буржуазного способа производства.

Еще в последние десятилетия XIX в. Энгельс своим острым взором подметил изменение формы циклического движения капиталистической промышленности. Он тщательно изучал рост противоречий капитализма в связи с распространением капиталистического способа производства.

В 1880 г. Энгельс писал, что развернувшийся кризис по его продолжительности, размерам и интенсивности оказался крупнейшим из всех кризисов, которые когда-либо переживала Англия (см. т. 34, стр. 367—368). Спустя два года он отметил, что кризис в Америке, как и в европейских странах, представляется не настоящим кризисом, а лишь отголоском перепроизводства, имевшего место во время предыдущего кризиса. Производительные силы еще никогда, ни в один из периодов процветания, не выросли в такой степени, как в 1871—1877 гг. Именно быстрым ростом производительных сил Энгельс объяснял хронические затруднения в важнейших отраслях промышленности в Англии и Германии, в особенности в хлопчатобумажной промышленности и металлургии «рынки до сих пор еще не в состоянии переварить всего произведенного» (т. 35, стр. 348).

Особую остроту кризиса 70-х годов он связывал с изменившимся положением на мировом рынке. Англия потеряла свое монопольное положение вследствие того, что с 1870 г. Германия, а затем США стали ее конку-

рентами на мировом рынке, а в большинстве других европейских стран промышленность развилась в такой степени, что они перестали зависеть от Англии. «В результате процесс перепроизводства, — писал Энгельс в 1885 г., — распространился на гораздо бóльшую территорию, чем тогда, когда он был ограничен преимущественно Англией, и приобрел — вплоть до настоящего времени — хронический характер в отличие от острого характера в прошлом» (т. 36, стр. 326).

В 80-х годах Энгельс обращал внимание на необходимость изучения промежуточных кризисов. Напоминая, что кризисы являются одним из самых могучих рычагов социального переворота, он писал, что при подробном разборе хода капиталистического развития необходимо учесть промежуточные кризисы, носящие отчасти местный, а отчасти специальный характер. Указывая, что такой промежуточный кризис, сводящийся к чисто биржевой игре, имел место в то время (письмо относилось к началу 1882 г.), он добавил: «До 1847 г. эти кризисы были регулярными промежуточными звеньями, так что в моем «Положении рабочего класса» цикл еще определен в пять лет» (т. 35, стр. 219).

Год спустя Энгельс вновь пишет о промежуточном кризисе, аналогичном кризису 1841—1842 гг., но развернувшемся на более высокой ступени. В этой связи он замечает, что десятилетний цикл вообще ясно наметился лишь с 1847 г. благодаря добыче золота в Калифорнии и Австралии и окончательному формированию вследствие этого мирового рынка. «Теперь, — заключает Энгельс, — когда Америка, Франция и Германия начинают подрывать монополию Англии на мировом рынке и когда вследствие этого опять, как до 1847 г., начинает быстрее проявляться перепроизводство, — теперь вновь возникают пятилетние промежуточные кризисы» (т. 36, стр. 23).

Еще через год Энгельс пишет, что десятилетний цикл, по-видимому, нарушен с тех пор, как начиная с 1870 г. американская и германская конкуренция кладет конец монополии Англии на мировом рынке. «С 1868 г. в основных отраслях господствует угнетенное состояние дел при медленном росте производства, а теперь Аме-

рике и Англии как будто угрожает новый кризис, которому здесь, в Англии, не предшествовал период процветания» (т. 36, стр. 78).

Обозревая в 1885 г. характер развития капитализма с середины XIX в., Энгельс отмечал, что за кризисом 1866 г. последовало около 1873 г. слабое и кратковременное оживление, и если полный кризис не имел места тогда, когда его следовало ожидать, в 1877 или 1878 г., то все же с 1876 г. все главные отрасли промышленности оказались в состоянии хронического застоя. «Не наступает ни полный крах, — продолжал Энгельс, — ни долгожданный период процветания, на который можно было рассчитывать как до краха, так и после него. Мертвящий застой, хроническое переполнение всех рынков во всех отраслях — таково состояние, в котором мы живем уже почти десять лет» (т. 21, стр. 203).

Позднее в одной из своих вставок в третьем томе «Капитала» Энгельс высказал мысль о том, что острая форма периодического процесса с ее десятилетним циклом уступила, по-видимому, место более хронической, затяжной; происходит смена сравнительно коротких и слабых периодов оживления и сравнительно продолжительных периодов угнетенного состояния, причем эта смена затрагивает отдельные промышленные страны в различное время (см. т. 25, ч. II, стр. 32).

На монополистической стадии капитализма, и особенно в условиях общего кризиса капиталистической системы, происходит дальнейшая модификация промышленного цикла. Видоизменение формы движения цикла не дает, однако, оснований для вывода о смене циклического движения перманентным экономическим кризисом перепроизводства. Положение Маркса о том, что перманентных кризисов не бывает, сохраняет, естественно, силу и в наше время. Что же касается буржуазно-апологетических измышлений об организованном, бесконъюнктурном, бескризисном капитализме, то их несостоятельность разоблачается самой жизнью при каждом очередном экономическом спаде.

До конца своих дней Энгельс неустанно изучал процессы, происходившие в капиталистическом обществе, и в частности в его экономической жизни. Науку он рассматривал как область живого творчества, которая непрерывно обогащается новым историческим опытом. Особое внимание Энгельса привлекали те новые явления, которые наметились в экономике капитализма в последние десятилетия прошлого века.

Энгельс внимательно следил за процессом концентрации и централизации капитала, за неудержимой концентрацией производства. Имея в виду «мелкобуржуазные вопли против биржи», Энгельс писал, что биржа изменяет только распределение прибавочной стоимости, украденной у рабочих, а как это происходит, это в конце концов для рабочих безразлично. «Но биржа, — добавлял он, — изменяет распределение в сторону централизации, в огромной мере ускоряет концентрацию капиталов и потому является столь же революционным фактором, как и паровая машина» (т. 35, стр. 359).

Отмечая, что в бисмарковской Германии мощным рычагом концентрации капитала и производства служила протекционистская политика, Энгельс с огромной проницательностью вскрыл заложенную в концентрации тенденцию к образованию монополий, использующих покровительственные пошлины в качестве оружия наступления на внешнем рынке. В связи со склонностью некоторых социал-демократических депутатов германского рейхстага голосовать за покровительственные пошлины, в частности за пошлины на металл, Энгельс напоминал, что в Германии есть два крупнейших металлургических завода, каждый из которых в состоянии удовлетворить спрос всего внутреннего рынка, а наряду с ними существует ряд предприятий поменьше. В этих условиях покровительственная пошлина — чистейшая бессмыслица, и если ее требуют заводчики, то лишь потому, что они организовали «ринг» — заговор, который навязывает внутреннему рынку монопольные цены, чтобы излишнюю продукцию по бросовым ценам сбывать за границей (см. т. 34, стр. 336—337).

В третьем томе «Капитала» Энгельс сделал обширную вставку в главе о роли кредита в капиталистическом производстве. В этой вставке он указал, что со времени написания Марксом этой главы развились новые формы промышленных предприятий, представляющие вторую и третью ступени акционерного общества. Он имел в виду при этом возникновение монополий. Характеризуя движущие силы монополизации промышленности, Энгельс указывал на обострение проблемы рынка по мере огромного увеличения масштабов производства, а также на протекционистскую политику, при помощи которой каждая промышленная страна отгораживает себя от всех других, и в особенности от Англии, и еще искусственно повышает отечественное производство. Это неизбежно порождает общее хроническое перепроизводство, падение цен, снижение и даже порой исчезновение прибыли. «...Словом, — писал Энгельс, — издавна прославленная свобода конкуренции находится при последнем своем издыхании и должна сама признаться в своем явном скандальном банкротстве».

Банкротство свободной конкуренции Энгельс видел в том, что в каждой стране крупные промышленники определенных отраслей объединяются в картели, которые устанавливают квоты производства и распределяют заказы между предприятиями. В ряде случаев возникали международные картели, как, например, сговор между фирмами английской и германской черной металлургии.

Ввиду того, продолжает Энгельс, что конкуренция вновь возрождалась из-за противоречий интересов отдельных предприятий, возникла новая, еще более высокая форма обобществления производства. В отдельных отраслях, где это допускала степень развития производства, стали объединять все производство отдельных предприятий в одно крупное акционерное общество под единым руководством. Указывая, что в США это осуществлялось уже неоднократно, Энгельс для Европы приводит пример английского треста, сосредоточившего все производство щелочи в стране в руках одной-единственной фирмы, причем прежние владельцы отдельных

предприятий получили акции в сумме около 5 млн. ф. ст., представляющих основной капитал треста. «Таким путем в этой отрасли, образующей основу всей химической промышленности Англии, конкуренция заменена монополией и самым обнадеживающим образом подготавливается будущая экспроприация всем обществом, нацией» (т. 25, ч. 1, стр. 480—481).

Эта вставка показывает, что Энгельс рассматривал монополии как новую, более высокую ступень обобществления производства, подготавливающую материальные условия для социалистического преобразования общества.

Живейший интерес Энгельса к новым явлениям в экономике и политике капитализма особенно наглядно проявился в его последней работе «Дополнения к третьему тому «Капитала»». План-конспект второго раздела этой статьи, оставшегося ненаписанным, озаглавлен «Биржа». В этом разделе Энгельс имел в виду, как это явствует из его писем, рассмотреть значительные изменения в роли биржи, происшедшие с тех пор, как Маркс писал об этом в 1865 г. Анализ новой роли биржи Энгельс предлагал дать в виде дальнейшего развития идей, изложенных им во вставке к главе 27 третьего тома «Капитала». Речь шла о характеристике процессов, наметившихся в экономике капитализма в последний период жизни Энгельса.

Этот период был переходным от старого, домонополистического капитализма с господством свободной конкуренции к монополистическому капитализму — империализму. Однако переход этот при жизни Энгельса еще не завершился. Рубежом между домонополистической стадией капитализма и монополистической стадией являлись самые последние годы прошлого века, когда Энгельса уже не было в живых. Естественно поэтому, что он не мог дать теоретического анализа монополистической стадии капитализма. Задача марксистского исследования империализма как высшей фазы капитализма была впервые выполнена лишь Лениным, который продолжил дело Маркса и Энгельса и поднял марксизм на новую, высшую ступень. Опираясь на основные положения «Капитала», базируясь на

законах развития капитализма, исследованных Марксом и Энгельсом, Ленин создал теорию империализма — новой и последней стадии капитализма. В его трудах содержится развернутая и полная характеристика экономической и политической сущности и особенностей империализма как монополистического, паразитического или загнивающего, умирающего капитализма.

Энгельс не увидел наступления новой исторической стадии в развитии капитализма. Однако в наброске статьи о бирже он отметил некоторые из новых явлений в экономике капиталистических стран. План статьи состоит из семи пунктов. Концентрация производства в руках «биржевиков» составляет содержание первого пункта плана; в нем указывается, что с 1865 г. «наступило изменение, которое придает бирже значительно возросшую и все растущую роль и которое в своем дальнейшем развитии имеет тенденцию концентрировать в руках биржевиков все производство, как промышленное, так и сельскохозяйственное, и все обращение — как средства сообщения, так и функцию обмена; таким образом, биржа становится самой выдающейся представительницей капиталистического производства».

В дальнейших пунктах это положение конкретизируется. При этом особое внимание уделяется акционерной форме, которая, с одной стороны, является формой быстрой централизации капитала, а с другой — в огромной мере ускоряет процесс отделения капитала как собственности от приложения капитала в производстве.

Энгельс отмечает, что в 1865 г. биржа была еще второстепенным элементом в капиталистической системе. В этот период на рынке титулов собственности основная масса ценностей еще состояла из государственных бумаг. В промышленности и торговле акционерная форма еще была мало распространена. Невелико было и значение железнодорожных акций. Гораздо большее значение акционерная форма имела в банковском деле: в Америке и на континенте акционерные банки уже тогда господствовали, между тем как в Англии они еще готовились к поглощению частных банков.

«Теперь дело обстоит иначе», — записывает Энгельс в следующем пункте плана-конспекта. Акционерные предприятия стали быстро распространяться в промышленности, торговле и банковском деле. Основу этого явления Энгельс вскрывает следующим образом: «Со времени кризиса 1866 г. накопление происходило со все возрастающей быстротой и притом таким образом, что ни в одной промышленной стране, и всего менее в Англии, производство не поспевало за накоплением, и накопление отдельного капиталиста не могло найти полного применения в расширении его собственного предприятия...»

Победное шествие акционерной формы предприятий рассматривается Энгельсом как неизбежное следствие капиталистического расширенного воспроизводства. Быстрое возрастание размеров накопления, обгонявшее рост производства и размеры возможного расширения тех предприятий и отраслей, в которых это накопление имело место, создавало благоприятную обстановку для распространения акционерных обществ. Далее Энгельс отмечает, что вместе с накоплением возрастала и масса рантье — «людей, которым надоело постоянное напряжение, связанное с ведением дел, и которые хотели только развлекаться или иметь лишь необременительные занятия в качестве директоров и членов наблюдательных советов компаний».

Перечисляя условия, способствовавшие росту акционерных компаний, Энгельс указывает, что новым потребностям капиталистического развития приходит на помощь законодательство, создающее наиболее благоприятные правовые формы для распространения акционерных предприятий.

Акционерная форма охватывает одну отрасль производства за другой. Прежде всего на сцену выступают железнодорожные акции; затем наступает очередь промышленности и торговли. Последовательность различных отраслей промышленности такова. Сначала под «действие судьбы» подпадают горная промышленность и металлургия, затем химия и машиностроение — отрасли тяжелой индустрии. Легкая индустрия — текстильная, швейная, пивоваренная — также охватывается

акционерными предприятиями, но она отстает в этом отношении от тяжелой индустрии. Во время очередного кризиса объединения нередко распадаются. Новая форма охватывает также торговлю и банки. Энгельс отмечает в своем плане ряд фирм, на примере которых он предполагал, очевидно, показать процесс превращения единоличного предприятия в акционерное. Он особо отмечает крупную форму организации розничной торговли в виде универсальных магазинов, делавших тогда лишь первые шаги.

Характеризуя вытеснение прежнего единоличного хозяйства акционерной компанией, Энгельс пишет: «Обыкновенная единоличная фирма все более и более становится только предварительной ступенью, подготовляющей предприятие к тому моменту, когда оно будет достаточно велико, чтобы на его основе «учредить» акционерное общество».

Один из пунктов плана-конспекта посвящен характеристике процесса овладения земельной собственностью со стороны финансово-банковских воротил. Энгельс указывает, что банки все более становятся носителями ипотек. В этом отношении Германия шла впереди других стран, но ее успешно догоняли Франция и Англия. Имена попадают в руки кредиторов, и вместе с акциями ипотечных банков в руки биржевых воротил переходит, по выражению Энгельса, «действительная верховная собственность на землю».

После рассмотрения концентрации и акционерного предприятия как ее важного рычага Энгельс подходит к монополии. Он намечает эту проблему в плане следующей фразой: «Затем тресты, создающие гигантские предприятия с общим управлением (как United Alkali)».

В последних двух пунктах плана-конспекта о бирже намечены проблемы приложения капитала за границей и колонизации. Колонизация, писал Энгельс, «ныне находится просто на службе биржи, в интересах которой европейские державы несколько лет назад поделили Африку, французы захватили Тунис и Тонкин. Африка прямо сдана в аренду компаниям (Нигерия, Южная Африка, Германская Юго-Западная и Восточная Аф-

рика). Машоналенд и Наталь захвачены для биржи Родсом» (т. 25, ч. II, стр. 484—486).

С концентрацией и централизацией капитала и в особенности с распространением акционерной формы предприятий Энгельс вслед за Марксом связывал превращение буржуазии в паразитический класс. Следуя историческому подходу к анализу действительности, Энгельс объяснял, что экономическая функция класса капиталистов заключалась в том, чтобы создать крупную машинную индустрию и сокрушить все экономические и политические преграды на ее пути. «Не подлежит сомнению, — писал он, — что, пока капиталистический класс выполнял эту функцию, он был при тех условиях необходимым классом» (т. 19, стр. 297).

Но продолжает ли класс капиталистов выполнять свою важную функцию руководителя общественного производства, расширяющего его в интересах общества в целом? Отвечая на этот вопрос, Энгельс прежде всего ссылается на тот факт, что в акционерных компаниях все дела ведут наемные служащие, между тем как капиталисты — владельцы предприятий не выполняют никакого другого дела, кроме получения дивидендов.

Но этим дело не ограничивается. Класс капиталистов, превратившись в излишний класс, все нагляднее демонстрирует свою неспособность справиться с выросшими производительными силами. Об этом ярче всего свидетельствуют эпидемии перепроизводства — экономические кризисы. Отсюда следует вывод, что капиталисты стали не только излишним, но и вредным классом (см. т. 19, стр. 299).

В связи с анализом противоречий капиталистической системы производства, растущих по мере развития капитализма, Энгельс рассматривал вопрос об экономической роли буржуазного государства. Поскольку Энгельс не дождался завершения перехода к монополистической стадии капитализма, нельзя было бы ожидать от него развернутого анализа государственно-монополистического капитализма — этого детища нынешнего века. Однако работы Энгельса дают исключительно ценные указания относительно самого подхода к про-

блемам вмешательства буржуазного государства в экономическую жизнь.

Возражая тем деятелям германского рабочего движения, которые отдавали дань увлечениям в связи с проектами огосударствления железных дорог и введения табачной монополии, Энгельс разъяснял, что всякая передача промышленных и коммерческих функций в руки государства может иметь в условиях капитализма в зависимости от обстоятельств двоякий результат: либо реакционный, либо прогрессивный. Он учил отличать государственную монополию, учреждаемую исключительно из финансовых и реакционно-политических соображений, от огосударствления «в силу настоятельной внутренней необходимости. . .» (т. 34, стр. 256).

В одном из писем он добавлял, что социал-демократические депутаты рейхстага по таким экономическим вопросам, как покровительственные пошлины, переход в руки государства железных дорог, страхового дела и т. д., «должны будут следовать основному принципу: не голосовать ни за какие мероприятия, усиливающие власть правительства над народом» (т. 34, стр. 336).

Энгельс решительно осуждал тех, кто проявлял склонность называть «социализмом» всякое вмешательство государства в свободную конкуренцию: протекционистскую политику, огосударствление отдельных отраслей промышленности, введение государственной монополии в той или иной области хозяйства. «Мы должны подвергать это *критике*, — подчеркивал он, — а не *принимать на веру*» (т. 35, стр. 140). Он разъяснял, что этот мнимый социализм в бисмарковской Германии является всего лишь феодальной реакцией, с одной стороны, и предлогом для выкачивания денег — с другой.

Косвенная цель Бисмарка и его сторонников была, по мнению Энгельса, в том, чтобы превратить возможно большее число пролетариев в зависимых от государства чиновников и пенсионеров и организовать наряду с дисциплинированной армией солдат и чиновников такую же армию рабочих. «Принудительные выборы под наблюдением назначенного государством начальства вместо фабричных надсмотрщиков — хорош социализм! Но к этому придешь, если поверишь буржуа-

зии в том, чему она сама не верит, а только прикидывается, что верит: будто государство — это социализм!» (т. 35, стр. 140).

Разъясняя свою позицию подробнее, Энгельс писал, что «огосударствление железных дорог выгодно лишь для акционеров, продающих свои акции выше стоимости, для нас же нисколько, ибо с несколькими крупными компаниями мы справимся так же быстро, как и с государством, если оно будет уже в наших руках; что акционерные общества уже доказали, до какой степени лишним является буржуа как таковой, потому что все управление ведется наемными служащими, и огосударствление не прибавит к этому никаких новых доказательств» (т. 35, стр. 268).

Энгельс раскрыл глубокую закономерность и историческую обусловленность растущего государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Всесторонний анализ государственно-монополистического капитализма был дан Лениным. Все это служит серьезным предостережением против трактовки государственного регулирования экономики при капитализме как измышления реформистов, против попыток сведения сущности государственно-монополистического капитализма к одним лишь надстроечным явлениям.

Подвергая критическому разбору проект Эрфуртской программы германской социал-демократии в 1891 г., Энгельс обратил внимание на фразу, в которой говорилось о коренящемся в самом существе частного капиталистического производства отсутствии планомерности. Существует, писал в этой связи Энгельс, капиталистическое производство как общественная форма, как экономическая фаза и частное капиталистическое производство как явление, встречающееся в том или ином виде в рамках этой фазы. Разъясняя эту мысль, он указывал, что под частным капиталистическим производством понимают производство, которое ведется отдельным капиталистом и которое все больше и больше становится исключением в результате широкого распространения акционерных обществ, представляющих собой уже не частное производство, а производство в интересах многих объединившихся капиталистов. «Если

мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности» (т. 22, стр. 234).

Как известно, в нашей экономической литературе под влиянием культа личности одно время получило распространение утверждение, что, поскольку при капитализме не хозяйство находится в руках государства, а, дескать, государство находится в руках хозяйства, государство остается лишь аппаратом для собирания налогов и угнетения эксплуатируемых масс и ему нет дела до хозяйства. Классовый характер буржуазного государства является для марксистов аксиомой. Однако вывод о том, что буржуазному государству нет дела до хозяйства, не подтверждается действительностью. Вывод этот мог лишь помешать изучению процессов развития государственно-монополистического капитализма в современный период.

- 1.** *Научный подход к проблемам социалистического переустройства общества.*
- 2.** *Политическое господство рабочего класса и экономические задачи социалистической революции.*
- 3.** *Овладение экономическими законами развития общества.*
- 4.** *Некоторые черты социалистической экономики.*
- 5.** *Социализм и закон стоимости*

1

Обосновав историческую закономерность и неизбежность революционной смены капитализма коммунизмом, Маркс и Энгельс, естественно, неоднократно обращали духовный взор к грядущему социальному перевороту. В их трудах можно найти много замечаний о тех или иных сторонах социалистического переустройства общества, сделанных в определенной связи и контексте. Ключом к правильной постановке вопроса о значении экскурсов основоположников марксизма относительно конкретных аспектов перехода от капитализма к коммунизму служат указания Ленина.

Ленин подчеркивал, что Маркс и Энгельс рассматривали коммунизм как результат сознательной борьбы и творчества рожденной капитализмом общественной силы — пролетариата. Напоминая, что вся теория марксизма представляет собой применение теории развития в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме к капитализму и что вопрос о предстоящем крахе капитализма они ставили в плоскости применения этой теории, Ленин писал: «У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, попустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологи-

ческой разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется»¹. Рассматривая взгляды Маркса по коренному вопросу социалистической революции — по вопросу о государстве, Ленин писал:

«У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, рождение нового общества и з старого, переходные формы от второго к первому»². Наконец, касаясь установленного Марксом научного различия между социализмом и коммунизмом, Ленин указывал, что великое значение постановки этого вопроса Марксом в том, что он в данном случае последовательно применяет материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм как нечто развивающееся из капитализма³.

То, что Ленин писал о Марксе, относится в полной мере также к Энгельсу. Его мысли всегда были устремлены к социализму и коммунизму, но он никогда не покидал реальной почвы и в своих суждениях о будущем обществе неизменно оставался на строго научных позициях.

В последние десятилетия прошлого века с ростом социалистического движения к Энгельсу неоднократно обращались с просьбой дать картину устройства будущего общества, но он неизменно отвергал подобные домогательства. Задача научного социализма заключается не в том, указывал Энгельс, чтобы сконструировать возможно более совершенную систему общества, а в том, чтобы исследовать историко-экономический процесс, имевший результатом возникновение и развитие буржуазии и пролетариата с их взаимной борьбой, и чтобы в экономическом положении, созданном этим процессом, найти средства для разрешения конфликта (см. т. 19, стр. 209).

Следуя методу материалистической диалектики, Энгельс, как и Маркс, решительно отказывался рисовать

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 85.

² Там же, стр. 48.

³ См. там же, стр. 98.

детальные картины устройства будущего общества, считая это ненужным и даже вредным. В одном из писем Марксу Энгельс порицал В. Либкнехта за его стремление «восполнить пробелы нашей теории, иметь ответ на всякое филистерское возражение и дать картину будущего общества, потому что ведь филистер задает им вопросы также и на этот счет...» (т. 34, стр. 15).

В 1881 г. голландский социалист Ньювенгейс сообщил Марксу о предполагавшемся обсуждении вопроса о программе действий после социалистической революции. Маркс ему отвечал: «Что следует делать в какой-либо определенный момент в будущем, делать непосредственно, конечно, целиком зависит от данных исторических условий, в которых придется действовать. Но в данном случае вопрос поставлен совершенно отвлеченно, представляя собой в сущности фантастическую проблему, и единственным ответом на него должна быть критика самого вопроса» (т. 35, стр. 131—132). И далее, указывая, что доктринерское, неизбежно фантастическое, предвосхищение программы действий будущей революции только отвлекает от борьбы в настоящее время, Маркс выражал уверенность в том, что «в тот момент, когда вспыхнет настоящая пролетарская революция, будут налицо и условия (конечно, совсем не идиллические) ее непосредственного, ближайшего *modus operandi*» (способа действия) (т. 35, стр. 133).

В том же году Каутский прислал Энгельсу на просмотр рукопись своей работы о размножении и развитии в природе и обществе. Энгельс в ответном письме заметил, что если катедер-социалисты требуют от марксистов ответа на вопрос, как они рассчитывают устранить угрозу перенаселения и связанную с этим опасность крушения нового социального строя, то из этого вовсе не следует, что марксисты обязаны исполнить это требование. Разрешить этим людям всяческие их сомнения, возникающие «из-за их собственной путаной сверхмудрости», он считал пустой тратой времени.

Указывая далее, что этот вопрос отнюдь не является злободневным ввиду тех успехов, которых достигло земледелие, в особенности в Америке, Энгельс писал,

что если все же когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет урегулировать производство людей, так же как оно к тому времени уже урегулирует производство вещей, то только оно именно и сможет выполнить это без затруднений. «Во всяком случае, — добавил он, — люди в коммунистическом обществе сами решат, следует ли применять для этого какие-либо меры, когда и как, и какие именно. Я не считаю себя призванным к тому, чтобы предлагать им что-либо или давать им соответствующие советы. Эти люди, во всяком случае, будут не глупее нас с Вами» (т. 35, стр. 124).

Энгельс считал несомненным, что в результате победы пролетарской революции в развитых капиталистических странах народы колониального мира приобретут свободу и независимость и выйдут на путь самостоятельного развития. Но он при этом добавлял: «Какие социальные и политические фазы придется тогда проделать этим странам, пока они дойдут тоже до социалистической организации, об этом, я думаю, мы могли бы выставить лишь довольно праздные гипотезы» (т. 35, стр. 298).

Когда в начале 90-х годов один из молодых деятелей германской социал-демократии сообщил Энгельсу, что собирается работать над темой о переходных этапах к коммунистическому обществу, Энгельс, заметив, что над этим вопросом стоит «поразмыслить», советовал, однако, «не спешить». Объяснял он свой совет тем, что «это самый трудный из всех вопросов, какие только существуют, так как условия беспрерывно изменяются, они меняются в зависимости от каждого вновь возникающего треста, и через каждые десять лет могут совершенно переместиться исходные пункты» (т. XXVIII, стр. 328).

В эти годы в определенных кругах было принято дискутировать вопрос о «будущем обществе». Ознакомившись с одной такой дискуссией на страницах немецкой социалистической газеты «Народная трибуна», Энгельс саркастически заметил, что у всех участников дискуссии «социалистическое общество» оказывается не чем-то постоянно меняющимся и прогрессирующим, а чем-то стабильным, раз навсегда установленным. Речь

шла о распределении в социалистическом обществе. Энгельс считал, что, здраво рассуждая, можно только попытаться открыть способ распределения, с которого будет начато, и постараться определить общее направление, по которому пойдет дальнейшее развитие (см. т. XXVIII, стр. 232—233).

В интервью, данном одному французскому корреспонденту в 1893 г., Энгельс сказал: «Мы сторонники постоянного, непрерывного развития, и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы. Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намек на них не найдете у нас» (т. 22, стр. 563).

В работе «К жилищному вопросу» Энгельс указывал, что он видит свою задачу вовсе не в том, чтобы составлять для будущего социалистического общества рецепты разрешения жилищного или еще более важного продовольственного вопроса, а в том, чтобы доказать, что развитие производительных сил открывает реальную возможность после уничтожения капитализма обеспечить всех членов общества как пищей, так и достойными жилищами. «А мудрствования о том, как станет будущее общество регулировать распределение пищи и жилищ, — писал Энгельс, — ведут прямо в область утопии» (т. 18, стр. 282).

Оппортунисты в рабочем движении пытались оживить те или иные системы домарксовского утопического социализма и при этом рекламировали свои рецепты в качестве практического пути осуществления социализма. В то же время против марксистов выдвигалось обвинение в том, что они отказываются «практически» подойти к вопросу о социалистическом преобразовании общества. Энгельс дал блестящую отповедь претензиям оппортунистов на «реализм» их программ. Показывая, «как обстоит дело с практикой этих называющих себя «практическими» социалистов», он напоминал, что подобные практические предложения для устранения всех социальных зол, всеспасительные социальные панацеи всегда и везде изготавлялись основателями сект, выступавших в то время, когда пролетарское движение было еще в младенческом возрасте,

«Развитие пролетариата, — писал он далее, — отбрасывает в сторону эти детские пеленки и воспитывает в самом рабочем классе понимание того, что нет ничего менее практичного, чем эти заранее вымышленные, пригодные к любому случаю «практические решения», и что, напротив, практический социализм заключается в правильном понимании различных сторон капиталистического способа производства. Для рабочего класса, обладающего таким пониманием, *никогда* не представит трудности в каждом данном случае решить, против каких социальных учреждений и каким образом следует направить свои главные удары» (т. 18, стр. 283—284).

В свете этих высказываний Энгельса ясно, как следует подходить к замечаниям о социалистическом обществе, содержащимся во многих его произведениях. Неправильно было бы рассматривать эти экскурсы как отмычку для решения конкретных практических задач социалистической экономики, встающих в определенных исторических условиях, которых не мог предвидеть Энгельс. Но высказывания наших великих учителей о социализме и коммунизме имеют неоценимое методологическое значение для политической экономии социализма как науки о новом способе производства и новой общественно-экономической формации, рождающейся в огне величайшей в истории человечества революции. Наука эта по самому существу своему встает перед все новыми и новыми проблемами, вытекающими из быстро меняющихся условий действительности. Мысли классиков марксизма-ленинизма служат надежным ориентиром, помогающим разобраться в сложных и порой спорных проблемах политической экономии социализма. Постановка коренных вопросов социалистического преобразования общества, данная Марксом, Энгельсом и Лениным, помогает определить, на какой основе и в каком направлении следует разрабатывать проблемы политической экономии социализма, как избегать субъективизма и догматизма в постановке этих проблем, как обеспечить их разработку в теснейшей связи с практикой строительства социализма и коммунизма.

К числу проблем, привлекавших особое внимание Энгельса, относятся: социалистическая революция и

установление политического господства пролетариата как исходный момент перехода от капитализма к социализму, обобществление средств производства и его методы, коренное изменение характера и цели производства при социализме по сравнению с капитализмом, особенности экономических законов социализма, принципы распределения в социалистическом обществе. При этом, естественно, Энгельс, как и Маркс, был далек от мысли навязывать будущим деятелям социалистической революции какие-либо готовые рецепты.

Наши великие учителя неоднократно подчеркивали, что конкретные методы осуществления социализма зависят от непрерывно изменяющейся обстановки, от исторических условий, в которых совершается социалистический переворот. Еще в самый канун социалистической революции, осенью 1917 г., Ленин писал: «Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело»¹.

Процесс революционного переустройства экономики на путях к социализму и коммунизму многолик и многогранен. Отсюда вытекает, что политическую экономию социализма нельзя себе представлять в виде некоего набора неподвижных, застывших догм, пресловутых «окончательных истин в последней инстанции», вызывавших столь резкое осуждение Энгельса. Политическая экономия социализма призвана раскрывать объективные экономические законы новой, коммунистической общественно-экономической формации, находящейся в стадии становления. Законы эти открываются, и содержание их выясняется не путем оторванного от жизни, абстрактного логизирования, не путем искусственной конструкции универсальных схем, а посредством теоретического обобщения практики, путем научного решения задач, поставленных жизнью.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 116.

Энгельс, как и Маркс, считал совершенно бесспорным, что социалистическое преобразование общества предполагает прежде всего политическое господство рабочего класса, которое он прекрасно характеризовал как «единственную дверь в новое общество...» (т. XXVIII, стр. 170). Указывая, что уже с середины 40-х годов Маркс и он были того мнения, что одним из конечных результатов социалистической революции явится постепенное «растворение» и в конечном счете исчезновение государства, Энгельс писал: «В то же время мы всегда считали, что для достижения этой и других, гораздо более важных целей грядущей социальной революции класс пролетариев должен прежде всего овладеть организованной политической властью государства и с ее помощью подавить сопротивление класса капиталистов и организовать общество по-новому» (т. 36, стр. 9).

Возражая анархистам, требовавшим упразднения государства сразу же после свержения буржуазии, Энгельс разъяснял, что после победы пролетариата государство является единственной организацией, которую рабочий класс находит готовой для использования, хотя государство нуждается в больших изменениях, прежде чем оно сможет выполнять новые функции. «Но разрушить его в такой момент, — продолжал Энгельс, — значило бы разрушить то единственное орудие, посредством которого победоносный рабочий класс может осуществлять только что завоеванную им власть, подавить своих врагов — капиталистов и провести то экономическое переустройство общества, без которого вся победа неминуемо закончится поражением и массовым убийством рабочих, как то было после Парижской Коммуны» (т. 36, стр. 9).

Научное предвидение Энгельса сбылось с поразительной полнотой и точностью. В России рабочий класс, овладев политической властью и подавив сопротивление эксплуататоров, в тесном союзе с самыми широкими массами крестьянства осуществил экономическую революцию невиданных масштабов, в результате которой

прежде отсталая страна стала могущественной державой. По тому же пути коренных революционных преобразований политической и экономической жизни пошли народы большой группы стран Европы и Азии, которые свергли капиталистическое иго и успешно строят социализм. В этой гигантской преобразовательной работе народными массами руководят испытанные революционные партии, строящие всю свою деятельность на незыблемой основе марксизма-ленинизма.

В письме к одному из деятелей итальянского рабочего движения Энгельс писал: «Мы должны освободиться от земельных собственников и капиталистов, поставив на их место объединенный класс сельскохозйственных и промышленных рабочих, заботясь о развитии всех средств производства, земли, орудий, машин, сырья и всего того, что необходимо для поддержания жизни в течение времени, требующегося для производства. В результате всего этого неравенство исчезнет. А чтобы довести это до конца, нам нужно политическое господство пролетариата»¹.

Энгельс категорически отвергал и неустанно разоблачал реформистские рецепты «бодро-скромно-веселосвободного вращивания» старого свиноводства в «социалистическое общество» (т. XXVIII, стр. 324). В свете высказываний Энгельса ясно, что современные реформистские рецепты постепенного «вращивания старого свиноводства в социалистическое общество» рассчитаны на то, чтобы закрыть «единственную дверь» в социализм.

Говоря о насильственной революции как средстве для свержения власти буржуазии и установления политического господства пролетариата, Энгельс никогда не упускал из виду возможности мирного завоевания власти социалистическим рабочим классом. Он писал, что для революционера «пригодно всякое средство, ведущее к цели, как самое насильственное, так и то, которое кажется самым мирным» (т. XXVIII, стр. 170). Касаясь вопроса об обобществлении средств производства в ходе социалистической революции, Энгельс указывал, что вопрос вовсе не в том, захватит ли пролетариат,

¹ «Вопросы истории КПСС» № 6, 1959, стр. 135.

достигнув власти, буржуазную собственность посредством насилия, заплатит ли он тотчас же за это, или выкупит постепенно по частям. «Пытаться ответить на этот вопрос заранее и относительно всех возможных случаев — значило бы фабриковать утопии, а это я предоставляю делать другим» (т. 18, стр. 279).

Считая несомненным, что после установления диктатуры пролетариата будет осуществлена экспроприация крупных землевладельцев и капиталистов, Энгельс указывал, что проведение этой экспроприации с выкупом или без него будет зависеть большей частью не от рабочего класса, а от тех обстоятельств, при которых он придет к власти, а также, в частности, от поведения самых крупных собственников. «Мы вовсе не считаем, — продолжал Энгельс, — что выкуп недопустим ни при каких обстоятельствах; Маркс высказывал мне — и как часто! — свое мнение, что для нас было бы всего дешевле, если бы мы могли откупиться от всей этой банды» (т. 22, стр. 523).

Наши великие учителя отнюдь не исключали мирного пути к социализму, мирного завоевания власти рабочим классом, возглавляющим самые широкие народные массы. Они считали такую перспективу вполне возможной при определенных обстоятельствах даже в обстановке безраздельного господства капитализма во всем мире. Эта перспектива приобрела несравненно более реальный характер в современную эпоху, когда империализм потерял господство над большинством человечества, когда наряду с мировой капиталистической системой существует мировая система социализма и когда происходит непрерывное изменение в соотношении сил двух систем в пользу социализма, в ущерб капитализму. Поэтому в программных документах международного коммунистического движения, в политической стратегии марксистско-ленинских партий капиталистических стран предусматривается наряду с немирным путем к социализму также и возможность осуществления его мирными средствами. Отрицание такой возможности идет вразрез с основными положениями марксизма-ленинизма, вразрез с революционной материалистической диалектикой, требующей кон-

кретного подхода к задачам социалистической революции и непримиримой к любым застывшим догмам.

Энгельс решительно осуждал анархистских путаников, наносивших огромный вред рабочему движению своими требованиями, чтобы государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут ликвидированы те социальные отношения, которые породили его. Эти люди требовали, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. «Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? — писал Энгельс. — Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие» (т. 18, стр. 305).

Но марксизм не считает государство вечным атрибутом человеческого общества. На определенном этапе жизни общества оно возникает, на определенном же этапе сходит со сцены. Широкими мазками рисуя диалектический процесс исторического развития человеческого общества, Энгельс указывал, что после уничтожения капитализма наступает такая фаза в жизни общества, когда создаются необходимые предпосылки для отмирания государства. «Вмешательство государственной власти в общественные отношения, — писал он, — становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает*» (т. 20, стр. 292).

Мысли Энгельса неоднократно извращались противниками революционного марксизма. Они пытались приписать Энгельсу утверждение об отмирании государства сразу же после победы пролетарской революции. Но позиция Энгельса совершенно ясна. Он исходил из того, что функции общественного управления утратят свой политический характер и превратятся в непосред-

ственное народное управление делами общества лишь на той ступени развития общества, которая называется полным коммунизмом.

Энгельс развил и разработал экономические задачи социалистической революции, провозглашенные еще в «Манифесте Коммунистической партии». Он всесторонне обосновал вывод «Манифеста», что пролетариат, завоевав политическую власть, прежде всего ликвидирует частную собственность на принадлежащие капиталистам средства производства и обращает их в общественную собственность. Обобществление средств производства — таково экономическое содержание пролетарской революции, такова основа социалистического преобразования общества. Именно на этой основе социалистическая революция идет к своей конечной цели — уничтожению эксплуатации человека человеком, созданию бесклассового общества. «Уничтожение классов, — писал Энгельс, — наше основное требование, без него уничтожение классового господства, с экономической точки зрения, — бессмыслица» (т. 22, стр. 235).

Уже в 80-х годах прошлого столетия Энгельс, указывая, что главное требование Маркса — захват всех средств производства от имени общества пролетариатом, добившимся безраздельного политического господства, с удовлетворением констатировал, что оно получило признание всего революционного рабочего класса также и в тех странах, где раньше были распространены реакционно-утопические мелкобуржуазные иллюзии о возможности социализма без обобществления средств производства (см. т. 21, стр. 336). Ныне эти иллюзии возрождены в программах и политике правосоциалистических партий. Их лидеры и теоретики заменяют «главное требование» марксизма реформистскими проектами «улучшения» капитализма.

Победивший рабочий класс, осуществляя экспроприацию экспроприаторов, вместе с тем, как предвидел Энгельс, открывает перед мелкими товаропроизводителями — основной массой крестьянства — путь товарищеского объединения средств производства и труда. В написанной незадолго до смерти работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Энгельс указывал, что

после победы социалистической революции кооперирование крестьянских хозяйств обеспечит центральной общественной власти «необходимое влияние, чтобы постепенно перевести крестьянское товарищество в высшую форму и сравнять права и обязанности как товарищества в целом, так и его отдельных членов с правами и обязанностями остальных частей всего общества». Энгельс видел задачу в том, чтобы объединить крестьянские хозяйства в товарищеские предприятия, «которые можно было бы постепенно превратить в обладающие равными правами и обязанностями составные части великого общенационального производственного товарищества» (т. 22, стр. 519 и 523).

Энгельс считал несомненным, что при переходе к коммунизму придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство. «Но дело должно быть поставлено так, — писал он, — чтобы общество — следовательно, на первое время государство — сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом» (т. 36, стр. 361).

Эти строки были написаны Энгельсом в то время, когда земля обрабатывалась примитивными средствами труда, а сложных машин еще не было. Говоря о собственности государства на средства производства, Энгельс мог иметь в виду только промышленность и железнодорожный транспорт, но отнюдь не сельское хозяйство. Сосредоточение средств производства, прежде всего промышленности, в руках государства Энгельс считал важнейшим условием того, чтобы частные интересы кооперативного товарищества не возобладали над интересами всего общества в целом.

То значение, которое Маркс и Энгельс придавали обобществлению средств производства, видя в нем экономическое содержание социалистической революции, не оставляет, на мой взгляд, сомнений в том, что этот процесс является историческим, а стало быть, и логическим исходным пунктом социалистического преобразования общества, и прежде всего его экономической

структуры. То, что Ленин называл обобществлением на деле, представляет собой процесс рождения новой системы производственных отношений — экономического базиса социализма. Думается, что теоретический анализ именно этого процесса обобществления на деле должен составлять отправной пункт при создании системы политической экономии социализма как теоретического выражения социалистического способа производства.

На первый взгляд могло бы показаться, что обобществление и обобществление на деле — одно и то же, что тут разница лишь чисто словесная. Однако это не так. В ленинской формуле «обобществление на деле» содержится очень важная, глубокая мысль. Эта формула раскрывает существенные стороны двух главных форм обобществления: национализации промышленности и других видов капиталистической собственности, с одной стороны, и кооперирования мелкокрестьянского хозяйства — с другой. В Советском Союзе национализация протекала в условиях гражданской войны и интервенции, что не могло не наложить решающий отпечаток на методы ее проведения. В других социалистических странах, избавленных от испытаний гражданской войны, например в Польше, ГДР, национализация крупной капиталистической собственности сочеталась с иными формами включения мелкого ремесла и мелкой торговли в общую систему социалистической экономики. Что касается коллективизации сельского хозяйства и дальнейшего развития колхозного строя, то формула «обобществление на деле» предостерегает против субъективизма и административного подхода к решению экономических проблем.

Энгельс подробно обосновал изменение характера и цели производства с переходом от капитализма к социализму. В результате установления политического господства пролетариата и обобществления средств производства анархия общественного производства сменяется «общественно-планомерным регулированием производства сообразно потребностям как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности» (т. 20, стр. 291).

Таким образом, место анархического производства занимает планомерная организация. Вместо погони капиталистов за прибылью целью производства становится удовлетворение потребностей общества и всех его членов. Переход от анархического производства с целью извлечения прибыли к планомерно организованному производству с целью удовлетворения потребностей людей раскрывает полный простор для развития производительных сил. Обобществление средств производства, указывал Энгельс, устраняет не только присущее капитализму торможение производства, но и прямое расточение производительных сил и произведенных продуктов, которое является неизбежным спутником капитализма и достигает наибольших размеров при кризисах (см. т. 20, стр. 294). Огромный рост производительных сил и ликвидация эксплуатации человека человеком открывают путь к полному преобразованию труда — к его превращению в первейшую жизненную потребность человека.

3

Обобществление средств производства, изменение характера и цели производства означают существенное изменение способа действия объективных экономических законов. Экономические законы социализма отличаются от экономических законов капитализма не только по содержанию, но и по способу своего осуществления. Энгельс указывал, что общество, овладев всеми средствами производства для их общественно-планомерного использования, уничтожит существующее при капитализме порабощение людей их собственными средствами производства (см. т. 20, стр. 305). Законы общественной жизни, противостоящие людям как чуждые, господствующие над ними законы природы, с переходом к социализму, начинают применяться людьми с полным знанием дела.

Смазывание принципиального различия между экономическими законами социализма и предшествовавших формаций в немалой степени связано с утверждением,

что не только при социализме и коммунизме, но и в других формациях происходит использование экономических законов в интересах общества. Утверждение это находится в резком противоречии с самим существом марксистско-ленинской теории и с целым рядом высказываний основоположников научного коммунизма. Так, Энгельс замечает, что если потребовались бы тысячелетия для того, чтобы люди научились в известной мере заранее учитывать более отдаленные естественные последствия своих направленных на производство действий, то еще гораздо сложнее обстоит дело с более отдаленными общественными последствиями этих действий. «Люди, которые в XVII и XVIII веках работали над созданием паровой машины, — пишет он, — не подозревали, что они создают орудие, которое в большей мере, чем что-либо другое, будет революционизировать общественные отношения во всем мире и которое, особенно в Европе, путем концентрации богатств в руках меньшинства и пролетаризации огромного большинства, сначала доставит буржуазии социальное и политическое господство, а затем вызовет классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом, борьбу, которая может закончиться только низвержением буржуазии и уничтожением всех классовых противоположностей».

Указывая, что в этой области люди путем долгого, часто жестокого опыта и путем сопоставления и анализа исторического материала постепенно учатся уяснять себе косвенные, более отдаленные общественные последствия своей производственной деятельности и тем самым перед ними открывается возможность подчинить своему господству и регулированию также и эти последствия, Энгельс делает в высшей степени важное замечание, не оставляющее места для каких-либо сомнений насчет того, как он понимал данный вопрос.

«Однако для того, чтобы осуществить это регулирование, — пишет он, — требуется нечто большее, чем простое познание. Для этого требуется полный переворот в нашем существующем до сего времени способе производства и вместе с ним во всем нашем теперешнем общественном строе» (т. 20, стр. 497).

И он поясняет, что все существовавшие до сих пор способы производства имели в виду лишь достижение ближайших, наиболее непосредственных результатов, между тем как дальнейшие последствия совершенно не принимались в расчет.

Хотя буржуазная политическая экономия и дает некоторое понимание причинной связи господства стихийных сил капиталистического способа производства над обществом — не только над рабочими, но и над самими капиталистами, — она не в состоянии ни предотвратить кризисы, ни уберечь отдельного капиталиста от убытков, ни избавить отдельного рабочего от безработицы и нищеты. «Одного только познания, — замечает Энгельс, — даже если оно идет дальше и глубже познания буржуазной политической экономии, недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное действие» (т. 20, стр. 329—330). Это действие заключается в том, что общество берет в свои руки всю совокупность производительных сил и планомерно управляет ими.

В другом месте Энгельс писал, что идеалистическое представление, будто условия жизни людей создаются их идеями и представлениями, а не наоборот, опровергается всей предшествующей историей. В ходе истории до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, каких желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположными тому, чего желали. Лишь в более или менее отдаленном будущем возникнут условия, при которых люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя, вызванную изменением отношений, и пожелают этого изменения, прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли (см. т. 20, стр. 639).

Ход истории блестяще подтвердил гениальные предвидения Энгельса. Опыт социалистического строительства в Советском Союзе и в других социалистических странах показал, что экономические законы социализма, как и экономические законы капитализма, носят объективный характер в том смысле, что они представляют объективно существующую внутреннюю связь явлений

экономической действительности. В то же время имеется существенное различие между стихийными экономическими законами капитализма и сознательно применяемыми обществом экономическими законами социализма. Когда объективная природа законов молчаливо приравнивается к их стихийному характеру и экономическим законам социализма приписывается автоматическое действие, получается искаженная картина. Ибо экономические законы социализма, вытекающие из реальных условий материальной жизни общества, из всей внутренней и внешней обстановки его развития, осуществляются не стихийно, не самотеком, а как законы осознанные, сознательно применяемые и используемые обществом в практике социалистического строительства.

Социалистическое общество ставит своей задачей активное изменение тех экономических условий, которые были унаследованы от прошлого. Оно отнюдь не стремится увековечить эти условия, а, наоборот, активно изменяет их, подчас коренным образом, в соответствии с задачами построения социализма и движения к высшей фазе коммунизма. Экономические законы социализма осуществляются посредством организованных действий строителей социалистического общества, направленных к определенным, заранее поставленным целям и достигающих заранее намеченных результатов. В этом заключается существеннейшее отличие экономических законов социализма от законов капитализма.

Характер экономических законов социализма, естественно, связан с особой экономической ролью социалистического государства. Это государство играет во всей жизни общества, и прежде всего в его экономической жизни, существенно иную роль, чем любое другое государство. Иногда пытаются свести это различие лишь к количественной разнице, к тому, что, дескать, социалистическое государство «больше вмешивается» в экономическую жизнь, чем другие государства. Разумеется, дело заключается отнюдь не в этом. Речь идет о коренном качественном различии, о принципиально иной роли государства при социализме по сравнению со всеми предшествующими формами общественного производства.

Как законы осознанные и сознательно применяемые, экономические законы социализма предполагают планомерную организацию всего общественного процесса производства. В противоположность капитализму социалистическое общество живет, по выражению Энгельса, руководясь общей волей, по единому общему плану. Общая воля, единый общий план в самом широком смысле слова определяют жизнь социалистического общества в каждой стране и во всей мировой системе социализма. Этот новый тип развития, при котором люди вполне сознательно сами творят свою историю, лежит в основе решающих преимуществ социализма над капитализмом. Носителем общей воли выступает социалистическое государство, являющееся представителем всего общества.

4

Еще великие социалисты-утописты мечтали о таком устройстве общества, где будут уничтожены уродующие людей противоположности между городом и деревней, между физическим и умственным трудом. Но только основоположники научного коммунизма раскрыли те общественные силы, которые способны разрешить эти задачи.

Углубляя противоположность между городом и деревней, капитализм, как показал Энгельс, уродует развитие производительных сил. Вместе с тем достигнутый уровень их развития открывает возможность уничтожения этой противоположности. «Только общество, способное установить гармоническое сочетание своих производительных сил по единому общему плану, может позволить промышленности разместиться по всей стране так, как это наиболее удобно для ее развития и сохранения, а также и для развития прочих элементов производства» (т. 20, стр. 307).

Всекие предлагаемые буржуазными реформаторами способы разрешения жилищного вопроса неизбежно терпят крушение, наталкиваясь на противоположность между городом и деревней. Энгельс связывал карди-

нальное решение жилищной проблемы с социалистическим преобразованием общества, в результате чего можно будет приступить к уничтожению противоположности между городом и деревней, противоположности, доведенной до крайности в капиталистическом обществе. «Капиталистическое общество не только не способно уничтожить эту противоположность, но вынуждено, наоборот, с каждым днем все больше ее обострять» (т. 18, стр. 238).

Отвечая тем буржуазным и мелкобуржуазным писателям, которые объявляли уничтожение противоположности между городом и деревней несбыточной мечтой, Энгельс писал, что оно не в большей и не в меньшей степени утопично, чем уничтожение противоположности между капиталистами и наемными рабочими. «Оно с каждым днем все более становится практическим требованием как промышленного, так и сельскохозяйственного производства. Никто не требовал этого настоятельнее, чем Либих в своих сочинениях по агрохимии, в которых он всегда выдвигал первым требованием, чтобы человек возвращал земле то, что он от нее получает, и где доказывается, что этому препятствует лишь существование городов, в особенности крупных городов» (т. 18, стр. 276).

Замечая, что было бы чистейшей утопией желать подобно Прудону низвергнуть современное буржуазное общество, сохраняя мелкое крестьянское хозяйство, Энгельс указывал, что только возможно более равномерное распределение населения по всей стране, только тесная внутренняя связь индустриального и земледельческого производства наряду с необходимым для этого расширением средств сообщения в состоянии после уничтожения капиталистического способа производства вырвать сельское население из изолированности и отупения, в которых оно почти неизменно прозябает в течение тысячелетий. «Утверждать, что освобождение людей от цепей, выкованных их историческим прошлым, будет полным лишь тогда, когда будет уничтожена противоположность между городом и деревней, — вовсе не является утопией; утопия возникает лишь тогда, когда пытаются, «исходя из существующих отношений»,

предуказать *форму*, в которой должна быть разрешена та или иная противоположность, присущая существующему обществу» (т. 18, стр. 277).

Энгельс, как и Маркс, чрезвычайно высоко оценивал перспективы применения электрической энергии. В связи с открытием Дебрэ он писал, что паровая машина создает возможность превращать тепло в механическое движение, а использование электричества пролагает путь к тому, чтобы превращать все виды энергии — теплоту, механическое движение, электричество, магнетизм, свет — одну в другую и обратно и применять их в промышленности. В обстановке, когда передача электрической энергии на расстояние была еще только в зародыше, Энгельс с огромной проницательностью писал, что это открытие освобождает промышленность от границ, налагаемых местными условиями, делает возможным использование отдаленных гидроресурсов, и если вначале оно будет полезно только для городов, то «в конце концов оно станет самым мощным рычагом для устранения противоположности между городом и деревней. Совершенно ясно, однако, что благодаря этому производительные силы настолько вырастут, что управление ими будет все более и более не под силу буржуазии» (т. 35, стр. 374).

С тех пор как были написаны эти строки, наука и техника достигли гигантского прогресса. В наш век — век атома и овладения космосом, век автоматики, электроники, кибернетики, век небывалых успехов химии — производительные силы все больше перерастают прокрустово ложе буржуазного владычества, все настоятельнее требуют новых, социалистических форм использования. Только в социалистической части мира открыт простор для беспрепятственного роста производительных сил, между тем как в капиталистических странах их развитие порождает острейшие антагонизмы.

Социалистический способ производства Энгельс характеризовал как такую организацию производства, где, с одной стороны, никто не может свалить на других свою долю участия в производительном труде и где, с другой стороны, производительный труд из средства порабощения людей становится средством их осво-

бождения, предоставляя каждому возможность развивать во всех направлениях и действительно проявлять все свои способности, как физические, так и духовные. В этих условиях «производительный труд из тяжелого бремени превратится в наслаждение». Те благотворные последствия, которые будут вызваны устранением хищнического использования ресурсов капитализмом и широким простором для развития производительных сил, должны открыть путь к тому, «чтобы, при всеобщем участии в труде, рабочее время каждого было доведено до незначительных, по нынешним представлениям, размеров» (т. 20, стр. 305). Необходимо учесть, что эти строки были написаны в 70-х годах прошлого века, когда в большинстве капиталистических стран продолжительность рабочего дня достигала 10—12 и более часов.

Обращаясь к вопросу о формах распределения в социалистическом обществе, Энгельс подчеркивал, что способ распределения существенным образом зависит от количества распределяемых продуктов и что это количество неизбежно меняется вместе с прогрессом производства и общественной организации (см. т. XXVIII, стр. 232). Единственно возможным и необходимым способом распределения для первой фазы коммунизма Маркс и Энгельс считали распределение по труду. Они научно обосновали экономический закон распределения по труду, действующий при социализме.

Имея в виду социалистический строй, Энгельс писал, что «распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими соображениями, будет регулироваться интересами производства, развитие же производства больше всего стимулируется таким способом распределения, который позволяет всем членам общества как можно более всесторонне развивать, поддерживать и проявлять свои способности» (т. 20, стр. 206).

Жизнь подтвердила предвидение основоположников марксизма о том, что таким способом распределения на первой фазе коммунизма является распределение по труду. Оно обеспечивает материальную заинтересованность каждого работника в результатах производства.

Достижение быстрого развития производительных сил социалистического общества обеспечивается наиболее полным применением социалистического способа распределения по труду наряду с развитием новых моральных стимулов к труду. Опыт исторического творчества новых форм жизни после свержения капитализма полностью подтвердил, что на протяжении всей эпохи социализма общество руководствуется принципом «от каждого по способностям, каждому по труду». Лишь с переходом к высшей фазе коммунизма вступает в права принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Распределение по труду сохраняет определенное неравенство между трудящимися, неизбежное на первой фазе коммунистического общества. В то же время оно решительно порывает с тем способом распределения, который господствует при капитализме. Ибо при капитализме распределение подчинено законам эксплуатации труда капиталом. В соответствии с экономическими законами капитализма львиную долю дохода получают те, кому принадлежат средства производства.

Энгельс раскрыл подлинное содержание требования равенства в устах представителей рабочего класса. Он подчеркивал, что «действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию уничтожения классов. Всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости» (т. 20, стр. 108). Это замечание Энгельса показывает несовместимость мелкобуржуазной уравниловки с социализмом и коммунизмом.

Энгельс указывал, что только социализм кладет конец тому разрыву между правами и обязанностями, который присущ всем формам общества, основанным на эксплуатации человека человеком. При социализме люди будут обладать равными правами и обязанностями (см. т. 22, стр. 523). Критикуя проект Эрфуртской программы, Энгельс предлагал требование «за равные права всех» дополнить словами «и равные обязанности». Поясняя свое предложение, он отмечал, что «равные обязанности» являются особо важным дополнением к буржуазно-демократическим «равным правам», которое ли-

шает эту формулу ее специфически буржуазного смысла (см. т. 22, стр. 235).

Современная действительность показывает, что при социализме все члены общества имеют определенные права и несут определенные обязанности, точное и неуклонное выполнение которых служит охране и защите этих прав.

Основоположники марксизма предвидели, что при социализме «средства для существования, пользования радостями жизни, получения образования и проявления всех физических и духовных способностей в равной мере, со все возрастающей полнотой будут предоставлены в распоряжение всех членов общества благодаря планомерному использованию и дальнейшему развитию уже существующих огромных производительных сил, при одинаковой для всех обязанности трудиться» (т. 22, стр. 212).

Одинаковая для всех обязанность трудиться, о которой говорил Энгельс, является одной из главных отличительных черт социалистической организации труда. Этот важнейший принцип социализма выражен в формуле «кто не работает, тот не ест», воплотившей в себе надежды и чаяния многих поколений трудящихся и эксплуатируемых, их стремление к справедливому и разумному устройству общества. Но только при социализме эта, по выражению Ленина, простейшая и очевиднейшая истина претворяется в жизнь. Ленин пророчески говорил, что это — первое, основное, коренное начало социализма, неискоренимый источник его силы, залог его окончательной победы.

5

Ряд высказываний Маркса и Энгельса не оставляет сомнений в том, что они считали товарное производство и закон стоимости, свойственные капиталистическому способу производства, исторически переходящим явлением, которое с устранением капитализма исчезает. Так, Маркс, указывая, что в социалистическом обществе, основанном на общем владении средствами производства, производители не обменивают

своих продуктов, замечает, что «столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда» (т. 19; стр. 18).

Та же мысль подробнее изложена Энгельсом в «Анти-Дюринге». Разъясняя, почему переход от капитализма к непосредственно общественному производству исключает всякий товарный обмен и превращение продуктов в товары, а вместе с тем и превращение их в стоимости, Энгельс писал: «Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно обобществленной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом. Чтобы определить при этих условиях количество общественного труда, заключающееся в продукте, нет надобности прибегать к окольному пути; повседневный опыт непосредственно указывает, какое количество этого труда необходимо в среднем». И Энгельс делает заключение, что в этих условиях люди не станут прибегать «к услугам прославленной «стоимости»» (т. 20, стр. 321).

Вслед за этим Энгельс дает классическое разъяснение содержания категории стоимости, как ее понимает марксизм в отличие от буржуазной политической экономии. Он высмеивал реакционно-утопические планы Прудона, Дюринга и их единомышленников, обещавших уничтожить капиталистическую форму производства при помощи «истинной стоимости». Это, по словам Энгельса, равнозначно обещанию уничтожить католицизм путем избрания «истинного» папы или попытке «создать такое общество, где производители будут, наконец, господствовать над своим продуктом, путем последовательного проведения в жизнь экономической категории, являющейся наиболее широко охватывающим выражением того факта, что производители поработаны своим собственным продуктом» (т. 20, стр. 322).

Эти замечания Маркса и Энгельса позволяют, как нам представляется, судить о том, в каком смысле следует понимать их высказывания о законе стоимости при социализме. Они исходили из того, что в социалистическом обществе не может быть места для закона стоимости капитализма со всеми его отличительными чертами, особенностями, неизбежными последствиями. У Маркса упоминаются при этом такие специфические черты капиталистического закона стоимости, как овеществление общественных отношений, противоположность между индивидуальным и общественным трудом. Энгельс дает еще более подробную характеристику формы стоимости, свойственной продукту товарного производства при господстве частной собственности, указывая, что в ней в зародыше содержится вся капиталистическая форма производства со свойственными ей классовым антагонизмом и экономическими противоречиями вплоть до кризисов.

Основоположники марксизма исходили из того, что социализм означает устранение того товарного производства и закона стоимости, которые составляют одну из важнейших отличительных черт капитализма. Иными словами, они имели в виду ликвидацию закона стоимости капиталистического способа производства.

Но существует ли действительно различие между законом стоимости капитализма и законом стоимости социализма? Закон стоимости означает прежде всего, что стоимость товаров определяется трудом. Если бы к этому сводилось все содержание закона стоимости, то не могло бы быть и речи о законе стоимости капитализма и о законе стоимости социализма. Однако едва ли можно утверждать, что этим ограничивается действительное содержание закона стоимости, раскрытое марксизмом.

Маркс замечает, что уже Рикардо обосновал определение стоимости трудом с наибольшей последовательностью, возможной в рамках буржуазного кругозора. Но Маркс пошел несравненно дальше Рикардо. Экономическая теория марксизма, и в частности марксистская теория стоимости, представляет собой гигантский качественный скачок вперед по сравнению с учением

Рикардо, ибо Маркс разорвал рамки буржуазного горизонта. Теория стоимости Маркса отнюдь не исчерпывается тем положением, что стоимость товаров определяется количеством овеществленного в них рабочего времени. Как показали основоположники марксизма, закон стоимости буржуазного общества означает также с полнейшей неизбежностью целый ряд других явлений. К их числу относятся: стихийный характер экономического развития, анархия производства и конкуренция, превращение рабочей силы в товар, разорение мелких производителей и концентрация капитала, поляризация классов, обнищание рабочего класса, неизбежность периодических экономических кризисов перепроизводства и т. д.

По-видимому, говоря о законе стоимости при социализме, нельзя упускать из виду его качественное отличие от закона стоимости капитализма. Маркс исследовал товарное производство и обращение не только как исходный пункт, но и как результат капиталистического способа производства; он подверг всестороннему анализу товар не только как предпосылку, но и как результат капитала. Но он, естественно, не мог анализировать товар как результат социалистического способа производства, как продукт непосредственно общественного социалистического труда, планомерно организованного в масштабе всего общества. Между тем имеющийся в настоящее время богатейший опыт социалистического строительства, решения Коммунистической партии, обобщающие этот опыт, — все это дает обильнейший и крайне поучительный материал для суждения о специфических отличиях товара как продукта социалистического производства.

Отправным моментом при этом служит указание Ленина о том, что «государственный продукт — продукт социалистической фабрики, обмениваемый на крестьянское продовольствие, не есть товар в политико-экономическом смысле, во всяком случае не только товар, уже не товар, перестает быть товаром...»¹. Как видно, говоря о товаре социалистического производства, Ленин

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 276.

имел в виду, что это уже не товар в смысле старой политической экономии, которая еще не могла охватить социализма; не товар как продукт капитала; не только товар, ибо он является носителем более высокого типа производственных отношений — производственных отношений социализма.

Современная действительность все полнее раскрывает коренные различия между товаром и законом стоимости капиталистического способа производства, с одной стороны, и товаром и законом стоимости социалистического способа производства, с другой стороны. Различия эти заключаются вовсе не в том, что при социализме являются товарами и имеют стоимость только предметы потребления, между тем как средства производства — не товары. Это утверждение в корне ошибочно, несмотря на то что различие в способе реализации предметов потребления и средств производства в социалистической системе хозяйства несомненно. Народное хозяйство страны представляет собой единый и неразрывный организм. Если в нем действует закон стоимости, то он охватывает все отрасли производства независимо от характера производимой ими продукции.

Коренные различия между законом стоимости капитализма и законом стоимости социализма заключаются в другом. Закон стоимости социалистического общества не влечет за собой таких последствий, как анархия производства с ее разрушительными действиями, превращение рабочей силы в товар, неизбежность кризисов и т. п. Закон стоимости социализма действует в таких условиях, когда общество овладевает экономическими законами и сознательно применяет их в своей практике, когда действует закон планомерного развития народного хозяйства и, стало быть, планомерного распределения труда между отраслями, когда рабочая сила перестала быть товаром и уничтожена эксплуатация человека человеком, когда обеспечена бескризисность развития народного хозяйства и т. п.

В переходный период, когда в нашей стране шла ожесточенная борьба между силами капитализма и силами социализма, в которой решался вопрос «кто

кого», враги социалистического строительства яростно требовали признания незыблемости и священности закона стоимости капитализма с народнохозяйственными пропорциями, которые он диктовал, с критериями экономичности и рентабельности, которые из него вытекали, и т. д.

Коммунистическая партия решительно отвергла реставраторские поползновения и разоблачила теории реставраторов капитализма, в том числе и касавшиеся незыблемости капиталистического закона стоимости, который в целях маскировки пытались представить в виде якобы вечного, неизменного, железного «закона трудовых затрат». Признание такого вечного и железного закона означало бы отказ от социалистической индустриализации страны, от коллективизации сельского хозяйства, от социалистического преобразования общества. Курсу на преклонение перед законом стоимости капитализма Коммунистическая партия противопоставила другой курс — ориентацию на экономические законы социализма, в том числе и на закон стоимости социалистического общества, курс на познание этих законов, на овладение ими и использование их. Этот курс нашел свое воплощение в проводимой партией в соответствии с заветами Ленина политике, приведшей к победе социализма в СССР. При этом Коммунистическая партия исходила из марксистско-ленинского понимания диалектики развития общества в период перехода от капитализма к коммунизму, из понимания того, что в силу этой диалектики развития коренным образом изменяются содержание и форма прежних экономических категорий, таких, как стоимость, деньги, торговля и т. д.

Марксизм-ленинизм учит подходить к рассмотрению любого явления социалистической экономики диалектически: видеть не только его вчера и сегодня, но и его завтра. Нельзя понять, например, такие важные экономические категории социализма, как закон стоимости и цена, как деньги и заработная плата, как кредит и банки, если видеть только их вчерашний день, их происхождение из прошлых времен, если закрывать глаза на огромный накопленный опыт их развития в ка-

честве категорий социализма, на направление этого развития.

Верные своему общему принципу «не гадать по-пустому о том, чего знать нельзя», Маркс и Энгельс не ставили в конкретной форме вопроса о смене закона стоимости капитализма законом стоимости социализма. Они не пытались предугадать или тем более предписать, в какой форме отдельные члены социалистического общества должны вознаграждаться за свой труд, какими способами будет осуществляться на социалистических предприятиях количественное сопоставление затрат труда и результатов производства и т. д.

Но даже злейшие враги марксизма не отрицали, что Маркс и Энгельс обладали незаурядной силой абстрактного мышления. Неужели у них не хватило этой силы на то, чтобы предвидеть, что социалистическое общество, для которого необходимо строгое сопоставление затрат труда с его результатами, необходимо, далее, чтобы каждый работник получал от общества (за всеми неизбежными вычетами) ровно столько, сколько сам дает ему, что такое общество не может обойтись без какого-то общего знаменателя, к которому приводятся самые различные виды труда? Могли ли они, столь глубоко проникнув в самые сокровенные тайны экономической жизни общества, предполагать, что на завтрашний же день после победы социалистической революции общество сможет «отменить» такие экономические категории, как товар, стоимость, деньги, цены, заработную плату и т. д.? Думается, что по этому поводу не может быть двух мнений.

Но возникает законный вопрос: а как понять известное высказывание Энгельса о том, что после обобществления средств производства общество сможет непосредственно определять количество труда, заключающееся в продукте, что оно будет иметь возможность «просто подсчитать, сколько часов труда заключено в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в ста квадратных метрах сукна определенного качества» (т. 20, стр. 321)? Очевидно, в данном случае Энгельс рассматривает коммунистическую общественно-экономическую формацию в самом общем виде, остав-

ляя в стороне различия между двумя фазами коммунизма. Иными словами, он фактически имеет в виду не первую фазу коммунизма — социализм, а его высшую фазу — полный коммунизм. Энгельс говорит о коммунизме в том виде, как он будет существовать в течение многих столетий после уничтожения капитализма, и с этой точки зрения он оставляет в стороне первую фазу коммунизма, охватывающую лишь годы и десятилетия, следующие непосредственно за ликвидацией капитализма.

В ряде высказываний основоположников марксизма подчеркивается определенная преемственность тех функций в области распределения труда, которые останутся необходимыми и после уничтожения капитализма, с определенными функциями закона стоимости. Так, Маркс указывал, что «по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было» (т. 25, ч. II, стр. 421).

Характерно, что Энгельс даже предвидел необходимость сохранения в обобществленной экономике таких категорий, как возмещение издержек и земельная рента. Указывая, что при социалистическом обобществлении средств производства совокупным их собственником является трудящийся народ, Энгельс высказал уверенность, что пользование домами, фабриками и прочим имуществом «едва ли будет предоставляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение земельной собственности не предполагает уничтожения земельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу» (т. 18, стр. 278).

Можно ли из этих замечаний основоположников марксизма сделать вывод, что они считали стоимостные категории надисторическими категориями? Конечно, такой вывод был бы глубоко ошибочным. С марксист-

ской точки зрения не может быть и речи о сохранении закона стоимости и стоимостных категорий на высшей фазе коммунизма. Таким образом, нет никакого противоречия между приведенными выше замечаниями Маркса и Энгельса и другими их замечаниями, где говорится о том, что после уничтожения капиталистического способа производства закон стоимости с присущим ему овеществлением производственных отношений и противоположностью между индивидуальным и общественным трудом навсегда сходит со сцены. По поводу аналогичного кажущегося противоречия у Маркса Ленин писал:

«Это может показаться парадоксом или просто диалектической игрой ума, в которой часто обвиняют марксизм люди, не потрудившиеся ни капельки над тем, чтобы изучить его чрезвычайно глубокое содержание.

На самом же деле остатки старого в новом показывает нам жизнь на каждом шагу, и в природе и в обществе»¹.

Современная действительность показывает конкретно, каким способом социалистическое общество осуществляет то распределение общественного труда между отраслями производства в соответствии с общественными потребностями, которое является условием существования любого общества, какова бы ни была его форма. Жизнь показывает, далее, как социалистическое общество осуществляет контроль над мерой труда и мерой его вознаграждения, без чего немислимо нормальное функционирование социалистической системы хозяйства. В процессе экономического строительства социализма вырабатывается все более совершенная система методов хозяйственной деятельности, базирующаяся на планомерном распределении общественного труда и законе стоимости социалистического общества. Эти методы предполагают полное использование таких экономических категорий, как себестоимость, цена и деньги, товарное обращение и кредит, заработная плата и прибыль и т. д.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99.

Смешно было бы ожидать, чтобы Маркс и Энгельс все это предусмотрели и предсказали. Но важно отметить, что они дали исходные положения для понимания существа экономических категорий социализма, основывающихся на сознательном использовании закона стоимости на базе планомерного развития всего народного хозяйства.

Пророчески звучат слова, которыми Энгельс почти сто лет назад охарактеризовал всемирно-историческое значение социалистической революции:

«Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще. Историческое развитие делает такую организацию с каждым днем все более необходимой и с каждым днем все более возможной. От нее начнет свое летосчисление новая историческая эпоха, в которой сами люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что это совершенно затмит все сделанное до сих пор» (т. 20, стр. 359).

Предсказанная Энгельсом «новая историческая эпоха» началась с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Опыт Советского Союза, за короткий исторический срок ставшего из отсталой аграрной страны могущественной индустриально развитой державой, опыт всех стран социалистического содружества блестяще подтверждает гениальное предвидение Энгельса о том времени, когда быстрый прогресс людей и их успехов в овладении природой «совершенно затмит все сделанное до сих пор». Разве не об этом свидетельствуют победы советского народа, замечательные успехи всех других народов социалистических стран?

Незабываемыми красками нарисовал Энгельс много десятилетий назад картину социалистического пере-

устройства общества. Переход к социализму он называл скачком человечества из царства необходимости в царство свободы, понимая свободу, разумеется, в смысле познанной необходимости. Картина свободного социалистического общества, нарисованная Энгельсом, вдохновляла много поколений пролетарских революционеров. Картина эта имеет неоценимое значение для экономической науки. Глубокие замечания Энгельса проливают яркий свет на самые существенные вопросы политической экономии социализма.

Заключение

Энгельс умер на рубеже двух эпох. Грань двух веков была в то же время гранью — конечно, условной и подвижной, как и все грани в развитии человеческого общества, — между старым и новым капитализмом. Концентрация капитала и производства, гениально намеченная Энгельсом еще в его юношеской работе 1844 г. и исследованная Марксом в «Капитале», наложила неизгладимую печать на экономическую жизнь высокоразвитых стран капитализма. Уже загремели во всем мире имена Рокфеллера, Моргана, Вандербильда. Уже приобрели скандальную славу американские тресты, и в Старом Свете оказалось немало охотников последовать их соблазнительному примеру. В год смерти Энгельса кондотьер британского империализма Сесиль Родс бросил крылатую фразу: «Империя — это вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами». Прошло несколько лет, и англо-бурская война расшифровала зловещий смысл этих слов.

В год смерти Энгельса произошло событие, которое тогда не привлекло особого внимания. В 1895 г. впервые отправился за границу Ленин. Ему было всего 25 лет, но он уже обладал солидным опытом работы по сплочению первых марксистских организаций российского пролетариата. Ленин посетил Швейцарию, Берлин и Париж, установил связи с группой «Освобождение труда», внимательно изучал жизнь и борьбу рабочего класса Западной Европы. Во время этой

поездки он узнал о смерти Энгельса. Ленин написал статью об Энгельсе, проникнутую глубоким пониманием его идей и беспредельной любовью к великому учителю и вождю рабочего класса.

Энгельса уже не было в живых, когда совершился окончательный переход к империализму — высшей и последней стадии капитализма. На этой стадии коренным образом изменились исторические условия классовой борьбы пролетариата, борьбы за социализм. Историческая неизбежность социалистической революции, предвиденная и научно обоснованная Марксом и Энгельсом, превратилась в непосредственную практическую необходимость нового века.

Основоположники марксизма говорили о пролетарской революции как о революции XIX в. На протяжении всего периода, прошедшего со времени возникновения марксизма, история шла по Марксу. Во всем ходе истории, на каждом ее повороте подтверждалась правда марксизма, жизненность и сила его. Однако история — не тротуар Невского проспекта. Эти слова Н. Г. Чернышевского не раз повторял Ленин. Попытка завоевания власти рабочим классом, совершенная в XIX в., — Парижская Коммуна — потерпела поражение. XIX век закончился, не разрешив задачи социалистического преобразования общества. Задача эта выпала на долю XX века.

Но дело было не только в смене веков. Дело заключалось в существенном изменении исторических условий.

Смена веков принесла человечеству невиданные перемены и сдвиги во всех областях общественной жизни. Перерастание старого капитализма в империализм создало новую обстановку во всем мире в целом и в каждой из стран в отдельности. Марксизм как теория и практика научного социализма уже не мог ограничиться теми положениями, которые были выдвинуты Марксом и Энгельсом в условиях прежней исторической эпохи, отошедшей в прошлое. Изменившаяся обстановка поставила перед рабочим классом и его революционной теорией новые задачи гигантского масштаба. Задачи эти были успешно разрешены гением Ленина. Ленин

выступил продолжателем учения и дела Маркса и Энгельса.

На протяжении ряда десятилетий среди учеников и последователей Маркса и Энгельса были люди большого ума и горячего сердца, крупные таланты, самоотверженные борцы за дело рабочего класса. Они успешно пропагандировали марксистскую теорию и разрабатывали различные ее стороны. Рабочее движение ряда стран накопило немалый опыт борьбы, богатый поучительными уроками, успехами и неудачами, победами и поражениями. Выдающиеся деятели рабочего движения отдавали себе отчет в том, что теория марксизма не догма, а руководство к действию. Но только Ленину принадлежит бессмертная заслуга глубокой и всесторонней творческой разработки, обогащения и дальнейшего развития марксизма, благодаря чему это учение было поднято на высшую ступень.

Марксизм — самое плодотворное и жизненное учение из всех когда-либо существовавших. Как и всякий живой организм, это учение не стоит на месте, а непрерывно развивается в соответствии с изменением исторической обстановки. Величие Ленина в том, что он высоко поднял знамя живого, творческого марксизма, способного к развитию и непрестанно развивающегося, обогащающегося, вбирающего в себя все новые выводы, сделанные на основе обобщения опыта исторического развития.

Марксизм творческий, живой, действенный, непрерывно развивающийся в изменяющейся исторической обстановке характеризует все работы, всю титаническую борьбу Ленина. В этом источник всепобеждающей силы ленинских идей. В то время как оппортунисты пытались уцепиться за отдельные, уже устаревшие положения марксизма и превратить их в догму, с тем чтобы задержать дальнейшее развитие марксистской науки и обезоружить пролетариат в его борьбе против буржуазии, Ленин двинул вперед марксистскую теорию и обогатил ее новыми выводами и гениальными открытиями.

В январе 1917 г., накануне революции, Ленин писал одному соратнику по партии: «Я все еще «влюблен»

в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить»¹.

С этой почвы никогда не сходил Ленин, этой почвы никогда не покидали и не покинут созданная им Коммунистическая партия Советского Союза, международное коммунистическое движение.

Величие Ленина в том, что он разрешил огромные задачи, вставшие перед марксизмом как теорией и практикой научного социализма в условиях новой исторической эпохи — эпохи крушения капитализма и победы социализма. Уже выполнение одной задачи было бы достаточным основанием для того, чтобы навсегда обессмертить имя Ленина. Но величие Ленина этим не исчерпывается. Впервые в истории человечества он превратил идеи революционного марксизма в жизнь. Ленин создал и выпестовал партию, способную решать великие задачи социалистической революции. Исследовав новые условия борьбы рабочего класса за социализм, он разработал теорию социалистической революции, послужившую руководством к действию для миллионных масс трудящихся в России, а затем и в ряде других стран Европы и Азии. Гениальный стратег пролетарской революции руководил титанической борьбой рабочего класса за социализм, довел эту борьбу до полного торжества.

Если имена Маркса и Энгельса знаменуют превращение социализма из утопии в науку, то имя Ленина символизирует претворение социализма в жизнь, воплощение его в действительность. Величайшая реальность нашей эпохи, придающая ей особый, неповторимый колорит, навсегда связана с именем Ленина, с его теоретической и практической деятельностью, с его неутомимой борьбой за лучшее будущее человечества.

Под руководством ленинской партии рабочий класс впервые в мировой истории одержал победу в предвиденной Энгельсом «великой, величайшей революции всех времен» (т. 13, стр. 491). Ленин был основателем и организатором первого в мире социалистического госу-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 378.

дарства, высоко поднявшего факел коммунизма над всей нашей планетой.

Ленин гигантски обогатил идейную сокровищницу марксизма. Она непрерывно пополняется новыми выводами и обобщениями, которые делаются нашей партией и братскими партиями других стран на основе нового исторического опыта.

Учение Маркса всесильно, потому что оно верно, писал Ленин. Правильность марксистского мировоззрения, его непреложность доказаны всем ходом исторического развития. В калейдоскопе событий гибли многие иллюзии и превратные суждения, пользовавшиеся в свое время широким распространением и большой популярностью. И в этом же калейдоскопе событий каждый раз подтверждалась правота бессмертного учения марксизма.

История вынесла свой беспощадный приговор не только буржуазному строю, но и бесчисленным теоретическим потугам, направленным к его приукрашиванию и оправданию. И та же история с каждым новым успехом сил мира, демократии и социализма красноречиво подтверждает силу и жизненность бессмертного учения марксизма-ленинизма. Учение это подобно мощному прожектору освещает народам путь к коммунизму — светлому будущему всего человечества.

Оглавление

<i>Предисловие</i>	3
<i>Введение. Энгельс — один из основателей коммунизма</i>	5
<i>1. Дружба, беспримерная в веках. 2. Путь Энгельса к коммунизму. 3. Жизнь борца и мыслителя</i>	
 1. Историческое значение основных экономических работ Энгельса	
<i>Глава I. «Наброски к критике политической экономии»</i>	43
<i>1. Критика буржуазной политической экономии и буржуазного способа производства. 2. Политическая экономия труда против политической экономии капитала. 3. Исторически преходящий характер капитализма</i>	
<i>Глава II. «Положение рабочего класса в Англии»</i>	64
<i>1. Обвинительный акт против буржуазии. 2. Промышленная революция и происхождение пролетариата. 3. Классовый антагонизм между буржуазией и пролетариатом. 4. Рабочее движение и социализм. 5. Условия жизни рабочего класса в развитом капитализме</i>	

Глава III. Совместная работа Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» 101

1. Производство материальной жизни. 2. Развитие производительных сил и форм общения (производственных отношений). 3. Господство условий производства над людьми. 4. Экономическое развитие и классовая борьба. 5. Научный коммунизм

Глава IV. Совместная работа Маркса и Энгельса «Манифест Коммунистической партии» 128

1. Обоснование всемирно-исторической роли пролетариата. 2. Основные законы движения буржуазного общества. 3. Программа социалистической революции. 4. Критика утопических систем. 5. «Манифест» и дальнейшее развитие марксизма

Глава V. «Анти-Дюринг» 157

1. Энциклопедический очерк марксистской теории. 2. Развитие социализма от утопии к науке. 3. Предмет политической экономии. 4. Опровержение идеалистической теории насилия. 5. Теории стоимости и прибавочной стоимости. 6. Основное противоречие капитализма

Глава VI. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» 201

1. Работа Морган и ее значение. 2. Выполнение завещания Маркса. 3. Дальнейшее развитие материалистического понимания истории. 4. Политическая экономия первобытного коммунизма. 5. Возникновение классового общества. 6. Государство и экономическая жизнь общества

2. Энгельс и «Капитал» Маркса

Глава VII. Участие Энгельса в работе Маркса над «Капиталом» 239

1. Первое десятилетие в Лондоне. 2. Разоблачение прудонизма. 3. «К критике политической экономии». 4. Рецензия Энгельса. 5. Работа над «Капиталом». 6. Выход первого тома «Капитала». 7. «Военная хитрость» Энгельса

1. Новые издания первого тома «Капитала».
2. Популярное изложение «Капитала».
3. Подготовка и опубликование второго тома «Капитала».
4. Разоблачение Родбертуса и катедерсоциалистов.
5. Подготовка и опубликование третьего тома «Капитала».
6. Отпор критикам

3. Разработка Энгельсом основных проблем экономического учения марксизма

1. Основа революционного переворота в политической экономии.
2. Борьба против вульгаризации и опошления исторического материализма.
3. Принцип историзма в политической экономии.
4. Экономические законы

1. Экономический закон движения буржуазного общества.
2. Капитализм и борьба рабочего класса.
3. Против буржуазного реформизма.
4. Экономические кризисы.
5. Тенденции развития капиталистического способа производства

1. Научный подход к проблемам социалистического переустройства общества.
2. Политическое господство рабочего класса и экономические задачи социалистической революции.
3. Овладение экономическими законами развития общества.
4. Некоторые черты социалистической экономики.
5. Социализм и закон стоимости

Леонтьев, Лев Абрамович
Энгельс и экономическое
учение марксизма. М., «Мысль»,
1965.
446 с.

ЗК 14

Редактор О. И. Арав

Младший редактор *М. И. Даронян*
Оформление художника *Б. В. Шварца*
Художественный редактор *Д. А. Аникеев*
Технический редактор *М. Н. Мартынова*
Корректоры *Л. М. Чигина, Г. Н. Яковлева*

Сдано в набор 26 апреля 1965 г. Подписано
в печать 18/VIII 1965 г. Формат бумаги
 $84 \times 108^{1/32}$. Бумажных листов 7. Печатных
листов 22,96. Учетно-издательских листов
20,031. Тираж 6500 экз. А 10190. Цена 1 р. 33 к.
Св. темплай обществ.-полит. лит-ры 1965 г. № 33

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленин-
ский проспект, 15

Ленинградская типография № 5 Главполи-
графпрома Государственного комитета Совета
Министров СССР по печати
Красная ул., 1/3
Заказ № 958

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «МЫСЛЬ»
ВЫХОДЯТ В СВЕТ В 1965 ГОДУ
КНИГИ ПО МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ**

**I. Общетеоретические проблемы.
Новые явления в экономике капитализма**

1. Колл. авторов. **Современный рабочий класс капиталистических стран** (Изменения в структуре). 20 л.
2. Колл. авторов. **Западная Европа: трудящиеся против монополий** (Новые явления в положении и борьбе рабочего класса). 25 л.
3. **Никитин С. М.** Новые явления в структуре капиталистического производства. 15 л.
4. **Меньшиков С. М.** Миллионеры и менеджеры (Современная структура финансовой олигархии США). 25 л.

**II. Проблемы экономики
развитых стран капитализма**

5. **Кудров В., Шпилько Г.** Темпы и пропорции общественного воспроизводства в США. 13 л.
6. **Кочеврин Ю. Б.** Малый бизнес в США. 10 л.
7. **Дедов А. Г.** Химическая промышленность ФРГ. 12 л.
8. Колл. авторов. **Структурные изменения в сельском хозяйстве США.** 18 л.

III. История экономических учений. Критика современных буржуазных экономических теорий

9. *Выгодский В. С.* История великого открытия (К созданию «Капитала» Маркса). 10 л.
10. *Киселев И. Я., Мошенский М. Г.* Современные буржуазные теории труда. 10 л.
11. *Масальский Н. В.* Против фальсификации последствий технического прогресса при капитализме. 8 л.
12. *Покровский А. И.* Практика против теорий (Новые явления во французской экономике и идейная борьба). 15 л.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

*Приобретайте эти книги
в местных книжных магазинах
Книготорга и Потребкооперации*

*На книги, которые выйдут в ближайшее время,
просьба заблаговременно оформить в книжных
магазинах предварительные заказы. Это гаран-
тирует своевременное получение нужной книги.*

1 р. 88 к.

А.А.ЛЕОНТЬЕВ • ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА